

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ЮЖНЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

С.Я. Сущий

**РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ:
геодемография, миграция, ассимиляционные
процессы (1990–2020-е гг.)**

Ростов-на-Дону
Издательство ЮНЦ РАН
2025

**УДК 314.8
С91**

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ
в рамках научного проекта № 24-28-00974*

Рецензенты:

*Денисова Г.С. – д-р социол. наук, проф., Южный федеральный университет;
Скорик А.П. – д-р ист. наук, д-р филос. наук, проф., Южно-Российский
государственный политехнический университет имени М.И. Платова*

Сущий, С.Я.

С91 Русское население ближнего зарубежья: геодемография, миграция, ассимиляционные процессы (1990–2020-е гг.) / С.Я. Сущий. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮНЦ РАН, 2025. – 320 с.
ISBN 978-5-4358-0279-5

В работе анализируется количественная, пространственная, расселенческая динамика русского населения государств, образовавших после распада СССР ближнее зарубежье Российской Федерации. Исследованы особенности естественного воспроизводства, миграции, ассимиляционного процесса как факторов изменения численности русских на постсоветском пространстве. Определены вероятные сценарии геодемографической динамики русского населения каждой из стран ближнего зарубежья в среднесрочной перспективе (до середины XXI в.).

Издание рассчитано на специалистов в области демографии, этносоциологии, географии населения, регионалистики, а также на всех интересующихся современной геодемографической и этносоциальной динамикой русского народа.

УДК 314.8

*Утверждено на заседании научно-издательского совета
ЮНЦ РАН № 4 от 05.12.2025*

ISBN 978-5-4358-0279-5

© ЮНЦ РАН, 2025
© Сущий С.Я., 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Глава 1. Русские ближнего зарубежья в фокусе российской социологии (эволюция исследовательских подходов)	
1.1. Формы публикационной активности исследований	7
1.2. Количественная динамика и тематическая специализация публикаций	11
1.3. Географические аспекты исследовательского интереса (по журнальным публикациям)	19
1.4. Методики и перспективные направления исследований	23
Глава 2. Русское население стран Балтии	29
2.1. Латвия	30
2.2. Литва	46
2.3. Эстония (<i>в соавторстве с Д.И. Узнародовым</i>)	57
Глава 3. Русские Западного макрорегиона	77
3.1. Беларусь	77
3.2. Молдова и Молдавская Приднестровская Республика	103
3.3. Украина	124
Глава 4. Русские на Южном Кавказе	147
4.1. Азербайджан (<i>в соавторстве с Д.И. Узнародовым</i>)	147
4.2. Армения	164
4.3. Грузия	183
4.4. Частично признанные и непризнанные политики Южного Кавказа	197

Глава 5. Русские в Центральной Азии	214
5.1. Казахстан	214
5.2. Киргизия	236
5.3. Таджикистан	256
5.4. Туркмения	266
5.5. Узбекистан	275
Заключение	285
Приложение	305
Литература	309

ПРЕДИСЛОВИЕ

Распад СССР стал одной из самых масштабных трансформаций в государственно-политической системе расселения русского народа за всю его многовековую историю. В пределах союзных республик в начале 1990-х гг. проживало более 25 млн русских (около 20 % всего русского народа). Становление практически всех стран ближнего зарубежья (далее – БЗ), за исключением Республики Беларусь, в той или иной степени происходило в рамках конструирования этнической государственности, ориентированной, прежде всего, на реализацию интересов титульной нации. Из представителей стержневого народа союзного государства русские превратились в одно из наименьшинств, оказавшись в зоне более или менее ощутимой этнополитической, социопрофессиональной, культурно-языковой, образовательной дискриминации.

Серьезные статусные потери, наряду с экономическими, социокультурными проблемами стали основными причинами быстрого оттока и значительного количественного сокращения русского населения, носившего в пределах БЗ устойчивый и повсеместный характер. С начала – середины 2000-х гг. темпы общей демографической депопуляции русских в государствах БЗ постепенно снижались, но сам тренд оставался устойчивым, представляя результатирующую естественной убыли, миграции в Россию и дальнее зарубежье, ассимиляционного процесса.

Существенные изменения претерпели в постсоветский период и другие значимые геосоциодемографические характеристики русского населения БЗ, в т.ч. его география и формы расселения, воспроизведственные показатели, половозрастная структура. Заметные сдвиги происходили и в этнокультурной сфере (проблемы этнической самоидентификации русских, их растущая межнациональная брачность и активное включение в аккультурационно-ассимиляционные процессы всё более многочисленного смешанного потомства).

Основные аспекты жизнедеятельности русского населения на постсоветском пространстве имеют серьезную межстрановую специфику, позволяя выделить в пределах БЗ несколько крупных макрорегионов, геоцивилизационная, этноконфессиональная, историко-культурная, хозяйственно-экономическая, природно-климатическая специфика которых определяет основные социодемографические характеристики местного русского населения, как и центральные вект-

ры его воспроизводственной, миграционной, пространственной динамики в постсоветской период.

Даже сократившись к середине 2020-х гг. примерно в 3,5 раза, русское население Б3 по-прежнему представляет значительную этнодемографическую группу. От дальнейшей количественной, пространственной, этносоциальной, культурно-языковой динамики русских общин постсоветского пространства будут во многом зависеть не только общие размеры и ареал расселения русского народа, но и его совокупный социокультурный потенциал, центральные характеристики такой цивилизационной общности, как Русский мир.

Актуализация изучения особенностей демографического воспроизводства, пространственной, этнокультурной динамики современного русского населения Б3 связана и с резким обострением геостратегического противостояния России и коллективного Запада, с ощущимой проблематизацией жизнедеятельности русских общин в ряде постсоветских стран, заставляющей расширять адаптивные практики в условиях возросшей россиебоязни и русофобии.

Существенно трансформировалась с начала 2022 г. и сложившаяся система миграционного движения русских между Россией и рядом других стран постсоветского пространства. По расчетам специалистов в течение 2022 г. в пределы Б3 выехало (чистый отток) порядка 0,5–1,0 млн. граждан России, значительную часть которых составляли русские. Появление в постсоветском пространстве новой, достаточно многочисленной группы русского населения актуализирует ряд социodemографических вопросов, в т.ч. предполагает количественный и половозрастной анализ данной группы, особенности ее пространственного распределения по странам и субрегионам Б3; изучение форм и интенсивности взаимодействия ее представителей с русским старожильческим населением; оценку возможных краткосрочных и более отдаленных геодемографических перспектив этой миграционной волны.

Таким образом, проблемный комплекс, связанный с современной демографической, пространственно-расселенческой, этнокультурной динамикой русского населения Б3, представляет не только академический интерес для узкого круга специалистов, но имеет важное практическое значение, предполагает детальное изучение представителями широкого спектра направлений общественно-гуманитарного знания.

ГЛАВА 1

РУССКИЕ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ФОКУСЕ РОССИЙСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

(эволюция исследовательских подходов)

Русское население БЗ попадает в исследовательский фокус российских социологов с момента распада СССР (рубеж 1991/1992 гг.). Что закономерно – появление огромной (более 25 млн. чел.) демографической группы «зарубежных» русских сделало «русский вопрос» одним из центральных в актуальной повестке отечественной социологии. Но следует учесть, что этносоциологические разработки первых постсоветских лет фактически продолжали исследования предыдущего периода. Причем уже с начала – середины 1980-х гг., по мере нарастающего кризиса сферы межнациональных взаимодействий в Советском Союзе, возрастал и интерес специалистов к русскому населению РСФСР и союзных республик¹.

1.1. Формы публикационной активности исследований

Об интенсивности исследовательского интереса к «русскому» вопросу в начале 1990-х гг. свидетельствует само количество крупных авторских и коллективных работ, фиксирующих трансформацию этнополитического и правового статуса русских в новых государствах; позиции в социально-экономической и социокультурной сферах; масштабы оттока и миграционные настроения, динамику гражданской и национальной идентичностей. В первую постсоветскую пятилетку (1992–1996 гг.) выходит более 15 монографий и сборников статей, посвященных данной проблематике.

Значимой публикационной площадкой для исследователей русских БЗ становится в 1990-е гг. и научная периодика. Для выяснения

¹ Показательна в этом отношении первая постсоветская коллективная монография о русских, вышедшая в 1992 г., но обобщающая результаты исследований, выполненных в последние годы функционирования СССР (Русские... 1992).

общего вклада и уровня включенности в данную проблематику отдельных изданий нами были проанализированы публикации 1990–2020-х гг. группы высокорейтинговых российских социологических журналов, в которую помимо «Социологических исследований» (далее СоЦис) вошли «Мир России. Социология. Этнология», «Социологический журнал», «Социологическое обозрение» (далее СО), «Журнал социологии и социальной антропологии» (далее ЖССА), «Журнал исследований социальной политики», «Народонаселение». В данную группу были также включены «Этнографическое обозрение» (далее ЭО) и «Диаспоры» – журналы, активно публиковавшие статьи социоэтнологической направленности.

Было также учтено некоторое число статей, вышедших в других российских периодических изданиях. Критерием отбора являлось присутствие публикации в списке литературы хотя бы одной из отобранных статей 8 указанных журналов. В общей сложности было зафиксировано 195 статей, вышедших в 1992–2023 г., из которых 162 были непосредственно посвящены анализу различных аспектов жизнедеятельности русского населения БЗ, еще в 33 публикациях проблематика русских являлась одним из значимых элементов содержания. К 8 указанным журналам относились 148 статей, 47 публикаций вышли в других изданиях (табл. 1.1).

Анализ уровня включенности в данную тематику отдельных изданий обнаружил безусловную доминанту СоЦиса, в котором вышло 79 статей (в т.ч. 61 акцентированная на русской тематике) – 40,5 % учтенных публикаций. Для других социологических журналов такие статьи были скорее исключением (3–9 публикаций), а в «Социологическом обозрении» и «Журнале исследований социальной политики» они просто отсутствовали.

Многократный перевес СоЦиса требует хотя бы краткой разъяснительной ремарки. Как представляется, дело не в акцентированном внимании редакции журнала к проблематике русских БЗ. При всей важности данная тема представляла только отдельный кейс в рамках этносоциологии, в свою очередь, являясь одним из множества тематических разделов журнала, охватывающих основные области современного социологического знания¹.

¹ Публикации, посвященные русским БЗ появлялись и в ряде других разделов СоЦиса (в т.ч. в «Демографии и миграции», «Политической социологии», «Экономической социологии», «Исторической социологии», «Социологии семьи» и даже в разделе «Социология права. Девиантное поведение»).

Таблица 1.1

**Проблематика русских БЗ в российской научной периодике,
1992–2023 гг. (число публикаций)**

Журналы	1992– 2000	2001– 2005	2006– 2010	2011– 2015	2016– 2020	2021– 2023	1992– 2023
«Социологические исследования»	16 * (15/1)**	15 (14/1)	23 (16/7)	10 (5/5)	11 (7/4)	4 (4/–)	79 (61/18)
«Этнографическое обозрение»	4 (4/–)	1 (–/1)	12 (12/–)	2 (1/1)	6 (4/2)	3 (2/1)	28 (23/5)
«Диаспоры»	5 (3/2)	5 (5/–)	10 (10/–)	–	–	–	20 (18/2)
«Мир России. Социология. Этнология»	3 (2/1)	2 (2/–)	1 (1/–)	2 (2/–)		1 (–/1)	9 (9/2)
«Народонаселение»	–	1 (1/–)	1 (–/1)	1 (1/–)	1 (1/–)	1 (1/–)	5 (4/1)
«Журнал социологии и социальной антропологии»	1 (1/–)	1 (1/–)	1 (1/–)	–	–	–	3 (3/–)
«Социологический журнал»	3 (1/2)	1 (–/1)	–	–	–	–	4 (1/3)
Другие журналы	10 (9/1)	5 (5/–)	11 (10/1)	14 (14/–)	7 (7/–)	–	47 (45/2)
Всего	42(35/7)	31 (28/3)	59 (50/9)	29 (23/6)	25 (19/6)	9 (7/2)	195 (162/33)

* Общее число публикаций. ** В числителе число статей, непосредственно сосредоточенных на проблематике русских БЗ, в знаменателе – публикации, в которых «русская тема» являлась одним из важных элементов содержания.

Источник: табл. 1.1–1.4 составлены по расчетам автора

Но следуют принять во внимание общие масштабы контента, публикуемого в анализируемых журналах. СоЦИс единственный из них представлял ежемесячное издание (за вычетом критики, рецензий и отзывов 18–20 статей в номере, 220–240 за год). Остальные социологические журналы являлись «ежеквартальниками» (7–10 статей в номере или 30–40 за год). При всем желании они не могли конкурировать с СоЦИсом, если не по фронтальности интереса к социальной действительности, то по способности детально представлять резуль-

таты исследовательского поиска по каждому из крупных «рукавов» современного социологического знания¹.

И основными «соперниками» СоЦиса в анализируемой тематической области были ЭО и «Диаспоры» (соответственно 28 и 20 статей). Отметим, однако, существенно иную публикационную стратегию, реализуемую в этих двух изданиях (прежде всего в ЭО). Если устойчивый интерес СоЦиса к тематике русских БЗ выражался в достаточно равномерной издательской активности (2–3 статьи в год на протяжении всего постсоветского периода), то ЭО и «Диаспоры» предпочитали публиковать такие статьи в рамках тематически специализированных номеров, в остальное время почти «забывая» о данной теме². Иными словами, СоЦис на протяжении 1990–2020-х гг. уделял внимание проблемному комплексу русских БЗ фактически в режиме мониторинга. Тогда как ЭО и «Диаспоры» осуществляли своего рода спорадические экспертные «замеры» этой тематики.

В целом данные публикационные стратегии дополняли друг друга, способствуя лучшему осмыслению процессов, происходящих с русским населением постсоветского пространства. Однако нельзя не отметить, что подход, реализуемый СоЦисом, создавал более детальную и стереоскопическую социологическую картину жизнедеятельности русского населения БЗ. Об этом, в частности, свидетельствует сохранявшееся на протяжении всего постсоветского периода тематическое разнообразие его публикаций, существенно превосходящее аналогичный показатель у ЭО и «Диаспоры»³ (табл. 1.2).

¹ Иными словами, изучение публикационной активности ведущих российских социологических журналов в освещении любых других тематических блоков социологии с большой вероятностью обнаружит сходное количественное соотношение статей. Укажем только, что по нашим расчетам за 1992–2023 гг. в СоЦисе было опубликовано более 7 тыс. статей, в «Мире России...» около 900, в «Социологическом журнале» – 920, в «Социологическое обозрение» – около 1050 (за 2001–2023 гг.).

² Из 28 «русских» статей ЭО, вышедших за весь постсоветский период, 17 разместились в двух номерах – в № 2 (2008), № 5 (2017). В журнале «Диаспоры» 13 из 18 таких статей пришлись на пять номеров.

³ О тематическом разнообразии «русских» публикаций СоЦиса свидетельствует даже тот факт, что в нем вышло 9 из 11 статей, вследствие своей содержательной специфики не нашедших места в 8 разделах выполненной группировки и помещенных в «Другие темы».

Таблица 1.2.

Содержательное разнообразие публикаций (число крупных тематических разделов)*

Журналы	1992–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020	2021–2023	1992–2023
«Социологические исследования»	6	7	6	3	5	3	8
«Этнографическое обозрение»	2	1	4	1	3	3	7
«Диаспоры»	2	4	4				6
«Мир России»	1	2	1				3

* В целом было выделено 8 разделов. Подробней о содержательной группировке в следующем параграфе.

1.2. Количественная динамика и тематическая специализация публикаций

Первая половина 1990-х гг., повторимся, была отмечена выходом значительного числа монографий и сборников статей, исследующих проблематику русского населения БЗ. Сохраняется эта тенденция и в последующие годы. В 1996–2001 гг. появляется более 10 крупных работ, из которых можно выделить монографию С.С. Савоскула, обобщающее исследование этнополитического, социально-экономического, социокультурного положения русских во всех государствах БЗ; их взаимоотношения с титульными нациями, позиций во властных структурах и статусных профессиональных сообществах, миграционных настроений (Савоскул 2001).

Но рубеж веков становится своего рода временной чертой, завершающей период повышенного интереса отечественного научного и экспертного сообщества к русской проблематике БЗ. Снижению исследовательской активности способствовало завершение процесса стремительной геодемографической динамики русских общин. Период масштабного миграционного оттока русских в Россию во всех странах БЗ заканчивается к 1995–1997 гг. К концу 1990-х гг. стабилизируются системные позиции русского населения каждой из постсоветских стран, приобретает известную устойчивость его новый статус, положение в общественно-политической, экономической и социокультурной сферах.

Существенным было и то, что ни в одной из постсоветских стран русские не продемонстрировали значительных способностей к самоорганизации для эффективной защиты своих политических, социально-экономических, культурно-языковых интересов и прав. А наиболее россиецентрическая часть, максимально подходившая на роль ядра в этноконсолидационном процессе, предпочла такой организационной деятельности выезд в Россию. Данное обстоятельство не только сократило комплексный потенциал русских общин, но и позволило существенно снизить потенциальную конфликтогенность русского вопроса на всем постсоветском пространстве. Стало очевидно, что латентная протестность русского населения, несмотря на его все еще значительный демографический вес, не способна стать основой для масштабных сепаратистских движений.

В публикационной сфере определенное снижение исследовательского интереса к русским на постсоветском пространстве находит выражение в резком сокращении числа крупноформатных работ. Если в 1990-е гг. их количество в целом было сопоставимо с потоком журнальных публикаций (около тридцати и сорока соответственно), то в 2000-е гг. монографии и сборники статей уже «штучный продукт» и основной публикационной площадкой для исследователей русских БЗ становится научная периодика (90 статей).

Не изменяется это положение и в дальнейшем. Хотя растущая времененная протяженность постсоветского периода стимулировала потребность к обобщению уже аккумулированного разнообразного материала. В начале 2010-х гг. появляется ряд крупных работ, подводящих итоги 20-летнего развития русского населения на всем постсоветском пространстве и в отдельных его странах/субрегионах. Отметим коллективное исследование «Русские: этносоциологические очерки» (Русские ... 2012) и монографию А.Л. Арефьева, посвященную статусным позициям и широте распространения за пределами России (в т.ч. в каждой из стран БЗ) русского языка; учебно-образовательной, социокультурной и информационной инфраструктуры русского мира (Арефьев 2012).

Из обобщающих работ, посвященных русским общинам отдельных постсоветских стран и макрорегионов, выделим исследование этносоциологической динамики русской общины Молдовы (Остапенко и др. 2012) и ряд коллективных сборников, исследующих положение этнических меньшинств Балтии (значительная часть материалов этих изданий посвящена различным аспектам «русского вопроса» в

макрорегионе) (Этническая политика … 2009; Проблема прав … 2009 и др.).

Появляются отдельные крупные исследования и в последующие годы. Что не отменяло сохранения самой значимой (если не центральной) роли журналов в изучении проблематики русского населения постсоветского пространства (более 60 публикаций в 2010-е – начале 2020-х гг.).

Для изучения содержательной структуры и тематической динамики этой периодики нами было выделено восемь крупных блоков изучения проблемного комплекса русских БЗ. Заметим, что детальная содержательная группировка публикаций представляет большую сложность. Более или менее отчетливо в отдельную группу выделяются статьи, связанные с анализом демографических и/или миграционных процессов. Большинство других публикаций содержательно захватывает несколько аспектов жизнедеятельности русских БЗ. Приходится выделять центральное ядро статьи, позволяющие отнести ее к определенной тематической «делянке». Но такая операция неотделима от предпочтений ее совершающего и неизбежно несет элемент авторского субъективизма.

Тем не менее выполненная группировка позволила зафиксировать общую тематическую структуру журнальных публикаций и происходившее во времени смещение исследовательского интереса по отдельным граням проблемного комплекса русских БЗ (табл. 1.3).

В 1990-е гг. в периодике отчетливо доминировали два тематических блока. Больше трети статей (35,7 %) было сосредоточено на комплексном анализе процессов, протекавших в русских общинах всего постсоветского пространства, теоретическом осмыслинии текущего состояния и дальнейших перспектив этого населения.

Таким образом, изучение общих аспектов жизнедеятельности всего русского БЗ доминировало над исследованиями социальной конкретики, особенностей, характерных для русских в отдельных постсоветских странах. Оговорим, что такие «частные» исследования начали появляться уже в первой половине 1990-х гг. (Панарин 1999; Симонян 1997; Тишков 1993). Но до конца десятилетия они оставалась единичными в потоке научной периодики.

Еще треть журнальных публикаций в 1990-е гг. анализировала демографомиграционные процессы, содержащие в данный период много сходных черт у русского населения всего БЗ (масштабный отток в Россию, резкое ухудшение воспроизводственных показателей,

трансформация идентичности у части смешанного населения). Как результат, все 15 статей, зафиксированных в этом разделе, изучали ситуацию в формате всего постсоветского пространства.

Таблица 1.3.

**Предметное поле российской научной периодики
по проблемам русского населения БЗ, 1990–2020-е гг.**

Тематические разделы	1992– 2000	2001– 2005	2006– 2010	2011– 2015	2016– 2020	2021– 2023	1992– 2023
Демография, миграция, система расселения	15	8	6	5	10	2	46
Социально-экономические и социопрофессиональные аспекты, «русский бизнес»	2	3	2				7
Социально-политические, этнополитические проблемы	4		7	4	3		18
Социокультурная, культурно-языковая, конфессиональная проблематика		3	7	2	1	1	14
Идентификационная и этногенетическая динамика	3	3	10	2	1	2	21
Этносоциокультурные взаимодействия, межнациональные конфликты	2	7	5	4	1		19
Межнациональная брачность, ассимиляционная динамика	1			1	2	2	6
Комплексные, теоретико-концептуальные исследования	15	6	18	7	5	2	53
Другие темы		1	4	4	2		11

Значимой вехой в содержательной динамике научной периодики оказывается рубеж веков. Начало XXI в. проходит под знаком перехода исследователей русского БЗ от «общего к конкретному», как в пространственной фокусировке, так и в содержательном аспекте. Только в 4 статьях из 31 публикации 2001–2005 гг. (12,9 %) анализируется русское население БЗ «в целом» (в 1990-е гг. этот показатель составлял 69 %).

Почти вдвое (с 35,6 % до 19,4 %) сокращается доля комплексных/теоретических статей. Параллельно снижается интерес к демо-графо-миграционной тематике. Но происходит это постепенно (удельный вес таких публикаций сокращается с 25,8 % в 2001–2005 гг. до 10,2 % в 2006–2010-е гг.). В первой половине 2000-х гг. определенная активность на данном направлении поддерживается изучением первых постсоветских переписей населения прошедших в странах БЗ в 1999–2004 гг., сравнением их результатов с предыдущими расчетными оценками, с данными текущего демографического учета и миграционных служб постсоветских государств. Что, в частности, позволяет уточнить размеры миграционного оттока русских из ряда стран БЗ (Латвии, Казахстана и др.), а также констатировать значительные ассимиляционные потери некоторых русских общин (прежде всего на Украине, «потерявшей» между переписями 1989 и 2001 гг. около трех миллионов своего русского населения) (Митрофанова 2017).

В целом же, внимание исследователей все больше фокусируется на широкой этносоциокультурной проблематике русских, включающей культурно-языковые, социоментальные, этноидентификационные, коммуникационные аспекты. Группируя публикации, мы разнесли этот проблемный комплекс на три тематических раздела.

В действительности отнесение к одному из них для значительного числа статей было достаточно условным, поскольку содержательно они включали аспекты всех трех. В известной мере эти разделы можно рассматривать в качестве одного большого направления, которое с начала XXI в. становится центральным в изучении русского населения БЗ. По крайней мере, по показателю публикационной активности. Как в первой, так и во второй половине 2000-х гг. на него приходится около 40 % всех журнальных статей (см. табл. 1.3).

Но вторая половина «нулевых» стала временем пиковой активности научной периодики, посвященной русским БЗ (около 60 статей). Что отчасти было связано с обсуждением социологами итогов 15–20-летнего пути, пройденного русскими БЗ по комплексной адаптации к новым условиям жизнедеятельности, фиксацией сложившейся колеи и векторов, по которым может пойти дальнейшее развитие русских общин¹.

¹ Что снова повысило долю теоретико-комплексных статей в общем потоке журнальных публикаций – в 2006–2010 гг. она превысила 30 %.

Несмотря на то, что основная часть русского населения БЗ к концу 2000-х гг. фактически смирилось с потерей былых статусных позиций и была ориентирована на дальнейшую адаптацию, большинство авторов (в т.ч. специалисты из стран СНГ, Балтии и дальнего зарубежья), скорее обнаружило транзитную ситуацию и/или новую точку неопределенности, чреватую сменой уже сложившихся векторов интеграционной динамики русского населения целого ряда стран БЗ (в т.ч. Украины, Казахстана и Средней Азии) (Алексеенко 2008; Мальгин 2008; Мукомель 2008).

И в целом исследования обнаруживали самую широкую вариативность жизненных стратегий русских в разных странах/макрорегионах БЗ, с которой напрямую коррелировали масштабы и направления их этнопсихологической, социоментальной, социокультурной динамики; подвижки в соотношении этнонациональной, гражданской (политической), локальной идентичностей (Апине 2006; Савин 2010, Савоскул 2008). Эта вариативность практически исключала возможность определения «общесистемного» вектора трансформации всего русского населения БЗ. А разнообразие ситуаций, фиксируемых в отдельных территориальных группах и сферах жизнедеятельности русских общин, нуждалась в постоянном мониторинге.

Пиковая интенсивность обсуждения проблемного комплекса русских БЗ в конце 2000-х гг. стала одной из причин определенного спада исследовательского интереса к этой тематике в последующие годы. Число посвященных ей публикаций в 2010-е – начале 2020-х гг. заметно сокращается¹. Однако тенденции, характерные для предыдущего периода, в т.ч. фокусировка на «частных» ракурсах и социальной конкретике русского населения отдельных стран/макрорегионов БЗ, сохранялись в полной мере. Исследовались этноментальные и социопсихологические особенности разных социодемографических групп русских, их социальное самочувствие, специфика межэтнической коммуникации с титульными народами и русскоязычными диаспорами, социально-политические и культурно-языковые проблемы.

Проведение в 2009–2014 гг. в большинстве стран БЗ вторых переписей населения вновь активизирует геодемографическое направление научного поиска (более четверти статей, вышедших в 2010-е

¹ Причем нисходящая динамика фиксировалась и внутри самого этого периода – среднегодовое число статей сократилось с 5–6 до 2–3.

гг.). Результаты переписей и данные текущего учета позволяют исследователям сделать вывод о значимой (в ряде стран БЗ центральной) роли ассимиляционного фактора в демографических потерях русского населения. Данное обстоятельство, в свою очередь, активизирует изучение комплекса воспроизводственных процессов. Исследуется динамика межнациональной брачности русских, национальная структура их основных брачных партнеров; варианты самоидентификации смешанного потомства и удельный вес биэтнофоров в составе русского населения (Митрофанова, Сущий 2017; Сущий 2020).

Наиболее активно в этом направлении изучались русские общины стран Балтии, Молдовы, Казахстана. Очень высокие уровни межнациональной брачности фиксировались у русского населения Литвы и Молдовы, в несколько меньшей степени – Латвии (Апине 2006; Мазур 2012; Остапенко 2012). Заметное усложнение идентификационного комплекса у русских Балтии, в различном соотношении сочетавших этническую русскую, региональную балтийскую и европейскую социокультурную компоненты позволило отдельным исследователям еще в 2000-е гг. предположить формирование в этом постсоветском макрорегионе нового субэтноса – «еврорусских»¹ (Симонян 2004).

Этносоциологами было обнаружено несколько вариантов воспроизводственно-ассимиляционной динамики русских БЗ. В одном значительная часть русского населения ориентировалась на комплексную интеграцию в основные сферы жизнедеятельности своих стран, осваивала государственный язык, демонстрировала активную брачность с представителями титульного народа и массовой отказ смешанным потомством таких браков от русской идентичности (Молдова, Литва) (Мазур 2012, Остапенко 2012).

Но ориентация на социально-экономическую интеграцию, высокий уровень владения «титульным» языком молодыми генерациями русских, могла и не сопровождаться аккультурацией и стремлением к ускоренной ассимиляции большинством представителей русских общин (вариант русских общин Латвии, Эстонии, отчасти Беларуси и Украины).

¹ Заметим, что это предположение не было поддержано научным сообществом, включая исследователей из самих стран Балтии, детально анализировавших структуру идентичностей местного русского населения (в т.ч. разных возрастных генераций, социопрофессиональных групп, территориального генезиса)

В двух южных макрорегионах БЗ (Южный Кавказ и Центральная Азия) русские демонстрировали достаточно высокую устойчивость по отношению к социоэтнотематальному и культурноязыковому давлению внешней этнокультурной среды. При этом масштабная миграционная убыль 1990–2000-х гг. обусловила быстрый демографический закат русских общин в ряде стран (Армения, Грузия, Таджикистан, Туркмения, отчасти Азербайджан). А в странах, сохранивших значительную численность русского населения, оно, не замыкаясь в себе, к началу XXI в. оформилось в качестве самостоятельного полюса этнокультурного притяжения, ассимилирующего русскоязычные меньшинства своих стран (Казахстан, Киргизия, Узбекистан) (Сущий 2022).

Несмотря на непрерывное перемещение исследовательского фокуса по граням проблемного комплекса русских БЗ, анализ неизменно обнаруживает в его центральной зоне теоретический дискурс, обсуждение общих адаптационных стратегий и возможных перспектив развития, а также особенности геодемографической и миграционной динамики (в общей сложности более половины изученного массива публикаций) (рис. 1.1).

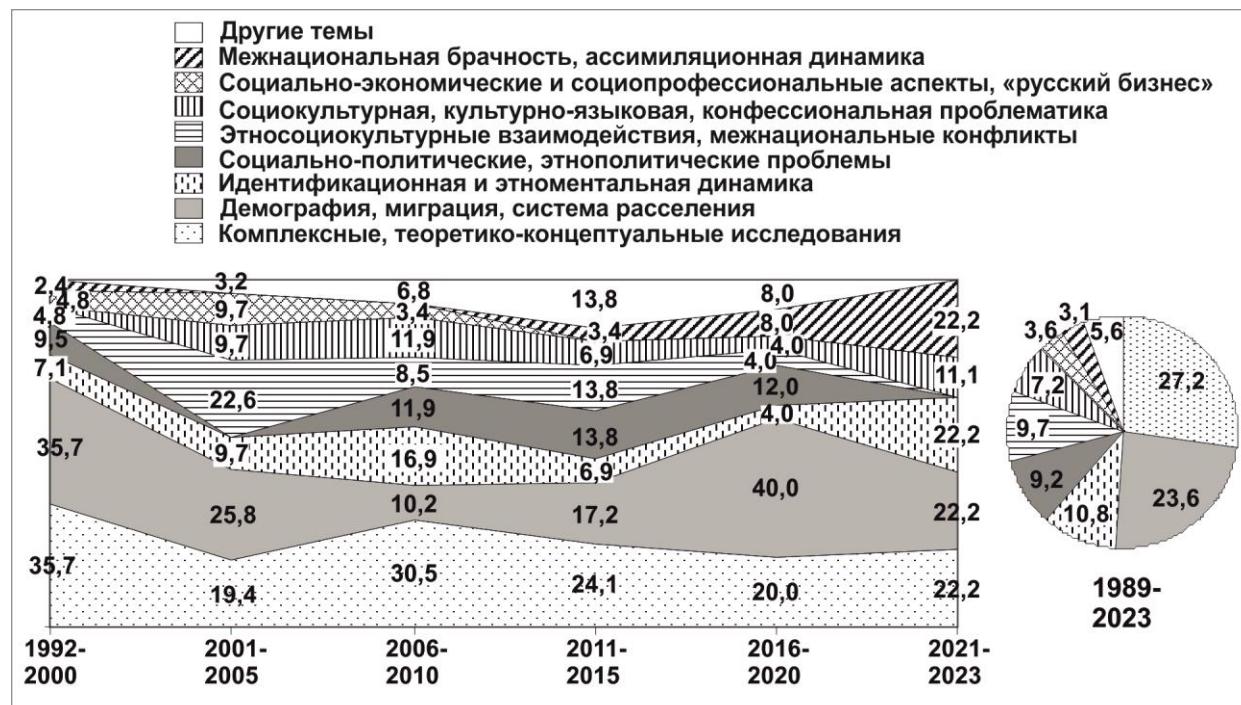

Рис. 1.1. Динамика тематической структуры журналных публикаций, посвященных проблемам русских БЗ, 1990–2020-е гг. (%)

Не выпадала из поля зрения специалистов и тематика, связанная с этносоциокультурной, культурно-языковой, идентификационной,

этнопсихологической динамикой русского населения (18 %). В последние 5–10 лет заметно вырос интерес к проблемам межнациональной брачности русских. Однако почти все эти публикации относятся к русской общине Казахстана, хотя актуальность темы в настоящее время высока для большинства стран БЗ.

Нельзя не отметить явный дефицит работ, детально исследующих социопрофессиональные ниши и экономические специализации русского населения, его позиции в элитных и массовых профессиональных сообществах своих стран. Такие публикации оставались единичными в 1990–2000-е гг., а в дальнейшем практически исчезли из научной периодики. Что отчасти могло объясняться практической сложностью развернутого анализа этой темы, отсутствием статистики о национальной структуре работников основных сфер социально-экономической деятельности стран БЗ¹.

1.3. Географические аспекты исследовательского интереса (по журнальным публикациям)

Анализ географии специалистов, занятых проблематикой русских БЗ обнаруживает ее существенную трансформацию во времени. Центральным трендом, очевидно, можно считать постепенное расширение². Если в первое постсоветское десятилетие профессиональное сообщество – это специалисты московских научных структур (прежде всего академических: ИЭА РАН, отчасти Института социологии РАН и др.), то с рубежа XXI в. к исследованиям русских БЗ все более активно подключаются ученые из С.-Петербурга и самих постсоветских стран, в первую очередь из Латвии, Эстонии, Казахстана.

¹ Но в отдельных случаях не используются и реально существующие ресурсы. Например, размещенная на сайте Статистического управления Эстонии информация позволяет выполнить диахронное исследование позиций русских в экономике этой страны, сравнить уровень их зарплат, безработицы, других важных социально-экономических характеристик с показателями титульного сообщества.

² В данном случае мы рассматриваем только русскоязычную его часть, оставляя в стороне исследователей из научных центров дальнего Зарубежья. Для последних, как раз, была характерна обратная тенденция. После пикового всплеска в 1990-е гг., интерес к русским БЗ резко сократился, как и число специалистов, занятых данной проблематикой (Савоскул 2008).

Причем представлявшие не только русское/русскоязычное население данных стран, но и титульные национальные сообщества¹. Появляются работы, выполненные специалистами из научных и вузовских центров Украины (в т.ч. Днепропетровска, Мелитополя, Одессы, Симферополя). А в самой России с конца 2000-х гг. происходит все более отчетливое смещение исследовательской активности из столиц в регионы, фиксируемое по территориальной локации публикующихся ученых, представляющих множество российских центров (в т.ч. Барнаул, Калининград, Краснодар, Псков, Ростов-на-Дону).

Но куда большее значение имеет география самих исследований. Обнаруживается крайне неравномерное распределение внимания специалистов к проблематике русских различных стран и макрорегионов постсоветского пространства. Среди очевидных лидеров были страны Балтии (прежде всего Эстония и Латвия), а также Казахстан и Украина. Из 117 публикаций, посвященных русским общинам отдельных стран БЗ, 88 (75,2 %) анализировали проблематику русского населения в четырех указанных странах (табл. 1.4). Отметим и устойчивость этой группы (за исключением Украины), привлекавшей максимальное внимание исследователей на протяжении всего постсоветского периода.

При этом в 1990–2020-е гг. не появилось статей о русских Туркмении, Таджикистана, Азербайджана. Единичные публикации были посвящены русским общинам Беларуси, Грузии, Армении, Абхазии. Отчасти явный дефицит внимания к ним компенсировался «макрорегиональными» статьями, анализировавшими положение русских в масштабе всей Средней Азии или Южного Кавказа. Но если первому макрорегиону было посвящено девять публикаций, то второму только два. В целом же и на уровне макрорегионов безусловное лидерство принадлежало русскому населению Балтии (18 статей)².

¹ Отметим, что мы анализируем только российскую научную периодику. Но как свидетельствует списки источников в статьях «титульных» этносоциологов стран БЗ, публиковавшихся в российских журналах, тематика, связанная с русскими общинами, активно обсуждалась научными сообществами данных стран (см., например: Матулионис, Фреюте-Ракаускене 2014).

² Отметим также крайне редкое обращение исследователей к сравнению русского населения из разных постсоветских макрорегионов или отдельных стран к ним относящимся. Причем все эти единичные публикации включали Казахстан и страны Балтии (чаще остальных Эстонию).

Таблица 1.4

Число статей, посвященных русскому населению различных стран/макрорегионов Б3, 1992–2023 гг.

Страны и макрорегионы Б3	1992–2000	2001–2005	2006–2010	2011–2015	2016–2020	2021–2023	1992–2023
<i>Страны Б3</i>							
Латвия	1	3	4	3	4	1	16
Литва		1	3	2	1		7
Эстония	2	6	11	2	3		24
Молдова			1	4			5
Казахстан	3	5	7	11	4	2	32
Киргизия	1		3				4
Таджикистан							0
Туркмения							0
Узбекистан		2	4	2	1		9
Украина		6	6	1	2	1	16
Беларусь			1				1
Грузия			1		1		2
Армения						1	1
Азербайджан							0
Абхазия			1			1	2
<i>Макрорегионы Б3</i>							
Прибалтика	2	4	4	2	6		18
Средняя (Центральная) Азия	2		4	2	1		9
Южный Кавказ	1				1		2
Б3 в целом	29	4	7	2	5	2	49

Причины столь значительного разбега исследовательского интереса к отдельным странам и макрорегионам Б3 множественны. Но фиксируется прямая корреляция между уровнем включенности проблемных аспектов жизнедеятельности русских общин отдельных стран в российскую научную периодику и наличием в этих странах исследовательских групп или отдельных специалистов, занятых данной проблематикой. Так, лидерство по числу журнальных публикаций Эстонии и Латвии, в значительной степени являлось заслугой группы местных исследователей, из которых выделим В.В. Волкова и В.В. Полещука (соответственно 7 и 5 статей)¹. Из 16 публикаций, по-

¹ Речь только об их публикациях в анализируемом массиве журнальной периодики, помимо которых у данных авторов имелось множество статей.

священных русским Украины, 9 были написаны исследователями, представлявшими ее научные и вузовские центры. Аналогичная ситуация была и с русской общиной Казахстана, активно изучаемой казахстанскими специалистами (А.Н. Алексеенко, И.С. Савин и др.)

Коррелировала активность изучения русских общин и с размером последних, их удельным весом в структуре местного населения. Украина и Казахстан на всем протяжении постсоветского периода оставались крупнейшими средоточиями русского населения за пределами России. Показательно в этом плане и то, что относительно небольшая русская община Литвы гораздо реже становилась объектом изучения, чем русские Латвии и Эстонии (соответственно 7, 16 и 24 статьи).

Но надо учитывать, что в ряде постсоветских стран (прежде всего на Южном Кавказе и в Средней Азии), фиксируемая уже к началу 21 в. малочисленность русских являлась результатом их стремительной убыли в 1990-е гг., т.е. свидетельством очевидной проблемности процесса адаптации к новым условиям жизнедеятельности. В теории это обстоятельство должно было повышать к ним интерес специалистов, но в реальности эти русские общины, как было сказано, почти полностью выпали из исследовательского фокуса российской этносоциологии.

Причем в отличие от Балтии или Казахстана в странах Южного Кавказа и Средней Азии (за исключением Узбекистана) не нашлось собственных исследователей проблематики местного русского населения. Что свидетельствовало о практически полной утрате позиций русского (и шире – русскоязычного) меньшинства в научных сообществах данных стран.

А динамика публикаций, посвященным русским Украины свидетельствует, что уровень проблемности мог находиться в обратной корреляции с исследовательским интересом (12 статей в 2000-е гг. и только 3 в 2010-е). Причины данного явления нуждаются в самостоятельном изучении. Но три очевидны – с середины 2010-х гг. проведение социологических исследований на Украине для российских специалистов максимально усложняется. Параллельно данная проблематика начинает табуироваться и для украинских социологов. При этом часть исследователей обеих стран сознательно отстраняется от тематики, замыкающей на себе слишком много прямых и косвенных проекций нарастающего системного конфликта двух государств и обществ.

Но можно указать и прямо противоположный пример соотношения интереса и проблемности. Русская община Беларуси оказалась явно недоисследованной, как раз по причине своей внешней «беспроблемности»¹. Действительно, Беларусь была единственной страной БЗ, в которой этноцентричные практики не использовались властью в процессе нациестроительства (по крайней мере, с начала президентства А.Г. Лукашенко в 1995 г.) (Савоскул 2001).

Однако минимальная конфликтность русско-белорусского этнополитического и социокультурного взаимодействия не снимала проблемы устойчивого демографического воспроизведения русской общины страны. В 2000-е гг. темпы ее убыли были одними из самых высоких на постсоветском пространстве ($-31,3\%$). В целом за 1989–2019 гг. численность русских в Беларуси сократилась почти вдвое (с 1,34 млн до 0,71 млн чел.). Изучение причин этого явления представляет интерес для понимания внутренних этносодемографических алгоритмов, определявших динамику русского населения даже в максимально комфортном для него иноэтническом окружении за пределами Российской государства.

Итак, значительный массив публикаций (несколько десятков монографий и сотни статей) свидетельствует о постоянном и значительном интересе исследователей к проблематике русского населения БЗ. Но территориальное распределение данного интереса на всем протяжении постсоветского периода оставалось крайне неравномерным, и почти половина русских общин БЗ до сих пор минимально/слабо изучена российской этносоциологией.

1.4. Методики и перспективные направления исследований

Как уже отмечалось, разработки начала 1990-х гг. в известной мере являлись продолжением исследований советского времени. Своей инерцией обладали и применяемые методы, в числе которых некоторое время сохранялись массовые опросы русского населения.

¹ Показательно, что для нее единственной не было сделано своего раздела в обстоятельной монографии С.С. Савоскула, посвященной русским всего БЗ (Савоскул 2001).

К примеру, в 1992–1996 гг. группой С.С. Савоскула были проведены опросы в пяти странах БЗ (в Молдове, Литве, Эстонии, Киргизии, на Украине – в общей сложности было опрошено около 5,3 тыс. человек) (Савоскул 2001, с. 21). Масштабные опросы в это время проводили и другие исследовательские группы (в т.ч. под руководством Ю.В Арутюняна в Грузии, Н.М. Лебедевой в Азербайджане и Армении) (Грузия… 1997; Лебедева 1995).

Постсоветские переписи населения, которые начали проводиться в странах БЗ с конца 1990-х гг. (к настоящему времени в большинстве стран их состоялось уже по 2–3) дали достаточно детальную статистику по численности русского населения, его территориальному размещению и формам расселения. В отдельных случаях в результатах переписей присутствовала информация и о половозрастной структуре русских (в т.ч. в региональном разрезе). Ряд национальных комитетов статистики стран БЗ (в частности, Казахстана и Киргизии) публиковал данные о показателях естественного воспроизводства русского населения. Эта обширная информационная база позволила в 2000–2010-е гг. исследователям включить в свою работу методы и подходы, принятые в демографии и социальной географии (Митрофанова 2017; Сущий 2020).

Параллельно трансформировались структура и масштабы эмпирических исследований, проводимых российскими социологами. Финансово и трудозатратное анкетирование значительных групп русских БЗ (выборки размером в 600–1500 респондентов, как правило, представляющих разные региональные сообщества, городское и сельское население) постепенно сменяется значительно более камерной практикой экспертных опросов и интервьюирования отдельных целевых групп (этноактивистов, студенческой молодежи, представителей бизнеса). Более акцентированной на определенных аспектах социальной жизнедеятельности русских БЗ становится и тематика таких исследований¹ (Цыряпкина 2015).

Но, существенно сократившись, не исчезает и практика «больших» опросов. Распространенной ее формой становится анкетирование студенческой молодежи в рамках совместных разработок российских специалистов с исследователями из вузов стран БЗ (Симонян 2023). Однако значительное число опросов русского (русскоязычно-

¹ Заметим, что они включались в инструментальную практику этносоциологов, изучающих русских БЗ уже в 1990-е гг., но только в XXI в. становятся распространенной формой прикладных исследований.

го) населения в 2000–2010-е гг. проводилось уже самостоятельно специалистами постсоветских стран, прежде всего Балтии (Волков 2012; Волков, Полещук 2019). Сохраняется и практика экспертных опросов, позволяющая зафиксировать точку зрения профильных специалистов.

Большой интерес для анализируемого проблемного комплекса представляет изучение абсолютной и удельной динамики группы смешанного населения (биэтнофоров), составляющего в настоящее время заметную часть русских в большинстве постсоветских стран. Данные группы, как крупные демографические множества, начали формироваться в послевоенный период, что предполагает необходимость их изучения, начиная с последних советских десятилетий.

Для выявления размеров группы биэтнофоров (генерации 1960–1980-х гг. рождения) в составе русского населения каждой из союзных республик СССР может быть использована статистика межнациональной брачности русских мужчин и женщин. При этом, для расчета соотношения «русской – титульной» и «русской – нетитульной» идентичностей у смешанного потомства таких межнациональных браков с русским отцом или с русской матерью в полной мере применимы индексы этнографии и патронимии, полученные для основных национальных сочетаний супругов в масштабном исследовании А.Г. Волкова, выполненном на материалах Всесоюзной переписи 1979 г. (5%-ная выборка межнациональных супружеских пар СССР) (Волков 1989).

Такие расчеты позволяют установить наиболее вероятный диапазон количественного и долевого присутствия биэтнофоров в составе русского населения всех изученных стран БЗ (генерации 1960–1980-х гг. рождения), а также дают возможность оценить в первом приближении численность биэтнофоров с нерусской идентичностью (с разбивкой на титульную и нетитульную компоненту).

Для русского населения стран БЗ, по которым имеется определенная информация о современном уровне их межнациональной брачности (Латвия, Эстония, Молдова, Казахстан), данные расчеты могут быть дополнены общей оценкой размеров и удельного веса биэтнофоров в генерациях 2000–2010-х гг. Разработанные для этих целей рабочие методики должны учитывать общую численность русских женщин активного репродуктивного возраста (20–39 лет) этих стран в 2010-е гг.; коэффициент фертильности – среднее число детей, рожденных женщинами данной генерации, удельный вес моногамии-

нальных и межнациональных браков; а в последнем подмножестве долю русских женщин с «титульным» супругом/партнером и партнерами всех других национальностей. Проведение таких расчетов позволяет уточнить количественную и удельную динамику группы биэтнофоров с русской и другой идентичностью в 1990–2010-е гг.; соотношение данных двух этнокультурных подмножеств, вектор и масштабы ассимиляционного процесса в русских общинах данных стран в постсоветский период.

Как свидетельствует динамика потока журнальных публикаций, интерес к русским БЗ в отечественной социологии начал сокращаться с конца 2000-х гг. (с 10–12 статей в год в 2006–2010-е гг. до 5–6 в 2010-е и 3–4 в 2020-е гг.). А крупноформатные исследования (монографии, сборники статей) становятся редким явлением с начала XXI века. Но, как представляется, существуют известные предпосылки для возвращения внимания специалистов к данной проблематике.

В 2019–2022 гг. в половине постсоветских стран были проведены очередные переписи населения, еще не ставшие предметом детального анализа. Даже поверхностное знакомство с их результатами обнаруживает тренды, которые нуждаются в более глубоком изучении. В частности, количественная динамика русских Латвии, Казахстана, Киргизии в 2010-е гг. указывает на утрату русскими общинами способности ассимилировать представителей русскоязычных диаспор. Более того, сравнительный количественный анализ русского населения и русскоязычных общин в этих странах, а также в Беларусь и Эстонии свидетельствует, что в последний межпереписной период часть смешанного населения, ранее самоопределявшегося в качестве русского, стало выбирать другие компоненты своей этнической принадлежности.

Повторимся, речь идет о периоде до начала СВО. Между тем с начала 2022 г. задача комплексного изучения особенностей демографического воспроизводства русского населения БЗ, его статусных позиций и этносоциокультурной динамики заметно актуализируется. Резкое обострение геостратегического противостояния России и коллективного Запада серьезно проблематизировало жизнедеятельность русских общин в ряде постсоветских стран, потребовало расширения адаптивных практик в условиях возросшего этнополитического прессинга, общественной россиебоязни и русофобии. Масштабы и характер этих практик заметно варьируют между странами, предполагая изучение и сравнительный анализ.

Самостоятельным кейсом, демонстрирующим максимальную актуальность, является комплексное изучение основных аспектов жизнедеятельности русских на Украине, вплоть до начала 2020-х гг. являвшихся крупнейшей территориальной группой русского народа за пределами Российской Федерации (Митрофанова, Сущий 2017). Очевидно, что в существующих обстоятельствах речь не идет о со-ставлении точной детальной картинки происходящих процессов, но об аналитическом «прощупывании» масштабов и устойчивости фик-сируемых трендов.

Существенно трансформировалось с начала 2022 г. миграцион-ное движение русских между Россией и рядом других постсоветских стран. По экспертным оценкам в течение 2022 г. в пределы БЗ пере-ехало (чистый отток) порядка 0,5–1,0 млн. граждан России (Zavadskaya 2023), самую значительную часть которых составляли русские. Появление в постсоветском пространстве новой достаточно многочисленной группы русского населения актуализирует ряд соци-odemографических вопросов, в т.ч. предполагает анализ количествен-ной и половозрастной структуры этой группы, особенностей ее про-странственного распределения по странам и субрегионам БЗ; форм и интенсивности ее взаимодействия с титульными сообществами и рус-ским старожильческим населением; оценку краткосрочных и более отдаленных демографических перспектив.

Особенно значимую роль такие исследования имеют для Грузии и Армении, в которых группы русских релокантов в 2022–2023 г. кратно превзошли размеры местных русских общин (в Грузии соот-ветственно 45–55 тыс. и 18–20 тыс. чел, в Армении – 40–45 тыс. и 15 тыс.) (Zavadskaya 2023; Сущий 2025). Поскольку при определенных обстоятельствах эта миграционная волна в состоянии существенно увеличить демографический потенциал русских общин, серьезно (ес-ли не кардинально) трансформировать их социодемографические ха-рактеристики.

Максимальное число релокантов оказалось в Казахстане (около 150 тыс. чел.). В силу значительной численности местного русского населения, потенциальное влияние на него этой миграционной волны может быть ограниченным. Но для отдельных территориальных групп казахстанских русских появление релокантов может оказаться значимым фактором дальнейшей динамики, а значит и объектом со-циологического исследования.

В целом, за три постсоветских десятилетия численность русских БЗ сократилась в 3,5 раза. Но в пределах постсоветского пространства по-прежнему остаются многие миллионы людей не просто говорящих и думающих на русском языке, но относящих себя к русскому народу, продолжающих оставаться его составной частью.

И вопрос о перспективах этого населения будет оставаться открытым на самую долгосрочную перспективу. В реальной практике русских на постсоветском пространстве реализовывались самые разные жизнедеятельные стратегии, которые широко варьировали и прихотливо соотносились в зависимости от периода и страны БЗ (макрорегиона); результирующей множества этнополитических, социокультурных, социально-экономических переменных; геоцивилизационного выбора их стран и особенностей взаимодействия с Российской Федерацией, как и системного состояния последней.

Но значимая роль русских БЗ в сохранении и воспроизводстве геоцивилизационных контуров всего Русского мира в сочетании с высокой проблемностью этой части русского народа, на наш взгляд, является гарантией ее долгосрочного сохранения в фокусе отечественной этносоциологии и других направлений социологического поиска.

Глава 2

РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ СТРАН БАЛТИИ

Включение Прибалтики в 1939 г. в состав СССР и Вторая Мировая война существенным образом сказались на размерах и национальной структуре населения всех трёх стран, ставших союзными республиками Советского Союза. В военные годы регион утратил самую значительную часть своего многочисленного еврейского населения, а во второй половине 1940-х гг. и немецкие общины. Не принявшие советскую власть группы населения эмигрировали ещё в дооценный период, а в 1943–1944 гг. вместе с отступающими немецкими войсками покинули Прибалтику коллaborационисты (в общей сложности, порядка 165 тыс. человек)¹. Наконец, значительной оказалась группа репрессированных советской властью². Таким образом, этнодемографическая структура прибалтийских обществ во второй половине 1940-х гг. существенным образом отличалась от довоенной.

Одним из центральных трендов послевоенного периода становится быстрый приток мигрантов из других регионов СССР. Значительную часть этого переселенческого потока составляли русские. Их численность в регионе к концу 1950-х гг. уже превышает миллион человек, увеличившись за 15–20 лет почти в три раза. Продолжился этот рост и в следующие десятилетия. Своего демографического максимума русское население Прибалтики достигло в конце советского периода. На рубеже 1990-х гг. в трёх союзных республиках было расселено более 1,7 млн русских. Но в эти же годы русские впервые за несколько десятилетий начинают активно покидать национальный макрорегион. Восходящий демографический тренд сменяется обратной тенденцией.

Распад СССР существенно увеличил масштабы оттока русских. Страны Балтии массово оставляли военнослужащие, работники других силовых ведомств и их семьи, которым было отказано в получе-

¹ С учетом выехавших в 1943–1944 гг. в другие страны Европы Прибалтика потеряла около 240 тыс. жителей (Кабузан 1996, с. 260).

² Только из Эстонии в 1941 г. было выселено в восточные районы СССР 61 тыс. чел. (порядка 6 % всего населения).

ний вида на жительство. Уезжали переселенцы 1980-х гг., не успевшие укорениться на новом месте и работники многочисленных производств, потерявшие работу после остановки предприятий союзного подчинения. Русских Эстонии, по замечанию К.С. Халлик, подталкивала к отъезду и «неуверенность в будущем, неясность перспектив с получением образования на русском языке, опасения возможной национальной дискриминации и... открыто выраженное желание властей, чтобы как можно больше переселенцев советского периода покинули Эстонию. Ряд законов, в первую очередь о гражданстве (1991 г.) и об иностранцах (1993 г.) оставили русских, поселившихся в Эстонии в советское время, вне официального общества... Перспектива обрыва связей с родственниками и близкими также не могла не стимулировать отъезд. Определённую роль играли, несомненно, и идеологические мотивы, несогласие с государственной самостоятельностью Эстонии» (Халлик 2011, с. 100).

Сказанное в полной мере относилось и к русскому населению двух других стран Балтии, массово покидавшему регион в первые годы постсоветского периода. Но при наличии множества сходных черт геодемографическая и миграционная динамика русских в каждой из стран в постсоветский период имела определённую специфику.

2.1. Латвия

Численность русских и факторы их демографической динамики. К началу 1990-х гг. численность русских в Латвии превысила 900 тысяч. Почти половина этого населения (430 тыс.) была сосредоточена в Риге, в которой русские являлись доминирующей национальной группой (47 % против 36 % у латышей). Значительной была прослойка русских горожан и в других городах республики (34 % жителей). Более ограниченным было присутствие в сельской местности. Тем не менее каждый шестой сельский житель Латвийской ССР в конце советского периода был русским (табл. 2.1).

Отток русских из Латвии в Россию начинается уже в конце 1980-х гг. Но если за 1989–1991 гг. он составил 8,7 тыс. чел., то в 1992–1994 гг. превысил 58 тысяч. Заметный спад миграционной активности приходится на вторую половину десятилетия. По данным миграционной службы России чистый приток русских из Латвии за

1996–2000 гг. составил 14,5 тыс., а в целом за 1992–2000 гг. – 83,6 тыс. (Население России 2001).

Таблица 2.1.

Геодемографические характеристики и гендерный баланс у русских Латвийской ССР, 1970–1989 гг. (тыс. чел., %)

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских (%)			Число мужчин на 100 женщин		
	всего	го-род	село		всего	город	село	общий	город	се-ло
1970	704,6	561,6	143,0	79,7	29,8	38,3	16,1	85,9	85,6	86,8
1979	821,5	682,1	139,3	83	32,8	40,2	17,3	87,2	86,5	90,5
1989	905,5	769,5	136,0	85	34	40,7	17,5	88,0	86,6	96,2

Источник: Рассчитано по [http:// Demoscop Weekly](http://Demoscop Weekly).

URL: www.demoscope.ru/weekly/pril.php

Однако первая постсоветская перепись населения Латвии, проведённая в 2000 г., зафиксировала в стране только 703 тыс. русских, на 202,5 тыс. меньше, чем в 1989 году. Потери оказались значительно больше, чем следовало из текущего демографического учёта, согласно которому численность русских на рубеже веков должна была составлять 763 тыс. человек.

Естественная убыль русского населения страны в среднегодовом исчислении в 1990-е гг. не превышала 3–4 % (с нулевой отметки в начале десятилетия она поднялась к его концу до 6–7 %) и, следовательно, общие естественные потери за межпереписный период не превышали 25–30 тысяч. Несколько десятков тысяч человек из группы смешанного населения (биэтнофоров) могли сменить русскую самоидентификацию на другую. Тем самым, масштабы оттока русских за 1989–2000 гг. должны были составлять порядка 115–135 тыс. чел. (табл. 2.2). Конечно, существовал небольшой отток русских в третьи страны. Но его размеры едва ли превышали 5–10 тыс. И есть основания полагать, что реальная миграция русского населения в Россию за анализируемый период составила 110–125 тыс. человек, т.е. превышала на 20–40 % данные официальной статистики.

Этнодемографические тенденции, сформированные в 1990-е гг., сохранились и в дальнейшем. В начале XXI в. русское население Латвии характеризовалось растущей естественной убылью, устойчивым миграционным оттоком и ассимиляцией. На протяжении нулевых демографические потери русской общины по данным текущего учёта

колебались в диапазоне 7,4–10,2 тыс. человек в год (11,9–14,8 %) и к 2010 г. численность русских опустилась до 620 тысяч. Но результаты второй переписи Латвии (2011 г.) вновь оказались существенно ниже текущей статистики – в стране «обнаружилось» только 557 тыс. русских. Таким образом русская община сократилась за 2000–2011 гг. на 146 тыс. (–20,8 %). И среднегодовая убыль превышала 13 тыс. человек.

Таблица 2.2.

**Компоненты демографической убыли русских Латвии,
1989–2024 гг.**

Перио- ды	Абсолютные потери, тыс. чел.			Удельный вес в общей убыли, %		
	Естест. убыль	Ассимиляция, смена иден- тичности	Мигра- ция	Естест. убыль	Ассимиляция, смена иден- тичности	Мигра- ция
1989– 2000	25– 30	40– 60	115– 135	12,4– 14,9	19,8– 29,7	56,9– 66,8
2000– 2011	66	5–10	70–75	45,2	3,4–3,8	48–51,4
2011– 2024	83		32	72,2		27,8

Источник: расчеты автора.

Как и в предыдущем десятилетии, очевидным образом была недоучтена миграция русского населения из страны. При этом основной её вектор изменился. По данным Росстата чистый приток русских в Российскую Федерацию из Латвии в 2000-е гг. составил 5,0 тыс. человек. Даже если теневая компонента не уступала учтённой миграции, общая цифра получалась незначительной и едва ли превышала 10–12 тысяч.

Естественная убыль русских за межпереписный период составила 66 тыс. чел., поднявшись с 6–7 до 10–11 % в год. Однако анализ абсолютной величины рождаемости русских в 2000-е гг. обнаруживает серьёзные скачки в динамике этого показателя, которые не могут объясняться пульсацией репродуктивной активности русских женщин и, скорее всего, были связаны с методикой учёта национальности детей, родившихся в смешанных семьях¹. Но то, что новая мето-

¹ К примеру, если в 2001–2005 гг. в Латвии ежегодно фиксировалось рождение 5,16–5,4 тыс. русских детей, то в 2005–2009 гг. уже только 3,08–3,65

дика привела к столь существенным сдвигам в статистике, само по себе является свидетельством значительного масштаба межнациональной брачности у русских Латвии. Детальней этот аспект будет рассмотрен ниже.

Заметим только, что фиксируемый таким способом уровень рождаемости (соответственно и уровень естественной убыли) включает в себя и ассимиляционную компоненту, т.е. фактически представляет показатель совокупных естественно-ассимиляционных потерь русских, которые в 2000–2011 гг., повторим, составили 66 тыс. человек. Учитывая, что пик смены идентичности русских биэтнофоров пришёлся на первое постсоветское десятилетие, в 2000-е гг. связанные с ним демографические потери должны были сократиться в несколько раз. Остальная убыль (70–75 тыс. человек) представляла чистый отток русского населения из Латвии. Как уже отмечалось, только 10–12 тыс. из данной миграционной волны пришлось на Россию. Порядка 60–65 тыс. русских Латвии в этом десятилетии эмигрировало в страны Евросоюза.

О динамике русской общины в 2010-е – первой половине 2020-х гг. фактически можно судить только по данным текущего демографического учёта, хотя в Латвии в 2021 г. была проведена третья постсоветская перепись населения. Однако это была регистрация перепись, при которой собирались только личные данные жителей страны, имевшиеся в источниках административного учёта. Есть основания полагать, что эта информация могла содержать существенные лакуны и, в целом, мало отличалась от текущей этнодемографической статистики, точность которой оставалась невысокой на всем протяжении 1990–2000-х гг.¹

Согласно официальной статистике, численность русских Латвии за 2011–2025 гг. сократилась с 557,1 до 434,2 тыс. человек (–20,1%). В абсолютных размерах ежегодная убыль составляла в среднем 8–9 тыс. человек, в долевом измерении – 1,6–1,8 % от общей численности

тыс., а в 2009–2010 гг. – 2,19–2,78 тыс. При общей «нисходящей динамике» этого показателя, такой скачкообразный спад в мирное время мог быть только статистическим эффектом, не имевшим отношения к реальности.

¹ Что результаты переписи, проведённой регистрационной методикой, являются достаточно приблизительными, свидетельствует факт свободной коррекции численности русских страны за 2023–2024 гг. (445,6 и 437,6 тыс. соответственно), произведённой Статкомитетом Латвии в 2025 году. Указанные цифры были изменены на 449,2 и 442,3 тысяч.

русских, из которых почти 3/4 приходилось на естественно-ассимиляционные потери, которые, достигнув максимума в период мировой пандемии (19,2 %), сохранялись на высоком уровне и в последующие годы (табл. 2.3).

Таблица 2.3.

Численность русского населения Латвии и факторы его динамики в первой четверти XXI в.

Годы*	Численность* *	Динамика		Естественное воспроизведение, тыс. чел			Естес т. прир-рост, % %	Миграция**	
		Тыс. чел.	%	Рожда-емость	Смерт-ность	При-рост		Тыс. чел.	%
2000	703,2	-8,3	-11,8						
2001	694,9	-10,26	-14,8	5,16	10,16	-5,01	-7,2	-5,25	-7,6
2002	684,7	-7,63	-11,1	5,25	9,92	-4,66	-6,8	-2,97	-4,3
2003	677	-8,14	-12,0	5,4	9,87	-4,46	-6,6	-3,68	-5,4
2004	668,9	-8,2	-12,3	5,3	9,93	-4,63	-6,9	-3,57	-5,4
2005	660,7	-7,86	-11,9	3,65	10,29	-6,64	-10,1	-1,22	-1,8
2006	652,8	-7,39	-11,3	3,18	10,4	-7,22	-11,1	-0,17	-0,2
2007	645,4	-8,63	-13,4	3,08	10,07	-7,0	-10,8	-1,63	-2,6
2008	636,8	-8,27	-13,0	3,11	9,48	-6,36	-10,0	-1,91	-3,0
2009	628,5			2,78	9,06	-6,28	-10,0		
2010				2,19	9,31	-7,12			
2011	557,1	-15,28	-27,4	2,07	8,74	-6,67	-12,0	-8,61	-15,4
2012	541,8	-11,42	-21,1	2,34	8,96	-6,62	-12,2	-4,8	-8,9
2013	530,4	-10,28	-19,4	3,45	8,92	-5,46	-10,3	-4,82	-9,1
2014	520,1	-7,74	-14,9	3,55	8,76	-5,2	-10,0	-2,54	-4,9
2015	512,4	-8,03	-15,7	3,63	8,69	-5,06	-9,9	-2,97	-5,8
2016	504,4	-8,84	-17,5	3,35	8,66	-5,31	-10,5	-3,53	-7,0
2017	495,5	-8,28	-16,7	2,89	8,71	-5,82	-11,7	-2,46	-5,0
2018	487,3	-8,58	-17,6	2,63	8,84	-6,21	-12,7	-2,37	-4,9
2019	478,7	-7,46	-15,6	2,29	8,19	-5,89	-12,3	-1,57	-3,3
2020	471,2	-7,62	-16,2	2,08	8,75	-6,67	-14,1	-0,95	-2,1
2021	463,6	-9,24	-19,9	1,87	10,77	-8,9	-19,2	-0,34	-0,7
2022	454,4	-5,19	-11,6	1,45	9,29	-7,85	-17,3	2,66	5,7
2023	449,2	-6,85	-15,5	1,09	8,37	-7,28	-16,2	0,43	0,7
2024	442,3	-8,07	-18,6						
2025	434,2								

* на начало года

** официальная статистика

Источник: табл. 2.3, 2.5–2.6 по данным переписей Латвии 2001, 2011, 2021 гг.

После начала СВО в демографических потерях вновь заметно выросла доля, связанная со сменой идентичности биэтнофоров – практикой, в которой внешнему наблюдателю невозможно отделить реальную ассимиляцию от этнокультурной маскировки. Последняя присутствовала в русской общине Латвии в значительных масштабах, о чём свидетельствует следующий факт – за 2022–2023 гг. в стране на 70% (с 1,87 до 1,09 тыс. в год) сократилось число детей, рожденных русскими женщинами (см. табл. 2.3). С точки зрения демографии абсолютно немыслимый для мирного времени факт, объяснимый только массовым сокрытием своей национальности русскими роженицами.

Согласно официальной статистике, миграционные потери русской общины за 2011–2024 гг. составили только 32 тыс. чел. – около 2,5 тыс. в год, что было почти в три раза ниже уровня 2000-х гг. Существует вероятность того, что реальный отток был несколько выше. Но сам факт значительного сокращения его масштабов сомнения не вызывает, как и сохранение его европейского вектора.

Тем самым, впервые в постсоветский период естественно-ассимиляционные потери стали центральной причиной общей депопуляции русского населения страны. В целом же за 1989–2025 гг. данные две компоненты оказались сопоставимы по своему вкладу в нисходящую динамику русской общины, размеры которой за этот период сократились в 2,1 раза (с 905,3 до 434,2 тыс.).

Межнациональная брачность и группа смешанного населения. Значительные ассимиляционные потери постсоветского периода были связаны с высоким уровнем межнациональной брачности русских Латвии, фиксируемой уже в 1970–1980-е гг. (табл. 2.4). В конце советского периода более трети городских русских и половина сельских выбирали себе супруга другой национальности.

Расчёты показывают, что в начале 1980-х гг. детские, подростковые и юношеские генерации (0–19 лет) русского населения Латвии составляли около 247 тыс. человек, из которых только 138 тыс. родились в моннациональных семьях (говоря условно, «полные» этнические русские), а 109 тыс. были рождены в семьях с одним русским супругом (группа биэтнофоров с русской самоидентификацией). Группа биэтнофоров в возрасте 0–19 лет (из смешанных семей с участием русских) с другими национальными идентичностями насчитывала порядка 40 тыс. человек.

Таблица 2.4

Доля русских Латвийской ССР, вступивших в межнациональный брак в 1978 и 1988 гг. (%)

Годы	Все население		Городское		Сельское	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1978	35,5	35,1	32,9	33,5	46,6	45,7
1988	37,1	37,6	35,6	35,9	48,6	50,4

Источник: Население СССР 1989, с. 286–287

Таким образом, в конце советского периода в младших генерациях русских Латвии на 100 «полных» этнических русских приходилось 100–105 биэтнофоров (русских на $\frac{1}{2}$), как с русской, так и с иной идентичностью. При этом, доля самоопределявшихся русскими в этой биэтнической группе составляла около 70–75 %. Но ещё существенней то, что порядка 29–30 % этой смешанной молодёжи составляли русско-латышские биэтнофоры. Уже в конце 1970-х гг. 54–55 % представителей данной группы выбирали титульную идентичность (рассчитано по: Волков 1989). С начала постсоветского периода этот показатель значительно вырос. А в генерациях русско-титульной молодёжи 2000–2010-х гг. самое значительное большинство изначально самоопределялось латышами.

В новых социально-политических условиях более привлекательными оказывалась не только титульная, но и некоторые другие идентичности (польская, немецкая, еврейская и т.д.), в которых также теперь предпочитало самоопределяться смешанное население, ранее идентифицировавшее себя как русское. Но наиболее распространённым вариантом межнациональных семей у русских Латвии остались браки с украинцами и белорусами. В советский период порядка 85–90 % потомства таких семей выбирало русскую идентичность. В первые десятилетия XXI в. этот показатель снизился до 50–60 %. Именно существенные сдвиги в выборе самоидентификации разными группами смешанного населения играли существенную роль в демографической динамике русской общины страны.

География и система расселения русских.

В пространственном аспекте убыль русского населения Латвии была достаточно равномерной, но прежде всего по формам расселения. На протяжении всего постсоветского периода доля столичной группы в общей численности русских страны колебалась в диапазоне

44,5–47,5 %. И в 2021 г. практически не отличалась от 1989 г. (табл. 2.5). Стабильной оставалась и доля русских Даугавпилса – второго центра страны, как и остальных городских центров.

Устойчивое сокращение численности русских сопровождалось снижением их доли в большинстве территориальных сообществ муниципального и регионального уровня (табл. 2.6; рис. 2.1). Но удельные потери русских в этнодемографической структуре своих поселений были существенно ниже абсолютной убыли, поскольку масштабная депопуляция отличала и большинство других национальностей Латвии, включая титульных латышей. Только за 2001–2021 гг. все население страны сократилось на 19,9 %, прежде всего за счёт активного оттока в другие страны Евросоюза.

При этом удельный вес городских центров и сельских административных территориальных образований (далее ТО) с определённой концентрацией русских в структуре местного населения оставался сближенным между собой и почти не менялся во времени. В начале 2020-х гг. 35,9 % городов и 43,6 % сельских поселений имели 1–6 % русских жителей. В 35,9 % и 33,0 % городских и сельских ТО данный показатель составлял 6–10 %.

Таблица 2.5
Форма расселения русских Латвии, 1989–2021 гг.

Центры и территории	Численность, тыс. чел.				Доля от общей численности (%)			
	1989	2001	2011	2021	1989	2001	2011	2021
Рига	430,7	309,9	264,6	219,7	47,6	44,6	47,5	47,4
Даугавпилс	72,8	59,8	50,1	38,5	8,0	8,6	9,0	8,3
Остальные города	266,2	223,1	154,9	128,9	29,4	32,1	27,8	27,8
Села	135,8	102,2	87,5	76,5	15,0	14,7	15,7	16,5
Вся Латвия	905,5	694,9	557,1	463,6	100	100	100	100

Однако, демографическая динамика конкретных городских и сельских поселенческих групп русских зависела от результирующей множества причин, включая размеры этих групп, уровень исторической укоренённости, показатели экономического развития, расстояние от Российской Федерации. Многосоставной характер причинного комплекса исключал возможность линейной корреляции этой динамики с каждым из факторов. Иногда значительные группы русских сокращались быстрей, чем небольшие или локальные, а общины

крупных городов «таяли» интенсивней групп, локализованных в депрессивных районах Латвии.

Таблица 2.6
Число территориальных образований Латвии с удельным весом русских в структуре местного населения (единиц)

Доля русских в населении ТО, %	2000 год			2021 год		
	Город-ские	Сель-ские	Все ТО	Город-ские	Сель-ские	Все ТО
0,3–1,0		8	8		12	12
1,1–3,0	5	88	93	13	121	134
3,1–6,0	17	106	123	15	123	138
6,1–10,0	7	90	97	13	87	100
10,1–20	18	84	102	15	98	113
20,1–30,0	9	41	50	14	41	65
30,5–40	12	21	33	5	29	34
40,5–49	6	24	30	4	32	36
50–59,0	3	4	7	2	9	11
62–69	1	8	9		7	7
72–81,5		6	6		1	1

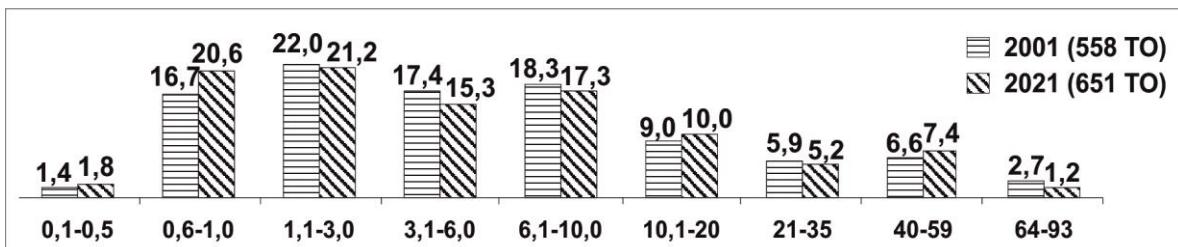

Рис. 2.1. Доля территориальных образований с удельным весом русских в структуре местного населения, %

Источник: рис. 2.1–2.3 по данным переписей Латвии 2001, 2011, 2021 гг.

Учитывая, что показатели естественного воспроизводства русского населения в большинстве территориальных образований страны были сближенными, значительную роль в темпах его динамики играла миграция, как международная, так и внутренняя, связанная с перетоком русских между отдельными регионами и городами Латвии. Центральным вектором во внутренней миграции русского населения в 2000–2010-е гг. было перемещение провинциалов в столичный регион. Причём значительная часть мигрантов предпочитала селиться не в самой Риге, а в городах-спутниках столичной агломерации, а также в районах, к ней прилегающих. Этот переселенческий тренд не

ограничивался городской системой, распространяясь и на сельские территории. Если большинство территориальных групп русских Латвии в 2010-е гг. сократилось на 12–25%, то в окрестностях Риги их убыль составляла 1–5 %, а в некоторых поселениях русское население даже выросло (рис. 2.2).

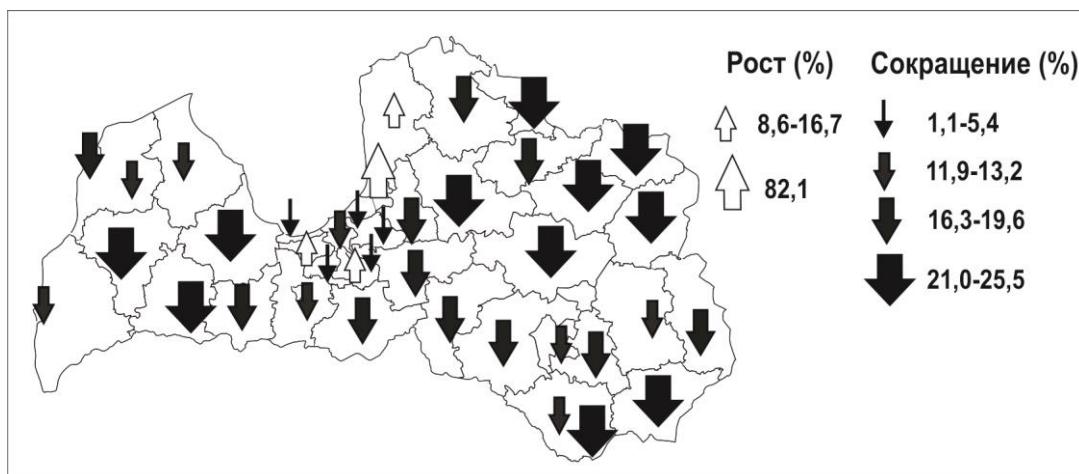

Рис. 2.2. Динамика русского населения ведущих городов и краев Латвии за 2001–2021 г. (%)

Сохраняла в 2000-2010-е гг. свои основные черты и общая система расселения русского населения, основным средоточием которого помимо столичной агломерации являлся юго-восток Латвии. В начале 2020-х гг. здесь оставалось три края, в которых доля русских в структуре населения превышала 30 %, а в крупнейших городских центрах юго-востока (Даугавпилс и Резекне) этот показатель был больше 40 %. При этом, в 21 из 36 регионов страны (более половины её территории) удельный вес русских превышал 10 % (в т.ч. в 6 было выше 20 %) (рис. 2.3). Минимальным было присутствие русских в западных регионах, в которых их удельный вес в структуре населения составлял 2–6 %.

В целом, анализ системы расселения русского населения Латвии в 2000–2010-е гг. позволяет сделать вывод о том, что его повсеместная демографическая убыль почти не сопровождалась сжатием географии, в начале 2020-х гг. по-прежнему заключавшей практически всю поселенческую сеть страны. Русские присутствовали не только в городах, но почти во всех крупных, средних и небольших поселениях Латвии (620 населённых пунктов)¹.

¹ Рассчитано по: Population statistics of Eastern Europe & former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org/>

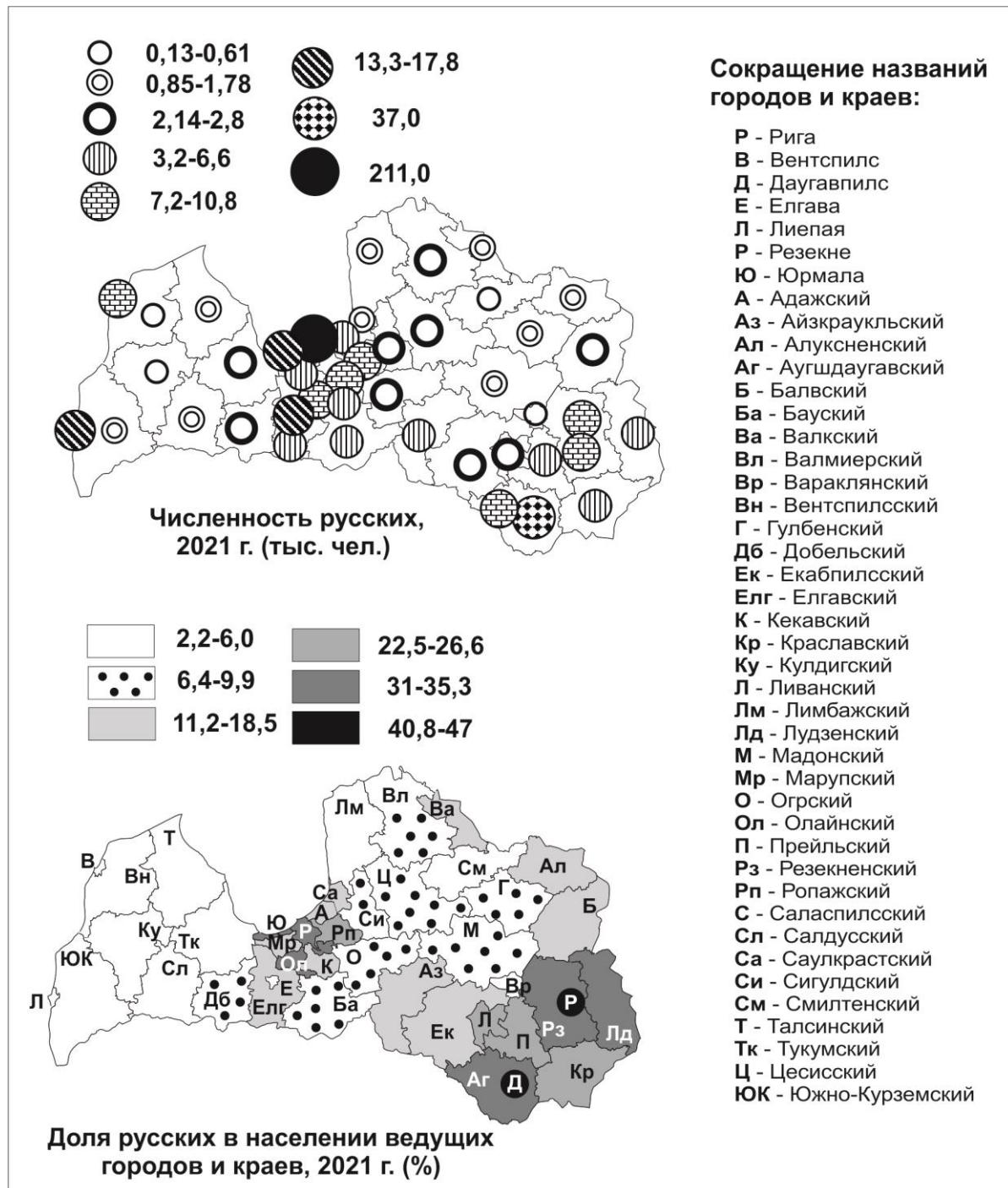

Рис. 2.3. Система расселения русских Латвии, 2021 г. (тыс. чел.; %)

Демографические перспективы русских Латвии. Анализ демографической динамики русской общины страны в постсоветский период убеждает в устойчивом характере «нисходящего» тренда, имеющего место уже 35 лет. С максимальной вероятностью убыль русского населения, задаваемая суммой всех факторов количественной динамики, сохранится и в дальнейшем. При этом естественная убыль и миграция в Россию будут по-прежнему играть второстепен-

ную роль, в сравнении с оттоком в другие страны Евросоюза и ассимиляционным процессом, работающим через активную межнациональную брачность русских и последующий отказ смешанного потомства таких семей от русской идентификации.

Но и русские страны, продолжающие сохранять свою этнокультурную идентичность, всё более существенно отличаются от доминантных социокультурных и психоментальных типов русского населения России. Уже в начале 2000-х гг., исследователи замечали, что местные русские, «сами того не замечая, переориентировались на Европу, на ее культурные штампы, оставаясь пока носителями русской речи... Впрочем, и русская речь в Латвии всё больше отдаляется от российского стандарта... Речь родившегося и выросшего в Латвии русского уже режет слух в российской культурной среде... А сами местные русские постепенно осознают, что латыши, с которыми они живут и работают бок о бок, становятся им куда ближе и понятнее, чем бывшие земляки-россияне... Не бывает единой модели поведения. Тем не менее десять лет существования латышского государства выявили основную тенденцию – курс на ассимиляцию русских в латвийское общество»¹.

Спустя ещё 20 лет можно констатировать, что последний вывод был преждевременным. Плотно интегрируясь в латвийское общество, значительная часть русского населения страны продолжает сохранять свою исходную идентичность и не стремится к полному этнокультурному растворению в титульном сообществе. Тем более, что это едва ли возможно. Но постепенное усиление ассимиляционного тренда очевидно.

В настоящее время основная масса русских Латвии – люди экономически, социокультурно, ментально адаптированные к жизни в своей стране, высоко оценивающие возможности, открываемые её европейским статусом. Подавляющее большинство тех, для кого возвращение на историческую родину являлось значимой жизненной целью, успело вернуться в Россию ещё в 1990-е годы. К началу XXI в. отток сократился самым существенным образом. А новое geopolитическое охлаждение между Россией и коллективным Западом, достиг-

¹ Русские в Латвии.. Вчера. Сегодня. Завтра... URL:
<http://xfilepress.com/russkie-v-latvii-vchera-segodnya-zavtra.aspx>

шее максимума после начала СВО, практически свело к нулю отток русских из Латвии в Российскую Федерацию¹.

Среди латвийских русских доминирует желание максимальной социально-экономической и социокультурной интеграции в республиканский социум. Один из вариантов – брак с представителем титульного народа. Показательны даже фрагментарные данные текущего демографического учёта населения. В 2015 г. из 5,17 тыс. детей, рождённых русскими женщинами Латвии, 1,16 тыс. были записаны латышами; а из 14,1 тыс. младенцев, рождённых латышками, 159 записаны русскими (табл. 2.7). Данный более чем 7-кратный перевес был отчасти связан с тем, что русские женщины заметно чаще становились супругами латышей, чем русские мужчины женились на латышках. Но можно предположить, что количественная разница между этими двумя вариантами русско-латышской брачности была не столь значительной. И часть русских мужей была согласна записать своего ребёнка по национальности матери. Таким образом, в демографическом взаимообмене с титульным народом русские Латвии в середине 2010-х гг. теряли порядка 1/5 своего естественного пополнения.

Таблица 2.7

**Число родившихся по национальности матери
и ребенка, 2015 г. (чел.)**

Национальность матери/ ребенка	латышка	русская	белоруска	украинка	полячка	литовка	другие	всего
латыши	14070	1156	142	115	119	148	80	15830
русские	159	3086	115	103	77	25	67	3632
белорусы	7	34	63	6	4	2	4	120
украинцы	9	24	4	63	3	2	1	106
поляки	14	48	11	4	87	0	1	165
литовцы	11	14	0	4	2	29	1	61
другие	593	809	129	114	137	44	393	2219
всего	14863	5171	464	409	429	250	547	22133

Источник: Бузав 2016, с. 25

¹ Здесь мы оставляем в стороне развёрнутую в Латвии в последние годы программу депортации из страны части «неграждан» с российскими паспортами.

Справедливости ради отметим, что в других межнациональных сочетаниях русская идентичность оставалась в это время вполне конкурентной. В смешанных семьях латвийских русских не только с местными украинцами и белорусами, но даже с поляками и литовцами родители чаще выбирали детям именно русскую национальность. И данное ассимиляционное пополнение в целом компенсировало до половины потерь, понесённых в демографическом взаимообмене с титульным сообществом¹.

Однако демографическая убыль русских Латвии в ближайшие годы будет ускоряться не только из-за роста числа русско-титульных семей с последующей ассимиляцией их потомства, но и в связи с резким сокращением числа женщин репродуктивного возраста. С серединой 2010-х гг. в активный детородный возраст входит малочисленная генерация первого постсоветского десятилетия. За 2014–2019 гг. численность русских женщин в возрасте 20–39 лет должна была сократиться в Латвии с 68 до 60 тыс. (на 12,2%), а концу 2020-х гг. – до 41 тысячи (–40%). В реальности этот процесс мог идти ещё быстрее, вследствие сохранявшегося оттока и ассимиляционного фактора. В 2024 г. группа активной репродукции в русской общине страны составляла 45,3 тыс., потеряв за десятилетие около трети своей численности (табл. 2.8). В середине 2030-х гг. с учётом миграции размеры данной группы с большой вероятностью окажутся ниже 30 тыс. человек.

В середине 2020-х гг. численность русских в стране опустилась до 434 тыс. человек (уровень начала 1950-х гг.) с тенденцией к дальнейшему быстрому сокращению. Прогностический расчёт естественной динамики русского населения Латвии методом передвижки возрастов с учётом ассимиляционной составляющей (включение части

¹ Еще быстрей перечисленные крупные общины страны ассимилируются самими латышами. Как результат, уже в начале 2020-х гг. медианный возраст белорусов Латвии превышал 57 лет, украинцев и поляков составлял соответственно 53,5 и 52,3 года. Налицо все признаки быстрого угасания данных общин, численность которых сокращается темпом, превосходящим депопуляцию русского населения. Очевидно, что их демографического ресурса для ощутимой подпитки русской общины Латвии хватит ненадолго. Не говоря о том, что с начала СВО и жесткого обострения отношений России и коллективного Запада украинская и белорусская национальность стали в Латвии значительно более «комфортно-целесообразными», чем русская в социальной повседневности и профессиональной карьере.

русских репродуктивных женщин в воспроизведение титульного народа) обнаруживает заметное ускорение масштабов демографической убыли уже со второй половины 2020-х гг. А в 2030–2040-е гг. естественно-ассимиляционная убыль может составлять порядка 17–18 % в год (табл. 2.9).

Таблица 2.8

Численность русских женщин активного репродуктивного возраста в Латвии, 20–39 лет (тыс. чел.)

показатель	2014	2019	2024	2029	2034
Число женщин (пере- движка возрастов)	68,1	59,8	51,5	40,8	33,0
Число женщин (реальная динамика)		55,1	45,3		

Источник: расчеты автора

Даже демографический сценарий, предполагающий определённую активизацию (на 10 % от современного уровня) репродуктивной активности русских женщин при параллельном улучшении коэффициентов дожития различных возрастных групп русского населения Латвии, оказывается сопряжён со значительным сокращением его численности к середине XXI века.

Таблица 2.9

Сценарии динамики русского населения Латвии (удельные показатели), 2025–2050 гг.

Сценарии	2025–2030	2031–2040	2041–2050
<i>Естественная убыль и ассимиляция (% от наличной численности)</i>			
Позитивный	5–6	10–11	10–11
Средний (наиболее вероятный диапазон)	6–8	12–15	12–15
Негативный	8–10	17–20	17–20
<i>Чистый отток (% от наличной численности)</i>			
Позитивный	2–2,5	3–4	2–3
Средний (наиболее вероятный диапазон)	3–4	5–7	4–6
Негативный	5–6	8–10	7–10

Источник: расчеты автора

Но помимо естественной и ассимиляционной убыли имеется и миграционный отток, на который долгое время приходились основные демографические потери русской общины. В 2020–2040-е гг. миграция с большой вероятностью не вернётся на позиции центрального фактора общей депопуляции русских. При этом её вклад в этот процесс может быть весьма значимым даже при среднегодовом показателе в 5–7 %. Совмещение негативного сценария естественно-ассимиляционной и миграционной динамики русского населения способно сократить его численность в Латвии к началу 2030 г. до 365–378 тыс. чел., а к середине века до 180–215 тысяч. Положительный сценарий также будет связан с масштабной демографической убылью, способной за вторую четверть XXI в. сократит русскую общчину на треть от уровня 2025 г. (до 290–310 тыс.) (табл. 2.10).

Таблица 2.10
**Сценарии количественной динамики русского населения
Латвии, 2025–2050 гг. (тыс. чел.)**

Сценарии	2025	2030	2040	2050
ПП*	434,2	397–404	337–351	290–310
ПС		391–400	320–340	265–292
ПН		382–390	302–320	239–265
СП		389–400	315–340	258–292
СС		382–395	298–328	235–275
СН		373–386	280–309	210–250
НП		380–390	289–312	223–244
НС		373–386	272–301	201–238
НН		365–378	255–284	180–215

Примечание: П – позитивный; С – средний; Н – негативный

* - первым поставлен вариант естественно-ассимиляционной динамики, вторым - миграционной

Источник: расчеты автора

Не менее существенно, что медианный возраст русских Латвии с современных 51,7 лет с большой вероятностью поднимается к 2050 г. до 57–59 лет, а доля пожилых людей (60+) среди них приблизится к 50 %. Такая возрастная структура будет свидетельствовать о неизбежном резком ускорении естественной депопуляции русского населения уже в 2060–2070-е гг. При реализации данного сценарии последняя четверть XXI в., по сути, может стать временем почти окон-

чательного демографического заката всё ещё самой крупной русской общины Балтии.

2.2. Литва

Численность русских и факторы их демографической динамики. В послевоенные десятилетия русское население Литовской ССР росло со скоростью 1,3–1,5 % в год. Значительную часть этого роста обеспечивал миграционный приток из России и других союзных республик СССР. Учитывая трудовой характер миграции и её социопрофессиональную структуру, самая значительная часть русских переселенцев оседала в городах, ориентируясь на крупнейшие административные и промышленные центры республики. При общем уровне урбанизации в 77 %, более 60 % русских было сосредоточено в трёх городах Литвы: Вильнюсе, Каунасе и приморской Клайпеде, ставшей одним из крупнейших советских портов на Балтике.

Абсолютный рост численности русских Литвы долгое время значительно уступал аналогичному показателю других республик Прибалтики, но при этом он не сокращался от десятилетия к десятилетию, а в 1980-е гг. даже несколько вырос. Первоначально (1950–1960-е гг.) вклад миграции в этот процесс существенно уступал по своему значению естественной компоненте. Но постепенно увеличиваясь в размерах, он в последнее советское десятилетие почти сравнялся по масштабам с естественным приростом (табл. 2.11).

Таблица 2.11
**Структура демографического прироста русских
Литовской ССР, 1959–1989 гг. (тыс. чел., %)**

Годы	При- рост	Компоненты роста, тыс. чел			Доля в общем росте, %		
		мигра- ция	естест. прирост	ассими- ляция	мигра- ция	естест. прирост	ассимиля- ция
1959– 1970	37,0	3–6	30–32	0,5–1	8–16	81–86	1,5–3
1970– 1979	35,5	8–10	25–27	0,5–1	22–28	70–76	2,5–3
1979– 1989	41,0	18–21	20–23	–	44–51	49–56	–

Источник: табл. 2.11; 2.13–2.15, 2.17–2.19 по расчетам автора.

Ограниченные масштабы переселенческого потока не позволили русской общине серьёзно увеличить своё удельное представительство – за 1959–1989 гг. её доля в населении Литвы выросла только на 0,85 % (с 8,52 до 9,37 %). При этом, в отличие от двух других республик региона, представленность русских в литовских городах всё это время сокращалась, составив к концу 1980-х гг. 12,4 % (против 17 % на рубеже 1960-х гг.) (табл. 2.12). Сокращался удельный вес русского населения и в столице республики.

Таблица 2.12
Геодемографические характеристики и гендерное соотношение у русских Литовской ССР, 1959–1989 гг. (тыс. чел., %)

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбани- зации, %	Доля русских (%)			Число мужчин на 100 женщин		
	всего	город	село		всего	город	село	общий	город	село
1959	231,0	177,8	52,2	77	8,52	17	3,19	82,5	80	92
1970	268,0	227,6	40,4	84,9	8,57	14,5	2,59	91	92	85
1979	303,5	263,0	40,5	86,7	8,95	12,9	2,98	93	93	96
1989	344,5	309,1	35,3	89,7	9,37	12,4	2,97	93	93	94

Источник: Рассчитано по Демоскоп Weekly. URL:
<http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

Демографический рост русской общины, как и в соседней Латвии, замирает в годы перестройки. В 1989–1991 гг. чистый отток русских из Литовской ССР составил 9,6 тыс. человек. А с начала постсоветского периода масштабы миграции выросли ещё в несколько раз. В 1992–1994 гг. в Россию выехало (отрицательное миграционное сальдо) 23,6 тыс. русских (Население России 2001). Однако уже в 1995 г. миграция идёт на спад и во второй половине десятилетия её размеры ограничиваются 0,3–0,6 тыс. чел. в год. В целом за 1989–2001 гг. согласно миграционной статистике чистый отток русских из Литвы в Россию составил около 43 тыс. человек. С учетом выезда в другие страны эта цифра может быть увеличена до 51–52 тыс. Порядка 14–15 тыс. составила в данный период естественная убыль, заметно выросшая во второй половине 1990-х гг. Определённая часть демографических потерь была связана и с переменой этнической самоидентификации части смешанного русского населения (табл. 2.13).

Уровень межнациональной брачности русских Литвы был очень высоким уже в последние десятилетия советского периода, поскольку данный показатель находился в обратной корреляции с общим размером русского населения, его удельным весом и системой расселения. Чем выше в той или иной союзной республике СССР были численность и пространственная концентрация русского населения, тем ниже у него оказывалась доля межнациональных браков.

Таблица 2.13
**Компоненты демографической убыли русских
Литвы, 1989–2001 гг.**

Абсолютные потери, тыс. чел.			Удельный вес в общей убыли, %		
естеств. убыль	миграция в Россию	смена идентич- ности	естеств. убыль	миграция в Россию	смена идентич- ности
16–17	55–57	51–52	12,9–13,7	44,4–46	41,1–41,9

В Литве, в которой, в отличие от двух других союзных республик Прибалтики, не было центров и субрегионов с компактным проживанием русских и высоким их удельным весом в структуре населения, показатель межнациональной брачности в 1970–1980-е гг. превышал 50 %. Соответственно значительной была и прослойка смешанного населения, часть которого в новых социально-политических и социокультурных условиях меняла свою национальную идентичность, существенно дополняя естественные и миграционные потери русской общины страны.

В целом, за 1989–2001 гг. численность русского населения страны сократилась на 36,2 % (с 344,5 до 219,8 тыс.), что было максимальным долевым показателем демографических потерь в Балтийском макрорегионе. В начале XXI в. темпы убыли русских в Литве несколько сокращаются, но остаются достаточно высокими – на протяжении 2000–2010-х гг. они держались на уровне 1,9–2,0 % в год от общей численности русских (табл. 2.14).

При этом следует иметь в виду, что перепись 2021 г., как и в Латвии, была выполнена электронным образом – вся информация о населении была взята из 13 государственных регистров и 5 информационных систем, дополненных данными, полученными из ночлежных домов. Учитывая, что в государственных регистрах отсутствовала информация о национальности, родном языке и религиозной принад-

лежности жителей страны, эти пробелы были дополнены статистической, собранной с помощью массового онлайн-опроса, охватившего 171 тыс. человек (около 6 % населения страны). Но очевидно, что экстраполяция этнодемографической структуры респондентов на всё население Литвы чревата серьёзной погрешностью. И едва ли может расцениваться как точное знание.

Таблица 2.14.

**Динамика численности русского населения Литвы
за 1989–2001 гг.**

Показатели	1989	2001	2011	2021
Численность, тыс. чел.	344,5	219,8	176,9	141,1
Доля в населении страны/республики, %	9,37	8,40	6,31	5,02
Динамика	1989– 2001	2001– 2011	2011– 2021	1989– 2021
За период, %	–36,2	–19,5	–20,2	–59,0
В среднем за год, %	–3,01	–1,95	–2,02	–1,84

Об этом в частности свидетельствуют существенные отличия результатов переписи 2021 г. от данных текущего демографического учёта населения, согласно которому в первой половине 2010-х гг. темпы убыли русского населения выросли до 5,3 % в год и за 2011–2015 гг. его численность в Литве сократилась со 176,9 до 139,5 тыс. чел. Сохранение такого темпа демографической депопуляции на вторую половину десятилетия должно было сократить размеры русской общины страны к 2021 г. до 95 тыс. чел. А если бы во второй половине 2010-х гг. темпы потерь снизились до уровня «нулевых» (около 2 % в год), русское население Литвы в начале 2020-х гг. составляло бы порядка 123 тысяч.

Но полученная фактически расчётным путём численность русских в 2021 г. оказалась выше данных текущего демографического учёта на середину 2010-х гг. Что вызывает сомнение в достоверности результатов последней переписи, на которые, однако, за отсутствием другой статистической информации, приходится ориентироваться при анализе геодемографической динамики русской общины страны в последние 10–15 лет.

В целом, за 1989–2021 гг. русское население Литвы по официальной статистике сократилось почти в 2,5 раза. Что было макси-

мальным показателем среди трёх балтийских государств. В долевом измерении убыль была менее значительной, но тоже весомой (с 9,4 до 5,0 %). Если в первое постсоветское десятилетие центральными факторами убыли являлись отток в Россию и смена идентичности у части смешанного населения, то в 2000–2010-е гг. на первые позиции выдвигается эмиграция в другие страны Евросоюза и естественные потери, совмещённые с ассимиляционным процессом, работающим через растущую межнациональную брачность русского населения страны и отказ от русской идентичности потомством таких семей. В первом десятилетии XXI в. депопуляционный «вклад» обоих этих факторов был сопоставим, а в 2010-е гг. основной причиной становится естественно-ассимиляционная убыль (табл. 2.15). Есть основания полагать, что её ведущая роль в демографическом «сжатии» русской общины сохранится, как минимум, в ближайшие 2–3 десятилетия.

Таблица 2.15
**Компоненты демографической убыли русских
Литвы, 2001–2011 гг.**

Период	Абсолютные потери, тыс. чел.			Удельный вес в общей убыли, %		
	естест. убыль, ас- симилияция	мигра- ция в Россию	миграция на Запад	естест. убыль, ас- симилияция	миграция в Россию	миграция на Запад
2001-2011	19–20	2–3	20–22	16–19	12–16	65–72
2011-2021	22–23	0,5–1	13–14	61–64	1,5–3,0	36–39

Межнациональная брачность и группа смешанного населения. Как уже отмечалось, уровень межнациональной брачности русских Литовской ССР в конце советского периода был самым высоким в Прибалтике. Во второй половине 1980-х гг. порядка 55–57 % русских мужчин и 50–52 % женщин республики вступали в брак с представителем другой национальности (табл. 2.16). В городах этот показатель был несколько ниже, а в сельской местности, в которых русских было мало и во многих районах они проживали дисперсно, доля находивших себе «иноэтнического» супруга у мужчин составляла более 67 %, у женщин превышала 71 %. Соответственно, группа биэтнофоров в структуре русского населения Литвы была уже очень высокой.

Проведённые расчёты показывают, что в конце 1970-х гг. в младших возрастных когортах русского населения Литовской ССР (0–19 лет) общая численность которых составляла 91 тыс. чел., только 39 тыс. (42,5 %) родились в мононациональных семьях, т.е., говоря условно, были «полными» этническими русскими. А группа биэтнофоров с русской самоидентификацией (потомство семей с одним русским супругом) составляла более 52 тыс. (57,5 %). Ещё 29 тыс. русско-нерусских биэтнофоров Литвы в данных возрастных группах имели иную этнонациональную идентичность (рассчитано по: Волков 1989).

Таблица 2.16
**Доля русских Литовской ССР, вступивших в
межнациональный брак в 1978 и 1988 гг. (%)**

Годы	Все население		Городское		Сельское	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1978	52,3	47,4	50,5	45,8	55,4	49,0
1988	56,5	51,7	55,4	49,0	67,2	71,3

Источник: Население СССР 1989, с. 276–277.

То есть, в данный период в младших генерациях русского населения Литовской ССР на 100 «полных» этнических русских приходилось 205–210 биэтнофоров (русских на $\frac{1}{2}$) с русской и другой идентификацией. Из этой биэтнической группы 64–65 % самоопределялись русскими. Но этот показатель самым существенным образом различался у смешанного потомства русско-литовских и русско-нетитульных семей. В первых русскую идентичность выбирало только 26,4 % биэтнофоров, во вторых – 85–90 % (в частности, в русско-украинских семьях – 85,9 %, в русско-белорусских – 89,3 %) (рассчитано по: Волков 1989).

В постсоветский период предпочтение титульной самоидентичности детей в русско-литовских семьях могло подняться до 80-90 %, а в семьях русских с представителями других народов (в т.ч. украинцами и белорусами) сместиться к равновесному показателю. При этом некоторые идентичности (например, польская или немецкая) могли выглядеть предпочтительней русской.

Даже в отсутствии информации об уровне межнациональной брачности русских Литвы в 2000–2010-е гг. есть все основания полагать, что она выросла в сравнении с советским периодом. Тем более, что 2,5-кратное сокращение численности русских сопровождалось

существенным сокращением выбора брачных партнёров внутри общины и 2/3–3/4 или более её представителей могли выбирать себе спруга другой национальности.

При этом, как фиксируют этносоциологические опросы, значительная часть русского населения в 2000-2010-е гг. ориентировалась на комплексную интеграцию в основные сферы жизнедеятельности Литвы, демонстрировала хорошее знание литовского языка и в целом была готова к ассимиляции своих детей (Мазур 2012). Тем более, что в этих детских генерациях доля биэтнофоров уже могла составлять 70–80 %.

География и система расселения русских. Сокращение русского населения в пределах Литвы в постсоветский период было по-всеместным и до определённой степени равномерным по уровням системы расселения. Несколько лучше остальных территориальных групп сохранились «столичные» русские. Быстрее сокращалось русское население малых и средних городских центров (рис. 2.4). Что не отменяло исключений, связанных с экономическими и социогеографическими факторами. Так, небольшой Висагинас – город-спутник Игналинской АЭС, построенный в Литве в 1970–1980-е гг. для сотрудников и семей производственного коллектива, потерял в 1990-е гг. только 10 % русского населения, притом, что в остальных городах убыль составила 30–50 %.

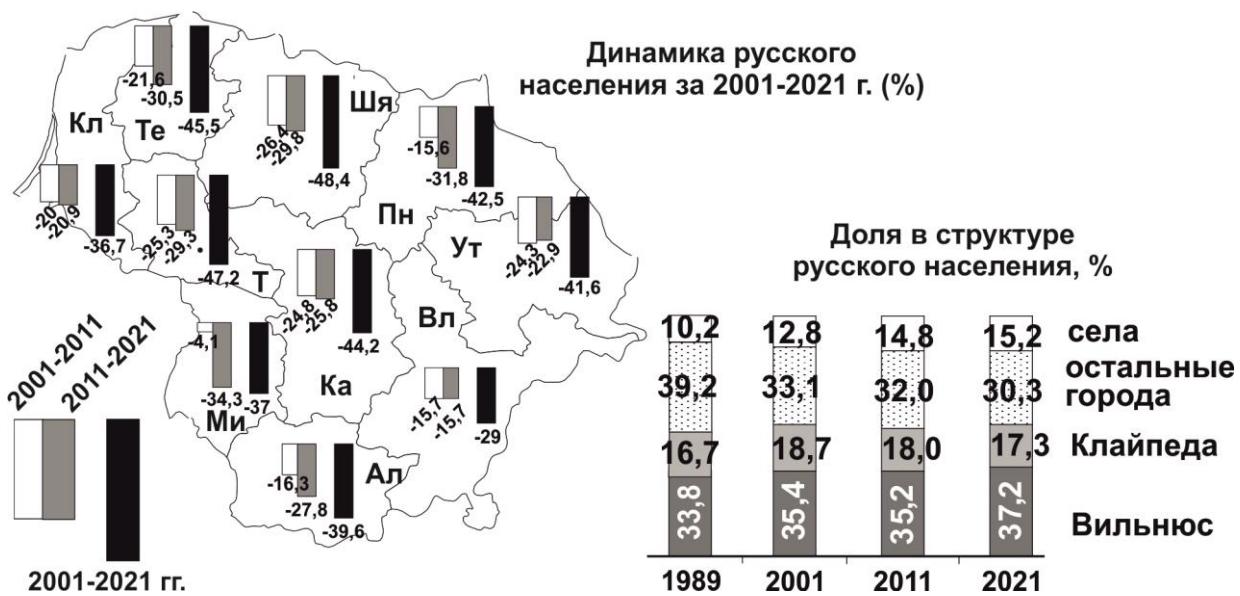

Рис. 2.4. Динамика русских по регионам Литвы и уровням системы расселения, %

И в целом, динамика русских в отдельных городах и сельских районах Литвы определялась сложным сочетанием многих факторов. Русское население некоторых крупных центров сокращалась быстрее, чем локальные сельские общины, демонстрировавшие в постсоветский период сценарий «капсулизации», тогда как русские в больших городах, активно взаимодействуя с иноэтническим окружением, подвергались более интенсивному ассимиляционному воздействию (прежде всего, через повышенную долю межнациональных браков и смешанное потомство), значительное чаще становились трудовыми мигрантами в других странах Евросоюза.

Таблица 2.17
**Система расселения русского населения Литвы,
2000–2021 гг. (тыс. чел., %)**

Центры и территории	Численность, тыс. чел.				Удельный вес в структуре населения центров/территорий, %			
	1989	2001	2011	2021	1989	2001	2011	2021
Вся Литва	344,5	219,8	176,9	141,1	9,37	6,31	5,81	5,02
Вильнюс	116,5	77,7	62,3	52,5	20,2	14,0	12,0	9,6
Каунас	35,1	16,6	11,9	8,6	8,3	4,4	3,8	2,9
Клайпеда	57,5	41,1	31,9	24,4	28,2	21,3	19,6	16,0
Висагинас	17,0	15,5	11,7	9,2	52,3	52,4	52,2	47,3
Остальные города	83,0	42,5	33,1	24,9	6,6	2,7	3,29	2,77
Все города	309,1	191,6	150,8	119,7	12,4	8,2	7,42	6,25
Сельская местность	35,3	28,2	26,1	21,5	2,97	2,45	2,58	2,40
Сельская местность столичного уезда		11,5	11,8	–		6,23	6,13	–
Сельская местность столичного само- управления		6,85	7,18	6,68		8,3	7,95	7,34
Столичный уезд с Вильнюсом		98,8	83,3	70,2		11,6	10,3	8,7
Столичный уезд без Вильнюса		21,1	21,0	17,7				

Иллюстрацией является динамика русских общин ведущих центров Литвы (Клайпеды, Шауляя, Паневежеса и даже Каунаса – второй столицы страны), которые за 2001–2021 гг. сократились в 1,8–2 раза, притом, что демографические потери русского населения целого ряда

небольших центров ограничились 10–20% (табл. 2.17; рис. 2.5). А в удельном разрезе 15 из 104 городских групп русских Литвы в данный период даже продемонстрировали рост своего долевого показателя (ещё в 19 центрах его сохранили).

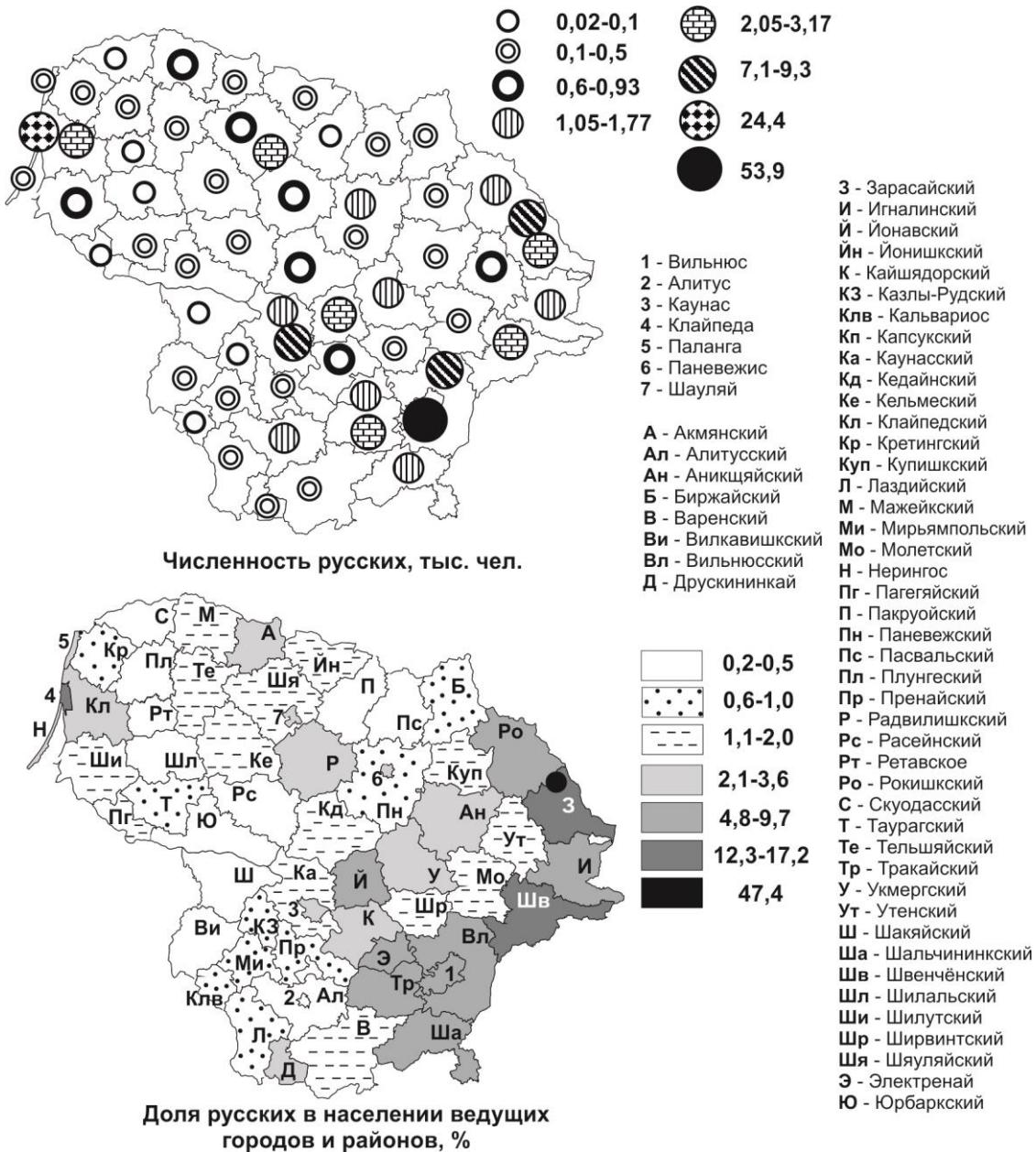

Рис. 2.5. Система расселения русских Литвы, 2021 г. (тыс. чел.; %)

Можно также отметить относительно повышенную демографическую устойчивость русских поселен Литвы. Хотя их абсолютная численность в стране сокращалась на всем протяжении постсоветского периода, происходило это значительно медленнее, чем в городской системе (убыль за 2001–2021 гг. соответственно 23,8 % и 37,5 %). А на сельских территориях столичного уезда число русских практиче-

ски не изменилось, и потому их доля в составе русских поселян Литвы выросла за указанный период с 40,7 до 52,6 %. В целом удельный вес сельской компоненты в структуре русской общины поднялся за 1989–2021 гг. с 10,2 % до 15,2 %. С точки зрения чистой статистики этот процесс выглядел как известная дезурбанизация русской общины. Но 1,5-кратный прирост долевого показателя можно считать ложной дезурбанизацией, поскольку его центральной причиной являлось «стяжение» русского населения в столичный субрегион. Показательно, что и в пределах последнего русские предпочитали пункты наиболее близкие к столице (из 11,3 тыс. русских поселян столичного уезда, 6,7 тыс. было сосредоточено в Вильнюсском городском самоуправлении, непосредственно примыкавшем к городу).

В целом, система расселения русской общины в 2000–2010-е гг. демонстрировала определённую дефрагментацию. С течением времени число поселений, в которых отсутствовали русские, росло. Но речь преимущественно шла о населённых пунктах нижнего уровня (хутора, малые и небольшие села). В средних и крупных сёлах, тем более в посёлках городского типа, русские устойчиво присутствовали, хотя и все более дисперсно.

Демографические перспективы русских Литвы. За период 1989–2021 гг. численность русских сократилась в стране в 2,5 раза, вернувшись на уровень конца XIX века. Причём темпы убыли в первой половине 2010-х гг., согласно текущему учёту, были сопоставимы с первым постсоветским десятилетием. Но, как отмечалось, результаты переписи 2021 г. существенно разошлись с данными учёта, зафиксировав в начале 2020-х гг. больше русских, чем в 2015 г. (соответственно 141 и 139 тыс. человек). Полного доверия к результатам переписи, полученным путём проекции опроса 6 % жителей страны на все её население, не может быть. Не исключено, что реальная численность русских в Литве в 2021 г. была на 20–40 тыс. ниже.

Но даже если исходить из цифры, полученной переписью, демографические перспективы русской общины выглядят достаточно пессимистично даже при среднесрочном прогнозе. Находясь под сильным этнокультурным давлением титульной национальности, русские параллельно демонстрируют высокие темпы оттока в другие страны Евросоюза. Даже если действия литовских властей, в последние годы серьёзно обеспокоенных масштабными миграционными потерями населения, будут способствовать сокращению миграции, русской об-

щине будет предельно сложно остановить своё стремительное сжатие. Речь идет только о некотором торможении этого процесса.

Естественная убыль и ассимиляция биэтнофоров даже без учёта миграции способна сократить численность русских Литвы к середине века до 60–65 тыс. чел. (табл. 2.18–2.19). При совмещении негативных сценариев естественной и миграционной динамики размеры русской общины к 2050 г. сократятся до 38–52 тысяч.

Таблица 2.18
**Сценарии динамики русского населения Литвы
(удельные показатели), 2021–2050 гг.**

Сценарии	2021–2030	2031–2040	2041–2050
<i>Естественная убыль и ассимиляция (% от наличной численности)</i>			
Позитивный	10–12	10–12	10–12
Средний (наиболее вероятный диапазон)	15–17	15–17	15–17
Негативный	18–22	18–25	18–25
<i>Чистый отток (% от численности)</i>			
Позитивный	6–7	4–5	3–4
Средний (наиболее вероятный диапазон)	8–9	7–8	5–6
Негативный	11–12	10–11	9–10

Таблица 2.19
**Сценарии количественной динамики русского населения
Литвы, 2021–2050 гг. (тыс. чел.)**

Сценарии	2021	2030	2040	2050
ПП	141	114–118	95–102	80–89
ПС		111–116	89–96	73–82
ПН		107–111	82–89	64–72
СП		107–111	83–90	66–74
СС		104–109	78–85	60–68
СН		100–104	72–77	53–59
НП		100–107	70–84	50–66
НС		97–104	65–78	45–60
НН		93–100	58–71	38–52

Примечание: П – позитивный; С – средний; Н – негативный

* Первым поставлен вариант естественно-ассимиляционной динамики, вторым – миграционной

С учётом того, что это будет очень пожилое население с медианным возрастом в пределах 60–65 лет, окончательный демографический закат общины может «уложиться» до следующего векового рубежа. Однако реализация положительного сценария позволит существенно (как минимум, на несколько десятилетий) продлить сколько-нибудь заметное русское этнокультурное присутствие в Литве.

2.3. Эстония

Точная численность русского населения Эстонии в конце Великой Отечественной войны неизвестна. Помимо потерь, связанных с военными действиями, существенную роль играло возвращение в состав РСФСР Печорского района с преимущественно русским населением. Есть основания полагать, что в середине 1940-х гг. в Эстонии оставалось не более 25–35 тыс. русских. А в конце 1950-х гг. их численность достигала уже 240 тыс. человек. Как и в двух других прибалтийских республиках, русские мигранты в своей массе селились в городах и прежде всего в столичном Таллинне, русское население которого в 1959 г. уже превышало 90 тыс. чел. (треть жителей города).

Продолжался этот количественный рост и в последующие десятилетия. Но с каждым десятилетием он становился всё ограниченней, а в его структуре сокращалась доля миграции. В 1980-е гг. приток новых переселенцев и естественный прирост количественно практически сравнялись (табл. 2.20).

Таблица 2.20
Структура демографического прироста русских Эстонии,
1959–1989 гг.

Годы	Прирост, тыс. чел.	Компоненты, тыс. чел.			Доля в общей убыли, %		
		мигра- ция	есте- ственный прирост	асси- миля- ция	мигра- ция	есте- ственный прирост	ассими- ляция
1959– 1970	94,4	50–55	37–42	2–3	53–58	39–44,5	2,1–3,2
1970– 1979	74,2	36–40	32–35	2–3	48,5–54	43–47	2,7–4,0
1979– 1989	68,0	34–36	32–34	–	50–53	47–50	–

Источник: табл. 2.20, 2.22–2.23 по расчетам автора.

Отток местного русского населения из сельской местности в города Эстонской ССР в послевоенные десятилетия был не столь ощущимым, как в Латвии, и в полной мере проявил себя только в 1980-е гг. Впрочем, и присутствие русских в сельской местности Эстонии было значительно меньшим (8,5 %). Кратно выше была концентрация русских в городах республики (39 % горожан ЭССР к концу советского периода – русские) (табл. 2.21).

Таблица 2.21
Геодемографические характеристики и гендерное соотношение у русских Эстонской ССР, 1959–1989 гг. (тыс. чел., %)

Го- ды	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбани- зации, %	Доля русских (%)			Число мужчин на 100 женщин		
	всего	го- род	се- ло		всего	город	се- ло	общий	го- род	се- ло
1959	240,2	207,8	32,4	86,5	20,1	30,8	6,22	77	76	81
1970	334,6	298,8	35,8	89,3	24,7	33,9	7,55	88	87	107
1979	408,8	370,3	38,5	90,6	27,9	36,4	8,59	88	87	100
1989	474,8	436,7	38,1	92	30,3	39,0	8,53	88	87	100

Источник: Рассчитано по: Приложение Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

Численность русских и факторы их демографической динамики. Как и в двух других республиках Прибалтики, завершение почти полувекового восходящего демографического тренда для русского населения ЭССР пришлось на конец 1980-х гг. В 1989–1991 гг. чистый отток русских из Эстонии в Россию составил 6,4 тысячи, а в следующие три года (1992–1994 гг.) вырос до 37,5 тысяч. Но уже с 1995 г. начинается быстрый спад миграции – в конце десятилетия её размеры не превышают 100–300 человек в год. В общей сложности за 1989–2000 гг. миграционное сальдо по данным миграционной службы России составило около 58 тыс. человек (рассчитано по: Население России 2001).

С учётом выезда в другие страны постсоветского пространства и дальнее зарубежье, миграционные потери русской общины Эстонии могли в данный период достигать 64–65 тыс. человек. В пределах 20–21 тыс. составила естественная убыль. Существенными оказались и потери связанные со сменой идентичности биэтнофоров (табл. 2.22).

Таблица 2.22

**Компоненты демографической убыли русских Эстонии,
1989–2001 гг.**

Абсолютные потери, тыс. чел.			Удельный вес в общей убыли, %		
естест. убыль	мигра- ция	смена иден- тичности	естест. убыль	мигра- ция	смена иден - тичности
20–21	64–65	38–40	16,1–16,9	51,6–52,4	30,6–32,3

В целом, за 1989–2001 гг. русское население страны сократилось на 25,7 %. Но основная убыль пришлась на первую постсоветскую пятилетку. Невысокие скорости депопуляции второй половины 1990-х гг. сложились в тренд, который сохранялся на протяжении 2000–2010-х гг. В этот период темпы сокращения численности русских Эстонии были минимальными в пределах всего БЗ (7,6 % в 2001–2011 гг. и 3,3 % в 2011–2021 гг.). Что было связано с сокращением масштабов их естественной убыли (её уровень на протяжении 2000-х гг. постепенно снижался с 5,5–6 % до 3–4 %) и минимальным размером оттока в Россию.

В сравнении с двумя другими балтийскими странами демографическое состояние местной русской общины в данный период можно было считать весьма устойчивым. Согласно текущему учёту число русских в 2000–2010 гг. сократилось с 351,2 до 341,5 тыс. чел. Однако перепись 2011 г. обнаружила в стране только 326,2 тыс. русских. Можно было предположить, что реальные масштабы депопуляции русской общины Эстонии, как и в соседней Латвии, были значительно выше потерь, фиксируемых органами статистики населения. Но уже официальная статистика за 2012 г. оперировала цифрой в 335,2 тыс. русских. В последующие годы она изменялась весьма незначительно, опустившись к началу 2020 г. до 327,8 тысяч.

Таким образом, за 2012–2020 гг. убыль русской общины по официальной статистике ограничилась 7,4 тыс. чел. – 0,28 % в год. Этот долевой показатель был заметно ниже коэффициента естественной убыли, который в 2010-е гг. составлял 0,5–0,6 % в год. Следовательно, количественная динамика русских предполагала положительное миграционное сальдо. Но даже во взаимообмене с Россией оно для русских Эстонии было отрицательным (табл. 2.23).

Таблица 2.23

**Миграционный обмен населения между Эстонией и
Российской Федерацией, 2011–2016 гг. (чел.)**

Показатели	2011	2012	2013	2014	2015	2016
В Россию	1588	1537	1475	1314	1283	1163
Из России	266	613	726	1011	1000	1089
Сальдо	-1322	-924	-749	-303	-283	-74

Источник: Демографические ежегодники России 2012–2017.

Очевидно, что существовал отток и в страны Евросоюза, которые в этот период были куда более привлекательным направлением миграции для русских Эстонии. Перепись 2021 г. зафиксировала в стране 315,3 тыс. русских, что в большей степени соответствовало реальной демографической динамике русской общины.

Но, как и в двух других странах Балтии, эта перепись носила комбинированный характер. Информация о населении, полученная из государственных регистров, была дополнена онлайн-переписью, в которой приняло участие 43 % жителей страны. Данные по некоторым социодемографическим характеристикам (в т.ч. национальной принадлежности) были получены в результате опроса 40,7 тыс. респондентов (метод случайной выборки), с последующей проекцией полученной информации на всё население Эстонии. Не вызывает сомнения, что такая методика учёта населения чревата серьёзными погрешностями, размер которых практически не поддаётся измерению.

Первая половина 2020-х гг. была связана с резким ускорением депопуляции русской общины страны. За 2021–2025 гг. численность русских согласно текущему демографическому учёту сократилась на 29,5 тысяч (-9,4 %), что соответствовало максимальным темпам убыли постсоветского периода в начале 1990-х гг. В незначительной степени это ускорение было связано со сверхсмертностью, вызванной эпидемией COVID-19. Центральным фактором стал комплекс процессов запущенных спецоперацией, повлёкших резкий рост маскировочных практик среди русского населения Эстонии.

В частности, число детей рожденных русскими женщинами сократилось с 2,2–2,6 тыс. в 2019–2021 гг. до 1,5 тыс. в 2022 году. В последующие годы этот показатель должен был снизиться ещё больше. Учитывая, что значительную долю русских страны составляют биэтнофоры, часть их в последние годы могла изменить свою идентичность или, по крайней мере, из pragmatischen соображений начать

позиционировать себя в качестве представителей других национальностей. Но в любом случае, темпы демографического сжатия русской общины после 2022 г. резко ускорились.

Межнациональная брачность и группа смешанного населения. Межнациональная брачность русских в Эстонской ССР была заметно ниже, чем в двух других республиках Прибалтики. В конце советского периода только четверть городских русских и порядка 35–40 % сельских вступали в брак с представителями другой национальности (табл. 2.24).

Таблица 2.24
Доля русских Эстонской ССР, вступивших в межнациональный брак в 1978 и 1988 гг. (%)

Годы	Все население		Городское		Сельское	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1978	24,7	29,2	23,7	27,7	43,8	51,3
1988	24,0	27,2	23,3	26,5	34,8	39,3

Источник: Население СССР 1989, с. 318–319.

Согласно нашим расчётам, в начале 1980-х гг. в составе русского населения Эстонии было около 223 тыс. чел. в возрасте до 20 лет, из которых более 80,5 тыс. (65,6 %) имели обоих русских родителей. Более 42 тыс. (34,4 %) представителей данной группы являлись биэтнофорами с русской самоидентификацией. Группа детей и подростков с одним русским родителем и нерусской идентичностью заключала более 16 тыс. чел. (рассчитано по: Волков 1989). В общей сложности, в конце советского периода в младших генерациях русских Эстонии на 100 «полных» этнических русских приходилось 70–75 биэтнофоров (русских на $\frac{1}{2}$), как с русской, так и с иной идентичностью. Это был минимальный показатель из трёх прибалтийских республик. Среди причин пониженной межнациональной брачности эстонских русских можно назвать меньший уровень русско-титульной брачности; значительный удельный вес русских в структуре всего населения; наличие центров и районов компактного проживания, в которых русские являлись основной национальной группой.

География и система расселения русских. Система расселения русской общины Эстонии сформировалась в послевоенные десятилетия советского периода. В 1950–1960-е гг., наряду с северо-восточным Нарвским районом, в котором русское старожильческое

население составляло абсолютное большинство, в пределах Эстонской ССР появляется ещё один демографический эпицентр с многочисленным русским населением – республиканская столица. В конце 1980-х гг. русские составляли 46,8% жителей Таллинна. А в расселенческой структуре русской общины на столичную группу приходилось 43,7 % (Кабузан 1996, с. 261), при общем очень высоком уровне урбанизации местного русского населения (около 92 %).

Геодемографическая динамика русских в 2000–2010-е гг. Показательно, что первое постсоветское десятилетие, связанное с масштабным сокращением русской общины, практически не изменило соотношения её основных расселенческих групп. Убыль русских была не только повсеместной, но и достаточно равномерной. На рубеже веков в Таллинне проживало 41,6 % русских страны, а горожане в целом составляли 92,5 % представителей общины.

География русских в Эстонии к началу XXI в. сохранила особенности, сформированные в период интенсивного притока в союзную республику трудовых мигрантов из других регионов СССР. В первую очередь ориентированных на республиканскую столицу (крупнейший производственный центр ЭССР) и приморскую поселенческую сеть – территории наиболее динамичного социально-экономического развития. Приморские уезды Эстонии и к началу 2000-х гг., в сравнении с большинством внутренних территориально-административных образований, отличались повышенным удельным весом русских (9–10 %).

Сохранилось и два основных демографических средоточия русского населения – Таллин с окрестностями (уезд Харьюмаа) и северо-восток страны (уезд Ида-Вирумаа). В 2000 г. на два этих района приходилось 84,3 % русских Эстонии. Причём второй из них, в значительной степени совпадавший по контурам с бывшим советским Нарвским районом (а в имперский период Ямбургским уездом Петербургской губернии), сохранялся в качестве единственного административно-территориального образования Эстонии, в котором на протяжении всего постсоветского периода русские составляли абсолютное этническое большинство.

Но значительной долей русского населения была и в ряде других уездов, в т.ч. Харьюмаа, Тартумаа, Валгамаа, Ляэне-Вирумаа, Пярнумаа, Ляэнемаа и Йыгевамаа (табл. 2.25). Среди городов, с высокой или повышенной долей русских в структуре населения, выделялись центры уезда Иду-Вирумаа, прежде всего Нарва (87,0 %) и Кохтла-

Ярве (73,6 %); а также Калласте (72,9 %) в уезде Тартумаа. Следует отметить и столицу страны Таллин (34,2 %), административно относящуюся к уезду Харьюмаа.

Процесс определённой демографической стабилизации русской общины страны начинается уже во второй половине 1990-х гг., после заметного снижения темпов миграционного оттока (в 1990–1994 гг. он составлял порядка 9 тыс. чел. в год, в 1996–2000 гг. – 3,2 тыс.), связанного с возвращением экономической устойчивости и постепенной адаптацией оставшегося русского населения к этнополитическим, культурно-языковым и социально-экономическим реалиям постсоветской Эстонии.

Таблица 2.25

Численность русского населения Эстонии. Административно-территориальные образования (2000–2021 гг.)

Уезды	Численность населения (чел.)			Доля в структуре населения (в %)		
	2000	2011	2021	2000	2011	2021
Валгамаа	4 467	3 662	3 516	12,48	12,16	12,72
Вильяндимаа	2 108	1 305	1 110	3,64	2,74	2,44
Вырумаа	1 668	1 141	1 218	4,18	3,41	3,56
Ида-Вирумаа	124 961	108 208	97 231	69,54	72,54	73,25
Йыгевамаа	2 971	2 190	1 906	7,76	6,98	6,84
Ляэнемаа	2 589	1 965	1 612	9,04	8,14	7,97
Ляэне-Вирумаа	7 318	5 794	5 385	10,79	9,68	9,17
Пылвамаа	1 357	1 018	795	4,15	3,71	3,31
Пярнумаа	8 509	6 699	5 752	9,33	8,11	6,71
Рапламаа	1 540	1 332	1 095	4,1	3,82	3,27
Сааремаа	383	295	211	1,07	0,94	0,67
Тартумаа	20 894	18 543	16 491	13,97	12,32	10,45
Харьюмаа	171 009	173 194	178 169	32,53	31,32	28,99
Хийумаа	105	61	55	1,01	0,72	0,65
Ярвамаа	1299	828	706	3,35	2,71	2,38

В 2000-е гг. русская община страны сократилась на 7,3 % – минимальный показатель среди всех стран БЭ. Учитывая, что естественная убыль русских Эстонии в данном десятилетии составила порядка 3,5–4,5 %, чистый миграционный отток сократился до 1,1–1,2 тыс. в год. При этом, основной его вектор был направлен уже не на Россию, а в страны Западной и Центральной Европы.

При том демографическая динамика отдельных территориальных групп русского населения в 2000-е гг. отличалась серьёзной спецификой. В четырёх уездах численность русских сократилась на 31,5–42 %; ещё в семи – на 18–26 %, в трёх – на 11–13,5 %. И только в столичном субрегионе (уезд Харьюмаа) выросло на 1,3 % (рис. 2.6). Таким образом, помимо небольшого оттока русских за пределы страны, происходило куда более активное их межрегиональное перемещение, прежде всего в Таллин и прилегающие к нему населённые пункты. Как результат, доля уезда Харьюмаа в структуре русской общины за 2000–2011 гг. выросла с 49,7 до 53,7 %.

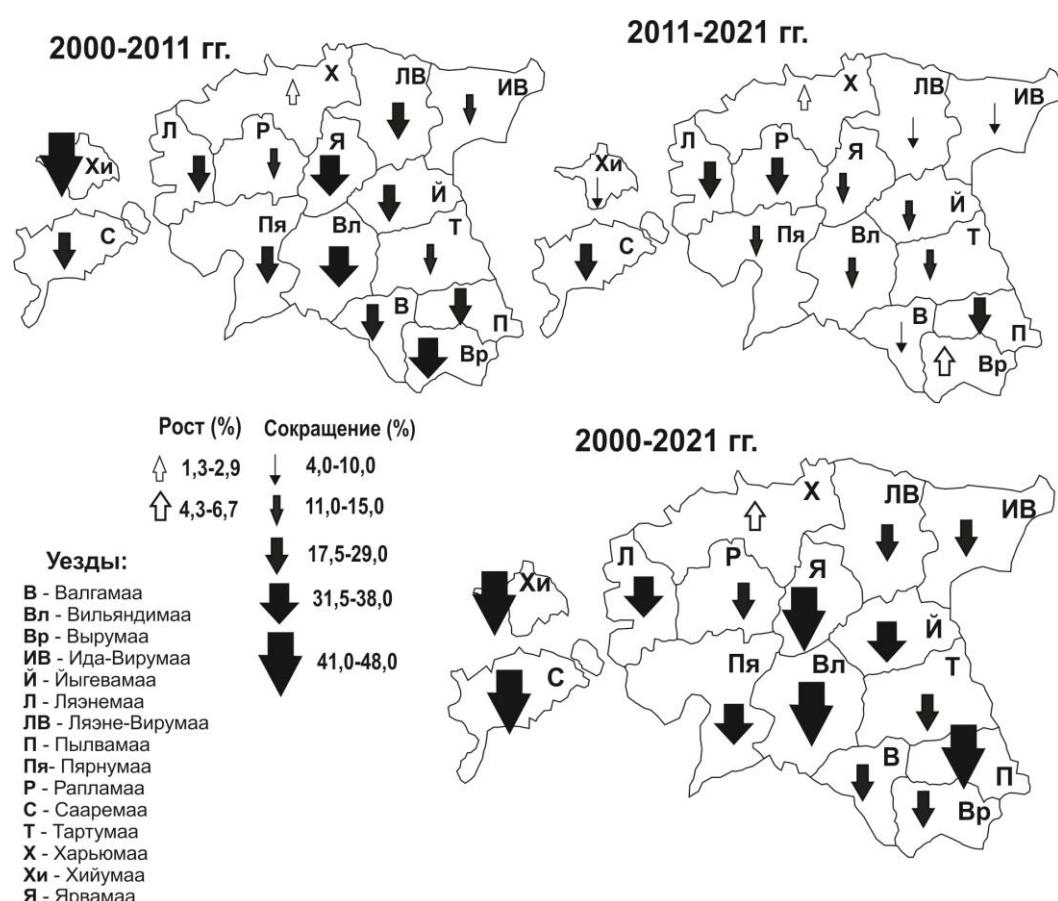

Рис. 2.6. Динамика русского населения по уездам Эстонии, 2000–2021 гг. (%)

Источники: Данные для рис. 2.6–2.10, табл. 2.26–2.30 рассчитаны по результатам переписей населения Эстонии 2000, 2011, 2021 гг.

Этот территориальный переток, далеко не полностью учитывающий органами управления и государственной статистикой, очевидно, являлся основной причиной заметного расхождения размеров местных русских общин, установленных текущим демографическим учётом и результатами переписи 2011 года. В большинстве уездов стра-

ны разница показателей составляла 13–24 %, а в трёх (Хийумаа, Вильяндимаа, Ярвамаа) достигала 30–40 %. Причём во всех уездах Эстонии выше были именно данные текущего учёта. Исключение составляла русская община столичного Харьюмаа, которая по результатам переписи оказалась больше на 2,1 %, чем фиксировалось текущей демографической статистикой (что подтверждает сделанное выше предположение).

Однако основные особенности геодемографической динамики русских (естественная убыль, отток за пределы страны, перемещение в столицу) были характерны и для всего остального населения страны, включая представителей титульного народа. Поэтому удельное сокращение русских по территории Эстонии оказалось далеко не столь значительным, как их абсолютные потери (см. табл. 2.24).

Геодемографические тренды, отличавшие русскую общину в 2000-е гг., перешли в следующее десятилетие. С той разницей, что с середины 2010-х гг., после 7–8-летнего периода низких показателей, быстро пошла в рост естественная убыль, связанная со вступлением в репродуктивный возраст малочисленной генерации 1990-х гг. и мировой пандемией COVID-19. Коэффициент естественных потерь русского населения с 2–2,5 % на рубеже 2010-х гг. вырос до 8–9 % в начале 2020-х гг.

Тем не менее общие темпы убыли русской общины Эстонии снизились ещё больше – за 2011–2021 гг. её размеры сократились на 3,4 %¹. Данный показатель был ниже, чем темпы сокращения русских в России, не говоря уже о других странах БЗ, в которых он колебался в диапазоне 10–40 % (Сущий 2020а). Учитывая масштабы естественных потерь, можно сделать вывод о фактическом прекращении оттока русского населения из Эстонии. Не исключено, что его суммарное миграционное сальдо за этот период могло иметь незначительное положительное значение.

Ограниченнное число уездов страны (15 единиц) не позволяет с помощью развёрнутого регрессионного анализа получить полностью корректные оценки влияния особенностей данных территорий на геодемографическую динамику русского населения Эстонии в 2000–

¹ Если же ориентироваться на данные текущего учета, они были еще меньше только 1,1 %. Очевидно, в 2010-е гг., как и десятилетием раньше, органы учета не полностью фиксировали межрегиональную циркуляцию русских, а также могли недооценивать масштабы смены идентичности представителями смешанного населения страны, ранее самоопределявшегося как русские.

2010-е гг. (рассматривались такие характеристики, как приморское/континентальное расположение уездов, столичный/провинциальный статус, сопредельность с территорией России, количественные размеры местных русских общин и их вес в структуре всего населения, общий демографический потенциал последнего). Тем не менее использование данного эконометрического метода позволило зафиксировать центральную роль в изучаемом геодемографическом процессе фактора столичности, задающего и определяющего направление и масштабы количественной динамики русского населения Эстонии в первые десятилетия XXI в.¹

Подтверждается этот вывод и результатами переписи 2021 г. – за последний межпереписной период доля русских страны, проживающих в столичном субрегионе, выросла с 53,6 до 56,6 % (рис. 2.7). Таким образом, сохранялся устойчивый переток регионального русского населения в столицу страны и её окрестности. Удельный вес всех нестоличных территориальных групп в структуре общины за 2000–2021 гг. более или менее значительно сократился в размерах.

Самостоятельный интерес представляет динамика сельского русского населения Эстонии. В первые десятилетия XXI в. оно демонстрировало не только демографическую устойчивость, но и количественный рост, увеличившись за 2000–2021 гг. на 20,5 % (с 26,3 до 31,7 тыс. чел.) (табл. 2.26). Можно было предположить, что таким образом проявляется более глубокая укоренённость местных русских «поселян», которая действительно была характерна для Эстонии, как и ряда других стран БЗ (Сущий 2020а). Данное предположение отчасти было верным. Сельские русские, расселённые в провинциальных уездах страны, за 2000–2021 гг. сохранили свою общую численность, что указывало на их большую демографическую устойчивость, чем у местных русских горожан. Однако количественный рост всей сельской компоненты русской общины страны определялся расширением сельской группы столичного уезда, выросшей с 7,8 до 13,1 тыс. чел. (на 68 %). Если в 2000 г. в Харьюмаа проживало 29,7 % сельских русских страны, то в 2021 г. уже 41,3 %. По сути, речь шла ещё об одной проекции процесса нарастающей концентрации русских Эстонии в столичном субрегионе, включая его сельские территории.

¹ Впрочем, не следует забывать, что уезд Харьюмаа помимо столичного статуса обладал преимуществами и по большинству других измеряемых показателей, в т.ч. имел приморское расположение, максимальную численность и повышенную концентрацию русских.

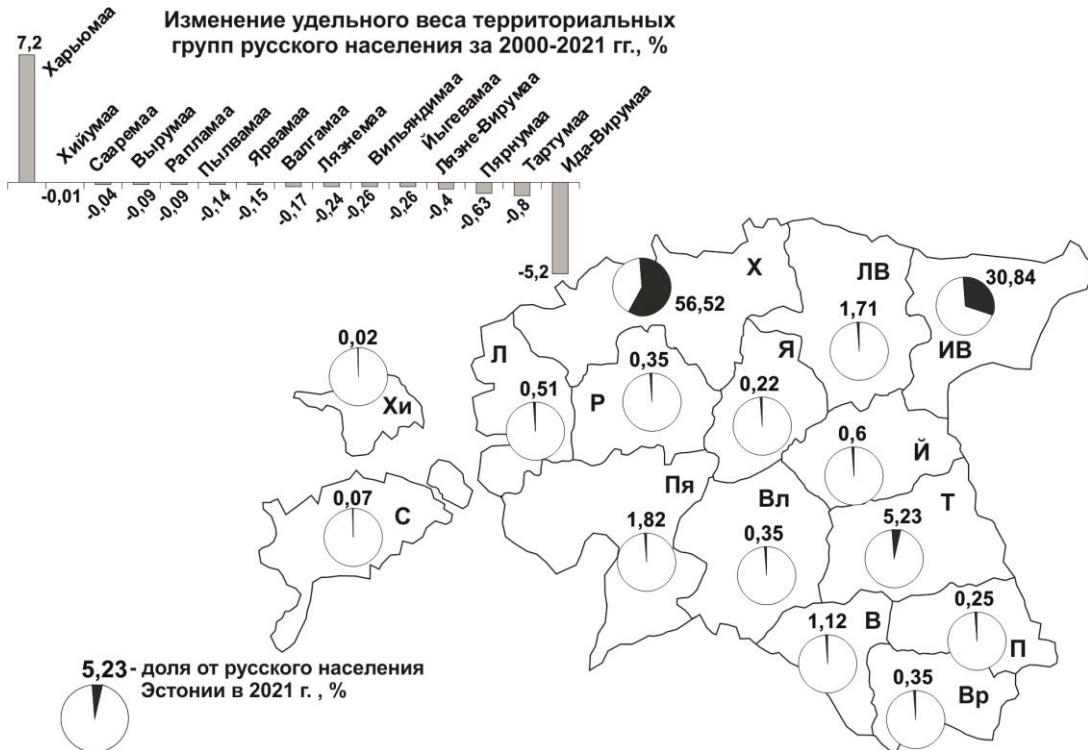

Рис. 2.7. Удельный вес территориальных групп в структуре русского населения Эстонии, 2021 г. (%)

Таблица 2.26
Уровни системы расселения русского населения Эстонии, 2000–2021 гг. (тыс. чел., %)

Центры и территории	Численность, тыс. чел.			Удельный вес, %		
	2000	2011	2021	2000	2011	2021
Таллин	146,2	144,7	149,9	41,6	44,3	47,5
Остальные города	178,7	154,9	133,7	50,8	47,4	42,4
Сельская местность	26,3	26,6	31,7	7,5	8,1	10,1
Уезд Харьюмаа	171	173,2	178,2	49,3	53,6	56,6
Уезд Харьюмаа без Таллина	24,8	28,5	28,3	7,7	9,3	9,1
Уезд Ида-Вирумаа	125,0	108,2	97,2	35,9	33,5	30,8
Уезды Харьюмаа + Ида-Вирумаа	296,0	281,4	275,4	85,4	87,2	87,4

Данный процесс не только не отменял существенного разбега показателей количественной динамики остальных территориальных групп русского населения, но и определял значительные масштабы их демографических потерь. В 2010-е гг. последние заметно сократились в сравнении с предыдущим десятилетием, но в четырёх уездах

по-прежнему превышали 17 %, ещё в семи составляли 10–15 %. Таким образом, ограниченные темпы убыли всей общины Эстонии в 2010-е гг. не означали её полного демографического благополучия.

Половозрастная структура русских Эстонии. О том же свидетельствовал и неуклонно растущий средний возраст русского населения. За 2000–2011 гг. он поднялся на 5,6 лет (с 39,9 до 45,5). При этом доля пожилых и старых людей (60+) выросла с 18,2 до 31,8 %. У эстонцев данный показатель составлял 24,9 %. Ещё ниже он был у латышей (19,1 %) и немцев (21,1 %). Сопоставимым с русскими он был у армян (28,8 %) и литовцев (29,2 %). В то же время, среди некоторых других этнических групп Эстонии доля населения в возрасте 60+ была значительно выше (у украинцев она составляла 36,2 %, у поляков, финнов, татар находилась в диапазоне 40,5–46,9 %; у евреев и белорусов – 50,0–54,3 %).

Очевидно, что этнические группы, более 40 % представителей которых – люди старше 60 лет, находятся в процессе демографического угасания. Между тем сразу в нескольких уездах Эстонии на эти возрастные когорты приходилось 45–56 % местного русского населения (табл. 2.27–2.28).

Таблица 2.27

**Возрастная структура русского населения
Эстонии, 2000–2021 гг. (чел., %)**

Возрастные группы, число лет	Численность населения, чел.			Удельный вес среди всех этнических групп, %		
	2000	2011	2021	2000	2011	2021
младше 10	28 302	30 494	28 503	20,07	21,59	20,23
10–19	55 843	25 937	29 787	26,44	20,54	20,76
20–29	46 590	46 927	23 512	24,64	25,07	17,48
30–39	45 469	46 011	46 339	24,45	25,79	23,28
40–49	59 220	43 178	45 267	30,45	24,8	24,65
50–59	37 881	55 528	41 580	23,69	31,2	24,24
старше 60	77 873	78 160	100 264	27,05	25,28	27,95

Сравнительный анализ возрастной структуры территориальных групп русских и темпов их убыли в 2000–2010-е г. обнаруживает прямую корреляцию. Максимальное сокращение численности русского населения за 2000–2021 гг. фиксировалось в уездах Хийумаа, Вильяндимаа, Ярвамаа, Сааремаа, Пылвамаа (табл. 2.28). Но именно в

них было сосредоточено наиболее пожилое русское население (средний возраст его в начале 2020-х гг. составлял 55–62,7 лет).

Таблица 2.28.

Возрастная структура русского населения по уездам Эстонии, 2000–2021 гг. (чел.)

Уезды	Возрастные группы, кол-во лет						
	0–9	10–19	20–29	30–39	40–49	50–59	старше 60
<i>2000 г.</i>							
Валгамаа	418	617	530	516	678	536	1 172
Вильяндимаа	102	188	228	245	455	343	547
Вырумаа	117	157	123	190	318	229	534
Ида-Вирумаа	10 805	21 151	16 740	16 551	21 199	12 251	26 264
Йыгевамаа	256	404	291	350	475	394	801
Ляэнемаа	193	340	336	318	398	345	659
Ляэне-Вирумаа	638	1 012	960	978	1 181	804	1 745
Пылвамаа	93	151	92	180	216	210	415
Пярнумаа	669	1 281	986	1 010	1 555	916	2 092
Рапламаа	63	141	141	148	349	212	486
Сааремаа	16	25	54	39	117	77	55
Тартуммаа	1 660	2 915	2 682	2 550	3 391	2 347	5 349
Харьюмаа	13 198	27 321	23 296	22 251	28 595	18 993	37 355
Хийумаа	0	5	11	11	36	28	14
Ярвамаа	74	135	120	132	257	196	385
<i>2021 г.</i>							
Валгамаа	307	367	276	404	524	492	1 146
Вильяндимаа	34	28	37	87	171	160	593
Вырумаа	70	50	69	134	200	141	554
Ида-Вирумаа	8 027	9 674	7 194	11 777	13 497	13 141	33 921
Йыгевамаа	90	129	116	172	343	223	833
Ляэнемаа	71	112	92	153	252	229	703
Ляэне-Вирумаа	298	420	364	526	880	766	2 131
Пылвамаа	50	34	51	78	130	91	361
Пярнумаа	296	426	362	607	890	714	2 457
Рапламаа	71	65	44	114	151	168	482
Сааремаа	6	2	9	18	32	29	115
Тартуммаа	1 371	1 479	1 276	2 250	2 193	2 392	5 530
Харьюмаа	17 788	16 972	13 587	29 952	22 190	26 622	51 058
Хийумаа	3	0	0	5	7	9	31
Ярвамаа	21	29	35	62	120	90	349

И в целом только в 6 из 15 уездов Эстонии средний возраст русских был ниже 50 лет. Наиболее молодой была группа русских столичного субрегиона (42,9 лет), эпицентра миграционного притяжения для всего населения страны. Показательно, что средний возраст русских столичного уезда Харьюмаа за 2000–2021 гг. вырос только на 4,1 года. В четырёх других уездах страны (именно они были в лидерах депопуляции русского населения) этот рост составил 15,6–18,3 года; ещё в шести – 10,4–13,9 лет (рис. 2.8а). Причина очевидна – в миграционном оттоке, значительная часть которого ориентировалась на столицу страны, количественно доминировала молодёжь и люди среднего возраста. Активная учебная и трудовая миграция деформировала возрастную структуру оставшегося русского населения.

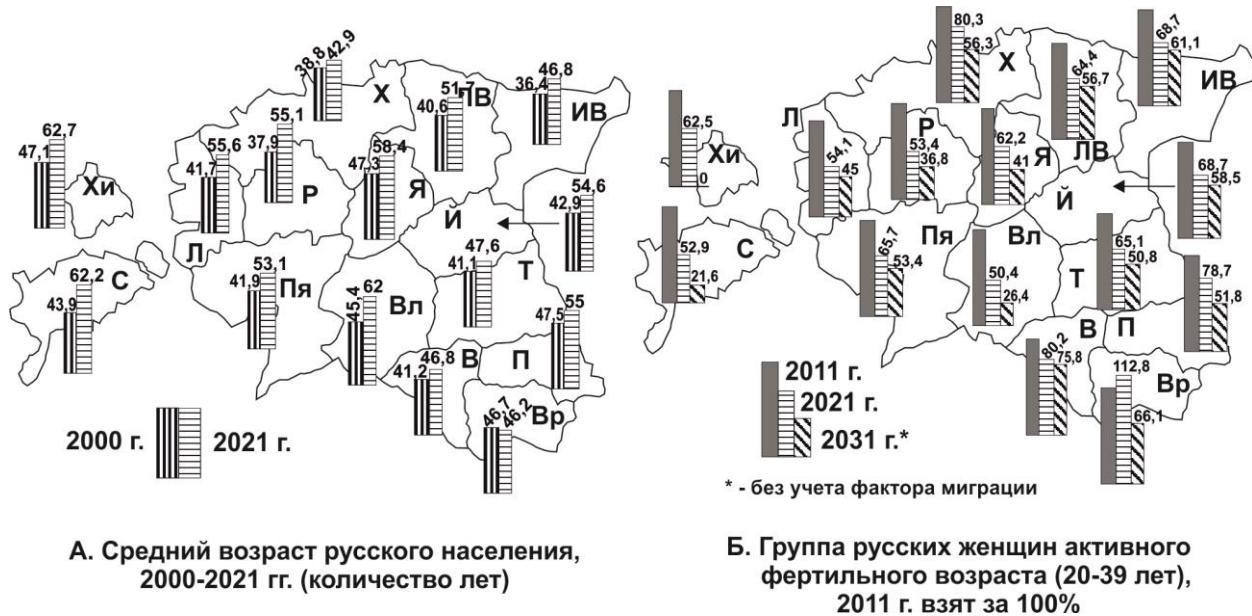

Рис. 2.8. Динамика показателей половозрастной структуры русского населения по уездам Эстонии

Повышенная доля людей старшего возраста, как правило, коррелирует с небольшим удельным весом «средневозрастных» генераций населения. Доля русского населения в возрастных группах 20–29 и 30–39 лет в 2021 г. составляла 22,2 %, что заметно уступало показателю армянского (27,7 %), латышского (37,9 %) и немецкого (38,8 %) народов. И была ниже, чем у эстонцев и украинцев (соответственно 25,3 и 23,5 %). За 2011–2021 гг. удельный вес русских Эстонии в этих возрастных группах сократился на 6,3 %, что являлось одним из самых высоких темпов убыли среди всех этнических групп страны (выше он был только у татар и евреев – 6,9 и 7,6 % соответственно).

За 2011–2021 гг. доля русского населения Эстонии в возрастных группах 20–29 и 30–39 лет сократилась в среднем на 6 %. В этих возрастных когортах максимальное сокращение русских фиксировалось в уездах Вильяндимаа, Рапламаа и Ляэнемаа (45,9–49,6 %), а также в Ляэне-Вирумаа и Тартумаа (34,9–35,6 %).

Негативные сдвиги в возрастной структуре русской общины ощутимо актуализировали другую демографическую проблему, поскольку демонстрировавшие быструю убыль «средневозрастные» генерации русских заключали группу репродуктивных женщин. Если в 2000-е гг. её размеры практически не изменились, то в 2010-е гг. группа русских женщин активного детородного возраста (20–39 лет) сократилась в Эстонии почти на 25 % (с 46,5 до 34,9 тыс. чел.). При этом, в четырех уездах убыль составила 46–50 %, ещё в семи – 31–37,5 % (рис. 2б). Даже в столичном субрегионе, данная группа потеряла 19,7 % своего размера. Однако процесс демографического сжатия не закончен – в 2020-е гг. даже без учета фактора миграции, число группы женщин активной репродукции в русской общине сократится еще на 22,5 % (рассчитано по данным переписи 2021 г.).

Без ощутимого повышения коэффициента fertильности у русских женщин Эстонии, абсолютные размеры рождаемости в общине в 2020-е гг. продолжат быстрое сокращение, увеличивая показатель естественной убыли. Однако фиксируемая динамика детородной активности у русских женщин страны за 2000–2010-е гг. не дает поводов для оптимизма (табл. 2.29).

Таблица 2.29.

Динамика уровня рождаемости у русских женщин Эстонии, 2000–2021 гг. (чел., %)

Число детей	Количество женщин, чел.			Удельный вес, %		
	2000	2011	2021	2000	2011	2021
Один	54 721	53 433	47 763	32,8	33,5	31,6
Двое	60 495	60 539	59 148	36,2	38,0	39,1
Трое и более	14 957	13 114	15 812	9,0	8,2	10,5
Бездетные женщины	29 954	30 010	27 158	17,9	18,8	17,9

Суммарный коэффициент рождаемости в 2000 г. составлявший 1,47; в 2011 и 2021 гг. был ещё ниже – соответственно 1,38 и 1,42 (рассчитано по данным переписей). Доля бездетных русских женщин в возрасте 20–29 лет за 2000–2021 гг. выросла с 42,9 до 68,3 %; в возрасте 30–39 лет – с 8,9 до 18,2 % (табл. 2.30). Расчёты показывают,

что даже при увеличении коэффициента фертильности русских женщин в середине – второй половине 2020-х гг. до 1,5–1,6 (самый оптимистический сценарий) уровень рождаемости в общине сократится с 8–8,1 до 6,6–7,0 % в год.

Таблица 2.30.
**Динамика рождаемости русского населения Эстонии
в возрастных группах 20–29 лет и 30–39 лет, 2000–2021 гг.**

Число детей	2000		2011		2021	
<i>Количество женщин, чел.</i>						
	20–29	30–39	20–29	30–39	20–29	30–39
Один	10 187	11 031	7 116	9 057	2 356	7 482
Двое	2 188	9 971	2 034	8 153	844	7 676
Трое и более	239	1 332	304	1 855	228	3 067
Бездетные женщины	9 473	2 173	12 493	3 549	7 388	4 050
<i>Удельный вес, %</i>						
Один	46,12	45,01	32,42	40,05	21,78	33,59
Двое	9,91	40,69	9,27	36,05	7,8	34,46
Три и более детей	1,08	5,44	1,39	8,2	2,11	13,77
Бездетные женщины	42,89	8,87	56,92	15,69	68,31	18,18

На то, что темпы естественной убыли русского населения Эстонии будут заметно возрастать уже в среднесрочной перспективе, указывает и его индекс старения (соотношение численности/доли лиц старше трудоспособного возраста к численности/доле лиц младше этого возраста, умноженное на 100). В целом по стране этот показатель у русских составлял 227 (у эстонцев – 138). Но в ряде уездов Эстонии он достигал 600–1650 (рис. 2.9). Очевидно, что местное русское население даже без учёта миграционного оттока будет демонстрировать в максимальные темпы убыли уже в 2020-е гг.

Конечно, общая естественная динамика русской общины будет в основном определяться двумя её демографическими эпицентрами – территориальными группами уездов Харьюмаа и Ида-Вирумаа, но прежде всего первой из них, имевшей в 2021 г. самый низкий коэффициент старения (187,9). И поэтому масштабы естественной убыли русских Эстонии ещё несколько десятилетий будут оставаться достаточно ограниченными (в пределах 8–11 % в год). Но до половины территориальных групп русских, даже без учёта миграционного оттока, будет терять в год 1,5–2,0 % (или более). К середине века их раз-

меры могут сократиться в 1,8–2,5 раза. Что приведёт к существенным сдвигам в широте расселения русских по территории страны.

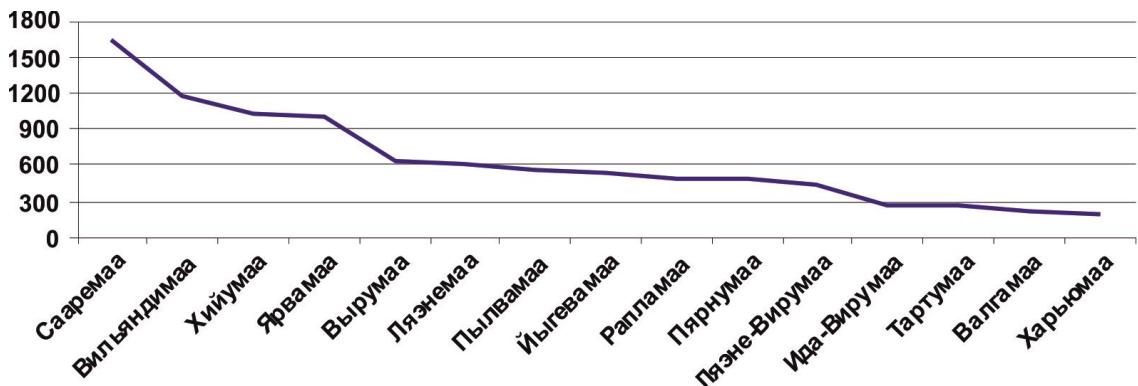

Рис. 2.9. Индекс старения русского населения по уездам Эстонии, 2021 г.

Для русской общины Эстонии (как и русского народа в целом) был характерен заметный количественный перевес женщин (122 на 100 мужчин). Однако уровень деформации полового соотношения на всем протяжении постсоветского периода оставался стабильным, в отличие от большинства других русских общин БЗ, в которых он постепенно возрастал. Отметим и достаточно ограниченный разбег полового дисбаланса по отдельным территориальным группам русских Эстонии (рис. 1.10а). Не менее значимо, что во всех этих группах (кроме двух «островных» уездов) дисбаланс формировался исключительно старшими возрастными группами. У русского населения до 65 лет (дети, молодёжь и люди трудоспособного возраста) он был минимальным (рис. 2.10б). Что, безусловно, имело положительное значение для процесса естественного воспроизводства русского населения страны.

Геодемографические перспективы русских Эстонии. Ко второй четверти XXI в. русские сохранили два основных средоточия своего расселения – северо-восток страны (уезд Ида-Вирумаа с центрами в Нарве и Кохтла-Ярве) и столичный субрегион (Таллин и уезд Харьюмаа в целом). За первые два десятилетия века русское население Эстонии сократилось на 10,3 %, что было лучшим показателем среди всех стран БЗ. Учитывая же отрицательную демографическую динамику эстонцев и большинства других народов страны, удельный вес русских в национальной структуре населения за 2000–2021 гг. сократился менее, чем на 2 % (с 25,6 до 23,7 %).

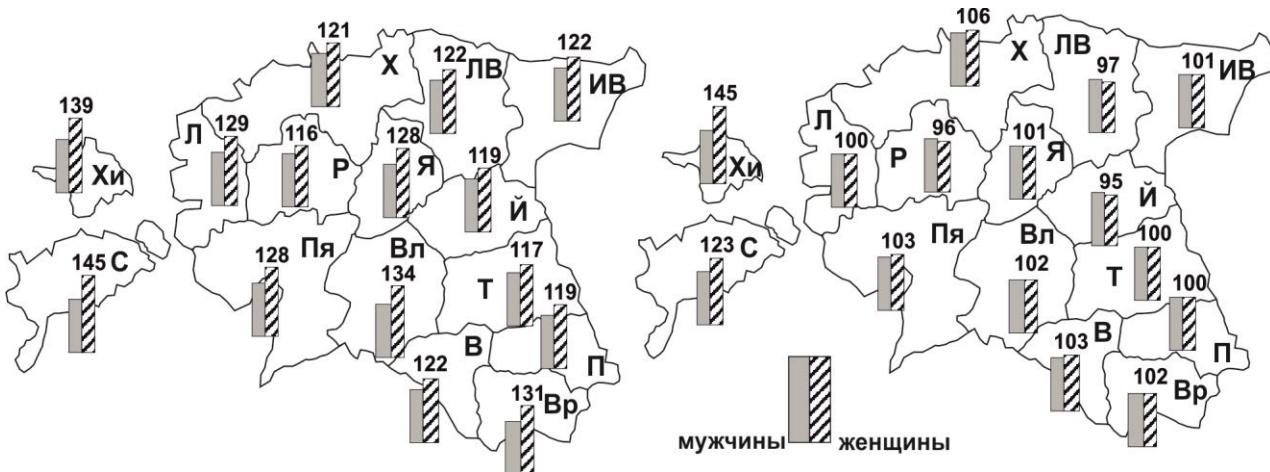

Рис. 2.10. Соотношение русского мужского и женского населения по уездам Эстонии, 2021 гг. (число женщин на 100 мужчин)

Успешной демографической адаптации русских способствовало совмещение ряда факторов, среди которых достаточно высокий уровень жизни населения, минимизировавший отток в Россию; наличие ряда территорий и центров с компактным расселением русских, в которых они являлись доминирующим большинством или, по крайней мере, весомой группой местного населения, формирующей под свои особенности структуры повседневности регионального социума. Существенную роль играло то, что северо-восток Эстонии являлся территорией исторического расселения русских – значительная их часть имела многопоколенную историю жизни в Нарве и её окрестностях. Но и большинство «столичных» русских являлось коренными жителями Таллина (а среди постсоветских мигрантов в столицу абсолютно доминировали уроженцы Эстонии).

Таким образом, более $\frac{3}{4}$ русских страны проживают в территориальных сообществах, позволяющих не только сохранять более высокий уровень моноэтничной брачности, но и существенно минимизировать социокультурное давление титульного народа и формируемой им социальной среды. В 2010-е гг. у 71–72 % детей, рожденных русскими женщинами Эстонии, были русские отцы, в то время как в соседней Латвии этот показатель составлял только 60 %.

Наконец, часть своих демографических потерь русская община в 1990-2010-х гг. компенсировала ассимиляцией местных белорусов и украинцев. Данный процесс в известной степени был характерен для всей постсоветской Балтии, но в Эстонии получил большее распространение. На это, в частности, указывает тот факт, что за 1989–2017

гг. общая численность белорусов и украинцев в стране сократилась значительно больше, чем русских (демографическая убыль у них составила соответственно 57, 52 и 30 %). Показательно, что в Латвии и Литве темпы убыли представителей всех восточнославянских народов были куда более сближены между собой.

Достаточно ограниченным по меркам БЗ являлся и рост среднего возраста русских Эстонии. Что должно и в дальнейшем сдерживать рост естественных потерь, длительное время (по крайней мере, 15–20 лет) способных держаться на среднегодовом уровне в 5–6 %, с возможным последующим повышением до 6–8 %.

Наиболее вероятным сценарием внешней миграции русской общины на среднесрочную перспективу представляется сохранение небольшого оттока в пределах 1–2 % в год. При таких показателях естественного воспроизводства и миграционного сальдо ежегодные демографические потери русского населения Эстонии в ближайшие 15–20 лет будут составлять 0,5–0,7 %.

Однако, как показала динамика общины в первой половине 2020-х гг. (−2,3 % в год), центральным фактором депопуляции может выступать и смена идентичности смешанного населения, представляющая одну из компонент ассимиляционного процесса. В условиях жёсткого противостояния России и коллективного Запада, составной частью которого выступает Евросоюз, потери русского населения Эстонии могут достигать 1,5–2 % в год. Сохранение такого темпа на среднесрочную перспективу может сократить размеры общины к середине XXI в. до 150–170 тысяч. И даже оптимистический вариант динамики будет связан с потерей 22–24 % численности русских страны во второй четверти века (табл. 2.31; 2.32).

Самостоятельной геодемографической проблемой общины является и переток из провинции в столичный субрегион заметной части русской молодёжи и людей среднего возраста, имеющий следствием ускоренную убыль большинства региональных групп русского населения, быстрое их старение. В начале 2020-х гг. в трёх уездах страны средний возраст русских превышал 60 лет, ещё в семи – 50. Таким образом, в 10 из 15 уездов Эстонии, даже без учёта оттока, будет происходить быстрая убыль русских, связанная с естественными потерями.

В группе риска, прежде всего, самые маленькие и возрастные территориальные группы двух «островных» уездов (Сааремаа и Хийумаа), которые могут почти полностью прекратить существова-

ние уже к середине века. Но в 1,8–2,5 раза может сократиться русское население ещё 6–7 уездов. Что будет означать ощутимое сужение общей системы его расселения и сверхконцентрацию в столичном субрегионе, на который в 2045–2050 гг. уже может приходиться порядка 70–75 % всех русских страны.

Таблица 2.31
**Сценарии динамики русского населения Эстонии
(удельные показатели), 2025–2050 гг.**

Сценарии	2025–2030	2031–2040	2041–2050
<i>Естественная убыль и ассимиляция (% от наличной численности)</i>			
Позитивный	3–4	10–11	10–11
Средний (наиболее вероятный диапазон)	5–7	12–15	12–15
Негативный	8–10	17–20	17–20
<i>Чистый отток (% от наличной численности)</i>			
Позитивный	0	0	0
Средний (наиболее вероятный диапазон)	1–1,5	1–1,5	1–1,5
Негативный	2–3	2–3	2–3

Таблица 2.32
**Сценарии количественной динамики населения Эстонии,
2025–2050 гг. (тыс. чел.)**

Сценарии	2025	2030	2040	2050
ПП	285,8	275–277	245–249	218–224
ПС		270–275	236–245	207–218
ПН		266–272	229–240	197–211
СП		266–272	226–239	192–210
СС		262–269	219–234	183–204
СН		257–266	211–226	173–192
НП		257–263	206–218	165–181
НС		253–260	199–213	156–175
НН		249–257	192–208	148–168

Примечание: П – позитивный; С – средний; Н – негативный

* - первым поставлен вариант естественно-ассимиляционной динамики, вторым – миграционной динамики.

ГЛАВА 3

РУССКИЕ ЗАПАДНОГО МАКРОРЕГИОНА

3.1. Беларусь

В конце 1950-х гг. в Белорусской ССР проживало почти 660 тыс. русских. За последующие три десятилетия советского периода это число выросло в два раза. Охватывая всю территорию республики, этот восходящий демографический тренд имел ярко выраженную расселенческую специфику – он был приурочен к городской системе. За 1959–1989 гг. сельских русских в республике стало меньше на 0,6 %, зато число русских горожан увеличилось в 2,4 раза (с 480 до 1164 тыс. чел.) (табл. 3.1).

Таблица 3.1

**Геодемографические характеристики и гендерный баланс
у русских Белорусской ССР, 1970–1989 гг. (тыс. чел., %)**

годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбани- зации, %	Доля русских (%)			Число мужчин на 100 женщин		
	всего	город	село		всего	город	село	общий	го- род	се- ло
1959	659,1	480,4	178,7	72,9	8,2	19,4	3,2	86	84	93
1970	938,2	768,6	169,6	81,9	10,4	19,7	3,3	96	95	100
1979	1134,1	978,1	156,0	86,2	11,9	18,7	3,6	94	93	99
1989	1342,1	1164,4	177,7	86,8	13,2	17,5	5,1	91	90	96

Источник: Рассчитано по Демоскоп Weekly. URL:
<http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

Столь быстрый рост численности русских горожан не мог быть результатом только естественного прироста и притока трудовых мигрантов. За 1960–1980-е гг. естественная динамика увеличила численность русских лишь на 24–27 %. Ещё 10 % могло добавить перемещение русских из сельских районов республики. Достаточно ограниченным был и переселенческий поток из других республик СССР, включая Россию. Центральную роль в демографическом росте русских горожан БССР (значит, и её русского населения в целом) играла

ассимиляция, наиболее активно протекавшая в городской среде, в которой максимальное распространение получили межнациональные браки (самыми частыми из них были браки русских и белорусов).

Смешанное потомство таких семей в большинстве случаев выбирало русскую самоидентичность. Этнокультурная и языковая близость двух восточнославянских народов, сходный уровень модернизации способствовали этому, как и общее воздействие советской официальной культуры, в которой отчётливо доминировала русская компонента. В 1960-е гг. на ассимиляцию могло приходиться порядка 40–50 % всего демографического прироста русского населения республики, а в 1970–1980-е гг. этот показатель мог подняться до 60–70 % (рис. 3.1). Дополняя естественный прирост (который постепенно сокращался) ассимиляционным пополнением, русские в эти десятилетия являлись одним из наиболее динамично растущих национальных групп Белоруссии. Однако другим следствием процесса обрусения стал быстрый рост в структуре местных русских доли биэтнофоров (дальнейший данный аспект демографической динамики будет рассмотрен в следующих разделах).

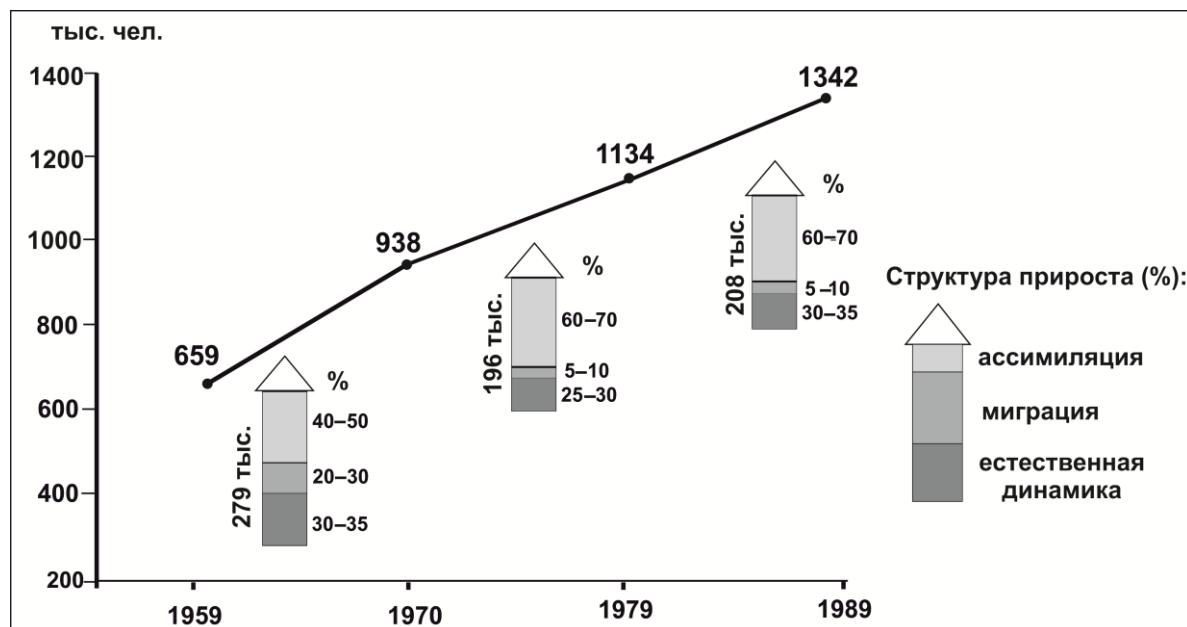

Рис. 3.1. Динамика и структура демографического роста русского населения Белоруссии, 1959–1989 гг.

Источник: расчеты автора.

Активная урбанизация выступала одним из основных факторов территориального перераспределения русского населения в пределах Белоруссии. Весь естественный прирост местных русских поселен за 1959–1989 гг. (40–50 тыс. чел.) был «съеден» миграционным оттоком,

основным направлением которого являлись города самой республики, и прежде всего Минск.

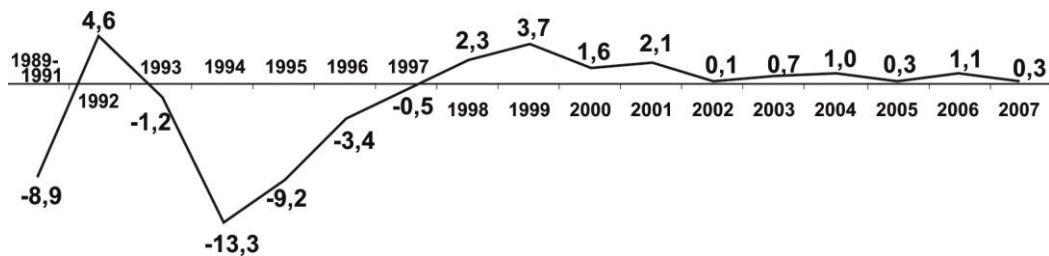
В конце 1980-х гг. Белоруссия была четвёртой союзной республикой (без учёта РСФСР) по численности русских (1,34 млн чел.) и удельному весу их в структуре населения (13,2 %). Русские население БССР в самой значительной степени концентрировалось в городах (86,8 %), достаточно равномерно размещаясь по всей территории республики. В западных её областях удельный вес русских лишь немногим уступал её восточным территориям. Динамика русского населения республики в последнее советское десятилетие сохраняла устойчивость восходящего демографического тренда, захватившего весь послевоенный период. Признаки его существенного замедления стали появляться только в самом конце 1980-х гг. – за 1989–1991 гг. чистый отток русских из республики составил 8,9 тыс. человек. Таким образом, смена доминирующего тренда в демографической динамике русского населения Беларусь, как и во многих других союзных республиках, фактически совпала с началом постсоветского периода.

Численность русских и факторы их демографической динамики. В постсоветский период, Беларусь фактически оказалась единственной страной БЗ, в которой власти в сфере нациостроительства не прибегали к этноцентрическим практикам. На фоне ощутимой общественно-политической, культурно-языковой, социопсихологической национализации и «титулизации» всего постсоветского пространства, политика белорусского руководства после прихода к власти А.Г. Лукашенко (июль 1994 г.) выглядела как отчётливо пророссийская. Новый президент инициировал проведение референдума о предоставлении русскому языку статуса государственного (в 1996 г. этот статус был закреплён в Конституции Республики Беларусь). Лояльной к русскому населению была и общая управлеченческая практика республиканских властей. А социокультурная и психоментальная близость двух народов определяли низкие уровни межнациональной напряжённости в их взаимодействии.

Сумма данных обстоятельств определила ограниченные масштабы убыли русских Беларусь в первое постсоветское десятилетие. За 1989–1999 гг. их численность сократились с 1342,1 до 1141,7 тыс. человек (–14,9 %). Естественная динамика населения всей Беларусь стала отрицательной только в 1993 г. и общие его естественные потери за 1989–1999 гг. составили 1,1–1,2 % (рассчитано по: Шахотько

2011). Учитывая сходство показателей воспроизводства русского и титульного населения, естественная убыль первого в 1990-е гг. едва ли превышала 1,2–1,5 % (16–20 тыс. чел.).

Незначительным в этот период был и чистый отток русских из Беларуси (18 тыс. за 1992–1999 гг.) (рис. 3.2). Что делало Беларусь исключением на постсоветском пространстве, демонстрировавшем значительные масштабы миграции русского населения в Россию. Поскольку русская община республики в 1989–1999 гг. потеряла около 200 тыс. чел., на третий фактор её демографической динамики – ассимиляцию и смену национальной идентичности, пришла основная часть понесённой убыли – 160–165 тыс. (81–83 %).

**Рис. 3.2. Сальдо миграции русского населения
Беларуси, 1989–2007 гг. (тыс. чел)**

Источник: Население России 2001; Данные текущего учета Росстата.

Динамика русских в начале XXI в. оказалась в известной степени парадоксальной – на фоне общей социально-экономической стабилизации Беларуси и некоторого улучшения воспроизводственных показателей всего населения страны, темпы убыли русской общины в 2000-е гг. выросли в 2 раза. За 1999–2009 гг. её размеры сократились на 31,1 % (с 1141,7 до 785,0 тыс. чел.)

Среднегодовой коэффициент естественной убыли населения Беларуси в 2000-е гг. составил 4,2 % (рассчитано по: Шахотько 2011). В русской общине этот показатель был несколько выше (4,5–5,0 %). Естественные потери русских за десятилетие должны были составить 4,5–5,0 % от их общей численности (50–60 тыс. чел.). При этом, в республике уже с 1998 г. фиксировался небольшой, но устойчивый чистый приток русского населения, составивший 8,6 тыс. чел. за 2000–2007 гг. (см. рис. 3.2.). Таким образом, из 357 тыс. демографической убыли русских страны за 1999–2009 гг. порядка 310–320 тыс. (86–89 %) должно было приходиться на ассимиляционные потери.

Первая половина – середина 2010-х гг. оказались наиболее благополучным периодом в демографической динамике населения постсоветской Беларуси. В 2013–2016 гг. коэффициент естественной убыли сохранялся на минимальном уровне 0,1–0,7 %. А общие естественные потери за 2010–2019 гг. составили 1,56 %¹. У русских, имевших повышенный медианный возраст, этот показатель мог быть выше, но едва ли превышал 2–3 % (порядка 15–22 тыс. чел.)

Сальдо миграционного взаимообмена Беларуси с Россией на всем протяжении 2010-х гг. оставалось положительным (2,5 тыс. чел. в среднегодовом исчислении) (рассчитано по: Демографический ежегодник Республики... 2012, 2019). Учитывая, что русские составляли заметную долю въездной миграции в Беларусь, можно предположить, что и русская община скорее пополнялась, чем теряла население в результате международной циркуляции. Хотя размеры этого пополнения должны были оставаться столь же незначительными, как и в 2000-е гг. (несколько тысяч человек за десятилетие). И поскольку перепись 2019 г. обнаружила сокращение размеров русской общины за 10 лет на 78 тыс. чел., динамика русского населения в 2010-е гг., как и ранее, в самой значительной степени определялась ассимиляцией (60–70 тыс. чел.) (рис. 3.3).

Геодемографическая динамика русских постсоветской Беларуси. В пространственном разрезе убыль русских страны была повсеместной с начала постсоветского периода. Но в 1990-е гг. её масштабы по территории Беларуси колебались в достаточно широком диапазоне – от 4,1 до 20,4 % (соответственно Гродненская и Могилёвская области) (рис. 3.4А). При этом данные демографические потери не оказались на широте системы расселения русских, которая к началу XXI в. по-прежнему охватывала всю территорию страны, сохранив исторически сложившуюся взаимосвязь с городской сетью, выступавшей основным ориентиром для русских переселенцев имперского, а затем и советского периода.

В 1990-е гг. переток местных русских в города почти прекратился и сельская компонента русской общины, в целом, сохранялась значительно лучше городской (за 1989–1999 гг. их демографические потери составили соответственно 4,9 % и 16,5 %). В 2000-е гг. убыль всех региональных групп русских существенно выросла, но при этом

¹ Рассчитано по: Показатели по 15 новым независимым государствам, 1992–2018. Демоскоп-Weekly. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

сблизилась по темпам (26,6–34,4 %). Фактически с одной скоростью сокращалось теперь и русское население разных форм расселения (столица, крупные и средние города, малые центры, сельская местность) (рис. 3.4В).

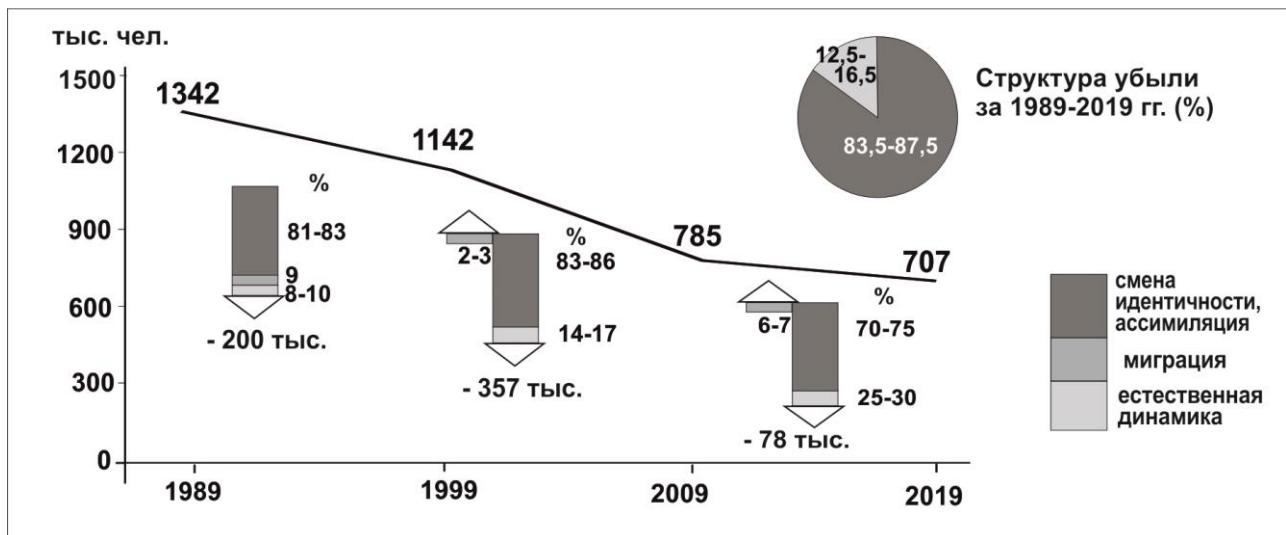

Рис. 3.3. Динамика русского населения Беларуси в 1989–2019 гг. и соотношение ее факторов по десятилетиям (тыс. чел., %)

Источник: расчеты автора.

Положение вновь изменяется в 2010-е гг., когда единообразие демографических трендов различных региональных групп русских и на всех уровнях системы их расселения уступает место разнородной динамике. Впервые за постсоветский период количественная убыль русского населения перестаёт быть повсеместным явлением. Если в Могилевской и Гродненской областях оно продолжало быстро сокращаться (–25–28 %), то в Минске и столичном регионе темпы убыли заметно упали; в Гомельской области русское население фактически стабилизировалось, а в Брестской и Витебской продемонстрировало некоторый рост (9–10,5 %), который в значительной степени был связан с увеличением русских общин областных центров – Бреста и Витебска (соответственно на 17,4 и 32,9 %).

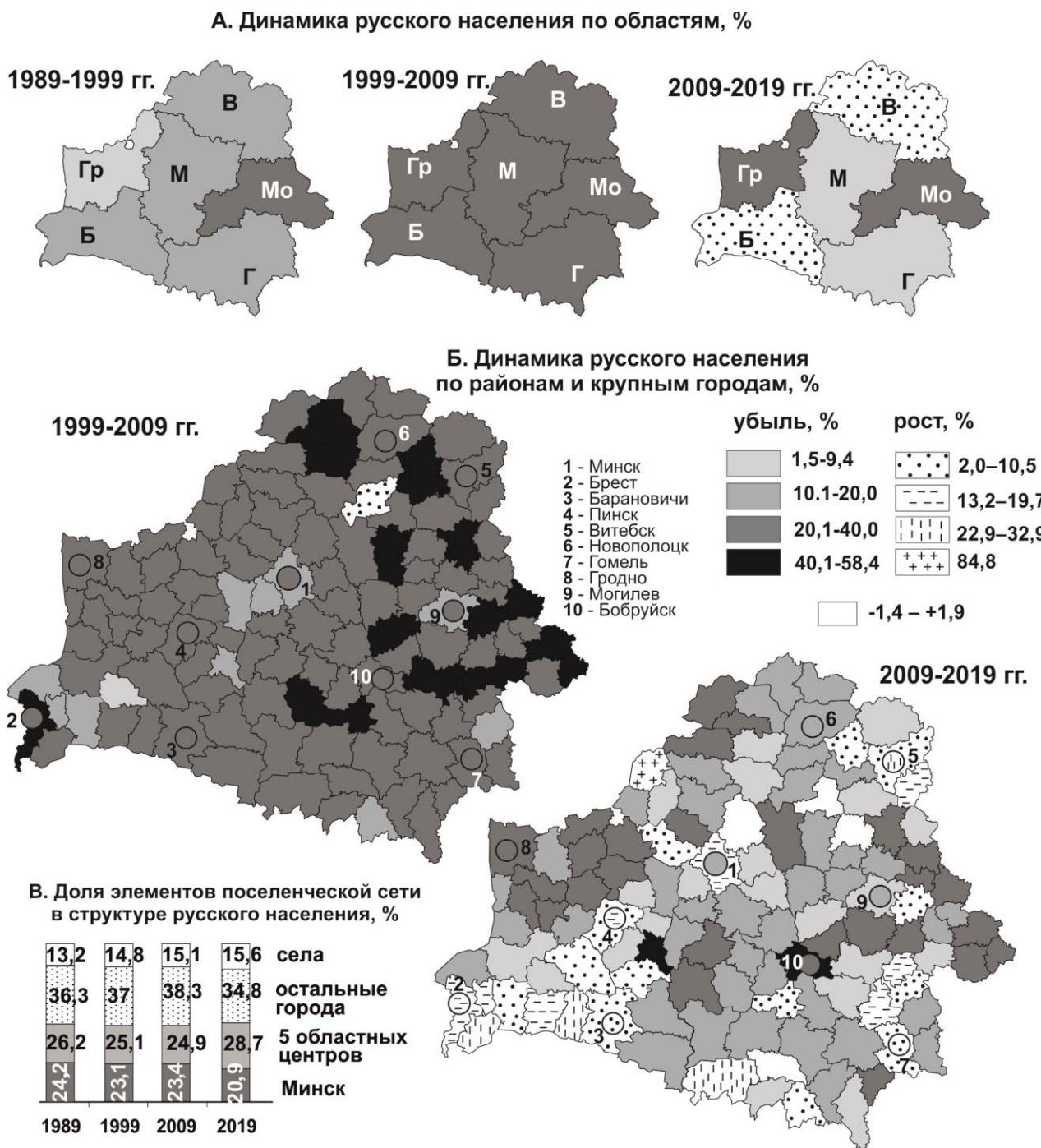

Рис. 3.4. Геодемографическая динамика русского населения Беларуси, 1989–2019 гг. (%)

Источник: Демоскоп-Weekly URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.; данные переписей Беларуси 1999–2019 гг.

Выросло и русское население других крупных городов Брестской области – Барановичи и Пинска, а также ряда сельских районов, сформировавших в 2010-е гг. обширный пояс положительной демографической динамики русских, охватывавший половину региона. Аналогичный, хотя и более ограниченный по размерам сельский ареал роста фиксировался и вокруг Витебска (рис. 3.4Б). Учитывая, что

показатели естественного воспроизводства у различных территориальных групп русского населения страны были сближенными, его разнонаправленная динамика могла быть связана с межрегиональной миграцией и особенностями ассимиляционного процесса, который детальнее будет рассмотрен в следующем разделе.

Заметим, что возвратный количественный рост этих региональных групп русского населения был исключительным явлением не только для Беларуси, но и всего постсоветского БЗ. Именно этот рост обеспечил резкое снижение в 2010-е гг. темпов демографической убыли русского населения всей Беларуси. Учитывая естественные потери и минимальное международное миграционное сальдо русских, этот рост мог объясняться либо активной межрегиональной миграцией, либо масштабными идентификационными сдвигами в группах местных биэтнофоров. Но для значительного миграционного притока русских в Брестскую и Витебскую области из других регионов Беларуси не существовало весомых социально-экономических причин¹.

Тем самым, причину роста русского населения с большой вероятностью следует искать в сфере идентификационных переходов. На это указывает и количественная динамика в 2010-е гг. отдельных возрастных когорт русского населения Брестской, Витебской, а также Гомельской областей. Все 5-летние когорты местных русских до группы 40–44-летних включительно продемонстрировали в межпереписный период самый значительный рост (рис. 3.5). Максимальным (50–93 %) он был в самых младших когортах. Так, группа 0–4-летних русских Брестской области в 2009 г., насчитывавшая 1,91 тыс. чел., спустя 10 лет (уже 10–14-летние) выросла до 3,67 тыс. (+ 92,7 %).

¹ В качестве очевидного исключения здесь можно назвать только один административный район, однако, не относящийся к этим двум областям: Островец и Островецкий район Гродненской области – локация Белорусской АЭС, строительство которой и формирование производственного коллектива было связано с масштабным притоком специалистов из других регионов Беларуси, а отчасти и из России. В составе мигрантов, прибывавших в своем большинстве целыми семьями, был повышенный процент русских, численность которых в 2010-е гг. выросла в Островецком районе в 1,84 раза (с 842 до 1556 чел.).

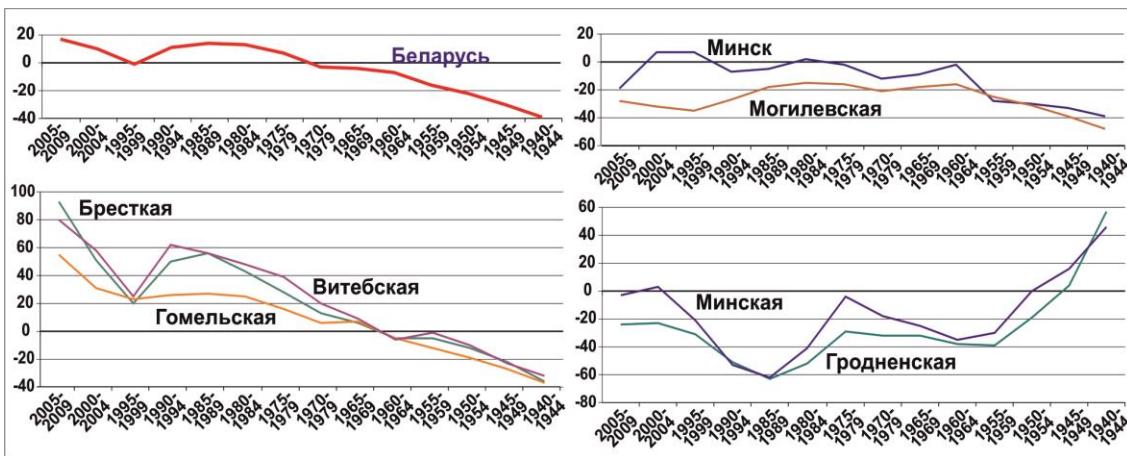

Рис. 3.5. Разница в размерах пятилетних когорт русского населения областей Беларуси между данными переписей 2009 и 2019 гг., % (выше нуля – перевес переписи 2019 г., ниже нуля – переписи 2009 г.)
Источник: по данным переписей Беларуси 2009, 2019 гг.

На 40-60 % выросли пятилетние возрастные когорты и 20-30-летних русских этих регионов (в Гомельской он был несколько ниже – 15-30 %). Столь ощутимый количественный рост детских и молодёжных генераций русских в данных областях обернулся не только общим увеличением численности местного русского населения, но и некоторым омоложением его возрастной структуры (табл. 3.2), что также представляло исключительное явление, как для Беларуси, так и всего БЗ¹.

Таблица 3.2
Медианный возраст русского населения Беларуси, Минска и регионов

Годы	Бела- русь	Минск	Брест ская	Гомель ская	Гроднен ская	Витеб- ская	Минс- кая	Могилев- ская
2009	48,6	50,3	48,1	48,6	46,8	48,5	51,0	48,1
2019	51,2	53,4	47,6	51,0	51,5	48,9	53,5	48,8

Источник: по данным переписей Беларуси 2009, 2019 гг.

При этом в трёх других областях Беларуси фиксировался противоположный тренд – большинство пятилетних когорт русского населения молодого и среднего возраста потеряли за 2009–2019 гг. порядка 20–30 % (а отдельные 40–50 %) своей численности. Притом, что

¹ Впрочем, «вклада» двух регионов не хватило, чтобы остановить процесс старения русских в масштабе всей Беларуси – их медианный возраст за 2009–2019 гг. вырос с 48,6 до 51,2 лет.

естественные потери в группах русских до 30 лет по коэффициентам возрастной смертности не превышали за десятилетие отдельных долей процента, а среди 30–40-летних составляли 2,5–4,5 %.

Логично предположить, что данное сокращение также являлось следствием идентификационной трансформации смешанного населения, но уже в направлении дерусификации – основного постсоветского тренда этого процесса. Однако в таком случае придётся констатировать, что в небольшой стране, в регионах, обладающих сближенными социокультурными и психоментальными характеристиками населения, в сфере этнодемографической динамики шёл противоположный процесс (и в очень интенсивной форме). В одних областях продолжалась быстрая этнокультурная титулизация смешанного населения, в других происходила активная возвратная переориентация части биэтнофоров на русскую идентичность. Сложно представить, как это могло происходить в условиях современной Беларуси. И в любом случае без знания реальных причин данного явления мы не можем оценить степень устойчивости происходящих этнодемографических сдвигов, от которых зависит в т.ч. и последующая демографическая динамика всей русской общины страны¹.

Но в целом, у нас есть все основания полагать, что идентификационная циркуляция части смешанного населения Беларуси действительно является процессом с «двухсторонним» движением, которое будет продолжаться и в дальнейшем, существенным образом осложняя прогнозные расчёты динамики русской общины, а параллельно заметно обесценивая эвристическое значение «голых» этнодемографических цифр, получаемых каждой очередной переписью.

Сказанное, однако, не отменяет общей тенденции, фиксируемой в динамике русского населения постсоветской Беларуси, связанной с постепенным его растворением в титульной этнокультурной среде; дальнейшим сокращением в структуре русской общины страны доли уже не только «чистых», но и наполовину русских, и параллельным

¹ Тем более, что мы не можем полностью исключить того, что исследуемое явление было связано с какими-либо специфическими моментами учета национальной принадлежности населения в отдельных областях Беларуси во время переписи 2019 года. Как нельзя совсем исключать наличия чисто статистических эффектов, вообще не имеющих отношения к реальной динамике русского населения и сдвигам национальной самоидентификации биэтнофоров.

ростом числа носителей все меньших долей русской этнической компоненты¹.

В целом за 1989–2019 гг. русское население Беларуси сократилось почти в 2 раза (с 1,34 до 0,71 млн человек). Но система его расселения сохранила основные черты, сформированные в середине – второй половине XX века – повышенную концентрацию в Минске, крупных и средних городах по всей территории страны, а также в северо-восточных сельских районах Витебской области. Избежала Беларусь и глубокой дерусификации своей сельской поселенческой сети, процесса характерного для большинства стран БЗ (Сущий 2020а). Только в 96 сельсоветах страны (6,0 %) доля русских в структуре населения на рубеже 2000–2010-х гг. была меньше 1 %. При этом, в 630 (39,2 %) и 286 (17,8 %) таких административных образований русские составляли соответственно 3,1–6,0 и 6,1–10 % жителей (табл. 3.3; рис. 3.6).

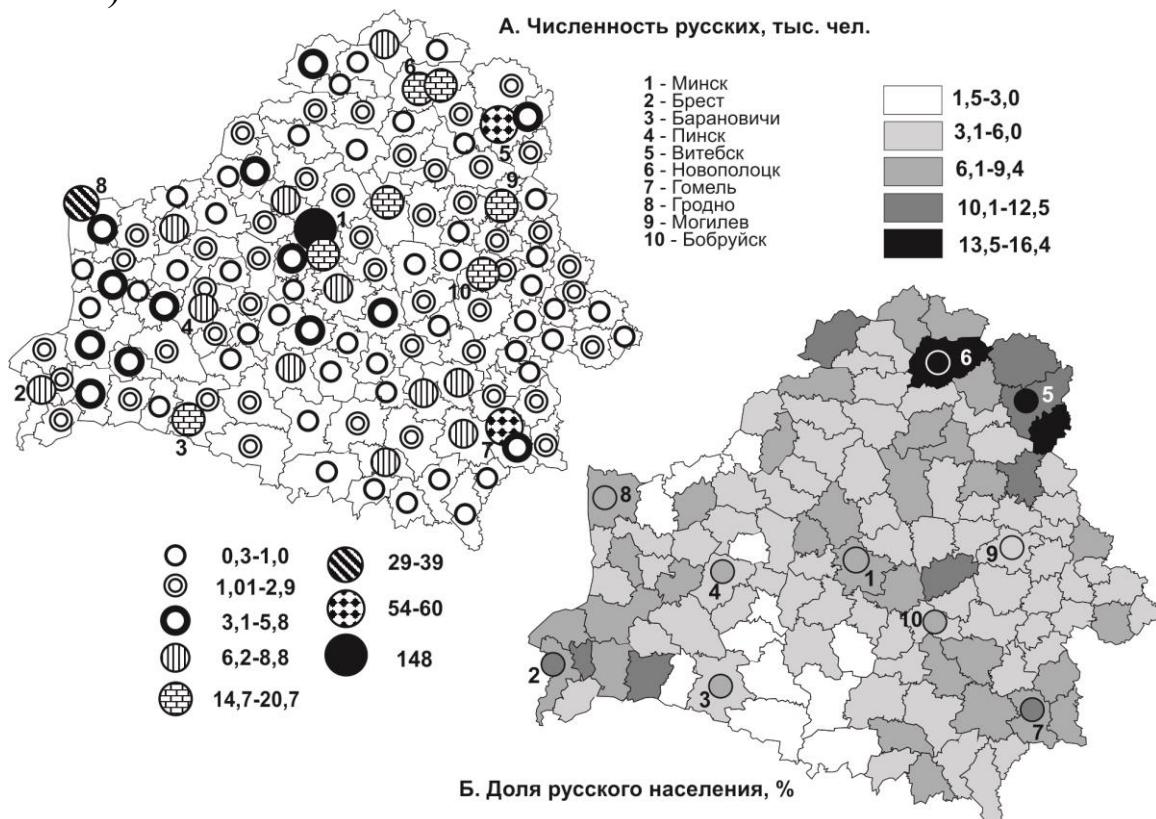

Рис. 3.6. Русское население по крупным городам и административным районам Беларуси, 2019 г.

Источник: по данным переписи Беларуси 2019 г.

¹ На деле данный процесс означает поступательное смещение данной компоненты из сферы актуального национального самоопределения человека в область его семейных преданий.

Таблица 3.3

Представленность русского населения в поселенческой сети регионов Беларуси, 2009 (%)

Области и страна в целом	Доля русских в структуре местного населения, %						Всего поселений
	до 1,0	1,1–3,0	3,1–6,0	6,1–10,0	10,1–20	20,1–56,0	
Сельсоветы							
Брестская	39/15,0*	100/38,5	85/32,7	30/11,5	6/2,3		260/100
Витебская	4/1,6	43/17,1	78/31,0	74/29,4	48/19,0	5/2,0	252/100
Гомельская	21/7,0	93/31,1	122/40,8	48/16,1	15/5,0		299/100
Гродненская	14/6,3	78/35,3	91/41,2	32/14,5	5/2,3	1/0,5	221/100
Минская	10/2,8	113/31,8	147/41,4	68/19,2	15/4,2	2/0,6	355/100
Могилевская	8/3,6	52/23,6	107/48,6	34/15,5	15/6,8	4/1,8	220/100
Беларусь	96/6,0	479/29,8	630/39,2	286/17,8	104/6,5	12/0,7	1607/100
Города и пгт							
Брестская		4/14,3	16/57,1	6/21,4	2/7,1		28/100
Витебская			15/34,9	13/30,2	13/30,2	2/4,7	43/100
Гомельская		2/5,9	20/58,8	9/26,5	3/8,8		34/100
Гродненская		2/6,5	17/54,8	8/25,8	3/9,7	1/3,2	31/100
Минская		3/6,7	13/28,9	22/48,9	6/13,3	1/2,2	45/100
Могилевская		¼,2	10/41,7	9/37,5	4/16,7		24/100
Беларусь		12/5,9	91/44,4	67/32,7	31/15,1	4/2,0	205/100

* В числителе число поселений имеющих данную долю русских в структуре своего населения; в знаменателе, доля этих населенных пунктов в общей поселенческой сети данного региона или Беларуси

Источник: рассчитано по данным переписей Беларуси 2009 гг.

Уровень представленности русского населения в городской системе был ещё выше. В стране не было ни одного городского центра или пгт с долей русских в структуре населения менее 1 %. А в 35 городах и пгт (17,1 %) они составляли более 10 % жителей. Как в сельской поселенческой сети, так и в городской системе представленность русских коррелировала с расстоянием до Российской Федерации, постепенно снижаясь в западном направлении.

Порядка 83,5–87,5 % всех демографических потерь русских Беларуси за 1989–2019 гг. пришлось на ассимиляционный процесс, игравший центральную роль не только в их убыли, но и в резком ухудшении показателей естественного воспроизводства в последние 10–15 лет. Очевидно, что особенности ассимиляции требуют более деталь-

ного анализа, с учётом масштабов межнациональной брачности русских и менявшейся с течением времени доли смешанного населения (биэтнофоров) в половозрастной структуре русской общины Беларусь. Тем более, что данные параметры с максимальной вероятностью будут оставаться ключевыми и в дальнейшей её демографической динамике.

Межнациональная брачность русских Беларусь, как фактор демографической динамики. В отличие от русско-украинских биэтнофоров Украины, активные исследования количественной и структурной динамики которых велись демографами и этносоциологами с начала – середины 1990-х гг. (Савоскул 2001), русско-титульная биэтническая группа Беларусь практически не привлекала внимание специалистов. И её количественный анализ в значительной степени представляет аналитическую оценку автора. При этом, для полноты исследования необходимо рассмотреть динамику данной группы не только в начале XXI в., но и в предыдущие десятилетия.

Советский период. Имеющаяся информация свидетельствует о том, что уровень межнациональной брачности русских в Белоруссии был очень высоким на всем протяжении советского периода. Уже в 1927 г. доля межнациональных браков у русских мужчин и женщин БССР составляла соответственно 47,3 и 20,7 %. В середине 1930-х гг. этот показатель вырос до 69,3 и 75,2 % (Борзых 1984, с. 108). На уровне 70–75 % он сохранялся и в дальнейшем, вплоть до последних советских десятилетий (табл. 3.4).

Таблица 3.4

Доля супругов другой национальности у вступивших в брак у русских Белоруссии, 1936–1989 (%)

Показатели	1936		1979		1989	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Вся республика	69,3	75,2	74,2	71,3	74,5	73,4
Город	66,2	73,5	71,5	68,1	73,2	71,8
Село	70,6	75,9	83,5	80,4	80,2	81,0

Источник: по Борзых 1984, с. 108; Население СССР 1989, с. 230–231

Таким образом, начиная со второй четверти XX в., в каждой своей новой генерации русские Белоруссии, вступая во взрослую жизнь, в значительном большинстве выбирали себе супруга другой

национальности. Причем в $\frac{3}{4}$ – $\frac{4}{5}$ случаях это был представитель титульного народа республики (Борзых 1984, с. 108; Волков 1989). Иными словами, уже в 1930-е гг. детские когорты русских БССР на 70 % были представлены биэтнофорами. А последние в дальнейшем вновь в $\frac{3}{4}$ случаев выбрали супруга другой национальности (опять же в своей массе именно белоруса/белоруску).

То есть, спустя два поколения в детской группе республиканских русских чисто арифметически могло оказаться не более 1/10–1/16-й этнически «чистых» представителей своего народа. А смена трёх поколений русских БССР, происшедшая в интервале 1920–1980-х гг. должна была привести к практически полной «белорусизации» русского населения республики. Но этого не произошло. Более того, численность русских в республике росла в послевоенные советские десятилетия быстрей, чем все население БССР и её титульный народ. За 1959–1989 гг. русское население Белоруссии увеличилось в 2,2 раза, а все население и белорусы – соответственно на 26,0 и 19,1 %.

Расчёты показывают, что опережающий рост русских республики в этот период обеспечивался не только естественным воспроизведством и миграцией, но и ассимиляционным процессом, в которой доминировал вектор обрушения смешанного потомства. Фактически «государственный» статус русских в Советском Союзе, как и общее воздействие советской официальной культуры, в которой отчётливо доминировала русская компонента, способствовали тому, что большинство биэтнофоров в БССР самоопределялось русскими.

При этом ситуация различалась для смешанного потомства русско-белорусских и русско-нетитульных семей. По данным А.Г. Волкова в русско-белорусских семьях Белоруссии в конце 1970-х гг. национальность смешанного потомства определялась родителями практически в равной степени, не давая преимущества ни одной из исходных национальных компонент (50,3% – русские, 49,7% – белорусы)¹ (Волков 1989).

Но достаточно активной в республике была брачность русских и с представителями других народов (украинцами, евреями, поляками и др.). На такие браки в сумме приходилось 38–39% всех межнацио-

¹ В действительности данная цифра была результирующей по двум вариантам русско-белорусской брачности (русский – белоруска; белорус – русская) в каждом из которых отчётливо доминировал принцип патрономии, определяющий национальность ребенка по отцу. В семьях с русским отцом 60,7 % детей определялись как русские; в семьях с отцом-белорусом – 61,1 % как белорусы.

нальной семей русских БССР. И в таких семьях русская национальность у смешанного потомства была уже абсолютно доминирующей, составляя 80–90%. В целом, по нашим расчётам, в республике в конце советского периода в семьях с одним из русских супругов 63–64% детей фиксировались как русские (рассчитано по: Волков 1989; Население СССР 1989).

Способствовал ускоренному количественному росту русского населения в 1960–1980-е гг. и миграционный фактор, хотя сальдо межреспубликанской миграции для Белоруссии в 1960–1970-е было отрицательным (чистый отток за 20 лет составил 244 тыс. чел.), а в последнее советское десятилетие близким к нулевой отметке (+3 тыс. чел за 1981–1988 гг.) (рассчитано по: Население СССР 1989). Но этнический состав въездной и выездной миграции существенно различался и в межреспубликанской циркуляции непосредственно русского населения приток доминировал с большим перевесом. Достаточно сказать, что доля неместных уроженцев среди русских Беларуси в конце 1980-х гг. составляла 33 % (а в городах – 61 %) (Русские 1992, с. 29).

Следует учитывать и то, что в Белоруссию из России прибывали преимущественно «чистые» русские, а среди выезжавших был высок удельный вес биэтнофоров. В результате такого взаимообмена, в структуре русского населения республики сокращалась доля смешанного населения. Данное «обновление» оставалось достаточно интенсивным на протяжении всего советского периода, являясь одним из основных факторов сдерживания процесса нарастающей титулизации русского населения республики.

Тем не менее очевидно, что численность и удельный вес биэтнофоров в структуре русских БССР в конце советского периода были уже очень высоки. Расчёты, опирающиеся на результаты исследования А.Г. Волкова и данные по уровню межнациональной брачности русских Беларуси в 1970–1980-е гг. (Волков 1989; Население СССР 1989), позволяют сделать вывод, что в генерациях русского населения республики, рождённых в последние 20–30 лет советского периода, на 100 полных этнических русских приходилось 340–350 биэтнофоров (русских на $\frac{1}{2}$).

Согласно выполненным расчётам, в конце 1970-х гг. из 340 тыс. русских Белоруссии младших возрастных групп (0–19 лет) биэтнофорами являлись 263–265 тыс. чел. (т.е. 77,5–78 % данных генераций). При этом в когортах 0–19 лет в республике имелось ещё 150–153 тыс.

русских на $\frac{1}{2}$, которые учитывались переписью как представители других народов (в т.ч. 128–130 тыс. как белорусы). В генерациях русских БССР среднего и старшего возраста количественный перевес биэтнофоров был менее значительным, но все равно очень весомым.

В целом, из 1,34 млн русских Белоруссии, зафиксированных переписью 1989 г., на смешанное население приходилось 60–65 % (800–850 тыс. человек). Число биэтнофоров, выбиравших другую идентичность, в первом приближении определяется в 450–500 тыс.¹. Таким образом, данная биэтническая группа в целом заключала 1,25–1,35 млн. человек (порядка 12,5–13,5 % населения республики). Для сравнения укажем, что в Украинской ССР в конце 1980-х гг. группа русско-украинских биэтнофоров заключала 16,7 % жителей республики (Сущий 2019, с. 69).

Постсоветский период. Распад СССР и превращение БССР в самостоятельное государство способствовало существенной идентификационной «перецентрировке» смешанного белорусско-русского населения. Часть биэтнофоров, ранее позиционировавшихся как русские, в новых условиях стала самоопределяться белорусами. Однако невысокая степень этнополитизации социальной жизни в Беларуси определяла достаточно ограниченные масштабы такой идентификационной трансформации у населения среднего и старшего возраста. И сдвиг в долевом соотношении двух подгрупп основного биэтнического множества республики, прежде всего, должен был происходить в результате нарастающего титульного самоопределения новых генераций смешанного населения.

Данные об уровне межнациональной брачности русских Беларуси в постсоветский период отсутствуют. Но учитывая высокий уровень урбанизации и дисперсный характер расселения русских, есть все основания полагать, что этот показатель, как минимум, не снизился от уровня 1970–1980-х гг., т.е. оставался предельно высоким (70–75 % и выше). Сопоставимой была и доля биэтнофоров в младших возрастных когортах русского населения, «уроженцев» 1990–2010-х гг.

Как и в советский период, основными брачными партнёрами русских оставались белорусы (на русско-титульные семьи могло приходить 60–65 % всех межнациональных браков русского насе-

¹ Если исходить из предположения, что в 1950–1960-е гг. 60–65 % смешанного потомства межнациональных семей русских БССР выбирали русскую идентичность.

ния). Однако заметное большинство смешанного потомства русско-белорусских семей теперь выбирало титульную идентичность. Но и у детей в семьях русских с представителями других народов удельное доминирование русской идентичности перестало быть абсолютным. Оно могло заметно варьировать во времени и по конкретным этническим связкам, испытывая при этом серьёзное влияние со стороны социокультурных, этнополитических, геоцивилизационных факторов.

Есть основания полагать, что в целом в постсоветских генерациях русско-нетитульных биэтнофоров Беларусь русская идентичность продолжала преобладать, но уже с небольшим перевесом, который не компенсировал потери, связанные с «уходом» в белорусы все более весомой части русско-белорусской молодежи. И одним из следствий растущей удельной дерусификации биэтнофоров являлась все более существенная деформация возрастной структуры русской общины, удельное «сжатие» детских когорт и соответственно быстрый рост доли пожилых и старых людей.

Показательна кривая распределения русских Беларусь по однолетним группам, фиксируемая переписью 2009 года. Если среднедововая численность новорожденных русских во второй половине 1980-х гг. составляла 8,4–8,8 тыс. чел., то к рубежу 1990-х гг. она опускается до 7,0–7,7 тыс., в середине 1990-х гг. составляет 4,9–5,4 тыс., в конце – 3,5–3,6 тыс. (рис. 3.7).

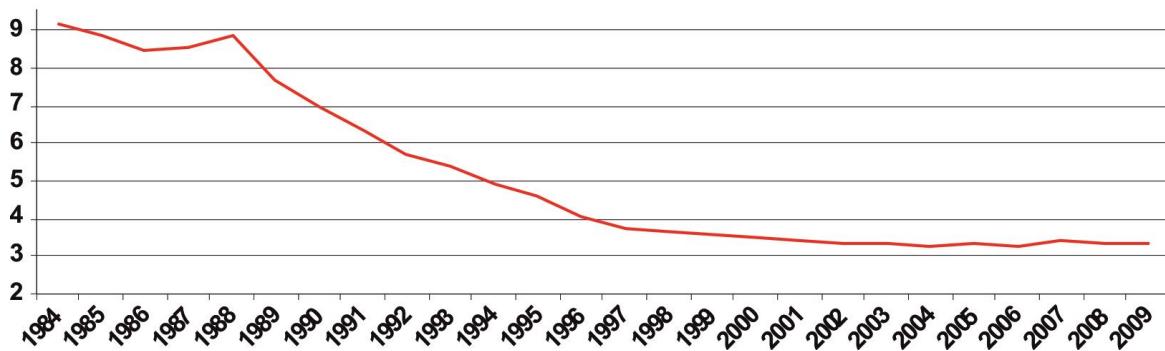

Рис. 3.7. Однолетние группы русского населения Беларусь по годам рождения (тыс. чел.)

Источник: рассчитано по данным переписей Беларусь 2009 г.

За 1988–1998 гг. число родившихся в течение года русских в Беларусь сократилось в 2,4 раза, притом, что общее падение рождаемости населения в стране составило только 38 %. Очевидно, что данная разница объясняется не столько катастрофическим сокращением ре-

продуктивной активности в русской общине, сколько выбором родителей, состоящих в межнациональных браках, для своего потомства нерусской национальности (прежде всего, титульной).

Как результат, коэффициент естественной рождаемости у русских Беларуси, рассчитанный по размерам однолетних групп, составлял в конце 1990-х – начале 2000-х гг. 3,2–3,4 % в год, при общереспубликанском показателе 9,0–9,4 %.¹ Сохранялось данное положение и в последующие годы. Среднегодовые показатели рождаемости в русской общине на протяжении 2000-х гг. составляли 3,3–3,5 тыс. человек (3,2–3,4 %). Что к концу «нулевых» привело к резкой деформации её возрастной структуры – за 1989–2009 гг. группа населения младше трудоспособного сократилась в общине с 21,4 % до 7,3 %.

При этом коэффициент суммарной рождаемости у русских женщин, рассчитанный по косвенной оценке этого показателя, учитывающей соотношение численности детско-юношеских возрастных групп детей (0–19 лет) и женщин активного детородного возраста (20–39 лет), опустился в конце 2000-х ниже 0,9 (табл. 3.5). Что было в 1,8 раза ниже показателя белорусок и явным образом противоречило социальной действительности, учитывая сближенный уровень социodemографической модернизации двух народов.

Таблица 3.5
**Отношение численности детско-юношеских генераций (0–19 лет)
к числу женщин активного фертильного возраста (20–39 лет),
2009 г.**

годы	русские	белорусы
2009	0,84	1,50
2019	1,05	1,62

Источник: рассчитано по данным переписей Беларуси 2009, 2019 гг.

Очевидной причиной данного разительного расхождения являлся уже указанный предпочтительный выбор смешанным потомством русско-белорусских семей титульной самоидентичности. Причём как в семьях с русской матерью, так и с русским отцом².

¹ Рассчитано по: Демоскоп-Weekly. URL:
<https://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

² Притом что принцип патрономии в известной мере мог сохраняться, и в семьях с русским отцом смешанное потомство чаще определялось как русское в сравнении с семьями с русской матерью.

Таким образом, первые два десятилетия постсоветского периода продемонстрировали резкое ускорение ассимиляционной динамики в русской общине Беларуси. Но исходя из математического алгоритма данного процесса (быстрый абсолютный и удельный рост группы русско-титульных биэтнофоров при параллельном сокращении доли выбирающих русскую идентичность), темпы убыли русского населения страны должны были возрастать с каждой следующей переписью. Тем более, что практически исчез миграционный фактор, существенно сдерживавший процесс титулизации русского населения в советский период. Как уже отмечалось, с середины 1990-х гг. масштабы циркуляции населения между Россией и Беларусью сократились до минимума. И русская община последней почти перестала пополняться «чистыми» русскими, отдавая при этом часть биэтнофоров.

По расчётам, выполненным в 2019 г., численность русских в Беларуси за 2010-е гг. должна была сократиться на 25–30 % и составить в 2020 г. 590–630 тыс. человек (Сущий 2019, с. 120). Однако перепись 2019 г. обнаружила в республике 707,0 тыс. русских (−9,9 %). Скорость их общей депопуляции сократилась в сравнении с «нулевыми» в три раза. Что противоречило реально идущему процессу нарастающей титулизации русской общины и следовательно иллюстрировало существенные особенности её ассимиляционной динамики.

Одно из наиболее вероятных объяснений этого этнодемографического явления, как уже отмечалось, может заключаться в неустойчивом характере национальной идентичности части биэтнофоров. Комфортное в социopsихологическом и культурно-языковом аспектах положение русских, являясь одним из факторов ускоренной их депопуляции, через интенсивную межнациональную брачность с белорусами и переход все большей части смешанного потомства к титульной идентичности, вместе с тем не мешало этой биэтнической группе в полной мере сохранять своё русскоязычие и приверженность русской культуре.

Более того, позиции русского языка в 2000–2010-е гг. укреплялись даже среди титульного населения страны, как и в большинстве её крупных этнических общин. В 2019 г. русский был родным языком для 42,3 % жителей Беларуси, для 71,4 % он был основным языком общения (у белорусов данные показатели составляли соответственно 38,1 и 71,0 %) (рис. 3.8). Таким образом, Беларусь демонстрировала свою устойчивую принадлежность к российскому геоцивилизационному ареалу. Достаточно высоким в условиях союзного государства

оставался и статус русской национальности. В такой ситуации выбор во время переписи большинством русско-титульных биэтнофоров белорусской идентичности, как правило, содержал элементы ситуативно-конъюнктурного характера и не являлся результатом окончательного личностного самоопределения. Аналогичной была ситуация и в других биэтнических подмножествах русских страны.

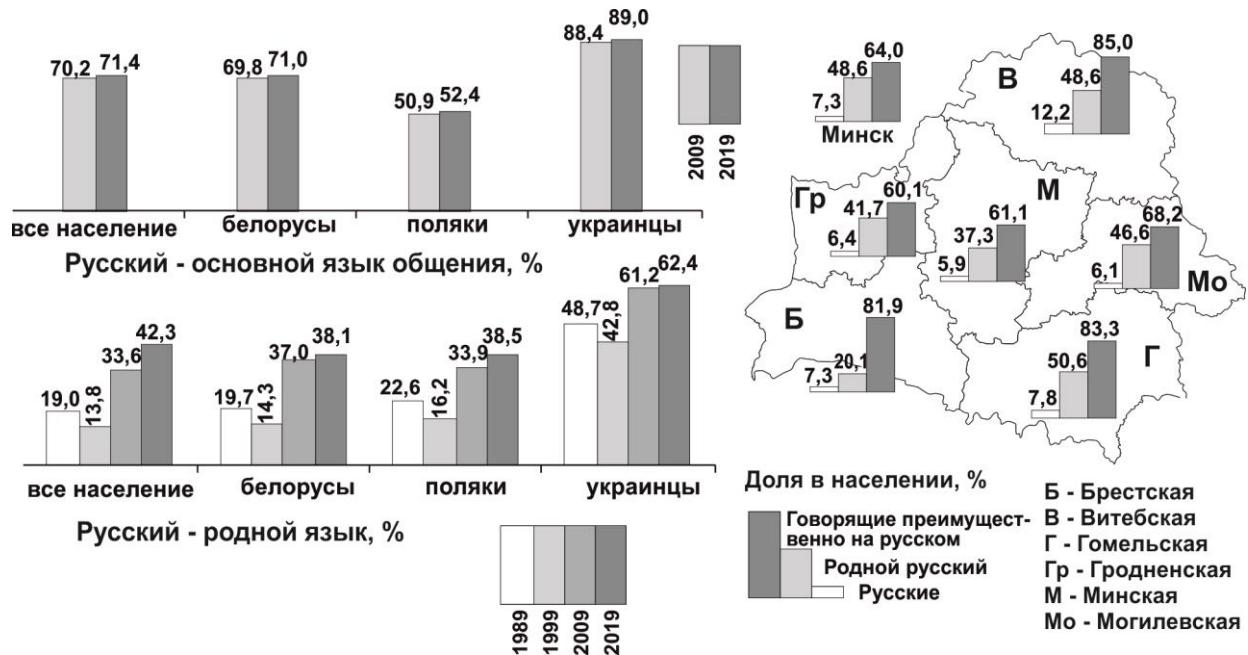

Рис. 3.8. Динамика распространения русского языка в Беларусь
А. Среди всего населения и в отдельных национальных сообществах, 1989–2019 (%); Б. По областям и в Минске, 2019 (%)

Источник: по переписям Беларусь 1999, 2009, 2019 гг.

Известно, что удельный вес группы русско-украинских биэтнофоров в населении Украины за 1990–2013 гг. вырос почти вдвое (с 16,7 до 30,4–31,8 %) (Сущий 2019, с. 69). Есть все основания полагать, что русско-титульная группа постсоветской Беларуси также демонстрировала рост, хотя и не столь значительный в силу изначально существенно меньшего демографического потенциала русской общины. С учётом всех других биэтнических подмножеств, группа смешанного населения Беларусь в настоящее время может составлять порядка 20–22 % жителей страны. При этом достаточно обширная часть этого полигэтнического демографического множества может характеризоваться многосоставной идентичностью, соотношение раз-

личных этнонациональных компонент которой является ситуационно-подвижным, зависящим от результирующей многих факторов¹.

Данный вывод подтверждается анализом количественной динамики уже использованной нами кривой однолетних возрастных групп русского населения. Но в этот раз для сравнения были взяты кривые, зафиксированные двумя переписями – 2009 и 2019 гг. Сравнение их обнаруживает существенную разницу в численности русских уроженцев одного возраста.

В значительном большинстве однолетних групп перепись 2019 г. зафиксировала заметный прирост числа русских вплоть до возрастной группы 45–47-летних. Как отмечалось, согласно переписи 2009 г., в течение 2000-х гг. в Беларуси ежегодно рождалось 3,3–3,4 тыс. русских. Но перепись 2019 г. для этих же лет дала цифры 3,8–4,1 тыс. чел. (рис. 3.9А). Для отдельных однолетних групп прирост достигал 15–22 %, по пятилетним когортам составлял 7–15 %. Максимальным он оказался у самой младшей генерации (дети в возрасте 0–4 лет), размеры которой в 2009 г. составляли 16,75 тыс. человек. К 2019 г. эта группа (теперь уже дети 10–14 лет) выросла до 19,7 тыс. человек (+17,7 %) (рис. 3.9Б). Этот рост не объяснялся ни естественным воспроизводством, ни миграционным фактором, а мог быть связан только с изменением национальности детей во время переписи 2019 года.

Более или менее заметный количественный прирост русских наблюдался и в более старших возрастных когортах, представители которых во время переписи сами определяли свою национальную принадлежность. Только в группах пожилого и старого русского населения фиксировалась нарастающая убыль, которая в значительной степени объяснялась высокой смертностью людей старшего возраста.

Значимым следствием количественного роста младших когорт в 2010-е гг. стало замедление темпов процесса общего старения русской общины, а также смягчение проблемы быстрого количественного сжатия группы русских женщин активного репродуктивного возраста (20–39 лет). Согласно переписи 2009 г., её размеры в Беларуси за следующее десятилетие должны были сократиться почти на треть (с 98,8 до 66,7 тыс.). Действительные потери оказались заметно меньше – в 2019 г. данная группа заключала 75,6 тыс. чел. (сокраще-

¹ Наконец, следует учитывать и то, что национальное самоопределение взрослого человека может отличаться от национальности, «назначенной» ему родителями во время переписи, прошедшей в его детские годы.

ние на 23,5 %). Соответственно ниже оказались и масштабы снижения рождаемости, и показатели естественной убыли русского населения страны.

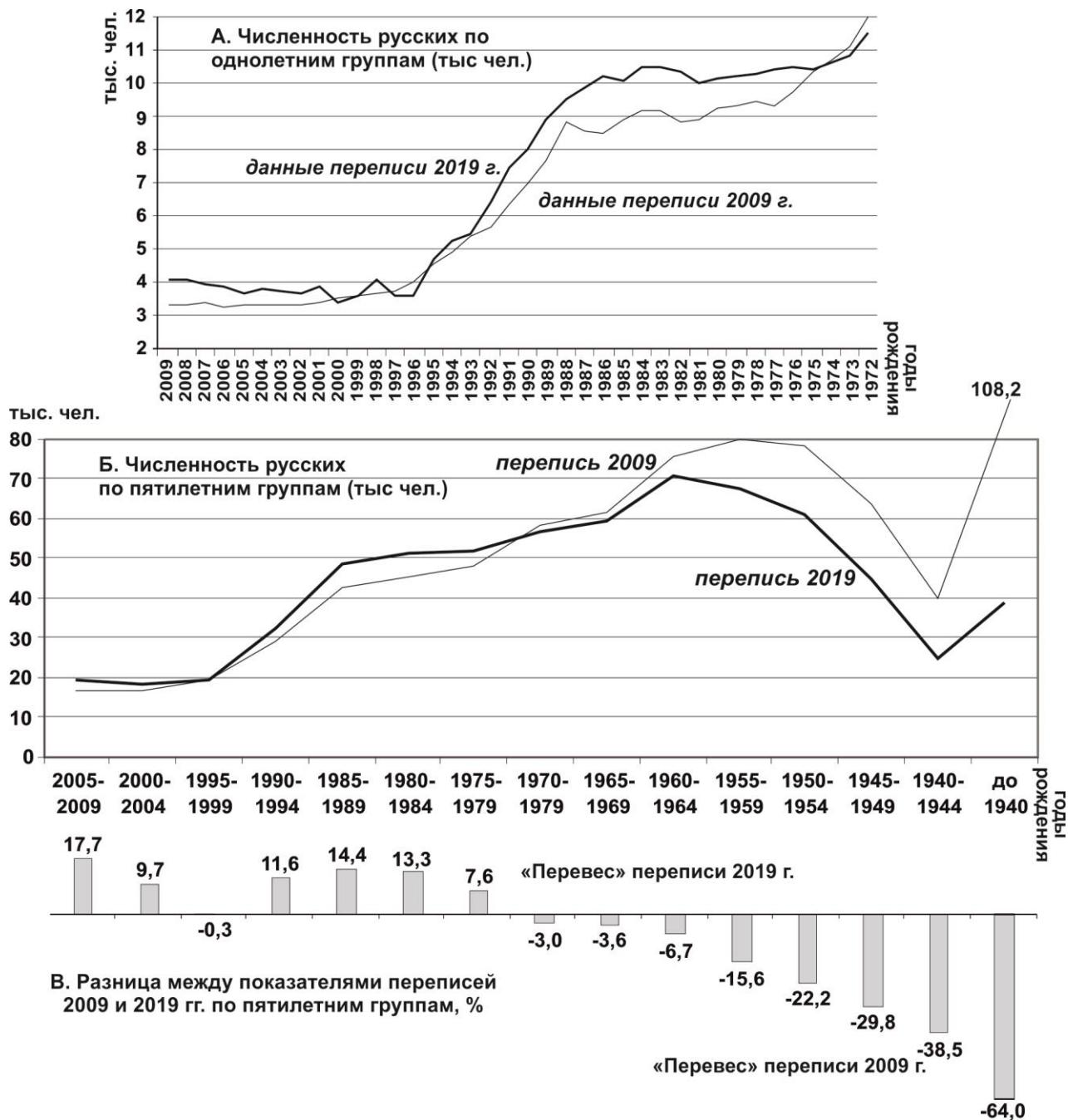

Рис. 3.9. Русское население Беларуси по данным переписей 2009 и 2019 гг. А. Численность по однолетним группам, тыс. чел.; Б. Численность по пятилетним группам, тыс. чел.; В. Удельный перевес данных по одной из переписей, %

Источник: рассчитано по данным переписей Беларуси 2009, 2019 гг.

Таким образом, происходившее в первые постсоветские десятилетия поступательное смещение группы русско-белорусских биэтнографов к своей титульной идентичности, в 2010-е гг. у некоторой части смешанного населения страны сменилось обратным движением¹. При этом следует отметить, что у данного процесса фиксировались ощутимые межрегиональные особенности, которые требуют самостоятельного анализа.

Динамика русской общины – среднесрочные перспективы.

Современная возрастная структура русской общины Беларуси при оценке её демографических перспектив не даёт поводов для оптимизма. Медианный возраст русских страны в 2019 г. составлял 51,2 года. Более трети русских было старше 60 лет. При этом на долю генераций до 20 лет приходилось только 11,3 % русского населения.

Вместе с тем, расчётные оценки, выполненные с помощью метода передвижки возрастов, дают значительно меньшие темпы демографической убыли русских, чем фиксировали все постсоветские переписи Беларуси. Согласно выполненным расчётам, за 2019–2029 гг. русское население без учёта миграции и ассимиляционного фактора может сократиться на 6,5–8,2 % (до 649–661 тыс.). Однако его медианный возраст поднимется до 56,6–57,2 лет. Данный демографический сценарий, совмещающий относительно ограниченные размеры абсолютной убыли русских при растущей деформации их возрастной структуры, сохранится и в 2030–2040-е гг. (рис. 3.10).

К середине века русское население Беларуси может сократиться до 500–543 тыс. чел. (убыль 23–30% от уровня 2019 г.). Но его медианный возраст может уже составлять 64,7–66,3 года. В возрастной группе 60+ будет сосредоточено 59–63% представителей общины (при этом 26–28 % русских будут уже старше 80 лет). Доля младших возрастных групп (0–19 лет) опустится до 7,5–10,9 %. Подобное соотношение пожилых и «ювенальных» возрастных когорт указывает на почти неизбежное 2–2,5 кратное сокращение общины в третьей четверти XXI века.

¹ Заметим, что еще в более отчетливом виде в 2010-е гг. это происходило у ряда других биэтнических подмножеств Беларуси, способствовавших возвратному демографическому росту своих общин. Наиболее наглядной иллюстрацией является положительная количественная динамика еврейской и немецкой общин, увеличивших свои размеры в 2009–2019 гг. на 6,0 и 23,6 %.

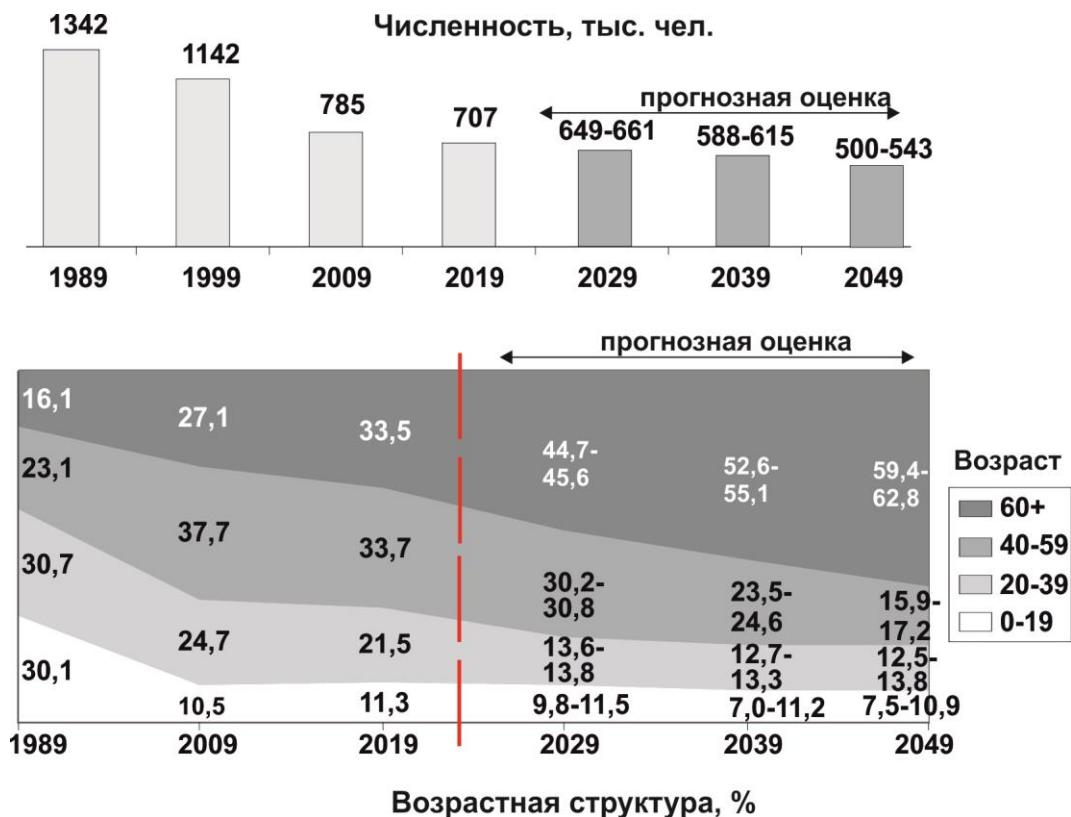

Рис. 3.10. Русское население Беларуси, 1989-2049 гг.

А. Динамика численности, тыс. чел

Б. Динамика возрастной структуры, %

Источник: для 1989–2019 гг. (Госкомстат СССР 1989; данные переписей Беларуси 2009, 2019 гг.); для 2029–2049 гг. – расчеты автора

Повторимся, этот сценарный прогноз не учитывает влияния ассимиляционного фактора, в постсоветский период игравшего центральную роль в демографической убыли русского населения Беларуси. И поэтому нельзя исключать вариантов значительно более быстрого количественного сжатия общины, например, в темповом алгоритме 15–20 % за десятилетие (напомним, в 1990–2010-е гг. его средневзвешенная величина составляла около 20 %). При таком сценарии численность русских в стране к середине века может сократиться до 360–430 тыс. чел.

Констатируя устойчивость процесса демографического сжатия русской общины Беларуси, и хорошо представляя, какие факторы его ускоряют, а какие тормозят, едва ли можно дать точный ответ на вопрос – существует ли у этого процесса некий количественный порог и на каком уровне он может располагаться. Тем более, что факторы влияния, в свою очередь, являются переменными, а некоторые из них способны одновременно работать в противоположных направлениях.

Как представляется, самым значимым для дальнейшей количественной динамики русской общины Беларуси будет соотношение процесса поступательной этнической титулизации русских стран и сохранения в группе биэтнофоров чувства своей сопричастности к русскому миру. Масштабы этого чувства в целом могут коррелировать со способностью самой России устойчиво сохраняться в группе наиболее влиятельных стран мирового сообщества, играющих ведущую роль в глобальной политике, в техническом и социокультурном развитии цивилизации.

Заметим также, что наличие элементов союзного государства, этнокультурная сближенность двух народов, общая дружественность российского и белорусского обществ, как и вся многоканальная система их взаимодействия, будут способствовать сохранению достаточно весомого русского этнического присутствия в Беларуси в самой долгосрочной перспективе. Показательно, что некоторые линии коммуникации двух стран и обществ в последние годы демонстрируют существенный рост. Достаточно сказать, что среднегодовые размеры российского турпотока в Беларусь за последнее десятилетие выросли более чем на порядок (с 200–400 тыс. в год до 4–5 млн человек). Устойчивыми остались связи и в матrimониальной сфере – 3–3,5 % браков (1,4–2,0 тыс.) регистрируемых в Беларуси в последние годы (за вычетом «пандемийных» 2021–2022 гг.) заключались белорусскими гражданами с россиянами (в своей массе русскими)¹.

Итак, количественная и пространственная динамика русских Беларуси в 2000–2010-е гг. соответствовала основным геодемографическим трендам, характерным для всего русского населения БЗ. Размеры русской общины страны демонстрировали достаточно быстрое сокращение, составившее за 1999–2019 гг. 38 % (с 1142 до 707 тыс. чел.). Но если в первые два десятилетия постсоветского периода убыль русского населения была повсеместной, охватывая все регионы и уровни системы расселения, то в 2010-е гг. количественная динамика отдельных территориальных групп стала разнонаправленной. В Брестской и Витебской областях был зафиксирован рост численно-

¹ Интернационал: сколько браков "на экспорт" было в Минске в 2017-м <https://sputnik.by/20180113/skolko-brakov-minchane-zaklyuchili-s-inistrancami-v-2017-godu-1033021078.html>; Сколько браков и разводов зарегистрировали в Беларуси в 2023 году <https://myfin.by/article/zhizn/skolko-brakov-i-razvodov-zaregistrirovali-v-belarusi-v-2023-godu-rasskazal-belstat>

сти русских на 9–10 %, причины которого требуют самостоятельного исследования. В целом система расселения русских постсоветской Беларуси сохраняла основные черты, сформированные в середине – второй половине XX в. – повышенную концентрацию в Минске, крупных и средних городах по всей территории страны, а также в северо-восточных сельских районах Витебской области.

Центральным фактором убыли русских на всем протяжении постсоветского периода оставался ассимиляционный процесс, на который за 1989–2019 гг. пришлось порядка 83,5–87,5 % всех демографических потерь. Основной причиной интенсивной ассимиляции являлся высокий уровень межнациональной брачности (70–75 %), характерный для всех генераций русского населения Беларуси, начиная с первой половины XX века.

В конце 1980-х гг. потомство таких браков (биятнофоры) составляло 1,25–1,35 млн чел. (12,5–13,5 % населения республики). Но если в советский период 60–65 % биятнофоров самоопределялось русскими (800–850 тыс.), то в независимой Беларуси 60–70 % смешанного населения выбирало другие идентичности – прежде всего титульную, поскольку основная часть межнациональных браков заключалась между русскими и белорусами.

К числу негативных социодемографических следствий нарастающей идентификационной дерусификации биятнофоров можно отнести сокращение коэффициента естественного прироста у русского населения Беларуси в 2000–2010-е гг. до 3–5 %, повышение его медианного возраста и крайне низкий коэффициент суммарной рождаемости русских женщин (0,9–1,05), уступавший показателю белорусок в 1,5–1,8 раз.

При этом, самоопределение по своей нерусской этнической компоненте не отражалось на культурно-языковом предпочтении биятнофоров, в своей массе остававшихся русскоязычными и ориентированными на русскую культуру. По крайней мере, для части смешанного населения такая ассимиляция без аккультурации и выбор нерусской идентичности не были окончательными. Подвижность этого показателя обнаруживалась пульсирующими в широком диапазоне размерами однолетних/пятилетних групп русских, фиксируемых переписями Беларуси 2009 и 2019 гг.

Подвижная самоидентичность части биятнического множества не отменяла центрального тренда внутренней этнодемографической трансформации русской общины страны, связанного с постепенным

ростом в её структуре группы смешанного населения, а в составе последнего, носителей все меньших долей русской этнической компоненты. Способствовало этому сдвигу и заметное сокращение масштабов миграционной циркуляции населения между Беларусью и Россией в 2000–2010-е гг.

Устойчивость исходящего тренда демографической динамики русского населения находило выражение не только в сокращении его общей численности, но и в постепенном росте медианного возраста, составлявшему в конце 2010-х гг. он 51,2 года. Столь серьёзная деформация возрастной структуры фактически предопределяло постепенный рост масштабов естественных потерь, приближающих демографический закат общины даже без учёта ассимиляционного фактора. Но только последний был способен существенно ускорить этот процесс, сместив его активную фазу из отдалённого будущего на середину XXI века.

Вместе с тем целый ряд факторов по-прежнему работал на сохранение достаточно весомого русского этнического присутствия в Беларуси в самой долгосрочной перспективе (в т.ч. пребывание страны в составе союзного государства, разнообразные формы взаимодействия российского и белорусского обществ, высокий уровень культурно-языкового обрушения населения, включая белорусов).

В целом же демографическая история русских Беларуси является наглядной иллюстрацией нелинейного характера взаимосвязи между условиями жизнедеятельности и количественной динамикой русского населения на постсоветском пространстве. Максимально комфортное в статусном, социopsихологическом и культурно-языковом аспектах положение при определенных обстоятельствах может оказаться одним из фактором активной демографической депопуляции, аналогично тому, как сложные социально-политические и социокультурные условия функционирования русских общин.

3.2. Молдова и Молдавская Приднестровская Республика

В конце 1950-х гг. в Молдавской ССР проживало более 290 тыс. русских, почти четверть которых приходилась на Кишинёв, в котором их численность не уступала титльному населению. Все три фактора демографической динамики (естественное воспроизводство, миграция, ассимиляция) в послевоенные десятилетия работали на коли-

чественный рост русского населения республики. К значительному (более 1 % в год) естественному приросту в 1950–1960-е гг. присоединяется активная трудовая миграция и обрушение ряда республиканских общин, масштабы которого, впрочем, были невелики. Но центральная роль принадлежала притоку, благодаря которому русские на протяжении ряда десятилетий являлись самым быстрорастущим национальным сообществом Молдавии. В 1960-х гг. русское население республики выросло более чем на 40 %, хотя естественный прирост в этот период не превышал 11–12 % (табл. 3.5).

Таблица 3.5

Демографическая динамика крупных (более 50 тыс. чел.) национальных сообществ Молдавской ССР, 1959–1989 гг.

Рост/убыль (%)	1960-е гг.	1970-е гг.	1980-е гг.
40–45	русские		
30–35	гагаузы		
20–25	молдаване украинцы	русские	
15–20	болгары		
10–15		гагаузы украинцы	гагаузы, русские молдаване
5–10		молдаване болгары	болгары украинцы
0–5	евреи		
–(15–20)		евреи	евреи

Источник: Рассчитано по: Демоскоп Weekly. URL:
http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_59-89.php?reg=9

В 1970-е гг. этот опережающий рост сохранился, хотя и заметно сократился в абсолютных размерах. Он по-прежнему в первую очередь обеспечивался миграционным притоком – переселенцами, которые ориентировалась на городскую систему, как на столицу, так и другие крупные города МССР. В последнее советское десятилетие численность русских республики выросла на 11 %, из которых 5,5–6,5 % приходилось на естественный прирост. Тем самым, в 1980-е гг. он уже был сопоставим или даже превосходил по масштабам мигра-

цию¹. Как и ранее, русские переселенцы из других регионов СССР преимущественно селились в Кишинёве и в других больших центрах республики (Рыбница, Бельцы), обеспечивая неуклонный рост уровня урбанизации русской общины (за 1959–1989 гг. он прибавил около 20 %). В города перебирались и сельские русские самой Молдавии. На протяжении 1960–1980-х гг. русские поселяне республики имели отрицательное миграционное сальдо и сокращались в абсолютных размерах (табл. 3.6).

Таблица 3.6

**Геодемографические характеристики и гендерный баланс
у русского населения Молдавской ССР,
1959–1989 гг. (тыс. чел, %)**

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбани- зации, %	Доля русских (%)			Число мужчин на 100 женщин		
	всего	го- род	село		всего	город	село	об- щий	го- род	село
1959	292,3	195,2	97,8	66,5	10,2	30,4	4,4	79	77	84
1970	414,4	319,2	95,2	77,0	11,6	28,2	3,9	82	82	82
1979	505,7	418,7	87,8	81,2	12,8	27,3	3,6	83	83	84
1989	562,1	483,7	78,3	86,1	13,0	23,9	3,4	86	85	83

Источник: Рассчитано по: Демоскоп Weekly (Приложение). URL:
http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_59-89.php?reg=9

В конце 1980-х гг. русские составляли 13 % всего населения Молдавии и почти четверть её горожан. Всё указывало на завершение полувекового периода опережающего количественного роста русского демографического множества. Но поступательный характер этого процесса предполагал постепенный переход к стадии равновесия, способной занять 10–15 лет, на протяжении которых численность русских в республике могла стабилизироваться на достигнутом уровне. Однако их динамика продемонстрировала прямую зависимость от социально-политического процесса и социоэкономического фактора

¹ Как результат столь существенного сокращения темпов своего демографического роста – русские уступили позицию наиболее динамично растущего народа республики гагаузам. Впрочем, у четырех ведущих национальных сообществ Молдавии (молдаване, гагаузы, русские, болгары) данный показатель в 1980-е гг. оказался очень сближенным, уложившись в диапазон 9,5–11 %; чуть меньшим (7,5 %) он был у республиканских украинцев.

Постсоветский период начался с серьёзного этнополитического кризиса независимой Молдовы, государственный курс которой, как и большинства других стран БЗ, изначально содержал существенные элементы этноцентризма. Для «начинающих» постсоветских государств, имевших многосоставную этнокультурную структуру, такая политика была гибельной, поскольку центростремительный алгоритм размежевания неизбежно проецировался с внешнего союзного уровня на их внутреннюю административно-территориальную структуру и общественно-политическую жизнь.

В отличие от Грузии или Азербайджана, Молдавская ССР не имела в своём составе административно выделенных национальных автономий, но в полной мере являлась многосоставным образованием с наличием субрегионов, обладавших отчётливой этнодемографической и социокультурной спецификой. В первую очередь речь идёт о днестровском левобережье – узкой полосе протяжённостью почти в 500 км, отделённой Днестром от основной территории Молдавии. До 1940 г. эта территория составляла Молдавскую АССР в составе Украинской ССР и, тем самым, имела в своей истории опыт существования в качестве самостоятельного административного образования. Но более значимым фактором являлся национальный состав Приднестровья, в котором молдаване находились в меньшинстве (порядка 34–35 % населения) и была высока концентрация русских, сосредоточенных в ряде городских центров.

Существенную роль сыграло наличие крупной водной артерии, серьёзно затруднившей действия правительственных войск против сепаратистов и ставшей естественной границей «государственного» размежевания Молдовы и левобережных районов. Значимым был и военно-стратегический фактор: дислокация на левобережье частей 14-й российской армии, сумевшей остановить вооружённый конфликт между центральной властью и повстанцами (по сути, позволив последним выстоять в неравной борьбе с правительственныеими воинскими подразделениями).

Как результат, левобережные районы оказались в состоянии после периода военного противостояния создать независимый социум – непризнанную, пророссийски ориентированную Приднестровскую Молдавскую Республику (далее – ПМР)¹. Последующая этнодемо-

¹ В пределах Молдовы существовал еще один субрегион с высокой этнокультурной спецификой населения – Гагаузия. Однако он, в отличие от днестровского левобережья, не был географическим анклавом, отделенным от

графическая эволюция Молдовы и Приднестровья имела существенную специфику, которая иллюстрируется в том числе и количественной динамикой русского населения.

Численность русских Молдовы, факторы их демографической динамики в 1990-е – начале 2000-х гг.

Этнизация органов государственного управления Молдовы и основных социальных иерархий; деиндустриализация, оставившая без работы значительную часть русских, сосредоточенных в сфере промышленного производства; статусный переход из положения «государственного» народа в нацменьшинство стали причинами интенсивного миграционного оттока русских. Их выезд из республики начался уже в конце советского периода (за 1989–1991 гг. чистый отток в Россию составил 7,7 тыс. человек). Но пик миграции, как и в других странах БЗ, пришёлся на первую половину – середину 1990-х гг. (36,1 тыс. за 1992–1996 гг.).

В целом по официальным (далеко не полным) данным Госкомстата РФ, за 1992–2004 гг. из Молдовы в Россию переехало 63 тыс. русских (миграционное сальдо). Реальные масштабы оттока были больше. Но необходимо принимать во внимание, что мигранты из ПМР также учитывались, как выехавшие из Молдовы. С учётом этого обстоятельства общие механические потери русской общины самой Молдовы за 1989–2004 гг. можно в первом приближении оценить в 45–55 тыс. человек.

К миграции присоединилась естественная убыль русских, возникшая в начале 1990-х и уже во второй половине десятилетия составлявшая в среднегодовом исчислении 5–7 %. Фактором депопуляции становится и третий элемент демографической динамики – ассимиляционный процесс, долгое время работавший на увеличение численности русских в республике.

Результирующей этих процессов стало сокращение численности русских Молдовы за 1989–2004 гг. с 351 до 201 тыс. чел., почти на 43 %, из которых естественная убыль составляла не более 10–11 %. Таким образом, основная масса потерь пришлась на миграционный отток, ассимиляцию многочисленного русско-молдавского биэтнического множества и смену идентичности других биэтнофоров. Причём именно ассимиляционно-идентификационный фактор играл центральную роль в демографической динамике русского населения

остальной территории страны. Что и предопределило дальнейшую траекторию социально-политического развития Гагуазии в составе Молдовы.

постсоветской Молдовы, что предполагает его самостоятельный анализ (табл. 3.7).

Таблица 3.7.
**Компоненты демографической убыли русских
Молдовы, 1989–2024 гг.**

Перио- ды	Абсолютные потери, тыс. чел.			Удельный вес в общей убыли, %		
	Естест. убыль	Ассимиляция, смена идентич- ности	Мигра- ция	Естест. убыль	Ассимиляция, смена идентич- ности	Мигра- ция
1989– 2004	15–17	78–90	45–55	10–11	52–60	30–37
2004– 2014	8–10	44–51	30–35	9–11	50–57	34–40
2014– 2024	4–5	18–20	6–8	13–17	60–67	20–27

Источник: расчеты автора.

Межнациональная брачность, биэтнофоры и ассимиляционный процесс. Уже в 1970-е гг. половина браков, заключаемых русскими Молдавии, были национально смешанными, а к концу советского периода этот показатель превысил 60 %. В сельской местности, в которой русские составляли всего несколько процентов населения и выбор брачных партнёров своей национальности был существенно ограничен, доля межнациональных браков и у мужчин, и у женщин приближалась уже к $\frac{3}{4}$ (табл. 3.8).

Таблица 3.8
**Доля русских Молдавии, вступивших в межнациональный
брак в 1978 и 1988 гг. (%)**

Годы	Всего		Город		Сельская местность	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1978	60,1	57,2	56,4	52,8	74,1	73,5
1988	59,9	60,0	59,6	57,0	76	76,3

Источник: Население СССР 1989, с. 282–283

Почти $\frac{2}{3}$ смешанного потомства таких браков в это время самоопределялось русскими. Даже в семьях, созданных русскими с титульными молдаванами, русская самоидентичность детей количественно перевешивала (что было нехарактерно для союзных респуб-

лик, в большинстве которых у потомства русско-титульных семей доминировала вторая идентификационная компонента) (Русские 1992, с. 2013). Таким образом, русское население республики обеспечивало свой количественный рост, в том числе за счёт расширения в своём составе доли биэтнофоров, людей смешанного происхождения с русской идентичностью (табл. 3.9). Доля этой группы в структуре республиканской русской общины в последние десятилетия советского периода росла нарастающими темпами (как в это время и у русских Белоруссии).

Таблица 3.9

Выбор национальности детьми в национально смешанных семьях русского населения Молдавской ССР

Все смешанные семьи			Русско-молдавские семьи		
Русские	Другая	Разная (в случае 2 и более детей)	Русские	Титульная	Разная (в случае 2 и более детей)
64,1	32,0	3,3	54,0	42,3	3,7

Источник: Русские 1992, с. 214.

Расчёты показывают, что в начале 1980-х гг. в группе русских Молдавии в возрасте до 20 лет, заключавшей 152 тыс. чел., только 47 тыс. родились в моннациональных семьях («полные» этнические русские), а 105 тыс. (69 %) появились в семьях с одним русским супругом (группа биэтнофоров с русской самоидентификацией). Группа биэтнофоров в возрасте 0–19 лет (из смешанных семей с участием русских супругов) с другими национальными идентичностями детей и подростков насчитывала около 37 тыс. человек.

В целом, в данное время в младших генерациях русских Молдавии на 100 «полных» этнических русских приходилось 295–305 биэтнофоров (русских на $\frac{1}{2}$), как с русской, так и с иной самоидентичностью. При этом, доля самоопределявшихся русскими в этой биэтнической группе составляла 75 %. Около 30% такой смешанной молодёжи составляли русско-молдавские биэтнофоры. На рубеже 1970–1980-х гг. 57–58 % представителей данной группы выбирали русскую идентичность (рассчитано по: Волков 1989). Ещё значительней (74–75 %) была доминанта русской самоидентификации у смешанного потомства русско-украинских семей.

С начала 1990-х гг., в новых условиях ассимиляционный процесс начинает работать в обратном направлении. И сразу же стано-

вится основным фактором демографического сжатия русской общины Молдовы, поскольку уже в 1980-е гг. около $\frac{3}{4}$ представителей её молодёжных генераций состояло из людей смешанного происхождения. В постсоветский период их доля продолжала возрастать, как и доля межнациональных браков у русских (к 2009 г. она поднялась до $\frac{3}{4}$). Во второй половине 1990-х гг. у русских женщин в Молдавии 7 из 10 детей рождались от отца другой национальности (Остапенко, Субботина 2011, с. 214).

Л.В. Остапенко и И.А. Субботина объясняют данную ситуацию масштабным оттоком русских молодого и среднего возраста, резко сузившим возможности выбора брачного партнёра из представителей своей национальности уже не только в сельской местности, но и в городах. Но численность русских в Молдове, несмотря на активную миграцию, оставалась в разы (если не на порядок) больше, чем у ряда других национальных общин, демонстрировавших куда более высокий уровень эндогамии. Очевидно, помимо фактора оттока существенную роль играла брачная «открытость» русского населения, связанная в том числе с высоким уровнем его социокультурной модернизации.

Большинство межнациональных браков русскими в 1990–2000-е гг. по-прежнему заключалось с молдаванами и украинцами, первым и вторым по численности народами Молдовы. Но в постсоветский период в русско-молдавских семьях титульная идентичность выбиралась детьми уже в 1,5–2 раза чаще, чем русская (Остапенко, Субботина 2011, с. 214). В брачном взаимодействии русских и украинцев потомство распределялось по национальностям родителей примерно на паритетной основе (косвенно об этом свидетельствовала и количественная динамика обеих общин в первое постсоветское десятилетие).

Продолжала расти межнациональная брачность русских и в дальнейшем. Социологические исследования начала XXI в. фиксировали отчётливый рост ассимиляционных настроений у представителей русской общины страны. «Среди опрошенных в конце 1990-х гг. в Молдавии русских людей лишь 4 % ответили, что хотели бы видеть своих детей русскими; только 17 % хотели бы, чтобы их дети выросли людьми, знающими русский язык и культуру. В исследовании 2007 г., проведённом среди городского населения республики, лишь 8 % опрошенных русских хотели бы видеть своих детей русскими, 12 % высказали желание видеть своих детей знающими русский язык

и культуру... У русской молодёжи, состоящей в смешанных браках, наблюдается стремление к выбору для своих детей нерусской национальности, что свидетельствует о наличии установки на естественную ассимиляцию у значительной части русских, состоящих в подобных браках» (Остапенко, Субботина 2011, с. 131–132).

Иными словами, результаты опросов в 2000-е гг. фиксировали высокую вероятность сценария стремительного демографического сжатия русской общины Молдовы уже в среднесрочной перспективе. К этому времени, как минимум, в двух поколениях значительная часть местных русских имела супруга другой национальности и была ориентирована на смену национальности их общим потомством (по крайней мере, не возражала против этого). Все возрастные группы русского населения, вплоть до людей 30–35 лет, были в значительной степени социокультурно дерусифицированы.

Численность русских Молдовы, факторы их демографической динамики в середине 2000-х – первой половине 2020-х гг.

Перепись 2014 г., в целом, подтвердила реальность данных опасений. За 10 лет (2004–2014 гг.) численность русских в Молдове сократилась почти вдвое – с 201 до 112 тыс. чел. В среднегодовом исчислении эта убыль составляла 4,45 %, что было заметно выше темпа потерь в 1990-х – начале 2000-х гг. (2,85 %). В демографическом рейтинге народов страны русские переместились с третьей позиции на пятую, пропустив вперёд румын и гагаузов.

Все факторы демографической убыли, характерные для первых 15 лет постсоветского периода, сохранились и во второй половине 2000-х, перейдя и во второе десятилетие XXI в. Хронически сложная социально-экономическая ситуация в республике определяла отток русских из республики, который не был значительным, но носил устойчивый характер и составлял как минимум 1–2 тыс. чел. в год¹.

Естественная убыль к концу «нулевых» могла несколько сократиться в сравнении с показателями начала десятилетия, но едва ли была меньше ежегодных 4–5 %, поскольку и устойчивый отток, и ассимиляция были причиной всё более ощутимого старения русского населения. В первую очередь из республики уезжали люди молодого и среднего (трудоспособного) возраста. А «молдавизация» в начале XXI в. происходила уже в основном не через смену русской идентификации на титульную, а путём изначального выбора молдавской

¹ В отдельные годы его масштабы могли превосходить эти цифры в несколько раз.

национальности молодым потомством смешанных семей. В результате если в 1989 г. доля детей до 9 лет у русского населения Молдавии составляла 19,8 %, то в 2014 г. только 8,5 %¹. Средний возраст русского населения поднялся до 42 лет². Его гендерная структура, в которой на протяжении всего советского периода обнаруживалась ощутимый перевес женщин (последствия войны), деформировалась еще больше – в середине 2010-х гг. на 100 женщин в Молдове приходилось 77 мужчин.

В целом, удельное соотношение трёх факторов убыли русского населения сохранилось с 1990-х гг. – центральная роль по-прежнему принадлежала ассимиляционному процессу, на который приходилось более половины демографических потерь русской общины, более трети убыли было связано с оттоком, в котором выросла доля Евросоюза, хотя в абсолютных цифрах миграция в Россию продолжала доминировать. Только десятая часть потерь была приходилась на естественную убыль (см. табл. 3.7).

В последнее десятилетие (2014–2024 гг.) темпы депопуляции русского населения Молдовы несколько сократились, составив в среднегодовом исчислении 2,7 %. Перепись 2024 г. зафиксировала в стране 81,6 тыс. русских (–26,9 %).

В абсолютных размерах убыль за межпереписной период сократилась до 30 тыс. человек. Но резко возросла деформация половозрастной структуры – медианный возраст русских страны в середине 2020-х гг. составлял 53,2 года, увеличившись за десятилетие сразу на 11,3 года. Доля младших возрастных групп (0–9 лет) опустилась до 5,6 %, а когорт 60+ поднялась до 39,9 %. Число русских мужчин на 100 женщин сократилось до 71,8. В сумме эти изменения свидетельствовали об ускоренном демографическом закате общины. Учитывая естественную смену поколений, даже без учёта миграции и ассимиляционного процесса, численность русских в ближайшие 15–20 лет должна будет сократиться на 20–30 %.

¹ При этом удельный вес старших возрастных групп (людей старше 50 лет) превышал треть от общей численности местных русских. Впрочем, больше трети русских были старше 50 лет и в самой РФ, хотя доля русских детей в России была несколько выше (10,4 %).

² Из числа ведущих национальных сообществ страны более возрастной была только украинская община (47 лет). Однако ее демографическое сжатие в межпереписной период (–36 %) оказалось менее значительным, чем у русских Молдовы.

Но сравнительный анализ динамики отдельных возрастных когорт русского населения Молдовы за 2014–2024 гг. свидетельствует, что максимальные потери понесли группы молодёжи и людей среднего возраста, утратившие 37–59 % своей численности (табл. 3.10). Смертность в данных группах была минимальной и практически вся убыль формировалась оттоком и сменой идентичности. Таким образом, в последнее десятилетие (как и во все предыдущие периоды постсоветского времени) именно ассимиляционно-идентификационному фактору принадлежала центральная роль в депопуляции русской общины страны и в ускорении этого процесса.

Таблица 3.10
**Русское население Молдовы по 10-летним группам
в 2014 и 2024 гг. (чел.; %)**

Годы рождения	2005–2014	1995–2004	1985–1994	1975–1984	1965–1975	1955–1964	1945–1954
Число полных лет	10–19	20–29	30–39	40–49	50–59	60–69	70–79
Перепись 2014 г.	9496	11548	13600	19523	18812	18100	10630
Перепись 2024 г.	7224	4718	8540	11217	11977	15609	12266
Динамика за 2014–2024 гг., %	–23,9	–59,1	–37,2	–42,5	–36,3	–13,8	+15,3

Источник: табл. 3.10–3.13 по данным переписей Молдовы 2004–2024 гг.

Но с середины 2010-х гг. начался и новый абсолютный рост естественной убыли, связанный со вступлением в репродуктивный возраст малочисленной группы русских, родившихся в 1990-е гг. Тем более что на снижение рождаемости наложился всплеск смертности периода пандемии COVID-19. В начале 2020-х гг. коэффициент естественной убыли русского населения Молдовы с большой вероятностью вырос до 11–12 %. Но общие его естественные потери за 2014–2024 гг. едва ли превышали 4–5 тыс. чел., составляя только 13–17 % общей демографической убыли.

Точные масштабы оттока русских в межпереписной период неизвестны. Но если исходить из миграционного показателя всего населения Молдовы, эмиграция русских могла составить 6–8 % от общей их численности (порядка 6–8 тыс. чел.).

География и система расселения русских Молдовы.

Из 562 тыс. русских, проживавших в Молдавской ССР в конце 1980-х гг., основная масса (более 86 %) являлась горожанами. Рус-

ские составляли 26,4 % жителей Кишинёва, в остальных городах на них приходилось 22,8 % населения, тогда как в сельской местности – только 3,4 %. Но и последний показатель в территориальном разрезе колебался в широком диапазоне. Значительные группы русских поселян размещались в приднестровских левобережных районах. Здесь же располагался и ряд городов с многочисленным русским населением, сопоставимым по размерам со столичной группой.

С начала постсоветского периода ощутимая убыль русских фиксировалась на всех уровнях системы расселения, но заметно быстрей в 1990-е гг. сокращались сельские группы. Впрочем в начале XXI в. этот динамический тренд стал братным. В 2004–2014 гг. число русских горожан Молдовы сократилось почти в 2 раза, поселян – только на 16,5 % (табл. 3.11). Сравнение динамики самих городских групп в этот период обнаруживает резкое ускорение убыли столичных русских – их численность сократилась в 2,4 раза, тогда как остальных русских горожан стало меньше в 1,64 раза. Таким образом, наиболее модернизированное русское население несло максимальные потери, что могло быть связано как с его ускоренной ассимиляцией, так и с активной эмиграцией за пределы Молдовы в страны Евросоюза.

Таблица 3.11
Динамика русских Молдовы по уровням системы расселения, 1989–2024 гг. (тыс. чел., %)

Города и территории	Численность, тыс. чел.				Динамика, %			
	1989*	2004	2014	2024	1989–2004	2004–2014	2014–2024	1989–2024
Кишинев	175,0	99,2	42,2	42,8	-43,3	-57,5	1,4	-75,5
Бельцы	42,1	24,3	15,2	9,5	-42,3	-37,4	-37,5	-77,4
Остальные города	67,2	50,4	31,6	13,7	-25,0	-37,3	-56,6	-79,6
Вся городская сеть	284,3	173,9	88,9	66,0	-38,8	-48,9	-25,8	-76,8
Сельская местность	66,7	27,3	22,8	15,6	-59,1	-16,5	-31,6	-76,6
Вся Молдова	351,0	201,2	111,7	81,6	-42,7	-44,5	-26,9	-76,8

* без левобережья Днестра.

Но нельзя полностью исключать и того, что в данном случае мы имеем дело с чисто статистическим эффектом, обусловленным особенностями расчётных методик, погрешностями учёта населения во время переписи 2014 г. и другими факторами, не имеющими отноше-

ния к реальной демографической динамике русского населения. Косвенно, о правоте такого предположения свидетельствует расселенческая динамика русских Молдовы в последний межпереписной период. За 2014–2024 гг., динамические показатели русских Кишинёва и провинциальных горожан изменились кардинально. Столичная группа продемонстрировала небольшой рост, а число остальных русских горожан сократилось почти на 72 %. Едва ли столь резкие скачки могли иметь место в действительности.

Более достоверными в этом плане могут быть показатели динамики за весь постсоветский период, свидетельствующие, что столичная группа русских сохранялась чуть лучше, чем группа провинциальных горожан и сельских русских (за 1989–2024 гг. данные три расселенческие компоненты русской общины Молдовы сократились соответственно в 4,1; 4,8 и 4,3 раза). Но в целом, доля русских страны, сосредоточенных в столице, выросла незначительно. Как и в конце советского периода, несколько менее 2/3 русского населения страны приходилось на два крупнейших центра – Кишинев и Бельцы, т.е. было сосредоточено в крупногородской среде (рис. 3.11).

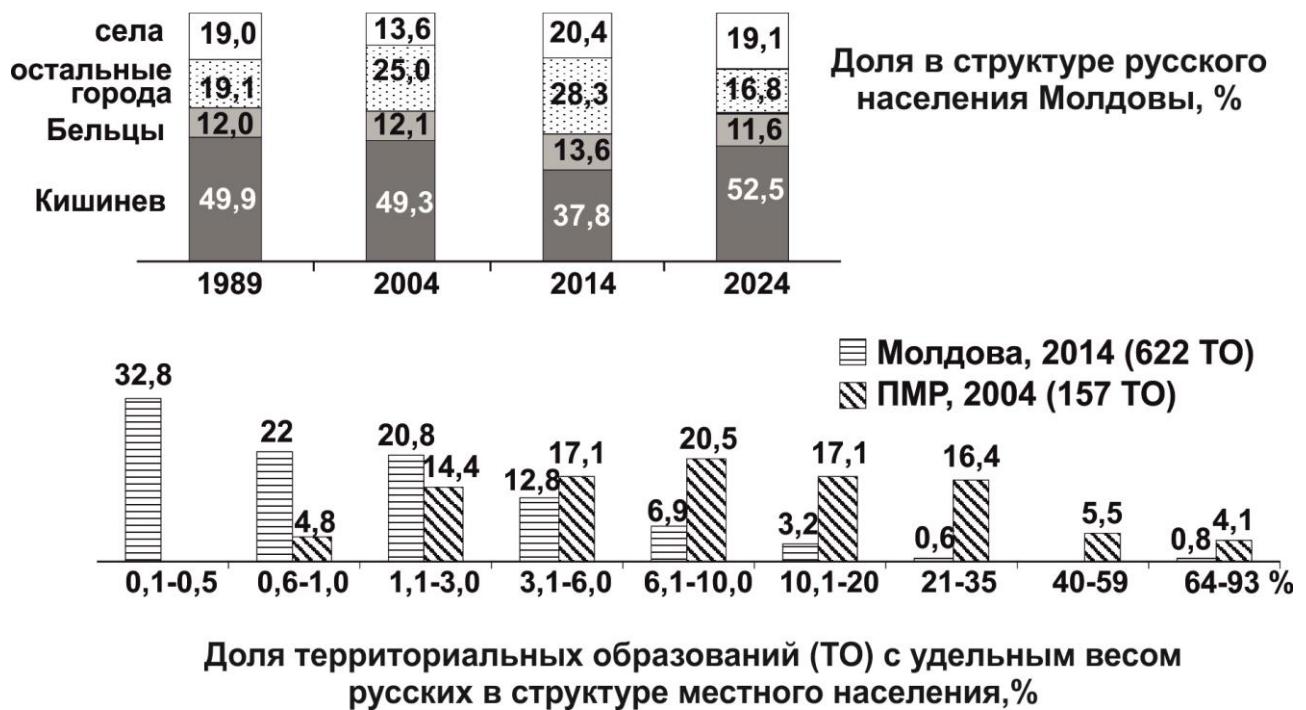

Рис. 3.11. Система расселения русских Молдовы и ПМР
Источник: расчеты автора по данным переписей Молдовы

2004-2014 гг.

2014-2024 гг.

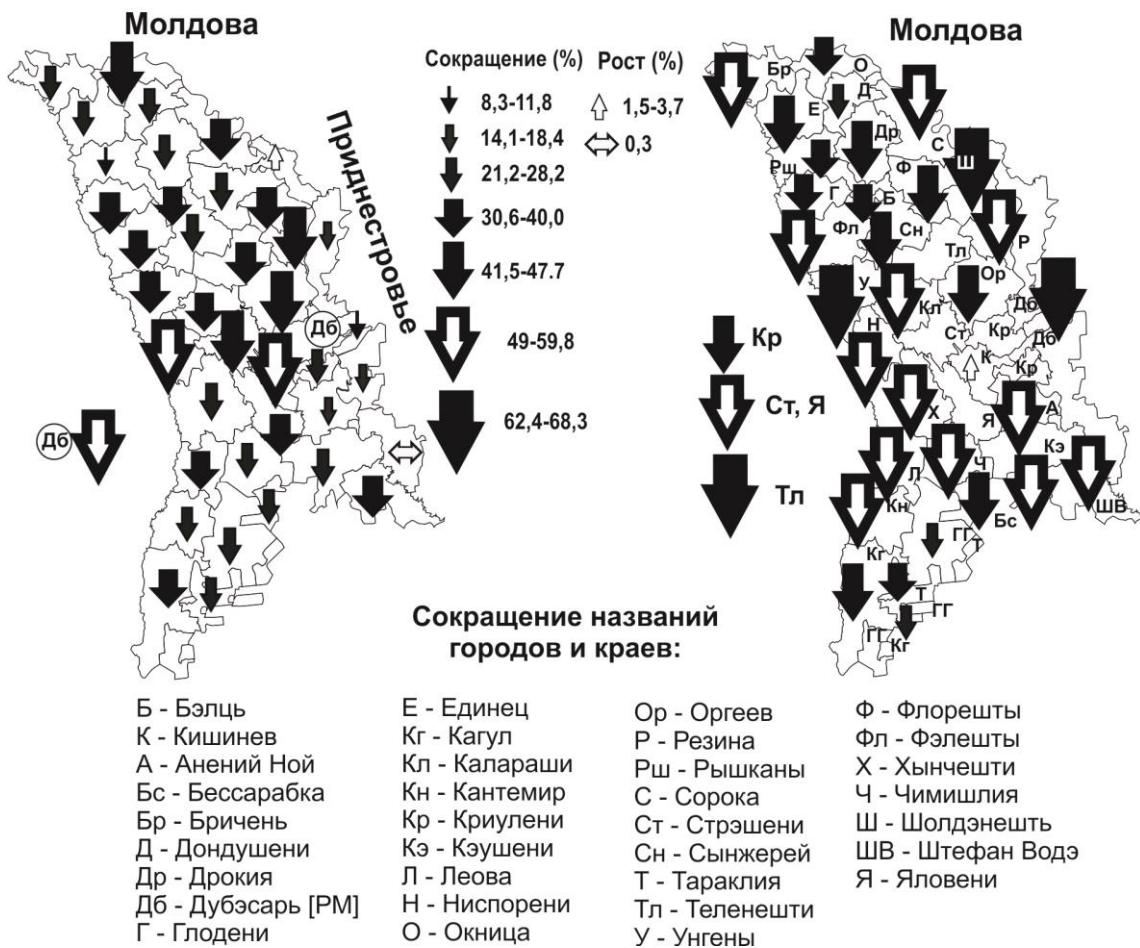

Рис. 3.12. Динамика русского населения Молдовы и ПМР, 2004–2024 гг. (%)

В данных двух центрах максимальным был и долевой показатель их присутствия – 5,9 % жителей Кишинева в середине 2020-х гг. были русскими, в Бельцах 10,1 %. Для остальных городов этот показатель составлял 4,3 %. В сельской местности доля русских была кратно меньше (1,2 % населения) (табл. 3.12). Но в целом, уровень урбанизации русского населения страны в постсоветский период практически не изменился. После масштабных потерь 1990-х гг. сельская компонента в общины в начале XXI в. сохранялась несколько лучше городской и общая доля поселян за 1989–2024 гг. сохранилась на уровне 14 %.

При этом в Молдове, в отличие от стран Балтии и Беларуси, в 2000–2010-е гг. почти не фиксировалось притока русских на сельские территории столичного региона (сельская проекция процесса метрополизации) (рис. 3.13). И центральную роль в повышенной демографической устойчивости сельских русских страны играла небольшая

группа старообрядческих сёл (Кунича, Покровка, Старая Добруджа, Егоровка и др.). В 2014 г. более 7 % русских поселян Молдовы было сосредоточено в с. Кунича на северо-востоке страны. На пятёрку сёл приходилось около четверти русских сельских жителей, на десятку – около трети. Причём с течением времени доля этих поселений росла, за счёт большей устойчивости местных русских общин. Однако в последнее десятилетие темпы убыли русского населения существенно выросли и в старожильческих сёлах. За 2014–2024 гг. в группе крупнейших поселений потери превышали 40 % (табл. 3.13).

Таблица 3.12
**Геодемографические характеристики и гендерное соотношение
русских Молдавии/Молдовы, 1989–2014 гг. (тыс. чел, %)**

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбани- зации, %	Доля русских (%)			Число мужчин на 100 женщин		
	всего	город	село		всего	го- род	село	общий	го- род	село
1989	562,1	483,7	78,3	86,1	13,0	23,9	3,4	86	85	83
2004	201,2	166,4	34,8	82,7	5,9	12,8	1,68	82	—	—
2014	111,7	83,2	28,5	74,5	4,0	8,7	1,53	77	—	—
2024	81,6	66,0	15,5	80,9	3,4	5,9	1,20	71,8	—	—

Примечание. Для 1989 г. данные по всей Молдавской ССР, для 2004–2014 гг. – по Республике Молдова без учета Приднестровской Молдавской республики.

В середине 2010-х гг. в Молдове оставалось 5 сёл, в которых количественно доминировало русское население (64–93 % жителей). Ещё в трёх доля русских находилась в диапазоне 21–35 %. При этом в 343 (40,7 % от общего числа) сельских муниципальных образованиях страны русские отсутствовали или имелись в минимальном числе (до 10 чел.). Но и в поселениях с **большим** числом русских они, как правило, составляли незначительный удельный вес в структуре населения. Из 499 сельских общин Молдовы, с числом русских более 10 чел., в 34,4 % доля последних не превышала 1 %, ещё в 22,2 % составляла 1,1–3,0 %¹.

¹ Рассчитано по результатам переписи 2014 г. Национальное бюро статистики Молдовы. URL: <https://recensamint.statistica.md/ru/dissemination/person>

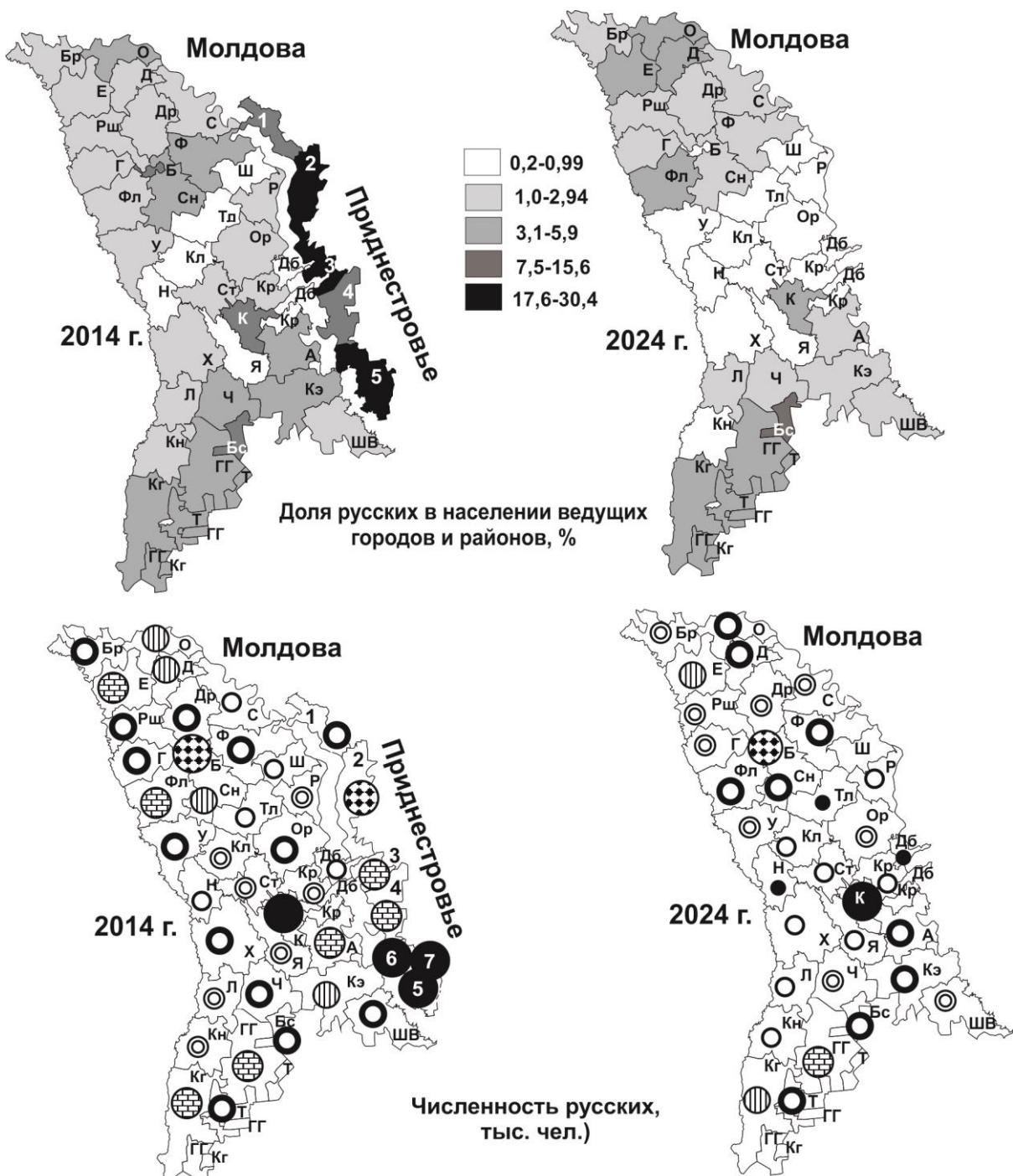

Рис. 3.13. География русского населения Молдовы и ПМР, 2014–2024 гг. (тыс. чел, %)

То есть, в середине 2010-х гг. значительная часть сельских территорий Молдовы была уже фактически дерусифицирована. Перепись населения 2024 г. зафиксировала достаточно быстрые темпы развития этого процесса. Общее число городских и сельских поселений, в которых имелось более 10 русских жителей, сократилось с 456 до 222 (с 50,7 до 24,7 % поселенческой сети). География русского населения во всём большей степени ограничивается городской сетью и крупными сёлами.

Таблица 3.13

**Динамика русского населения крупных старожильческих сел
Молдовы, 2004–2024 гг.**

Села	Численность русских, чел.			Динамика, %		
	2004	2014	2024	2004–2014	2014–2024	2004–2024
Варница	454	686	302	+51,1	-56,0	-33,5
Егоровка	817	571	370	-30,1	-35,2	-54,7
Кунича	2474	2099	1081	-15,2	-48,5	-56,3
Михайловка	544	393	141	-27,8	-64,1	-74,1
Покровка	1008	991	873	-1,7	-11,9	-13,4
Семеновка	584	442	230	-24,3	-48,0	-60,6
Старая Добруджа	1205	1090	723	-9,5	-33,7	-40,0
Троицкое	896	752	382	-16,1	-49,2	-57,4
Восемь сел в целом	7982	7024	4102	-12,0	-41,6	-48,6
Доля среди сельских русских, %	22,9	24,6	26,5			

Демографические перспективы русских Молдовы.

За период 1989–2024 гг. численность русских сократилась в стране в 4,3 раза. Темпы убыли держались на очень высоком уровне на протяжении всего постсоветского периода. Высокий уровень межнациональной брачности русских Молдовы фиксируемый с середины XX в. (т.е. уже три-четыре поколения) способствовал ускоренному росту доли смешанного населения в составе русской общины. В настоящее время биэтнофоры с русской идентичностью могут пре-восходить по численности группу «полных» этнических русских в 3–4 раза. Данное обстоятельство является фактором усиления ассимиляционного прессинга на русскую общину, в которой в середине 2020-х гг. доля младших генераций (0–19 лет) составляла 15,3 %, а людей в возрасте 60+ лет – 40 %. Медианный возраст русского населения страны в настоящее время составляет 53,2 года, что делает неизбежным значительный рост его естественной убыли уже в перспективе 15–20 лет. Расчёты показывают, что даже без миграционного оттока и при заметном сокращении масштабов ассимиляции, число русских Молдовы за 2024–2050 гг. способно сократиться на 25–30 % – до 57–61 тысяч.

Но более вероятными представляются демографические сценарии русской общины, сохраняющие среднегодовые темпы депопуля-

ции во второй четверти XXI в. на уровне 2,0–2,5 %. В этом случае её размеры к 2050 г. могут сократиться до 34–42 тыс. чел. (табл. 3.14).

Таблица 3.14
**Сценарии динамики русского населения Молдовы,
2024–2054 гг., (% убыли от общей численности)**

Сценарии	2024–2034	2034–2044	2044–2054
Оптимистический	15–18	15–18	15–18
Наиболее вероятный диапазон	20–25	20–25	20–25
Негативный	30–35	30–35	30–35

Источник: табл. 3.14–3.15 составлены по расчетам автора

Таблица 3.15
**Сценарии количественной динамики русского населения
Молдовы, 2024–2054 гг. (тыс. чел.)**

Сценарий	2024	2034	2044	2054
Оптимистический	81,6	67–69	55–59	45–50
Наиболее вероятный диапазон		61–65	46–52	35–42
Негативный		53–57	35–40	23–28

Приднестровская Молдавская Республика (ПМР)

Динамика русского населения Приднестровья в постсоветский период протекала по существенно иному сценарию. Тем больший интерес она представляет, поскольку сравнение с молдавским вариантом позволяет выявить, насколько социально-политическая и этнополитическая компоненты общественной жизни социума влияют на его этнодемографическую динамику.

Русское население в пределах левобережья Днестра было достаточно многочисленным уже в начале XX в. По переписи 1926 г. оно насчитывало около 36 тыс. чел., увеличившись к рубежу 1960-х гг. до 63 тысяч. К этому времени русская община заключала уже почти пятую часть местного населения. Но особенно быстрый её рост приходится на последующие десятилетия¹. К концу советского периода в пределах Приднестровья проживало 211 тыс. русских. По численно-

¹ Это в первую очередь было связано с трудовыми мигрантами, прибывшими на металлургический завод Рыбницу и в другие промышленные центры левобережья.

сти они являлись вторым национальным сообществом субрегиона, уступая только молдаванам.

Не вызывает сомнения, что сохранение левобережья в составе Молдовы запустило бы процесс быстрого сокращения русской общины по аналогии со всеми другими районами страны. Но создание политически независимого от Кишинёва пророссийского государственного образования способствовало сохранению высокого социального статуса русской национальности. Депопуляция русского населения определялась только естественной убылью и миграцией. Хотя долевые показатели как первой, так и второй могли быть заметно выше, чем в Молдове вследствие более тяжёлого социально-экономического положения непризнанной республики.

За период 1989–2004 гг. население Молдовы, также имевшей серьёзные экономические проблемы, согласно официальным данным, сократилось на 5,7 % (с 3,59 до 3,38 млн чел.), а Приднестровье утратило 26 % своих жителей (сокращение с 750 тыс. до 555 тыс. чел.). Ускоренная депопуляция ПМР продолжилась и в дальнейшем. За 2004–2020 гг. население республики, сократившись до 469 тыс. чел., потеряло ещё 15,5 % своего демографического потенциала. Впрочем, общие потери населения Молдовы между двумя переписями (2004–2014 гг.) также оказались значительными – 13,9 %¹.

Но соотношение трёх основных национальных групп непризнанной республики – молдаван, русских и украинцев – на всем протяжении постсоветского периода почти не менялось. Если пророссийская ориентация ПМР обеспечивала устойчивое воспроизводство у местного населения (в том числе и смешанного) русской идентичности, то системная неопределенность положения республики, неизвестность её дальнейших социально-политических перспектив определяли устойчивость и двух других национальных групп. Как результат, демографическая динамика всех трёх ведущих народов в 1990-е – первой половине 2000-х гг. находилась в прямой корреляции с изменением общей численности населения Приднестровья (то есть все они сокращались примерно с одной скоростью).

¹ Если в конце советского периода рождаемость в левобережных районах составляла 16 %, то в 1990-е гг. она сократилась почти вдвое и на уровне 9–9,5 % сохранялась все два первых десятилетия XXI в. (при смертности в 14–15 %). В Молдове оба показателя находились на сближенном уровне 10,5–11 %, обеспечивая простое воспроизводство населения, в отличие от ПМР, среднегодовые естественные потери населения которой составляли 4–5 %.

Только в межпереписной период 2004–2015 гг. обнаружилась ускоренная количественная убыль украинской общины, которая может указывать на работу ассимиляции, как в сторону обрусения, так и молдавизации. Именно русские и молдаване несколько увеличили свой удельный вес в населении республики. Причём в первую очередь демографически выигрывала русская община: перепись 2015 г. зафиксировала в республике примерно на 10 тыс. русских больше, чем их насчитывал текущий учет населения (очевидное свидетельство работы ассимиляционного процесса) (табл. 3.16).

Таблица 3.16
Демографическая динамика основных национальных сообществ левобережных районов Днестра (тыс. чел., %)

Показатели	1959	1989	1993	2004	2012	2015	2019
<i>Численность, тыс. чел.</i>							
Молдаване	136,8	–	243	177	162,5	156,6	153,5
Русские	63,3	211	214,3	168	154,9	161,3	158,2
Украинцы	103,3	–	199,3	160	146,7	126,7	124,2
Остальные	24,5	539	55,9	50,3	45,3	29,9	29,2
Всё население	327,9	750	712,5	555,3	509,4	474,5	465,2
<i>Удельный вес, %</i>							
Молдаване	41,7	–	34,1	31,9	31,9	33,0	33,0
Русские	19,3	28,1	30,1	30,4	30,4	34,0	34,0
Украинцы	31,3	–	28,0	28,0	28,8	26,7	26,7
Остальные	7,7	–	7,8	9,7	8,9	6,3	6,3
Всё население	100	100	100	100	100	100	100

Источник: Кабузан 1996; Population statistics...; Статистический ежегодник Приднестровской... 2020.

Если в 1993–2004 гг. численность русских в Приднестровье сократилась на 54 тыс. чел., то в следующие 15 лет (2004–2019 гг.) потери оказались менее 10 тыс. чел. (–5,8 %). Между тем украинцев в последний межпереписной период в республике стало меньше почти на 36 тыс. чел. (–22,6 %).

Конечно, не стоит быть заложником статистики. Тем более что помимо возможных погрешностей и натяжек, связанных непосредственно с самой переписью и её результатами, следует учитывать конъюнктурный характер самоидентификации значительной части би(поли)этнического населения Приднестровья. Как свидетельствует опыт той же Молдовы, достаточно сместиться социально-

политическому вектору, чтобы соотношение различных национальных групп в считанные годы изменилось, и весьма существенно.

Именно разновекторность системной ориентации двух молдавских государственных образований определила динамику их русских общин, количественное соотношение которых в постсоветский период поменялось кардинальным образом. Если в 1989 г. (ещё в составе Советской Молдавии) русских Приднестровья было порядка 60 % от их численности в остальной МССР, то к 2004 г. две этих группы русского населения почти сравнялись в размерах, а в середине 2010-х гг. в ПМР русских было уже больше, чем в Молдове на 43 %. К середине 2020-х гг. перевес русской общины Приднестровья должен был вырасти ещё больше. И в дальнейшем (при сохранении существующих социально-политических векторов обоих социумов) эта разница будет только увеличиваться.

Однако, данный прогноз исходит из официальной статистики непризнанной республики, согласно которой население республики в 2019 г. составляло около 465 тыс. чел. Но многие специалисты уверены, что реальные размеры населения современного Приднестровья существенно ниже и уже в середине 2010-х гг. составляли не более 300–350 тыс. чел. (Матишов 2016, с. 116).

Очевидно, что две указанные цифры являются своего рода расчётными полюсами, заключающими количественный диапазон, в пределах которого может располагаться анализируемый демографический показатель. Но, учитывая сложнейшее политическое и социально-экономическое положение, в котором уже на протяжении трёх десятилетий находится Приднестровье, зажатое двумя враждебными государствами, можно предположить, что «нижняя» оценка ближе к действительности. И в настоящее время население, фактически проживающее в республике, не превышает 350–400 тысяч. Поскольку удельный вес и соотношение отдельных национальных групп последняя перепись ПМР (2015 г.) и текущий демографический учёт могут фиксировать достаточно точно, русское население Приднестровья в первой половине 2020-х гг. могло составлять порядка 110–130 тыс. чел.

Русская община непризнанной республики, безусловно, сохранилась значительно лучше русского населения Молдовы. Но данное обстоятельство не отменяло её ощутимого сокращения, связанного с общей ускоренной депопуляцией Приднестровья. Даже по официальным данным среднегодовые демографические потери ПМР составля-

ли 1,3–1,4 %. Сохранение столь интенсивной депопуляции ещё на 20–30 лет – гарантия глубокой социально-экономической деградации Приднестровья.

Таким образом, русло реальных сценариев развития для ПМР как независимого от Кишинёва политического образования постепенно сужается, сохраняя только негативную часть спектра. Но и возвращение Приднестровья в состав Молдовы, способное решить часть вопросов социально-экономического развития непризнанной республики, для местной русской общины будет означать неизбежное включение процесса демографической дерусификации, причём возможно ещё более быстрой, чем та, что наблюдается в современной Молдове.

3.3. Украина

В 1960–1980-е гг. русские в Украинской ССР представляли обширную группу населения, плотно укоренённую в республиканской городской системе, которая к этому времени в этнодемографическом разрезе приобрела черты отчётливой русско-украинской «биэтничности» (впрочем, при всём более заметной доминанте титульной составляющей). В сельской местности русское население было достаточно немногочисленным. Сколько-нибудь значительные его группы концентрировались в пределах юго-восточного пояса УССР. Только в Крыму и в Ворошиловградской (Луганской) области русские располагали сколько-нибудь развитой системой сельского расселения.

Общая численность русских на Украине устойчиво росла на протяжении всего послевоенного периода. Темпы этой восходящего демографического тренда постепенно сокращались, но всегда превышали уровень естественного прироста. Иными словами, русское население республики продолжало пополняться новыми переселенцами, и в определённой степени росло за счёт процесса обрусения ряда русскоязычных этнических групп (отчасти и самого титульного большинства).

В 1970–1979 гг. русское население УССР выросло на 14,7 % (с 9,1 до 10,5 млн человек). Учитывая, что естественный прирост русских в этом десятилетии составил меньше 5 %, около 2/3 данного количественного роста было обеспечено миграцией и ассимиляционным процессом (рис. 3.14).

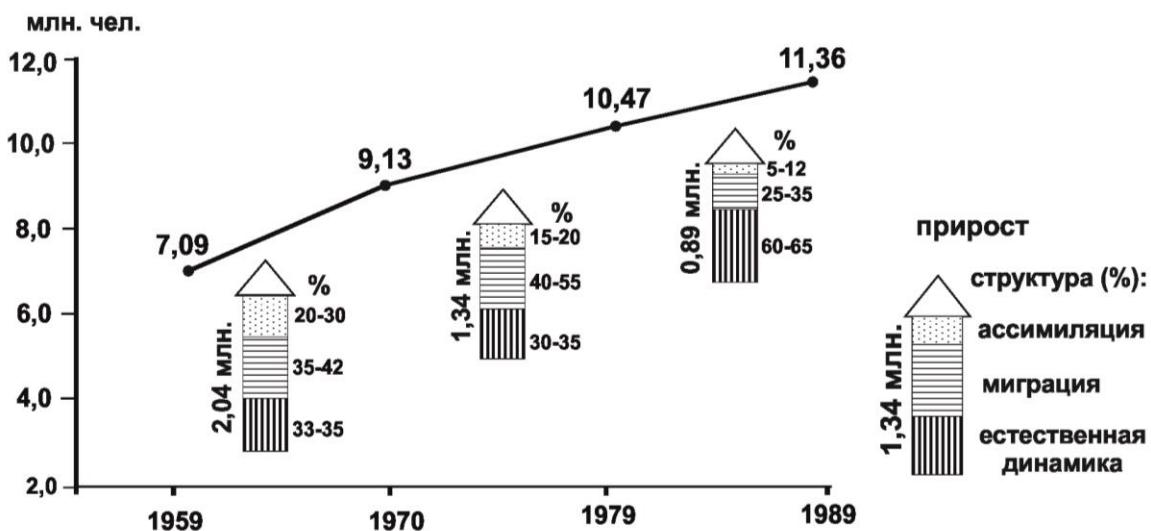

Рис. 2.14. Количественный рост русского населения Украины и его структура, 1959–1989 гг. (млн. чел., %)¹

Источник: расчеты автора

Размеры миграционного пополнения отдельных регионов УССР русскими переселенцами существенно различались. Но сальдо миграции почти всегда оставалось положительным для республики. Только в трёх областях (Сумской, Львовской и Тернопольской) в этом десятилетии был зафиксирован отток русских. В двух последних миграция оказалась столь значительной, что превысила естественный прирост, и число русских сократилось даже в абсолютных размерах². Однако в масштабах всей Украинской ССР этот депопуляционный ареал был почти не заметен. Тем более, что после остановки в 1960-х гг. возобновился чистый приток русских мигрантов в ряд других областей Западной Украины, а в целом по республике доля русского населения выросла в 24 из 26 её регионов. Но если в 1960-е гг. в 7 из них численность русских увеличилась на 40–50 %, ещё в 6 на 20–36 %, то в 1970-е гг. только в Полтавской области русских стало больше на 48,2 %, ещё в четырёх регионах – на 20–27 %.

Геодемографическая динамика русского населения Украины в 1980-е гг. продолжала тренды двух предыдущих десятилетий, но уже с очевидным их замедлением. Общий демографический рост за десятилетие составил 8,5 %. Впервые за послевоенный период естественная динамика вышла на первую позицию среди факторов этого роста, который, впрочем, оставался повсеместным, обнаруживаясь не толь-

¹ Расчеты автора

² Отрицательное сальдо миграции русских в Львовской области за 1970-е гг. могло составить порядка 15–16 тыс. чел.

ко на юго-востоке или в центре республики, но и в западных её областях. В отличие от двух предыдущих десятилетий, в УССР не осталось регионов, в которых число русских сократилось, хотя во Львовской области их количественный рост был чисто номинальным – 0,4 %, а ещё в трёх областях оказался меньше 4 %. На 4,1–4,7 % увеличилось русское население Донбасса, что также было несколько меньше его естественного прироста, указывая на начавшийся миграционный отток. Но доля русских в структуре населения продолжала расти по всей республике, за исключением Львовской области и Киева. К концу 1980-х гг. численность русских на Украине достигла своего исторического максимума – 11,36 млн чел. (22 % жителей).

Из других этнодемографических тенденций последних десятилетий советского периода можно выделить нарастающую урбанизацию русского населения УССР (с 84,5 до 87,5 % за 1970–1989 гг.). Рост численности русских горожан происходил на фоне количественной стабилизации сельских жителей (табл. 3.17).

Таблица 3.17
**Геодемографические характеристики и гендерное соотношение
у русских Украинской ССР, 1970-1989 гг. (млн чел, %)**

годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбани- зации, %	Доля русских (%)			Число мужчин на 100 женщин		
	всего	го- род	село		всего	город	село	общий	город	се- ло
1970	9,12	7,71	1,41	84,5	19,4	30,0	6,6	87,7	87,6	88,1
1979	10,47	9,05	1,42	86,4	21,1	30,0	7,3	86,8	86,3	90,2
1989	11,36	9,94	1,41	87,5	22,1	29,0	8,2	86,9	86,4	90,6

Источник: рассчитано по Демоскоп Weekly. URL:
<http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

В южном и восточном макрорегионах Украины удельный вес русских в населении городской сети оставался высоким, до конца советского периода составляя 30–35 %. Во многих крупных центрах он в 1960–1980-е гг. вырос еще на несколько пунктов. В региональных столицах Донбасса (Донецк, Ворошиловград) русские в 1980-е гг. составляли более половины горожан. Но по абсолютным размерам крупнейшим средоточием русского населения на Украине со второй половины 1960-х гг. оставался Харьков. В конце 1980-х гг. его русское население насчитывало около 700 тыс. чел.

Даже на самом «излёте» советского периода ничто не указывало на возможность резкой смены восходящего вектора демографической динамики русских Украины. Распад СССР и приобретение союзной республикой государственного суверенитета стало отправной точкой нового тренда, связанного с постепенно набирающей обороты украанизацией местного русского населения. В изменившихся социально-политических условиях эта тенденция должна была проявиться в любом случае. Но она была заметно усиlena культурно-языковой политикой постсоветской власти Украины, вне зависимости от смены президентов и политических команд, жёстко ориентированной на поступательную этносоциокультурную унификацию («титулизацию») страны.

Целенаправленно придерживаясь данного курса, руководство страны и ее политическая элита исходили из нескольких основных предпосылок:

- системной близости двух народов, существенно облегчавшей этноидентификационные взаимопереходы;
- активной русско-украинской брачности и соответственно наличия обширной биэтнической группы населения, которую последовательной реализацией украиноцентричной программы действий в основных сферах жизни можно было подталкивать к выбору «правильной» этнонациональной идентичности;
- существенной и постоянно возраставшей доли смешанного населения в составе местного русского массива, который в течение ближайших двух–трёх поколений должен был повсеместно в пределах Украины (за исключением Крыма) утратить своё этнически «чистое» ядро.

Тем самым, последовательно ускоряя процесс ассимиляции русского населения страны, украинские политические элиты ориентировались на историю обрусения крупных региональных массивов украинцев в РСФСР (Центральное Черноземье, степное Предкавказье, Дальний Восток) и Казахстане, представлявшую затяжной процесс, начавшийся в имперский период, но прошедший через свою критическую стадию в 1930-е гг. (когда украинское население массово самоопределилось в качестве русского) и завершённый уже в 1950–1960-е годы¹. Повторить эту этнокультурную трансформу, но в

¹ Более того, как известно, именно обрусевшие потомки украинского населения Кубани в постсоветский период превратилось в одно из наиболее патриотически активных региональных сообществ русского народа.

обратном направлении, являлось для украинской власти стратегически важной задачей, центральной в плане формирования консолидированной украинской гражданской нации.

Однако несмотря на наличие множества схожих черт, этнополитическая, социально-экономическая и социокультурная ситуация в постсоветской Украине имела серьёзные отличия от той, в которой в первой половине XX в. произошло обрушение украинцев РСФСР и Казахстана. Существовал целый ряд обстоятельств, заметно осложнявших деятельность украинских властей на данном направлении. Тем не менее программа этнической украинизации (если судить по результатам единственной в истории постсоветской Украины переписи населения 2001 г.), в целом, оказалась успешной. Перепись зафиксировала стремительное демографическое сжатие русского населения, численность которого за 1989–2001 гг. сократилось более, чем на три миллиона – с 11,4 до 8,3 млн чел. (с 22,1 % до 17,3 % в долевом выражении).

Масштабы сжатия заметно превосходили естественную убыль и эмиграция русских из страны (преимущественно в Россию). По данным российского Госкомстата, чистый отток русских с территории Украины за период 1993–2001 г. составил 393 тыс. чел. (рис. 3.15). Реальные его размеры могли быть заметно больше. Но в любом случае речь шла о нескольких сотнях тысяч человек. А показатели естественного воспроизводства позволяют определить естественную убыль русского массива Украины за межпереписной период в 400–500 тысяч. Остальные два миллиона зафиксированной демографической убыли следует отнести на счёт идентификационного перехода смешанного населения из русских в украинцы.

Эта могла быть чисто социальная мимикрия, полезная в новых этнополитических реалиях смена персональной этнической «вывески». Но нередко происходила действительная идентификационная трансформация. Причём процесс украинизации охватил не только часть русско-украинских биэтнофоров и некоторых «чистых» русских. К титульной нации во время переписи причислили себя и биэтнические представители из других диаспор. Демографическая динамика практически всех национальных групп Украины в 1990-е гг. была отчётливо «нисходящей». В том числе, вследствие ассимиляции части общин титульным этническим большинством. Но в максималь-

ной степени ассимиляционную убыль несли самые близкие к украинцам народы – русские и белорусы¹.

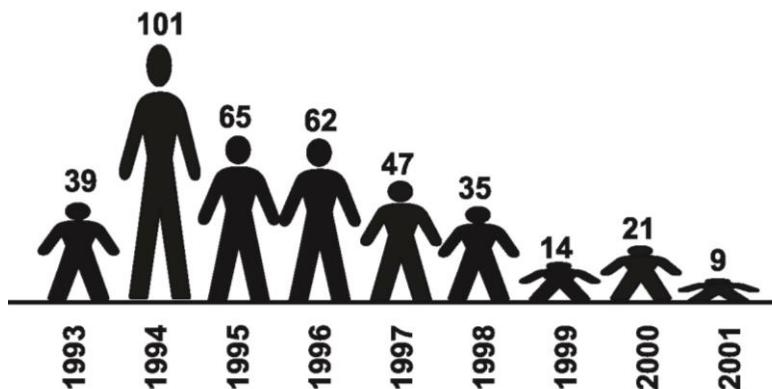

Рис. 3.15. Отток русских из Украины, 1993–2001 (тыс. чел.)²

Источник: Население России... 2001

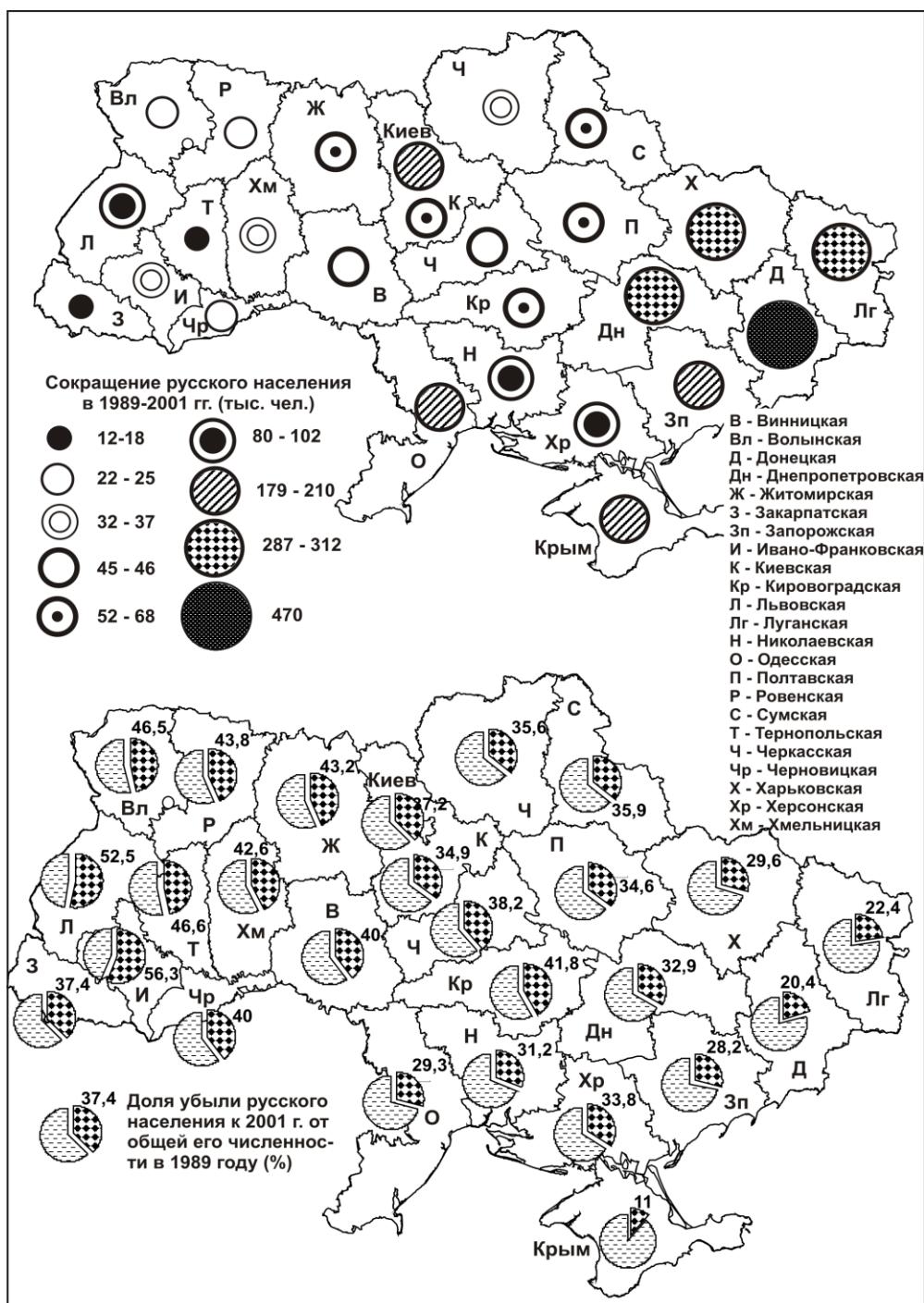
Этнодемографическая динамика отдельных регионов Украины фиксирует в 1990-е гг. повсеместную убыль русского населения. Максимальные потери понесли регионы юго-востока. В Донецкой области они приближались к полумиллиону человек, в Харьковской и Днепропетровской – превысили 300 тыс. чел., в Луганской находились около этой отметки. По 200 тыс. русских «потеряли» Одесская область и Киев. Даже русское население Крыма сократилось почти на 180 тыс. чел. (рис. 3.16).

На западе страны, где русских было на порядок меньше, существенно меньше оказалась и демографическая убыль. Но в удельном разрезе она была ещё весомей, чем на юге и востоке страны. Две за-

¹ Удельные демографические потери белорусов, очевидно, были более значительными. Их численность за 1989–2001 гг. на Украине сократилась на 37,3 % (против 26,4 % у русских). Едва ли эта разница была связана с повышенной миграцией белорусов на историческую родину; а по коэффициенту естественного воспроизводства оба восточнославянских народа имели сближенные показатели. Можно предположить, что белорусы (прежде всего, смешанное население) менее русских держались своей этнической принадлежности, чаще выбирая целесообразную в условиях постсоветской Украины титульную идентичность.

² Заметим, что еще 1992 г. количество въехавших на Украину русских превышало число выехавших на 12 тыс. чел. Очевидно по инерции продолжали работать сложившиеся миграционные тренды – население бывшего СССР еще до конца не поверило (не почувствовало), что единая страна действительно распалась.

падные области (Львовская и Ивано-Франковская) утратили более половины своего русского населения, другие регионы 40–45 % (против 20–30 % в областях юго-востока).

стых» русских, но идентификационная трансформации представителей биэтнического множества.

Согласно опросу 1996 г. 20 % русских Украины имели мать-украинку, 10 % украинца-отца (Савоскул 2001, с. 89). Иными словами, около 30 % русского населения страны уже в середине 1990-х гг. относилось к этническим «полуукраинцам». С учётом тех, кто имел треть/четверть украинской «крови», доля этой группы была ещё выше. И она являлась самым массовым кандидатом на смену своего национальной самоидентичности. Однако, биэтническая группа имела и вторую компоненту – «украинско-русскую» – тех, кто во время советских переписей определялся как украинец. Около 6 % украинцев имели русского отца, 8 % – русскую мать (то есть этнически «полурусскими» в Украине было 14 % украинцев, не считая имевших меньшую толику русской крови) (Савоскул 2001, с. 89). Перемещением части представителей этого обширного биэтнического множества из русской компоненты в украинскую (и в обратном направлении), удельными подвижками в этом процессе, в значительной степени и определялась общая демографическая динамика русского населения в советской и постсоветской Украине (рис. 3.17).

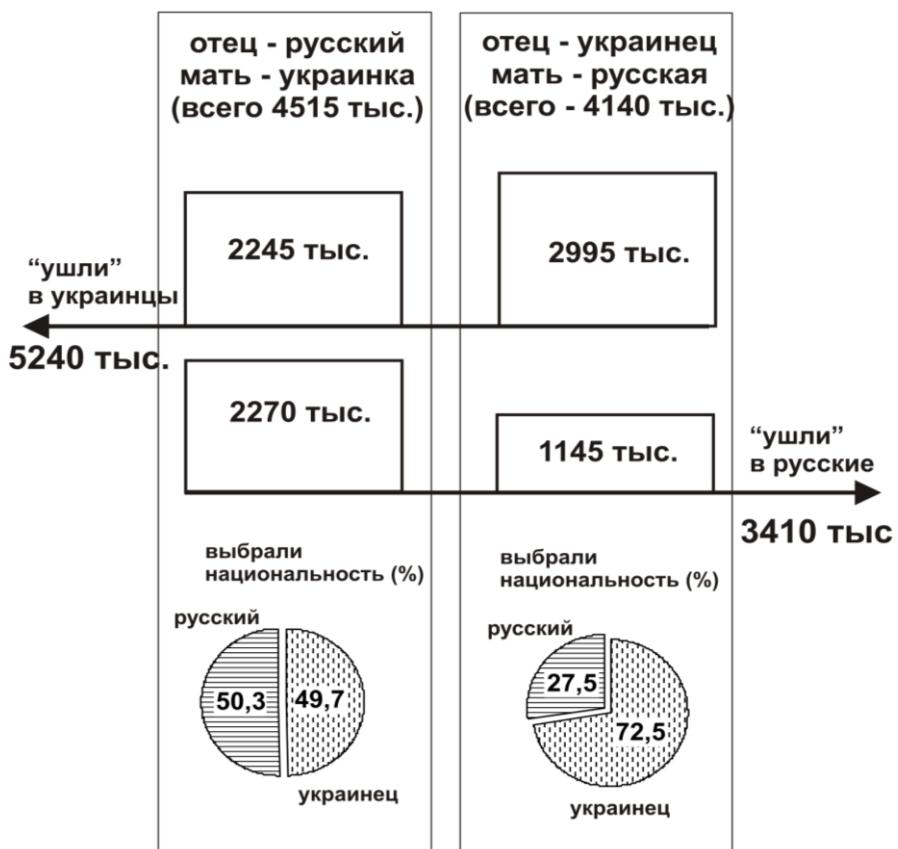

Рис. 3.17. Этническое самоопределение биэтнического (русско-украинского) населения Украины, на начало 1990-х гг.

Самая общая оценка, основанная на данных С.С. Савоскула и материалах украинских социологических структур (прежде всего, Киевского международного института социологии (КМИС)), позволяет делать вывод, что в 1989 г. вся биэтническая группа населения Украины делилась между своей русской и украинской идентификационными частями с определённым перевесом второй компоненты (соответственно 40 % на 60 %). К началу XXI в. русско-украинское население увеличилось на 2,5 млн человек (с 8,6 до 11,1 млн). При этом его часть с титульной идентичностью выросла до 70 % (соответственно русская сократилась до 30 %). Эта удельная перецентрировка, произшедшая в 1990-е гг. и обеспечила, с одной стороны, ускоренное сокращение русского массива, а с другой, позволила сохранить общую численность украинцев на Украине, терявшей население в результате естественной убыли и миграционного оттока.

Помимо прямой убыли русского населения Украины, ощутимыми могли быть и косвенные потери. Отток русских в 1990-е гг., как было сказано, оказался ограниченным. Но значение этого фактора оказалось существенно больше его вклада в общие демографические потери. Поскольку миграция, в первую очередь, формировалась представителями «ядерной» группы русского населения страны – наиболее русскоцентричной его частью, не захотевшей оставаться на Украине в условиях нарастающего этноцентричного прессинга. Если общая численность русских в стране в первое постсоветское десятилетие сократилась примерно на четверть, то этнокультурное ядро могло потерять порядка 30–40 % своего размера.

Начало XXI в. (2001–2013 гг.)

Этнодемографическая динамика населения Украины после 2001 г. может быть представлена только в форме экспертной аналитики, поскольку вторая перепись населения страны многократно переносилась и едва ли будет проведена в обозримом будущем. Некоторое представление о возможных сдвигах национальной структуры населения Украины в 2000-е гг. можно составить по аналогии с этнодемографической динамикой Беларуси.

При том, что степень этноцентризма в политике белорусских властей после прихода А.Г. Лукашенко была существенно ниже, чем на Украине, русское население Беларуси за 1999–2009 гг. потеряло 29,6 % своей численности. Демографическое сжатие, аналогичное с белорусским сценарием, должно было сократить русский массив Украины в первом десятилетии XXI в. с 8,3 до 5,7–5,8 млн человек.

При этом доля русских в населении страны могла уже к 2011–2012 гг. снизиться до 13–13,5 %.

Однако профильные специалисты, отслеживающие этнодемографические процессы на Украине, подтверждая вывод о демографической убыли русских в «нулевые», называли существенно меньшие цифры. По мнению А. Позняка, заведующего отделом миграционных исследований киевского Института демографии и социальных исследований им. М.В. Птухи, за период 2001–2013 гг. «доля украинцев уменьшилась, но на очень незначительную величину. Существенно сократилась доля русских, которых в настоящее время в стране порядка 16–16,5 %... О русских я могу говорить с высокой степенью вероятности, что это достаточно точная оценка»¹.

Если озвучиваемая украинским демографом цифра (она относилась к январю 2014 г.) соответствовала действительности, долевые потери русской общины Украины в населении страны за период 2001–2013 гг. составили около одного процента. А размеры её за это время сократились на 1–1,2 млн (до 7,2–7,4 млн человек). Такой сценарий для русских страны можно было считать едва ли не самым оптимистическим из реально возможных².

Хотя некоторые основания для него всё же были, учитывая, что миграционный отток русского населения на протяжении 2000-х гг. оставался незначительным (в среднегодовом исчислении порядка 10–15 тыс. чел.), а следом за социально-экономической стабилизацией Украины начала сокращаться и естественная убыль русских (прежде всего за счёт некоторого повышения рождаемости). Свою роль играл приход политической команды В.Ф. Януковича, более взвешенной в государственной национальной политике, чем откровенно украиноцентрическая практика властей в период президентства В.А. Ющенко. Вторая половина «нулевых» была связана с определённым сокращением этнонационалистического прессинга на русское и русскоязычное население страны, что могло найти отражение и в сокращении темпов перетока части представителей биэтнического множества из русской идентичности в украинскую. Практической необходимости прятаться за свою титульную компоненту у русско-украинских биэт-

¹ Миколюк О. К 2065 году нас будет 35 миллионов? <http://day.kyiv.ua/ru/article/obshchestvo/k-2065-godu-nas-budet-35-millionov>

² Более того, данный темп демографического сжатия (12–14 % за 13 лет) был бы одним из самых минимальных в пределах всего ближнего зарубежья России (медленней сокращалась только русская община Эстонии).

нофоров в этот период было меньше. Хотя общий тренд на титулизацию населения сохранялся и возрастающая часть смешанной молодёжи при национальном самоопределении выбирала свою украинскую составляющую¹.

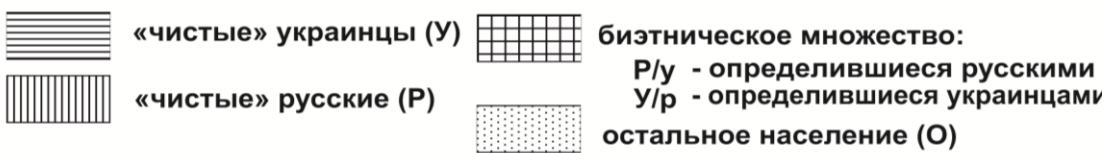
Исходя из сказанного, общие демографические потери русских на Украине за 2001–2013 гг. действительно могли ограничиться 1–1,2 млн чел. (естественная убыль – порядка 0,4–0,5 млн², миграционный отток – в пределах 150–200 тыс., ассимиляционные процессы – 0,4–0,5 млн чел.).

Вместе с тем, есть определённые основания полагать, что расчёты украинскими демографами численности и доли наличного русского населения страны на начало 2010-х гг. были завышены. И потому для оценки численности русских на Украине накануне её социально-политического кризиса имеет смысл использовать не точную цифру, а диапазон в 10 % от возможной величины русской общины, взяв за верхнюю границу этого диапазона цифру, озвученную А. Позняком. В этом случае численность русских страны в конце 2013 г. могла составлять порядка 6,5–7,3 млн человек.

При этом, этнодемографическая разнородность запада и центра Украины (бывшей Малороссии), и ее юго-востока (исторической Новороссии) оставалась самой ощутимой. На юго-востоке русские и биэтнофоры в середине 2000-х гг. в сумме составляли более 57 % населения, на западе и в центре только 8 % (рис. 3.18). Этнодемографическая специфика в значительной степени задавала социоментальные и культурно-языковые особенности населения разных макрорегионов Украины, его цивилизационные и эlectorальные предпочтения.

¹ Но есть все основания полагать, что при возможности ставить в соответствующей графе две национальности многие представители биэтнического множества на Украине в этот период самоопределились бы одновременно как украинцы и русские.

² Если исходить из среднегодового коэффициента естественной убыли в пределах 4–5 %.

Макрорегиональный разрез (середина 2000-х гг.)

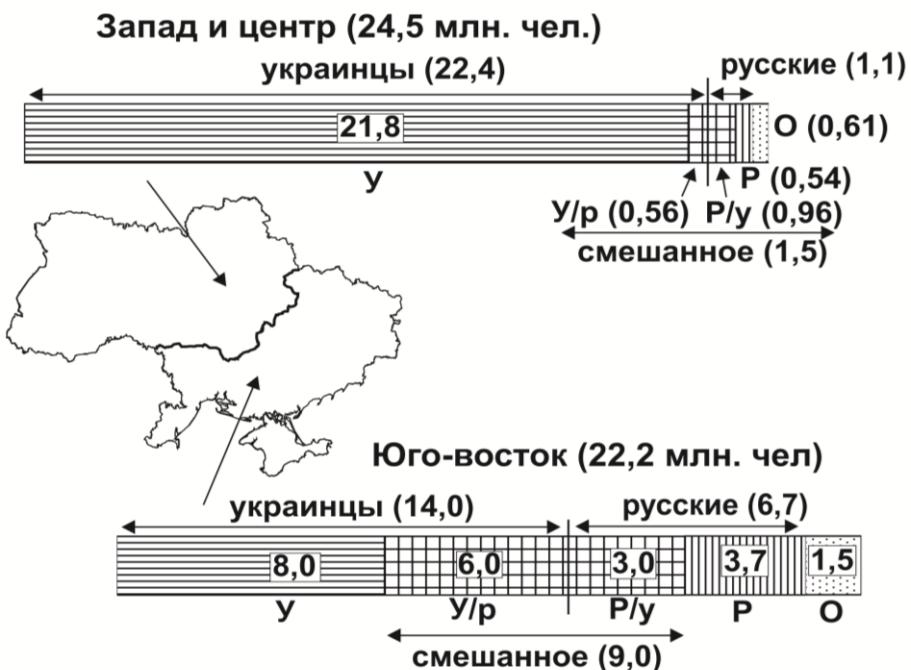

Рис. 3.18. Этнодемографическая структура населения Украины в середине 2000-х гг. (макрорегиональный разрез)

Источник: рассчитано по: Савоскул 2001; Хмелько 2011.

События весны – лета 2014 г. самым существенным образом сказались не только на социально-политическом ландшафте страны и её системной диспозиции между Западом и Россией, но и на этнодемографической структуре населения. Включение Крымского полуострова в состав Российской Федерации «увело» из Украины 2,3 млн чел., в том числе 1,5 млн русских¹.

¹ Конечно, необходимо принимать во внимание, что последняя цифра была получена в результате Крымской переписи населения 2015 г., проведенной, когда полуостров уже находился в составе России. Данное обстоятельство не могло не сказаться на самоидентификационном выборе смешанного населения полуострова. Число украинцев в Крыму (с Севастополем) за 2001–2015 гг. сократилось с 577 тыс. до 345 тыс. чел. (более, чем на 40 %). Нет сомнений, что если бы перепись населения была проведена во время нахождения Крыма в составе Украины (например, в самом начале 2014 г.), русских на полуострове оказалось бы на 200–250 тыс. меньше, а украинцев на соответствующую величину больше.

Не менее значительные потери демографического потенциала Украины оказались связаны с появлением двух политически независимых от Киева пророссийских народных республик Донбасса (далее ДНР и ЛНР). Учитывая условия их появления, гибель ополченцев и украинских военнослужащих, многочисленные жертвы среди мирного населения (но прежде всего огромные масштабы миграции), рассчитать наличное население республик можно только в первом приближении.

Несмотря на то, что общая их территория составляла около 18 тыс. кв. км. (порядка 30 % площади Донбасса), в пределах будущих ДНР и ЛНР в начале 2010-х гг. было сосредоточено порядка 60 % всего населения Донецкой и Луганской областей, то есть около 4 млн. человек¹. Период активных военных действий лета 2014 г. и последующие несколько месяцев были связаны с масштабным оттоком населения, как в пределы России, так и на территорию других регионов Украины.

В середине 2015 г. наличное население двух республик могло составлять порядка 2,5–2,8 млн человек (в ДНР около 1,5–1,7 млн, в ЛНР – 1,0–1,1 млн) (Сущий 2016, с. 90). К 2017–2018 гг. эта цифра могла подрасти до 3 млн. человек. Тем самым, население Украины в течение 2014–2015 гг. сократилось на 5,5–6 млн. чел. и к середине 2016 г. составляло порядка 39,5–40 млн чел. Потеря Крыма и фактический выход из состава страны восточного Донбасса в целом сократили русское население Украины на 2,8–3,0 млн² (до 4–4,5 млн. чел.). Его удельный вес в структуре населения страны за 2013–2015 гг. опустился с 16 % до 10,5–11,5 %³ (Митрофанова, Сущий 2017) (рис. 3.19; табл. 3.18).

¹ Поскольку речь идет преимущественно об урбанизированном поясе, протянувшемся на несколько десятков километров и включавшем четыре из пяти крупнейших городов Донбасса (Донецк, Макеевку, Горловку, Луганск), а также значительное множество других крупных и средних центров.

² Включая представителей биэтнического множества с русским национальным самоопределением.

³ Оценивая среднесрочные перспективы русских в стране, А. Позняк предполагал, что к 2026 г. удельный вес русских снизится до 13,9 % (правда, речь шла об Украине с Крымом и восточным Донбассом).

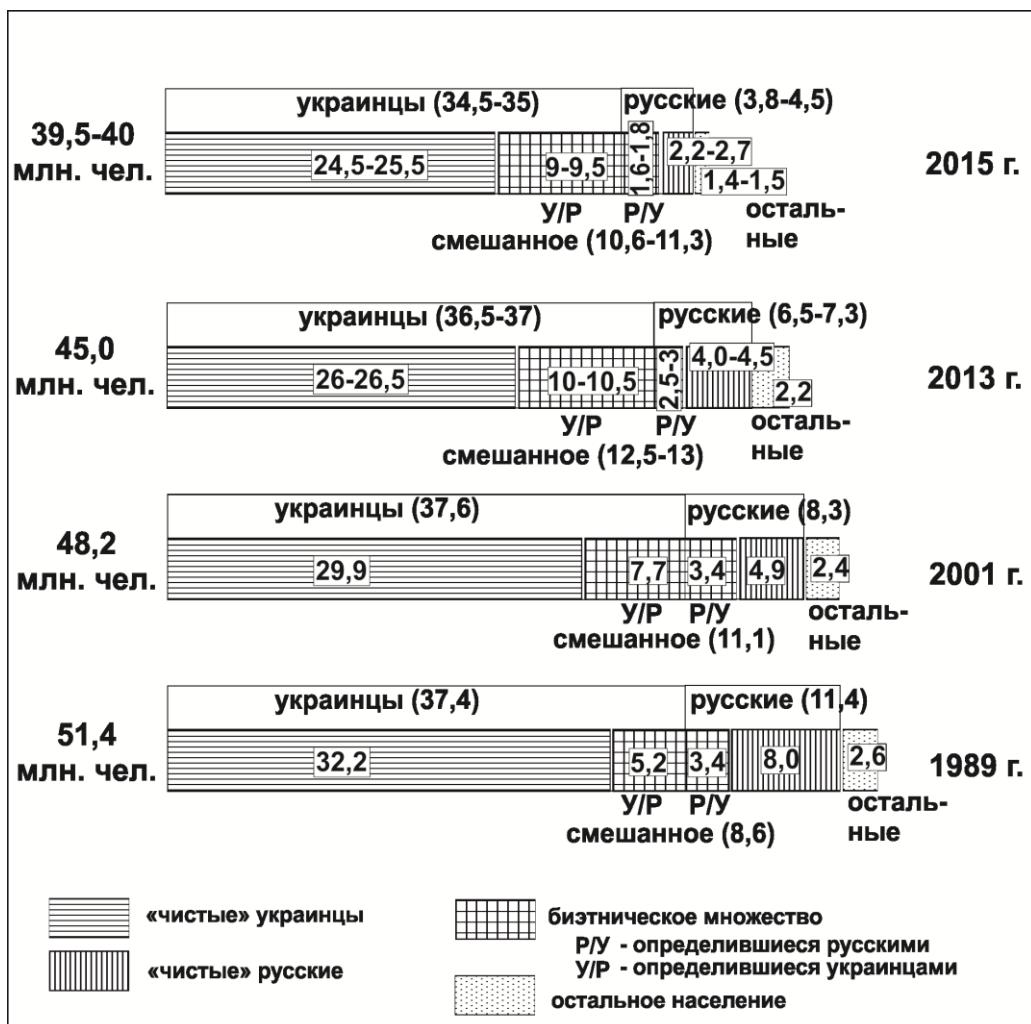

Рис. 3.19. Динамика крупнейших национальных сообществ Украины, 1989–2015 гг. (млн. чел.)

Источник: расчеты автора

Таблица 3.18

Динамика удельного веса крупнейших национальных сообществ в населении Украины, 1989–2015 гг. (%)

Годы	Доля в населении Украины				Доля в населении Украины с учетом представителей бийэтнического множества	
	«чистые» украинцы	бийэтническое множество	«чистые» русские	остальные	украинцы	русские
1989	62,7	16,7	15,6	5,0	72,8	22,2
2001	62	23	10,2	5,0	78	17,1
2013	58–59	28–29	9–10	4,9	78–80	15–17,3
2015	62–64	27–28	5,6–6,8	3,5–3,7	87–87,5	9,5–11,2

Источник: расчеты автора

География русского расселения Украины в середине 2010-х гг., хотя и не претерпела внутренних сдвигов, заметно трансформировалась самим фактом изменения её территории. На позицию основных средоточий русских выдвинулись несколько других юго-восточных областей страны – Харьковская и Днепропетровская, а также Запорожская и Одесская. Оставался в этой группе и Донбасс, несмотря на потерю своих восточных, наиболее русских районов. Прежде всего, речь о Донецкой области, в «украинской» части которой во второй половине 2010-х гг. оставалось до 550–600 тыс. русских. И по этому показателю регион уступал только Харьковской области.

На пять перечисленных областей приходилось в сумме порядка 65–70 % всего русского населения Украины¹. В их пределах достаточно высокой оставалась и доля русских в структуре населения (в украинской части Донецкой области она могла составлять 30–33 %, в Харьковской и Запорожской около 25 %, в Одесской – 20 %, в Днепропетровской – 16,5–17 %). На остальной территории страны удельный вес русского населения, как правило, не достигал 10 %, а в 11 областях центра и запада составлял отдельные проценты. Но повторимся, представленные в таблично-картографическом материале расчёты численности и доли русского населения (рис. 3.10; табл. 3.19), с большой вероятностью фиксируют верхнюю (из реально возможных) планку данных показателей.

При их получении мы исходили из ряда предположений.

1. Доля русских в анализируемый период (2001–2013 гг.) сокращалась во всех без исключения регионах Украины. Иными словами, темпы депопуляции русских общин были более высокими, чем у всего населения данных территориальных сообществ.

2. Естественная убыль русских, сократившись к началу 2010-х гг., до середины этого десятилетия держалась на уровне 3–4 %.

3. Миграционное сальдо русских во всех областях Украины было отрицательным.

4. В ассимиляционном обмене с титульным большинством русские повсеместно несли демографические потери.

¹ Если же к этой территориально-административной пятёрке приплусовать украинскую часть Луганской области и Киев, то на семь регионов придётся уже около 80–85 % русского населения страны, при том, что речь идёт только о трети ее территории.

5. Темпы убыли русских по отдельным областям Украины были, как минимум, на 1/3 выше, чем у местного населения. При этом не могли за рассматриваемый период быть меньше 5–6 %¹.

Таблица 3.19

**Динамика русских по регионам Украины,
1989–2013 гг. (тыс. чел., %)**

регионы, центр	Тыс. чел.			Доля в населении (%)		
	1989	2001	2013*	1989	2001	2013*
Крым **	1629,5	1450,4	1350–1380	67,1	60,4	57,6–58,9
Луганская	1279	991,8	840–865	44,8	39,0	38–38,7
Донецкая	2316,1	1844,4	1630–1680	43,6	38,2	37,6–38,8
Харьковская	1054,2	742	660–680	33,3	25,6	24,3–25
Запорожская	664,1	476,8	420–435	32	24,7	23,7–24,5
Одесская	719	508,5	460–480	27,2	20,7	19,3–20,1
Днепропетровская	935,7	627,5	540–570	24,2	17,6	16,4–17,3
Николаевская	258	177,5	155–165	19,4	14,1	13,3–14,0
Херсонская	249,5	165,2	145–150	20,1	14,1	13,5–14
Киев	536,7	337,3	300–310	20,9	13,1	10,6–11
Сумская	190,1	121,7	100–105	13,6	9,4	8,8–9,3
Кировоградская	144,1	83,9	70–72	11,8	7,5	7,1–7,3
Полтавская	179	117,1	100–105	10,4	7,2	6,9–7,1
Киевская	167,9	109,3	95–105	8,7	6	5,5–6,1
Черкасская	122,3	75,6	65–67	8	5,4	5,2–5,3
Житомирская	121,4	68,9	60–62	7,9	5	4,7–4,9
Черниговская	96,6	62,2	50–52	6,8	5	4,7–4,9
Черновицкая	63,1	37,9	33–36	6,7	4,1	3,6–4,0
Винницкая	112,5	67,5	55–60	5,9	3,8	3,5–3,7
Хмельницкая	88	50,7	45–47	5,8	3,6	3,4–3,5
Львовская	195,1	92,6	80–87	7,1	3,6	3,3–3,4
Ровенская	53,6	30,1	25–27	4,5	2,6	2,3–2,5
Закарпатская	49,5	31	27–29	4	2,5	2,1–2,3
Волынская	46,9	25,1	22–24	4,7	2,4	2,1–2,3
Ивано-Франковская	57	24,9	20–23	4	1,8	1,6–1,7
Тернопольская	26,6	14,2	11–12	2,3	1,2	1,0

* – оценка автора; ** - Вместе со Севастополем

¹ Тем самым, в украинских областях, потерявших за 2005–2013 гг. 7–10 % (и более) своих жителей, мы увеличивали данный показатель для местных русских на треть. Так же поступали и с регионами, в которых общая убыль населения составляли 4–6 %. Если же демографические потери региона составляли всего 2–3 %, убыль местных русских определялась в 7–8 %.

К тому же речь идёт о докризисной ситуации и расчёт не учитывал социопсихологических сдвигов, произошедших в украинском обществе после весны – лета 2014 г., которые должны были сократить долю русских минимум ещё на несколько пунктов в результате «пиковской» консолидации общества на национальной (т.е. по сути, украиноцентричной) платформе (см. рис. 3.20). В целом, даже не располагая точной статистикой, мы можем с уверенностью констатировать, что в первом десятилетии XXI в. процесс дерусификации западной и отчасти центральной Украины не только продолжался, но и в значительной степени был завершён.

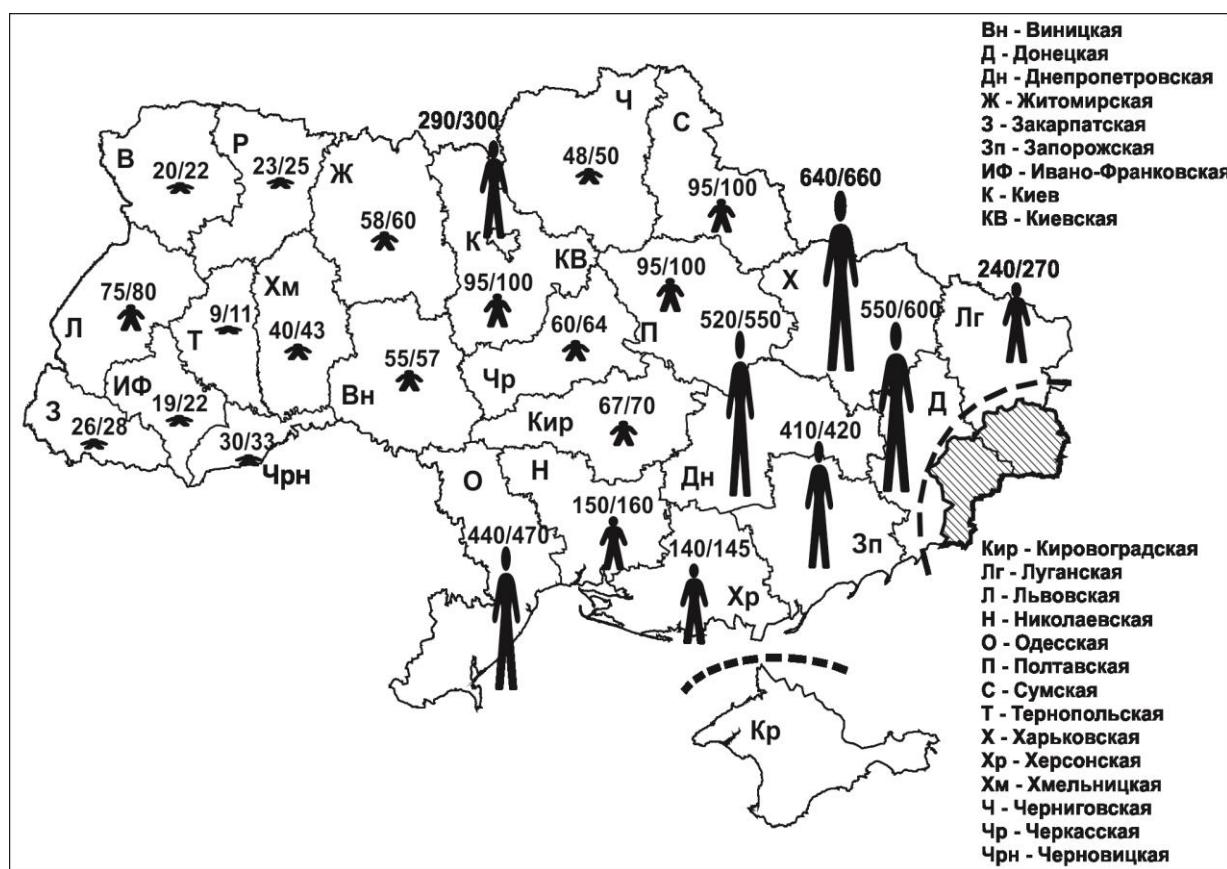

Рис. 3.20. Примерная численность русского населения в регионах Украины на 2015–2016 гг. (тыс. чел.)

Источник: расчеты автора

Украинские социологи фиксировали достаточно быстрое сокращение в стране доли респондентов с русской самоидентичностью и во второй половине 2010-х гг. В начале 2020-х гг. самоопределялось русскими уже только 7 % опрошенных (Рейтинг, опрос 15.08.2022). Что в первую очередь было связано с дальнейшим удельным перераспределением биэтнофоров. После 2014 г. гражданская позиция в качестве основного фактора при выборе национальной

идентичности смешанного населения Украины окончательно оттесняет непосредственно этническую компоненту на второй план. Политические сторонники украинской государственности, составлявшие среди биэтнофоров абсолютное большинство, массово самоопределяются как украинцы. В начале 2020-х гг. уже подавляющая часть (90–95%) русско-украинского биэтнического множества страны выбирала титульную идентичность.

Но значимыми оставались и другие факторы сокращения русского населения страны. С учётом естественной убыли и миграционного оттока его численность (без Крыма и республик Донбасса) могла снизиться к началу 2022 г. до 2,4–2,6 млн человек (рис. 3.21). Порядка 75–80 % этого этнодемографического множества по-прежнему было сосредоточено на юге и востоке Украины.

Рис. 3.21. Динамика русского населения Украины, 1989–2022 гг. (в 2015–2021 гг. без Крыма, Севастополя и Д(Л)НР; в 2023 г. без Крыма, Донбасса и северного Приазовья) (млн чел.)

Источник: расчеты автора

2022–2024 гг. Даже в отсутствии достоверной статистики, есть все основания полагать, что негативные тренды демографической динамики русских Украины 2000–2010-х гг. после начала СВО получили мощный дополнительный импульс. Опрос населения, проведён-

ный на Украине в апреле 2022 г., обнаружил только 5 % респондентов с русской идентичностью (Рейтинг, опрос 15.08.2022). Что по нашим расчётом в целом соответствовало доле «чистых» русских в населении Украины на рубеже 2020-х гг. (Сущий 2020). Иными словами, в 2022 г. фактически завершился переход смешанного населения страны к титульной самоидентичности. Причём, как и в 2014 г., данный процесс продемонстрировал новое ускорение. Если некоторое число русско-украинских биэтнофоров в весной 2022 г. все ещё продолжало самоопределяться по своей русской этнической компоненте, то оно компенсировалось «чистыми» русскими, считавшими себя украинцами. Очевидно и то, что доля населения идентифицирующего себя русскими на Украине продолжала сокращаться и в дальнейшем. Снижение этого показателя до 4–4,5 % в 2023–2025 гг. можно было бы считать самым оптимистическим вариантом динамики.

Но 1,5-кратное сокращение удельного веса русских в структуре населения страны после начала СВО оказалось ещё более значительным в абсолютных масштабах, поскольку первая половина 2022 г. была связана со стремительным сокращением общего демографического потенциала Украины. К середине этого года на территории, подконтрольной Киеву, оставалось 24–26 млн человек. Исходя из данных социологических опросов, только 1,1–1,2 млн из них идентифицировали себя как русские (в два с лишним раза меньше, чем в 2021 г.) (рис. 3.22).

Новое резкое демографическое сжатие группы русского населения Украины в 2022–2023 гг. привело к событию, которое в ближайшие 20–30 лет казалось российским исследователям крайне маловероятным – крупнейшим средоточием русских в пределах БЗ стал Казахстан, русская община которого в середине 2020-х гг. уже была примерно в два раза больше, чем численность русских Украины.

При этом их естественный воспроизводственный потенциал в настоящее время крайне низок. После начала СВО, повторимся, продолжали самоопределяться как русские почти исключительно респонденты, не имевшие украинской (или какой-либо другой) этнической компоненты.

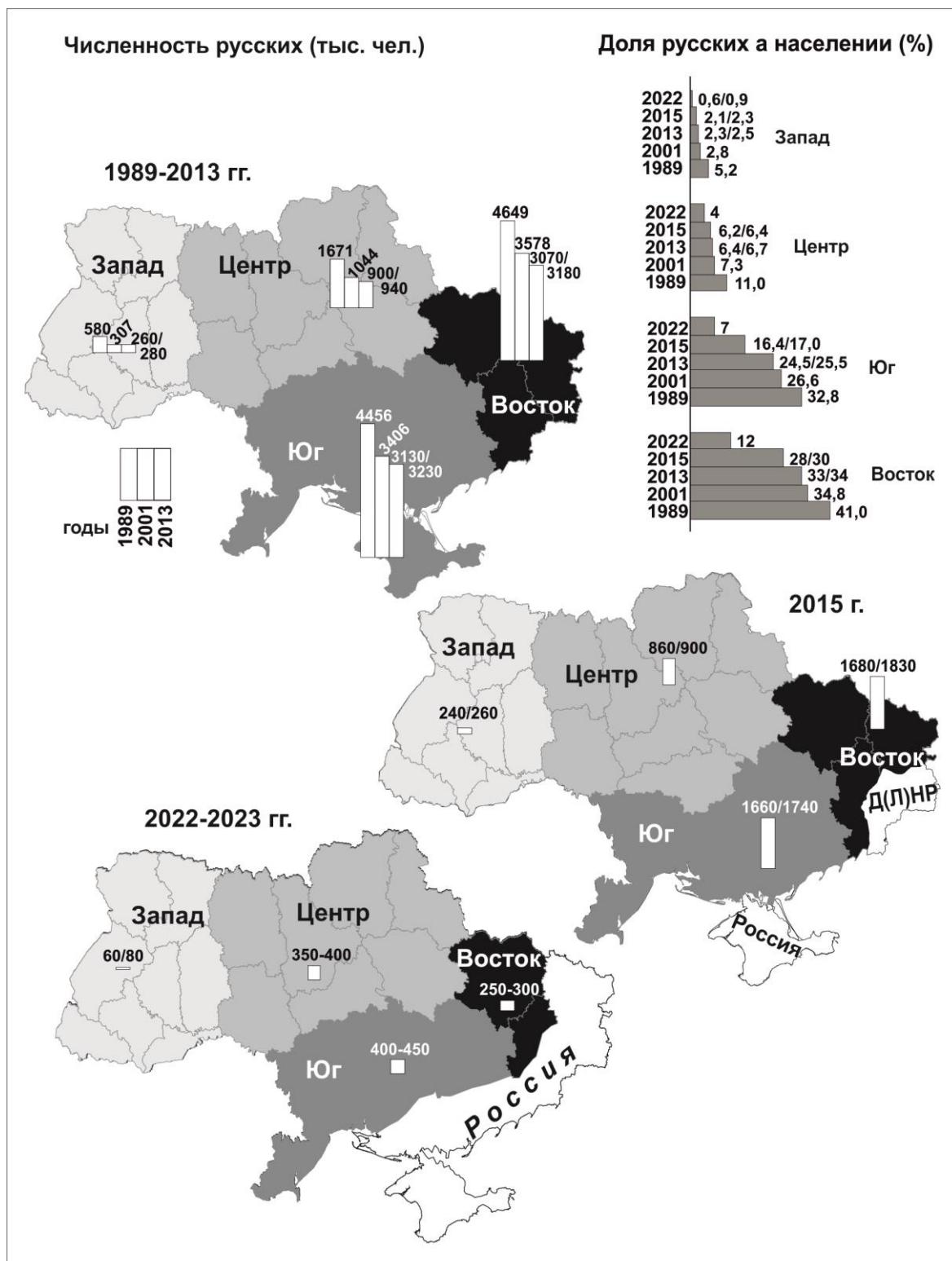

Рис. 3.22. Численность и удельный вес русских по макрорегионам Украины, 1989–2022/2023 гг. (тыс. чел., %)

Источник: рассчитано по: Всесоюзная перепись... 1989; Всеукраинская перепись... 2001; Рейтинг... 2022.

Это обстоятельство позволяет в самом общем виде определить возрастную структуру данной ядерной группы русского населения Украины. Основная его часть в настоящее время сосредоточена в

старших когортах. Согласно указанному опросу 2022 г., среди респондентов старше 51 года русскими самоопределились 9 %, среди 35–50-летних – 3 %, из 18–35-летних только 1 % (Рейтинг, опрос 15.08.2022). Несовершеннолетние в опросе не участвовали, но очевидно, что среди них этот показатель был ещё ниже.

Но если взять его за 1 % (что будет явным преувеличением) и пересчитать приведённые цифры с учётом долевого веса их возрастных групп во всём населении Украины, обнаруживается, что более 60 % русских Украины в середине 2022 г. были людьми старше 50 лет. А на детско-юношеские генерации (0–17 лет) приходилось только 5,5–6,0 % (рис. 3.23). Таким образом, контуры возрастной пирамиды русского населения Украины в настоящее время максимально усилили форму перевёрнутой пирамиды, характерную для них уже в начале XXI века.

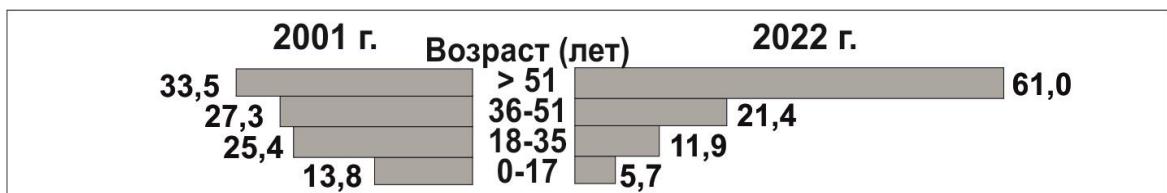

Рис. 3.23. Динамика возрастной пирамиды русского населения Украины, 2001–2022 гг. (%)

Рассчитано по: Всеукраинская перепись, 2001; Рейтинг, 2022

Как известно, подобная форма возрастной структуры этнической группы указывает на высокую вероятность ее быстрого количественного сжатия уже в среднесрочной перспективе и только за счёт естественной убыли, без участия миграционного оттока, активное подключение которого способно ещё более ускорить процесс демографического заката. Что указывает на возможность полного исчезновения русских на Украине в течение ряда десятилетий.

Но констатируя реальность столь пессимистического сценария, следует принять во внимание ряд обстоятельств. Прежде всего, пластичность и конъюнктурно-прагматический характер многосоставного идентификационного комплекса русско-украинских биэтнофоров, на которых во второй половине 2010-х гг., по расчётам специалистов, приходилось порядка 28–30 % жителей Украины (Митрофанова, Сущий 2017). А в пределах её юго-восточного пояса доля смешанного населения в это время достигала 55–57 % (Сущий 2020).

Как отмечалось, выбор украинской идентичности этим населением после 2014 г. в самой значительной степени определялся гражданской позицией. Но нельзя не учитывать и социопсихологического прессинга, под которым в последние 10–15 лет находились русские Украины; комплексного давления, заставлявшего их включать «на максимум» практики этнокультурной мимики, в т.ч. отказ от любой формы публичного позиционирования себя в качестве русских. Иными словами, не существует способов проверки, насколько искренним и окончательным был выбор смешанным населением страны украинской компоненты своей двух(много)составной идентичности.

В настоящее время даже проведение на Украине переписи не позволит зафиксировать реальную численность людей, идентифицирующих себя как русских, поскольку заметная часть такого населения предпочтет называться украинцами или представителями других национальностей. Но дело не только в маскировке. В существующих обстоятельствах самоидентичность заметной доли смешанного населения оказывается «подвешенной», фактически зависящей от результатов текущего вооружённого конфликта.

Геодемографическая динамика населения северного Приазовья-Причерноморья, вошедшего в состав России осенью 2022 г., наглядно продемонстрировала, что в русскоязычных региональных социумах юго-востока Украины присутствует обширная группа населения, готового встроиться как в российский, так и в украинский вариант нациестроительства, ориентируясь при этом на более «целесообразную» в данный момент составляющую своей этнонациональной принадлежности.

Тем самым, в настоящее время любая оценка численности русских Украины не только сопряжена с риском значительной погрешности, но в известной степени она просто невозможна, поскольку речь идёт о переменной, способной пульсировать в широком диапазоне, в зависимости от динамики украино-российского (и шире – российско-западного) противостояния и его возможных будущих итогов. Уточним, что сказанное не исключает самой возможности изучения демографического потенциала русского населения Украины. Но такой анализ предполагает не определение его точной величины или даже широкого количественного диапазона, а выполнение многовариантного прогноза основных сценариев динамики современного вооруженного конфликта и расчета его возможных проекций в сферу этнодемографии Украины.

Итак, в течение постсоветского периода русское население Украины сократилось на математический порядок (с 11,3 до 1,1–1,2 млн чел.). Даже с учётом потери части территорий и практик этнонациональной маскировки количественная убыль русских оказалась максимальной в пределах постсоветского пространства, в значительной мере предопределив кратное сокращение демографического потенциала всего русского БЗ.

Очевидно, что перспектива сохраниться в качестве демографически значимой группы у русских в современной Украине есть только при смене существующего государственного курса и установлении в стране политического режима партнёрского или нейтрального по отношению к России не только в геостратегической, но и в социокультурной плоскости. Сохранение Украины в качестве «антироссийского» проекта (в любой из возможных его вариаций) будет коррелировать не только с ускоренным закатом русского этнического присутствия, но и с новыми масштабными усилиями государственной власти по комплексной «зачистке» общества от русского языка и культуры, как основных препятствий полной социоментальной украинизации и геоцивилизационной вестернизации страны.

ГЛАВА 4

РУССКИЕ НА ЮЖНОМ КАВКАЗЕ

4.1. Азербайджан

Система расселения русских на территориях, входящих в состав современного Азербайджана, начинает формироваться в 1830-е гг., когда в пределы Елизаветпольской губернии из центральных регионов империи переселяются первые группы раскольников. В течение середины – второй половины столетия создаётся несколько десятков русских сёл (Кабузан 1996, с. 81–122). Вторая волна миграционного притока русских пришлась на конец XIX – начало XX вв. Она была связана с разработкой нефтяных месторождений Апшеронского полуострова, созданием индустрии Баку, а также с освоением приморских территорий южного Азербайджана (Мугань).

За неполных два десятилетия (1897–1913 гг.) русское население Баку выросло почти в два раза, достигнув 76,3 тыс. человек (Баберовски 2004, с. 322). К середине 1920-х гг. на территории Азербайджана проживало 220 тыс. русских (Кабузан 1996). Масштабный приток переселенцев на промышленные стройки республики к концу 1930-х гг. увеличил эту цифру до 528 тыс. человек. Последняя волна миграции русского населения в республику пришлась на вторую половину 1940-х гг. и была связана с завершением создания в Сумгаите промышленного центра союзного значения.

После периода демографической стабилизации (1950–1960-е гг.) русское население республики начинает сокращаться. Этот, фиксируемый уже в 1970-е гг. процесс получает заметное ускорение в середине 1980-х гг., по мере расширения признаков общего кризиса СССР, который в Азербайджане существенно осложнился резким обострением противоречий между титульным сообществом и армянским населением, в т.ч. компактно расселённым в пределах Нагорно-Карабаха (автономной области, входившей в административные пределы АзССР).

Перепись 1989 г. зафиксировала в Азербайджане 391,8 тыс. русских, из которых 295,5 тыс. (более 75 %) проживало в Баку (рис. 4.1). Такая система расселения, обладавшая одним отчётливым эпизентром, концентрировавшим более $\frac{3}{4}$ русского населения, может быть условно определена как «столичная». Отметим, что данное качество отличало пространственное размещение русских советского Азербайджана на протяжении всего существования республики, но в послевоенный период оно с каждым десятилетием становилось все более отчётливым. Доля бакинской группы в составе всей русской общины¹ АзССР за 1959–1989 гг. выросла с 67,5 до 75,3 % (рассчитано по: Кабузан, 1996).

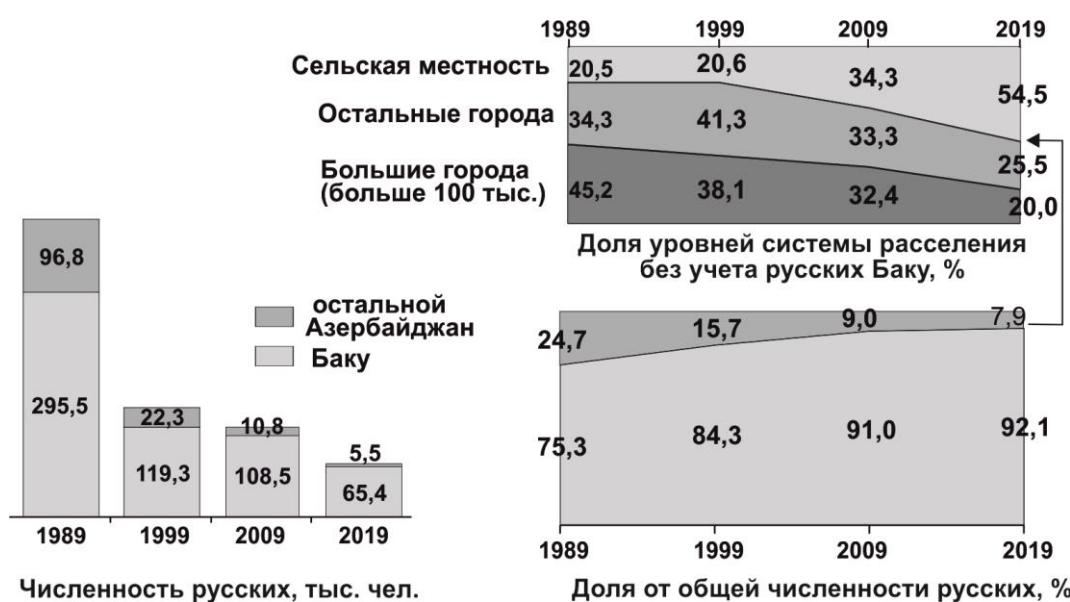

Рис. 4.1. Русские Азербайджана по формам расселения, 1989–2019 гг. (тыс. чел.; %)

Источник: Всесоюзная перепись ... 1989; Результаты переписи ... 1999; 2009; Перепись населения ... 2019

Значительные группы русских также проживали в Сумгаите и Кировобаде (Гяндже) – двух других крупных городах республики (в конце 1970-х гг. их размеры составляли 37,1 и 18,0 тыс. чел.) (Ethno-Caucasus). При этом система сельского расселения общины, на своём пике (1939 г.) заключавшая 115,2 тыс. человек, сокращалась на протяжении всего послевоенного периода, что в 1950–1960-е гг. было

¹ Определение «русская община» используется как синоним для обозначения всего русского населения Азербайджана, т.е. группы людей, идентифицирующих себя как русские во время проведения переписей населения.

связано с активной урбанизацией русских, а в последние советские десятилетия – с их миграционным оттоком из республики (за 1959–1989 гг. численность русских поселенцев АзССР сократилась с 62,0 до 19,8 тыс.). И к началу 1990-х гг. уровень урбанизации русской общины был уже предельно высоким (95,0 %) (табл. 4.1).

Таблица 4.1
Геодемографические характеристики и гендерный баланс
у русских Азербайджанской ССР, 1939–1989 гг.

годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбани- зации, %	Доля русских (%)			Число мужчин на 100 женщин		
	всего	го- род	село		всего	город	село	общий	город	се- ло
1939	528,3	413,1	115,2	78,2	16,5	35,7	5,6	90	83	124
1959	501,3	439,3	62,0	87,6	13,6	24,9	3,2	70	67	95
1970	510,1	470,2	39,9	92,2	10,0	18,3	1,6	73	71	96
1979	475,3	447,1	28,2	94,1	7,9	14,1	1,0	71	70	89
1989	392,3	372,5	19,8	95,0	5,6	9,8	0,62	70	70	70

Источник: рассчитано по Демоскоп Weekly. URL:
http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rer_nac_59-89_gs.php;

Динамика русского населения (общая и по уровням системы расселения).

Масштабный отток русских из республики, начавшийся в 1987–1988 гг., ещё более ускоряется в последние годы советского периода и первую постсоветскую «пятилетку», на которые пришёлся пик армяно-азербайджанского вооружённого конфликта (первая Карабахская война). За 1989–1991 гг. только по официальным данным миграция русских из Азербайджана составила 60,8 тыс., в 1992–1996 гг. – ещё 105 тыс. человек. Во второй половине десятилетия темпы оттока значительно снижаются, но перепись 1999 г. зафиксировала в стране всего 141,6 тыс. русских – в 2,8 раз меньше, чем в 1989 году (Население России ... 2001). Учитывая, что естественная убыль, возникшая у русских во второй половине 1990-х гг., могла сократить их численность не более, чем на 2–3 %, подавляющая часть демографических потерь (до 99 %) в первом постсоветском десятилетии пришлась на миграцию.

Значительную убыль понесли все территориальные группы и уровни системы расселения русских. Даже столичная группа, проде-

монстрировавшая несколько большую устойчивость, сократилась в 2,5 раза. Численность русского населения трёх других больших центров Азербайджана, а также средних/малых городов и сельской местности сократилась соответственно в 5,2, 3,6 и 4,3 раза. В результате доля бакинской группы в общей структуре русской общины к концу 1990-х гг. ещё более выросла, превысив 84 % (см. рис. 4.1).

По данным Росстата среднегодовые масштабы оттока русских из Азербайджана в Россию в первой половине 2000-х гг. сокращаются до 0,8–1,0 тыс. человек (Население России ... 2001). Учитывая, что уровень естественной убыли в русской общине в этот период колебался в диапазоне 6–8 % (850–1150 чел.), два фактора её демографических потерь уже были сопоставимы по размерам, составляя в целом около 2 тыс. чел. в год. Результаты переписи 2009 г. этот вывод подтверждают – за период 1999–2009 гг. численность русских Азербайджана сократилась на 22,3 тыс. (–15,7 %).

По отдельным уровням системы расселения, как и в 1990-е гг., минимальные долевые потери понесла столичная группа (–9,1 %), тогда как численность русских остальных городов Азербайджана сократилась в 2,5 раза, а сельских русских стало меньше на 15,7 %. Соотношение темпов убыли в 2000-е гг. бакинской группы и русских провинциальных горожан (соответственно 9,1 и 59,9 %) указывает на то, что последние в этот период мигрировали не только в Россию, но и перемещались в столичный центр, ещё более увеличивая концентрацию в нем представителей общины (табл. 4.2). В 2009 г. в Баку уже был сосредоточен 91 % русских Азербайджана.

За 2009–2019 гг. русское население Азербайджана сократилось со 119,3 до 70,9 тыс. человек (–40,6 %). Учитывая его ярко выраженную «столичность», такое ускорение депопуляционного тренда было связано с масштабным ростом потерь именно бакинской группы, сократившейся за десятилетие на 39,7 % (в 4,4 раза больше, чем в «нулевые»). При этом темпы убыли русского населения в других больших городах страны, средних и малых центрах, в сельской местности сохранились, в целом, на уровне 2000-х (соответственно 68,6; 61,1 и 18,9 %).

Причины кратного ускорения общей депопуляции русских Баку в 2010-е гг. требуют самостоятельного изучения, поскольку речь идёт о сложной композиции ряда факторов, соотношение которых менялось во времени. Помимо постепенного роста естественной убыли могли заметно увеличиться размеры оттока, который, в свою очередь,

представлял результирующую выезда бакинских русских в Россию и притока в столицу русских «провинциалов». Существенное сокращение общей численности последних минимизировало их миграционный потенциал, снижая возможности столичной группы компенсировать свои демографические потери.

Таблица 4.2

Динамика русского населения Азербайджана по формам расселения, 1989–2019 гг. (%)

Города и территории	1989–1999	1999–2009	2009–2019	1989–2019
Баку	−59,6	−9,1	−39,7	−77,9
Большие города (Сумгайт, Гянджа, Ленкорань)	−80,6	−58,8	−68,6	−97,5
Остальные города	−72,3	−60,9	−61,1	−95,8
Сельская местность	−76,8	−19,6	−18,9	−84,8
Весь Азербайджан	−63,9	−15,7	−40,6	−81,9

Источник: Всесоюзная перепись... 1989; Результаты переписи... 1999; 2009; Перепись населения... 2019

Динамика русского населения по экономическим и административным районам. Масштабные этнодемографические сдвиги в размещении всего населения Азербайджана, связанные с Карабахской войной 1992–1994 гг. и переходом под контроль армянской стороны больших территорий на западе страны, незначительно затронули общую систему расселения русского населения, поскольку его численность в Нагорно-Карабахской автономной области (далее – НКАО) и прилегающих к ней районах было небольшим и в советский период (порядка 3–3,5 тыс. чел. на момент распада СССР).

В 1990-е гг. русские практически полностью оставили районы западного Азербайджана, оказавшиеся в пределах зоны боевых действий. Но и остальные сельские территории республики за последние 10–15 лет XX в. в значительной степени утратили своё русское население. Если в 1979 г. в республике имелся 31 административный район, в котором доля русских в структуре населения превышала 1 %, то в 1999 г. остался только один. С 17 до 2 сократилось число районов, в которых численность русских была больше 1 тыс. человек, при этом появилось 9 районов, в которых их число было меньше 20 (в 1979 г. таких не было) (табл. 4.3–4.4).

На фоне повсеместной масштабной депопуляции русского сельского населения, демографической устойчивостью выделялось только село Ивановка (Исмаиллинский район) – крупнейшее русское старожильческое поселение, основанное молоканами в 1840 году. За 1979–1999 гг. размеры его русской общины сократились всего на 19 % (с 3,1 до 2,5 тыс. чел.), что позволило Ивановке ещё более отчётливо закрепиться на позиции абсолютной демографической доминанты сельской системы расселения русских Азербайджана (доля этого села в структуре всех сельских русских страны выросла за этот период с 11,1 до 54,3 %). По численности русского населения село стало четвёртым центром страны, уступая только Баку, Сумгаиту и Гяндже.

Таблица 4.3
Административные районы Азербайджана по численности русского населения, 1979–2019 гг.

Годы	Число русских, чел.						
	0–20	21–50	51–100	101–500	501–1000	1001–3000	3001–10000
1979	–	5	2	15	13	15	5
1999	9	5	1	3	27	2	–
2009	9	18	18	13	1	1	–
2019	19	25	6	8	–	1	–

Источник: данные для табл. 4.3–4.4 рассчитаны по Ethno-kavkaz... 1979; Результаты переписи... 1999; 2009; Перепись населения... 2019

Таблица 4.4
Административные районы Азербайджана по удельному весу русских в структуре населения, 1979–2019 гг.

Годы	Удельный вес русских, %							
	Меньше 0,1	0,1–0,3	0,31–0,5	0,51–1,0	1,1–3	3–5	5–10	Более 10
1979	4	5	6	9	25	–	5	1
1999	20	28	7	4	–	1	–	–
2009	41	16	2	–	1	–	–	–
2019	52	7	–	–	1	–	–	–

Итак, к началу XXI в. в Азербайджане остаётся небольшая, но наиболее адаптированная к жизнедеятельности в новых социально-

политических и экономических условиях часть русского населения. Данное обстоятельство имело своим следствием самое существенное сокращение миграционного оттока, тем более, что этому способствовала и определённая социально-экономическая стабилизация республики.

2000-е гг. В первом десятилетии XXI в. темпы и абсолютные масштабы убыли русских, как уже отмечалось, заметно сократились. При этом демографические потери по-прежнему ощутимо различались по территории страны. В половине экономических районов (в 7 из 13) они составили более 50 %, показав максимум в Нахичеванском районе (–80,8 %). Исключение составил Зангезурский экономический район, который в данное время фактически находился в составе Нагорно-Карабахской республики. Четыре из пяти входящих в него административных района продемонстрировали даже некоторый рост русского населения (рис. 3.2)¹.

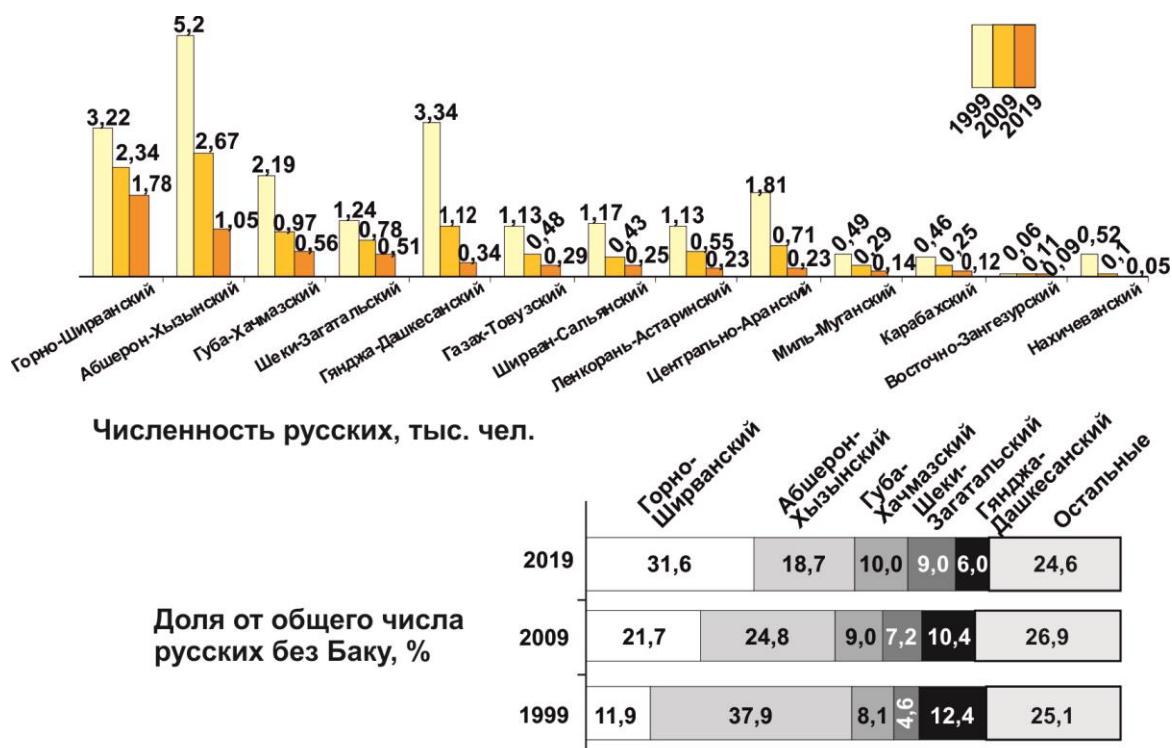

Рис. 4.2. Русское население по экономическим районам Азербайджана, 1999–2019 гг. (тыс. чел.; %).

Источник: Результаты переписи... 1999; 2009; Перепись населения... 2019

¹ Существенно и то, что речь шла о территориях, практически полностью утративших свое русское население (в общей сложности 62 чел. в 1999 г.). Даже появление 2–3 новых русских в таких районах оборачивалось ощутимой положительной динамикой их локальных групп.

Но подавляющее большинство из 67 административных районов страны демонстрировало в 2000-е гг. серьёзную убыль русского населения. В двадцати восьми оно составило 60–81 %, в двадцати одном – 42–57 %, в десяти – 23–38 %. Как результат, число районов, в которых численность русских составляла более 500 чел., в 2000-е гг. сократилось с 29 до 2 (Исмаиллинский и Хачмазский), и с 15 до 45 выросло количество административных образований, имевших менее 100 русских жителей. В 41 районе доля русских в структуре местного населения была уже меньше 0,1 % (см. табл. 4.2-4.3).

Регрессионный анализ не обнаружил в 2000-е гг. корреляции между темпами убыли территориальных групп русского населения и их размерами (рис. 4.3). Коэффициент детерминации (R^2) составил 0.0297, p-value – 0.167. Очевидно, что причинное основание, определявшее скорость депопуляции отдельных групп русских, составлялось множеством факторов, находившихся в сложном динамичном соотношении.

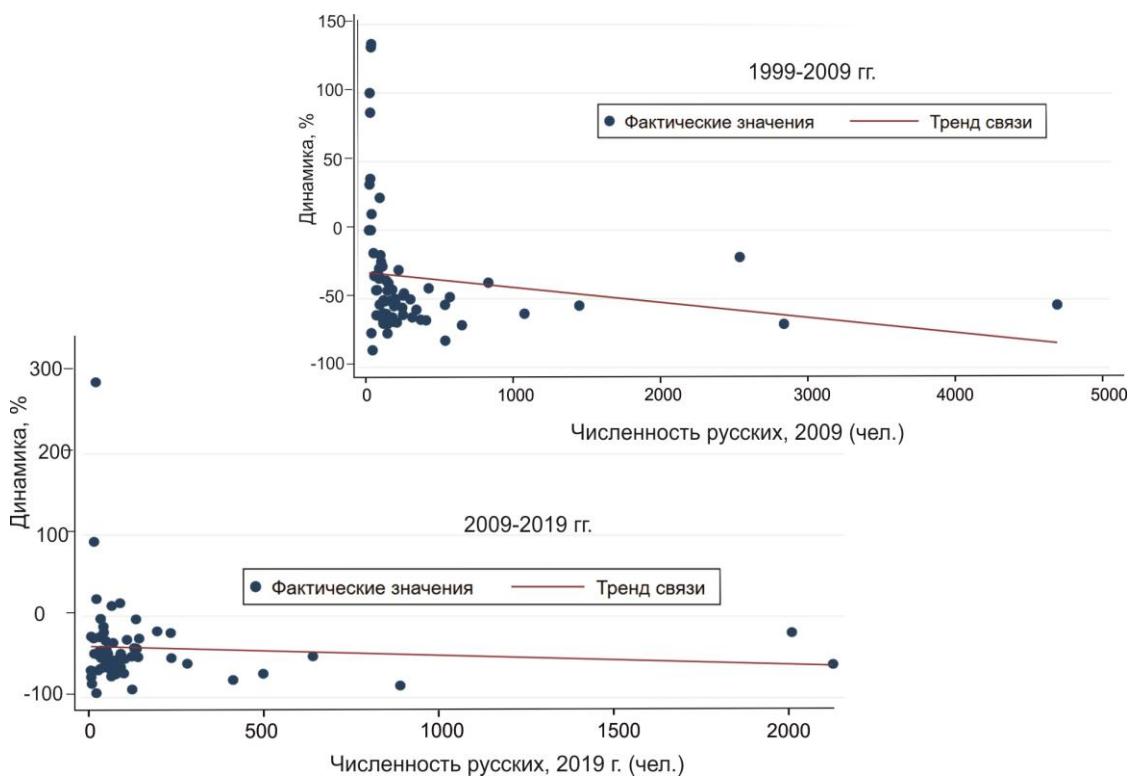

Рис. 4.3. Корреляция между размерами территориальных групп русских Азербайджана (муниципальные районы) и их демографической динамикой в 1999–2009 и 2009–2019 гг. (без учета Баку).

Источник: рассчитано по: Результаты переписи... 1999; 2009; Перепись населения... 2019

2010-е гг. Во втором десятилетии XXI в. убыль русских по экономическим районам страны варьировалась в широком диапазоне от 18,8 % (Восточно-Зангезурский) до 69,6 % (Гянджа-Дашкесанский) (рис. 4.4). В 7 из 13 данных территориальных образований, как и в предыдущем десятилетии, демографические потери русских превысили 50 %. Однако на уровне административных районов число территориальных образований с повышенной убылью заметно возросло – более 70 % русского населения в 2010-е гг. потеряло 9 районов (в «нулевых» таких было только три).

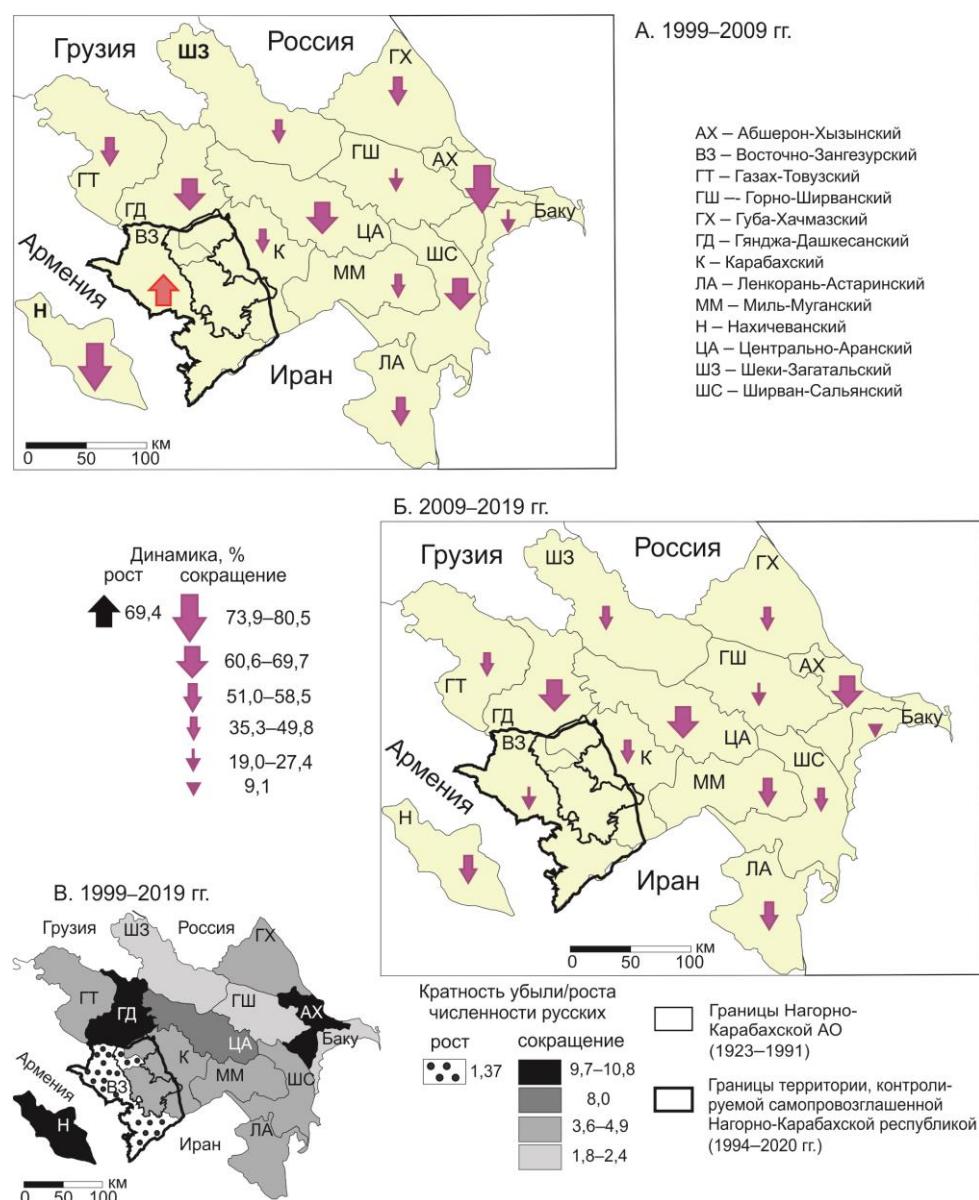

Рис. 4.4. Динамика русского населения по экономическим районам Азербайджана, 1999–2019 гг. (%)

Источник: Результаты переписи... 1999; 2009; Перепись населения... 2019

В 2010-е гг. регрессионный анализ, как и в предыдущем десятилетии, не выявил взаимосвязи между величиной территориальных групп и скоростью их депопуляции (коэффициент детерминации (R^2) – 0,006, p -value – 0,54). К концу 2010-х гг. только в Исмаиллинском районе (ещё точнее, в с. Ивановка) русское население превышало тысячу человек, ещё в 8 районах его численность составляла 100–330 чел., а в 44 была уже меньше 50 чел. При этом, в 52 районах доля русских не достигала 0,1 % в составе местного населения (рис. 4.5).

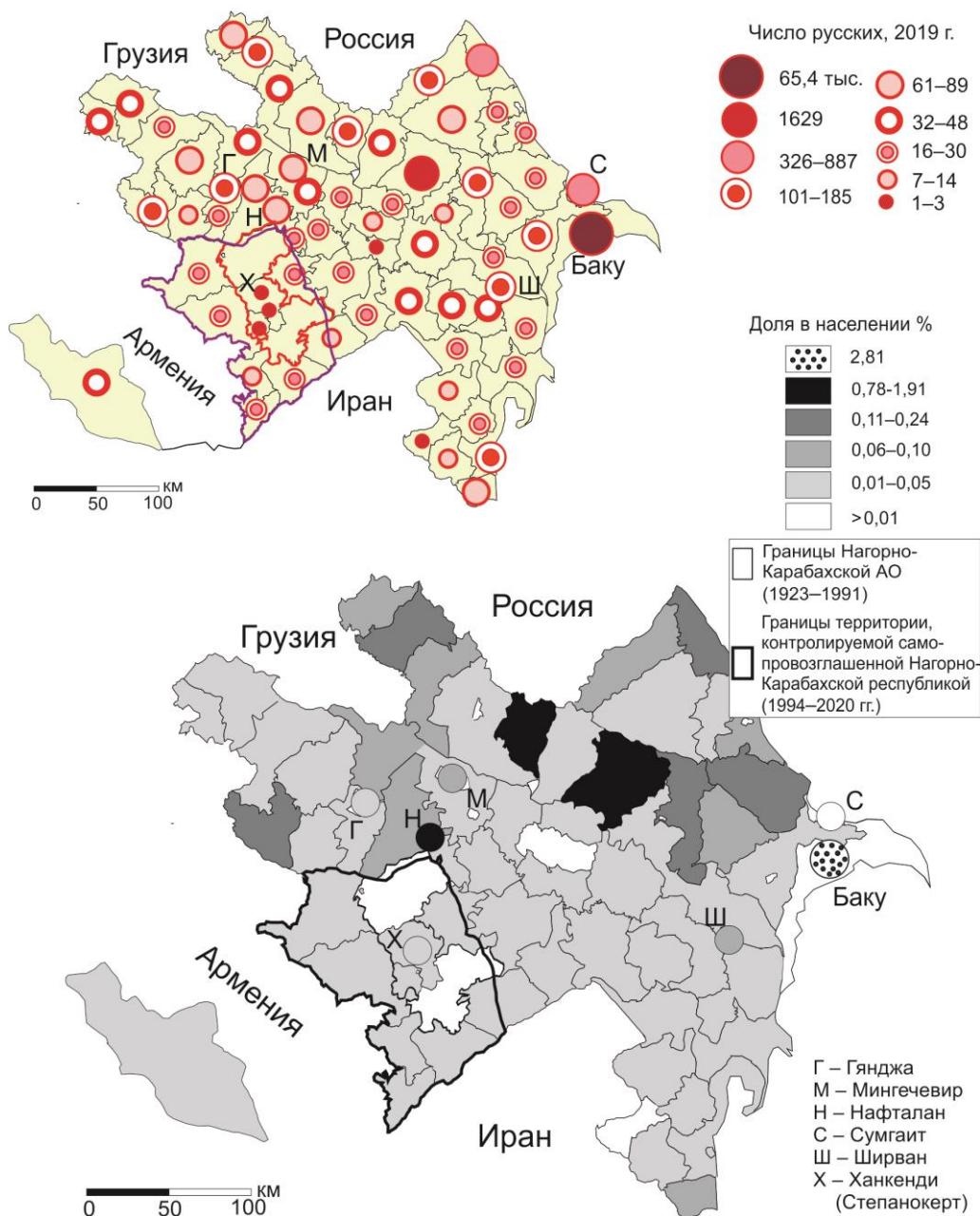

Рис. 4.5. Русские по крупным городам и районам Азербайджана: численность, доля в населении, 2019 гг. (чел., %).

Источник: рассчитано по переписи населения Азербайджана 2019 г.

Общая численность сельских русских Азербайджана к концу 2010-х гг. сократилась до 3,0 тыс., из которых 1,6 тыс. приходилось на Ивановку. То есть, на значительной части сельских территорий страны русские отсутствовали или представляли локальные дисперсные множества – несколько (несколько десятков) одиноких людей, преимущественно «возрастных» женщин, находившихся в браке с азербайджанцем или представителем другого кавказского народа.

Но именно последнее обстоятельство определяло пониженные темпы убыли сельского русского населения в сравнении с городским на протяжении всего постсоветского периода. Поскольку группа сельских жителей сокращалась почти исключительно вследствие естественных потерь, тогда как в демографических потерях русского городского населения Азербайджана центральную роль играл отток, который дополнялся значительной естественной убылью.

За пределами Баку заметными средоточиями русских в конце 2010-х гг. оставались Сумгаит и Ивановка. При этом, старожильческое село уже являлось вторым центром страны по размеру своего русского населения. В других крупных городах (Гянджа, Мингечевир, Ширван) численность русских в конце 2010-х гг. не превышала 90–160 чел., а в средних и малых центрах составляла 10–30 чел. И речь шла о таких же дисперсных множествах «одиночек», как в сельской местности Азербайджана.

Половозрастная структура, межнациональная брачность и ассимиляционная динамика русского населения.

Устойчивый депопуляционный тренд первых двух постсоветских десятилетий существенным образом деформировал и половозрастную структуру русской общины страны. Уже на рубеже веков средний возраст русских составлял более 41 года, а существовавший в советский период гендерный дисбаланс заметно усилился – за 1989–1999 гг. число женщин на 100 мужчин в русской общине Азербайджана выросло со 143 до 170 (Юнусов 2001). В 2000-е гг. эти деформации начали превращаться в самостоятельный фактор негативного воздействия на количественную динамику общины, что отчётливо проявилось в 2010-е гг., когда темпы убыли русского населения заметно увеличились.

Свою роль играл и ассимиляционный фактор, связанный с высоким уровнем межнациональной брачности русских, особенно женщин. Уже в конце 1980-х гг. почти четверть русских мужчин и более

40 % женщин вступали в брак с представителями других национальностей (табл. 4.5).

Таблица 4.5
Доля русских Азербайджанской ССР, вступивших
в межнациональный брак в 1978 и 1988 гг. (%)

Годы	Все население		Городское		Сельское	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1978	19,2	34,6	20,1	35,2	4,6	26,9
1988	24,6	40,3	25,0	40,7	16,1	31,4

Источник: Население СССР 1989, с. 272–273

В постсоветский период этот показатель должен был возрасти ещё более. Причём если в последние советские десятилетия большинство таких браков заключалось с представителями русскоязычных общин (украинцами, евреями и др.), что в целом работало на демографический рост русской общины вследствие обрушения смешанного потомства, то в постсоветский период значительно выросла доля межнациональных семей с мужем-азербайджанцем и русской женой, в которых дети массово выбирали титульную идентичность.

Расчёты коэффициента суммарной рождаемости русских женщин Азербайджана, выполненные с использованием метода косвенной оценки, учитывавшего соотношение размеров возрастных групп детей и подростков (0–19 лет) и женщин активного детородного возраста (20–39 лет), позволяют оценить этот показатель в конце 2010-х гг. в пределах 1,20–1,22, что очевидным образом не соответствовало реальной репродуктивной активности, которая, как минимум, не уступала показателю русских женщин в России, т.е. составляла 1,5–1,6, или даже была несколько выше. Исходя из этого можно сделать вывод, что порядка 20–25 % детей, рождённых в 2010-е гг. русскими женщинами страны, учитывались по национальности отца, т.е., прежде всего, попадали в этнодемографическую статистику азербайджанского народа.

Заметную роль в росте межнациональной брачности русских женщин играла уже отмеченная диспропорция гендерной структуры общины. Максимальный (5–7-кратный) женский перевес в конце 2010-х гг. фиксировался в старших возрастных группах. Но имелся он и в самых активных репродуктивных когортах – в группе 25–29-летних русских на 100 мужчин приходилось 123,6 женщин. Для 30–34 и 35–39-летних этот показатель составлял 124,4 и 131,5 (рис. 4.6).

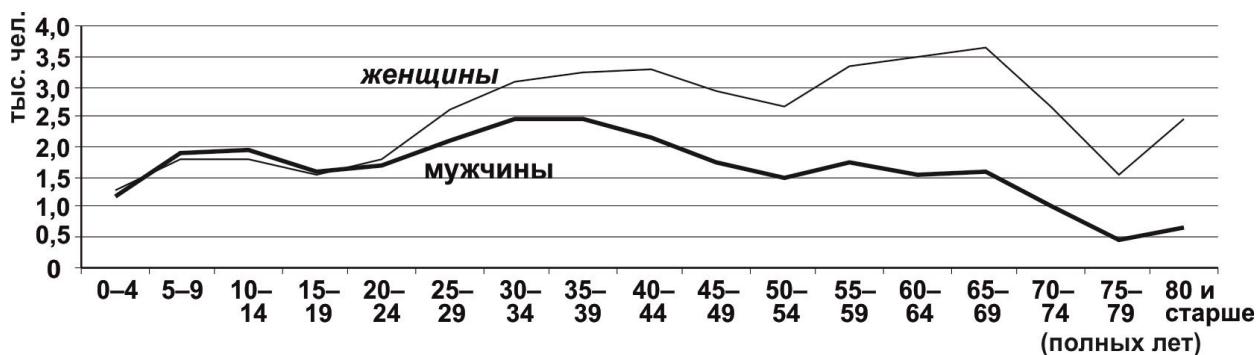

Рис. 4.6. Численность русских мужчин и женщин по 5-летним возрастным когортам, 2019 г. (тыс. чел.)

Источник: рассчитано по переписи населения Азербайджана 2019 г.

На протяжении данного десятилетия коэффициент рождаемости в русской общине (с учетом ассимиляционной составляющей) постепенно снизился с 6,8–7,2 % в год до 3,9–5,9 % (Рассчитано по: Population census... 2022, pp. 335–415). Что было одним из самых низких показателей среди национальных сообществ Азербайджана, объясняясь, в том числе уже указанным фактором – часть детей, рожденных в межэтнических браках, учитывалось в составе других национальностей страны¹.

Средний возраст русского населения за 1999–2019 гг. вырос с 41,0 до 43,1 года, что, впрочем, указывало на достаточно медленные темпы его старения – в большинстве других русских общин БЗ данный показатель составлял уже 46–50 лет, а у русских в самой России был чуть ниже (42,6 года) (Сущий, 2020, с. 22–23). При этом, русские горожане Азербайджана было заметно моложе сельских жителей, медианный возраст которых в конце 2010-х гг. составлял 50 лет, а доля пожилых людей (60 лет и старше) приближалась к трети (табл. 4.6).

Удельный вес пожилых во всей русской общине Азербайджана составлял 26,9 %, что было самым высоким показателем среди 13 крупнейших этнических групп (Population census... 2022, pp. 335–415)², но только на 2 % превышало аналогичный показатель русских РФ (24,8 %). Соответственно, сопоставимым был и уровень смертно-

¹ Ниже он был только в еврейской общине (2,1–2,2 %), тогда как у азербайджанцев, лезгин, талышей, курдов, цахуров составлял 12,5–25 % (Рассчитано по: Population census..., 2022, pp. 335–415).

² Даже в еврейской и украинской диаспорах этот показатель был заметно ниже (соответственно 18,8 и 20,1 %), а у азербайджанцев и других автохтонных народов Кавказа (аварцы, курды, талыши, турки и др) – 9,1–12,8 %

сти русского населения Азербайджана и России. Если данный показатель у первого был выше на 1–2 %, то в среднегодовом исчислении смертность в 2010-е гг. могла составлять 13–15 %. В этом случае, коэффициент естественной убыли колебался в диапазоне 7–9 % (7–9 % за десятилетие). Тем самым, порядка 77–82 % демографических потерь русской общины Азербайджана в 2010-е гг. пришлось на миграционный отток, который в среднегодовом исчислении с 0,8–1,0 тыс. в «нулевые» вырос до 3,5–4,0 тыс. чел. в 2010-е гг.

Таблица 4.6
**Возрастная структура русского населения
Азербайджана, 2019 (тыс. чел., %)**

Полных лет	Русское население, тыс. чел.			Удельный вес (%)		
	всего	город	село	всего	город	село
0–9	6 154	5 971	183	8,66	8,78	5,99
10–19	6 879	6 621	258	9,68	9,74	8,45
20–29	8 225	7 905	320	11,58	11,63	10,48
30–39	11 270	10 845	425	15,86	15,95	13,92
40–49	10 102	9 761	341	14,22	14,36	11,17
50–59	9 293	8 765	528	13,08	12,89	17,29
60 и старше	19 123	18 125	998	26,92	26,66	32,69
Всего	71 046	67 993	3053	100	100	100
Медианный возраст, лет	43,1	42,7	50,0			

Источник: рассчитано по переписи населения Азербайджана 2019 г.

В целом, в русской общине страны на 100 мужчин в 2019 г. приходилось 153 женщины (табл. 4.7) (Рассчитано по: Population census... 2022, pp. 335–415). Таким образом, в сравнении с началом XXI в. уровень гендерной диспропорции даже несколько сократился. Но следует учесть, что общий показатель в максимальной степени формировался столичной группой, в которой он составлял 100 к 151. В подавляющем большинстве других территориальных групп русских дисбаланс был значительно выше. В 13 административных районах Азербайджана русские женщины в конце 2010-х гг. имели 10–22-кратный перевес над мужчинами, в 11 – 5–9-кратный, в 15 – 3–5-кратный. А в 10 районах группы русских уже состояли только из женщин (рис. 4.7). Притом, что утратившие мужчин территорииальные группы русских в своём большинстве были очень невелики (несколь-

ко, максимум 10–20 человек), регрессионный анализ, в целом, не обнаружил значимой корреляции между размером таких групп в разрезе административных районов и уровнем их гендерного дисбаланса – коэффициент детерминации без Баку (R^2) составил 0.00419, p-value – 0.134 (с Баку соответственно 0.0132 и 0.4).

Таблица 4.7
**Половозрастная структура русского населения Азербайджана,
2019 (тыс. чел., %)**

Пол ных лет	Численность, чел.						Женщин на 100 муж- чин		
	всего		город		село				
	м	ж	м	ж	м	ж	всего	город	село
0–9	3066	3088	2974	2997	92	91	100,7	100,8	98,9
10–19	3527	3352	3402	3219	125	133	95,0	94,6	106,4
20–29	3828	4397	3672	4233	156	164	114,9	115,3	105,1
30–39	4945	6325	4774	6071	171	254	127,9	127,2	148,5
40–49	3889	6213	3786	5975	103	238	159,8	157,8	231,1
50–59	3262	6031	3122	5643	140	388	184,9	180,7	277,1
60 и старше	5291	13832	5024	13101	267	731	261,4	260,8	273,8
Всего	27 808	43238	26 754	41 239	1054	1999	155,5	154,1	189,7

м – мужчины; ж - женщины

Источник: рассчитано по переписи населения Азербайджана 2019 г.

Но и трёхкратный женский перевес, который фиксировался в 46 из 66 районов страны, являлся серьёзным препятствием для обеспечения устойчивого естественного воспроизводства местного русского населения, фактически являясь свидетельством заключительных стадий демографического развития большинства его территориальных групп.

Демографические перспективы русского населения Азербайджана.

Формирование в первой половине – середине XIX в. русского этнического массива на землях, в дальнейшем составивших территорию АзССР и постсоветского Азербайджана, заметно отличалось от общего механизма возникновения «классических» диаспор. Однако, центральными трендами количественной, расселенческой, половозрастной динамики русских страны в 1990–2010-е гг. являлись устойчивая депопуляция, сокращение географии, увеличение среднего воз-

раста и рост гендерного дисбаланса – геосоциодемографические сдвиги, выделяемые исследователями в качестве основных характеристик заключительных стадий жизненного цикла большинства диаспор (Левин 2001).

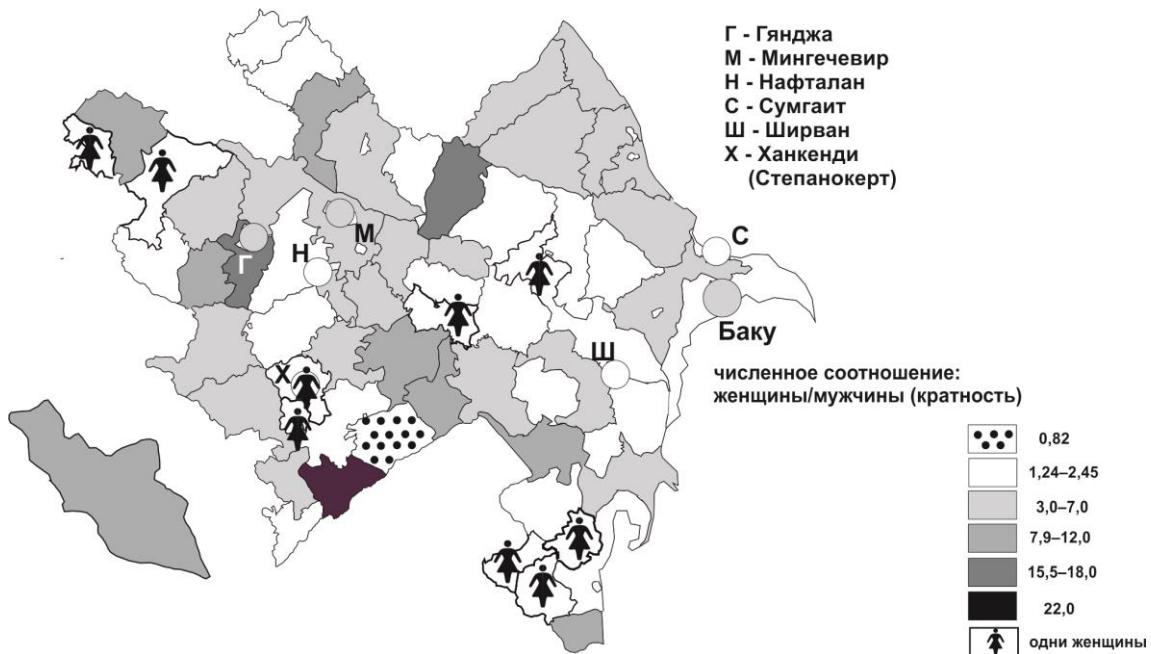

Рис. 4.7. Количество соотношение русских мужчин и женщин по крупным городам и районам Азербайджана, 2019 г.
Источник: перепись населения Азербайджана 2019 г.

Единственным реалистичным вариантом остановки демографического «заката» русской общины Азербайджана является её ощущаемое миграционное пополнение, вероятность которого в настоящее время представляется близким, если не равным, нулю¹. Но если смена сложившегося депопуляционного тренда практически исключена, то сами темпы и масштабы этого процесса могут варьировать в широком диапазоне.

Среднесрочные демографические перспективы русского населения страны в максимальной степени зависят от дальнейшей динамики его столичной группы. Анализ наиболее значимых её характеристик (средний возраст, гендерное соотношение, численность группы женщин активного репродуктивного возраста) обнаруживает у русского

¹ Показательно, что даже масштабная волна российской эмиграции 2022 г., увеличившая в разы численность наличного русского населения Армении и Грузии, практически обошла стороной Азербайджан. Общее число релокантов не превысило нескольких тысяч человек, что было на порядок меньше, чем в двух других странах Южного Кавказа.

населения Баку демографический потенциал, достаточный для сохранения ограниченного уровня естественной убыли на протяжении многих десятилетий.

Несмотря на заметное сокращение группы женщин в возрасте 20–39 лет, которым будут отмечены 2020–2030-е гг. (с 10,72 тыс. в 2019 г. до 7,75 тыс. в 2029 г. и 6,44 тыс. чел. в 2039 г. без учета миграции), прогнозная оценка, выполненная с помощью метода передвижки возрастов, зафиксировала возможную естественную убыль группы бакинских русских за 2019–2029 гг. в пределах 6,0–6,2 %; за 2029–2039 гг. – в 9,9–10,2 %. Тем самым, без учёта оттока размеры столичной группы с 65,4 тыс. в 2019 г. могут сократиться к концу 2020-х гг. до 61–61,5 тыс. и до 55–55,5 тыс. человек к концу 2030-х гг.

Иными словами, несмотря на устойчивость депопуляционного тренда, весомое сокращение эмиграции русских из Азербайджана могло бы существенно продлить жизнедеятельный период столичной группы, а с ней и всей русской общины страны.

Таблица 4.8

**Сценарии динамики русского населения Азербайджана
(удельные и показатели), 2019–2050 гг.**

Сценарии	2019–2030	2031–2040	2041–2050
<i>Естественная убыль и ассимиляция (% от наличной численности)</i>			
Позитивный	8–10	7–9	7–9
Средний (наиболее вероятный диапазон)	11–13	10–12	10–12
Негативный	14–16	13–15	13–15
<i>Чистый отток (% от наличной численности)</i>			
Позитивный	8–10	7–10	7–10
Средний (наиболее вероятный диапазон)	15–18	15–17	12–15
Негативный	20–25	20–25	18–22

Как отмечалось, в 2010-е гг. удельный вклад оттока русских превышал естественную убыль в 3,5–4,5 раза. В среднем за год в результате миграции русское население страны теряло порядка 3,5–4 % своей численности. Очевидно, что по мере дальнейшего сокращения размеров общины страны абсолютные масштабы и удельные показатели чистого оттока русских будут сокращаться (табл. 4.8). Но с большой вероятностью именно миграция в ближайшие десятилетия

будет оставаться основным фактором сжатия русской общины Азербайджана. Совмещение естественных и миграционных потерь будет существенно ускорять её демографический закат. Даже при позитивном (оптимистическом) сценарии численность русских в стране к середине века может сократиться до 37–45 тыс. человек (табл. 4.9).

Таблица 4.9
**Сценарии количественной динамики населения Азербайджана,
2019–2050 гг. (тыс. чел.)**

Сценарии	2019	2030	2040	2050
ПП	71,0	57–60	46–52	37–45
ПС		51–55	38–43	29–35
ПН		46–51	30–39	21–29
СП		55–58	43–48	34–40
СС		49–53	35–40	25–31
СН		44–49	28–34	19–25
НП		53–55	38–44	29–35
НС		47–51	32–37	22–28
НН		42–47	25–32	16–22

Примечание: П – позитивный; С – средний; Н – негативный

* - первым поставлен вариант естественно-ассимиляционной динамики, вторым – миграционной динамики.

Источник: расчеты автора

При этом реализация самого оптимистического сценария миграционной динамики (полная остановка нетто-оттока русских из страны) не сможет остановить дальнейшего сжатия географии общины – к началу-середине 2040-х гг. порядка 97–99 % русских Азербайджана может быть сосредоточено в Баку, Сумгаите и с. Ивановка.

4.2. Армения

Русское население на территории современной Армении было достаточно немногочисленным как в имперский, так и советский периоды. Возникавшие с первых десятилетий XIX в. русские поселения к концу этого века сложились в сеть, заключавшую более двадцати сёл (11,3 тыс. чел.)¹. К середине 1920-х гг. численность русских Ар-

¹ Долженко И. В. Русские в Армении: история, культура, традиции. <https://svobodu.online/articles/27352>

мении выросла до 21 тыс., к рубежу 1940-х гг. превысила 50 тыс., а максимального размера достигла в конце 1970-х гг. (70,3 тыс. чел.) (табл. 4.10). Это была высокоурбанизированная группа (83–85 % горожан), более 40 % которой приходилось на Ереван. В сельской местности русское население было малоразличимо даже на пике своего этнокультурного присутствия в республике¹.

Таблица 4.10

**Геодемографические характеристики и гендерный баланс
русских Армянской ССР, 1959–1989 гг.**

годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбани- зации, %	Доля русских (%)			Число мужчин на 100 женщин		
	всего	го- род	се- ло		всего	город	се- ло	общий	город	се- ло
1959	56,5	40,1	16,0	71,0	3,2	4,5	1,9	72	65	92
1970	66,1	52,5	13,6	79,4	2,65	3,5	1,35	76	72	94
1979	70,3	58,0	12,3	83,9	2,3	2,9	1,17	67	59	119
1989	51,5	43,9	7,6	85,2	1,55	2,0	0,7	71	70	77

Рассчитано

по:

Демоскоп

Weekly.

URL:

http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rer_nac_59-89_gs.php;

Системный кризис СССР, эскалация конфликта между Арменией и Азербайджаном («карабахский» проблемный узел), землетрясение в Спитаке (декабрь 1988 г.) стали причинами активного оттока русского населения во второй половине 1980-х гг. – временного отрезка, открывшего период устойчивой демографической депопуляции русских Армении.

Максимально ускорилась миграция русского населения Армении в первую постсоветскую пятилетку, ставшую одним из самых тяжёлых периодов в истории молодого армянского государства. Война с Азербайджаном, глубокий экономический кризис, резкое падение уровня жизни – основные причины интенсивного оттока русских. Свою роль играли и статусные потери, связанные с трансформацией русских из государствообразующего народа огромной страны, составной частью которой являлась АрССР, в национальное меньшинство самостоятельной Армении, в государственной политике и центральных сферах жизнедеятельности которой (как и в большинстве

¹ В удельном разрезе присутствие русских в республике было максимальным в конце 1930-х гг., когда они составляли 4,0 % жителей Армении – 6,9 % городского и 2,8 % сельского.

других постсоветских стран) отчётливо просматривались этноценитрические элементы и практики.

Динамика численности и системы расселения русских.

Только учтённая нетто-миграция русских в Россию за 1992–1994 гг. составила 15,6 тыс., в 1995–2000 гг. – 7,1 тыс. чел. (Население России 2001). В действительности ее масштабы были ещё выше, поскольку первая постсоветская перепись Армении (2001 гг.) зафиксировала в стране только 14,7 тыс. русских. Естественная убыль, начавшаяся в середине 1990-х гг., до конца десятилетия могла привести к потере не более 1,5–2,0 % русского населения (400–500 чел.). Следовательно, чистый отток за 1992–2000 гг. мог составлять порядка 30 тыс. чел. В этом случае 98,3–98,6 % всех демографических потерь русской общины в 1990-е гг. пришлось на миграцию.

За межпереписной период (1989–2001 гг.) численность русских Армении сократилась в 3,5 раза. При этом, темпы убыли существенно различались по уровням системы расселения. Столичная группа сократилась в 3,3 раза, число остальных русских горожан – в 5,7 раз. Значительно лучше сохранилось русское сельское население (–45 %), прежде всего, за счёт старожильческих поселений Лорийской области, существовавших с середины – второй половины XIX века. Одним из следствий повышенной устойчивости сельских русских стало снижение общего уровня урбанизации общины, доля горожан в которой за 1989–2001 гг. сократилась с 85,2 до 71,7 % (рис. 4.8).

При этом к началу XXI в. в полной мере сохранились городской и сельский эпицентры системы расселения русских – Ереван и Лорийская область. Почти 64 % русских горожан приходилось на столицу страны; 73,8 % сельских жителей на Лорийскую область (прежде всего, на Лермонтово и Фиолетово – два крупнейших молоканских села Армении, на которые на рубеже веков приходилось около половины всех русских поселян страны). Более 7 % русских Армении было расселено в Ширакской области. Но только в Лорийской их доля в структуре местного населения превышала 1 % (табл. 4.11). В Ереване она составляла 0,61 %, а в большинстве регионов страны находилась в диапазоне 0,13–0,18 %, указывая на высокую степень дерусификации этих территориальных сообществ.

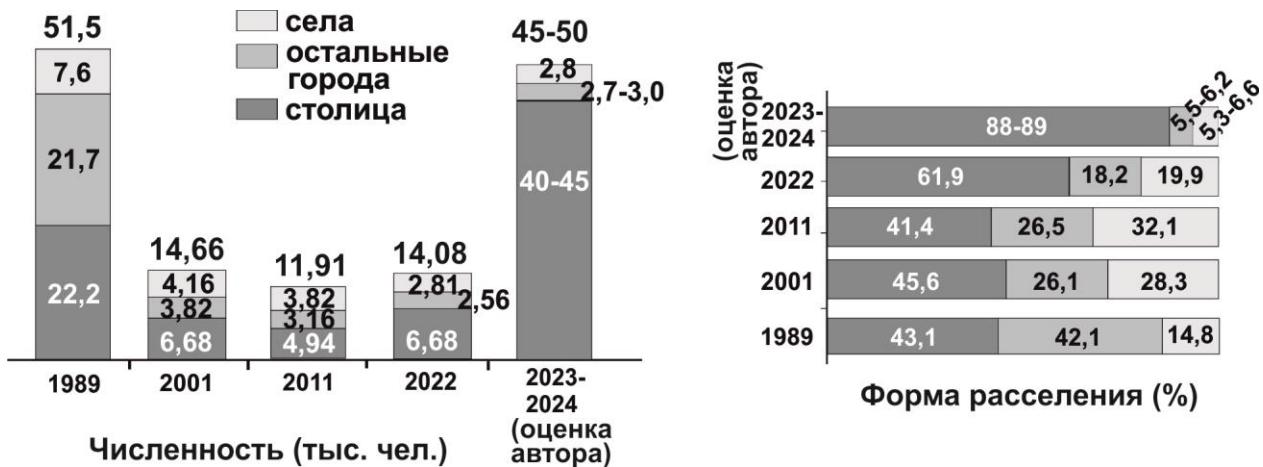

Рис. 4.8. Русское население Армении по уровням системы расселения, 1989–2024 гг.

А. Численность (тыс. чел); Б. Удельный вес (%)

Источник: Рассчитано по Всесоюзной перепись населения 1989 г.; переписям населения Армении 2001, 2011, 2022 гг.

Таблица 4.11

Русское население Армении в региональном разрезе, 2001–2022 гг. (чел, %)

Центры и терри- тории	Численность (чел.)			Доля в местном населении, %			Удельный вес в рус- ской общине, %		
	2001	2011	2022	2001	2011	2022	2001	2011	2022
г. Ереван	6684	4940	8712	0,61	0,47	0,80	45,59	41,47	61,89
Арагацотнская о.	179	180	82	0,13	0,14	0,43	1,22	1,51	0,58
Арагатская о.	418	436	290	0,15	0,17	0,12	2,85	3,66	2,06
Армавирская о.	480	426	305	0,17	0,16	0,12	3,27	3,58	2,17
Вайоцдзорская о.	71	77	40	0,13	0,15	0,08	0,48	0,65	0,28
Гегаркуникская о.	430	328	125	0,18	0,14	0,06	2,93	2,75	0,89
Котайкская о.	684	590	439	0,25	0,23	0,16	4,67	4,95	3,12
Лорийская о.	3882	3152	2384	1,36	1,34	1,07	26,48	26,46	16,94
Сюникская о.	253	259	62	0,17	0,18	0,05	1,73	2,17	0,44
Тавушская о.	531	423	240	0,40	0,33	0,21	3,62	3,55	1,71
Ширакская о.	1048	1100	1397	0,37	0,44	0,59	7,15	9,24	9,92
Армения	14660	11911	14076	0,46	0,39	0,48	100	100	100

Источник: рассчитано по переписям населения Армении 2001, 2011, 2022 гг.

Масштабная миграция первого постсоветского десятилетия не только кратно сократила общий демографический потенциал русской общины, но и заметно усилила существовавший уже в советский период гендерный дисбаланс. В конце 1980-х гг. на 100 русских мужчин

в Армении приходилось 141 женщина, в 2001 г. уже 248 (табл. 4.12). В группе русских Еревана этот показатель был выше (290), как и в большинстве других городов и регионов страны. Гендерно сбалансированным (110–115 женщин на 100 мужчин) оставалось только русское население молоканских сёл Лорийской области.

Таблица 4.12
**Гендерный баланс у русского населения Армении, 1989–2011 гг.
(число женщин на 100 мужчин)**

Группы населения	1989	2001	2011
Русские Еревана	180	290	255
Остальные горожане	115	219	240
Сельские жители	130		165
Русские в целом	141	248	212

Источник: Всесоюзная перепись населения 1989 г.; переписи населения Армении 2001, 2011, 2022 гг.

Деформировалась в 1990-е гг. и возрастная структура русской общины Армении, в которой заметно выросла доля пожилых и старых людей. Средний возраст русских страны в 2001 г. составлял 45,0 лет. При этом группа горожан, существенно больше пострадавшая от миграционного оттока, старела значительно быстрей, чем русское сельское население (средний возраст соответственно 48,6 и 38,8 лет) (табл. 4.13).

Таблица 4.13
**Средний возраст русского населения Армении,
2001–2022 гг. (число лет)**

Группы населения	2001	2011	2022
Горожане	48,6	47,9	32,4
Сельские жители	38,8	38,9	43,4
Мужчины	—	28,3	29,8
Женщины		52,2	38,9
Русские в целом	45,0	44,3	33,6

Источник: рассчитано по переписям населения Армении 2001, 2011, 2022 гг.

Таким образом, к началу XXI в. в Армении остаётся незначительная и при этом наиболее адаптированная часть русских с повы-

шенней долей возрастных людей и очень большим перевесом женского населения. Эти структурные особенности общины определяют её количественную динамику в 2000-е годы.

Масштабы оттока, существенно упавшие во второй половине 1990-х гг., в «нулевые» сокращаются ещё больше. По данным Росстата общий приток русских из Армении за 2001–2007 гг. составил около 3,3 тыс. человек¹. В реальности он мог быть ещё ниже, поскольку перепись 2011 г. зафиксировала в Армении 11,91 тыс. русских, на 2,75 тыс. чел. меньше (–18,8%), чем в 2001 году (табл. 4.11). При этом, среднегодовые естественные потери, составлявшие в общине несколько промилле, суммарно за десятилетие едва ли могли превысить 500–700 человек. Таким образом, на эмиграцию в «нулевые» приходилось порядка 2–2,2 тыс. чел. демографической убыли.

Но даже сократившись до 200–220 чел. в год, миграция оставалась основным фактором сокращения численности русских (75–80 % потерь). При этом в территориальном разрезе убыль перестала быть повсеместной – в половине областей Армении русское население даже выросло количественно, хотя и весьма незначительно. Однако отрицательная демографическая динамика общины, в первую очередь, определялась двумя её эпицентрами – столичной группой и русскими Лорийской области, которые в 2000-е гг. сократились соответственно на 26,1 % и 18,8 % (рис. 4.9)

Русское население Еревана оказалось в лидерах общей убыли среди всех региональных групп. Причины этого явления требуют отдельного изучения. А максимальную демографическую устойчивость, как и в 1990-е гг., продемонстрировали сельские русские, потерявшие в «нулевые» только 8,2 % своей численности. Что ещё более увеличило их долю в структуре русской общины (за 1989–2011 гг. она выросла с 14,8 до 32,1 %). В результате уровень урбанизированности русского населения страны опустился ниже 70 % – до показателя первой половины – середины 1950-х гг.

Анализ половозрастной структуры русских Армении в 2000-е гг. обнаруживает достаточно сложную динамику. Миграционный отток, как правило, опережающим образом «вымывает» молодёжь и людей средних, трудоактивных возрастов. Отчасти так происходило и в русской общине Армении. Когорты 40–50-летних сократились на 22,7 %

¹ Росстат. ЕМИСС. Показатели. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/ru/statistics/population/migration/pоказатели; Нетто-миграция русских в Россию из стран СНГ и Балтии. URL: https://stav-geo.ru/_ld/22/2275_UHv.pdf (дата обращения: 14.08.2025).

(рис. 4.10). Но при этом группа «тинейджеров» (10–19 лет) 2001 г., перейдя к 2011 г. в следующую возрастную страту (20–29 лет), выросла на 6,3 %, что было возможно только в случае внешнего притока русской молодёжи или обрушения смешанного населения.

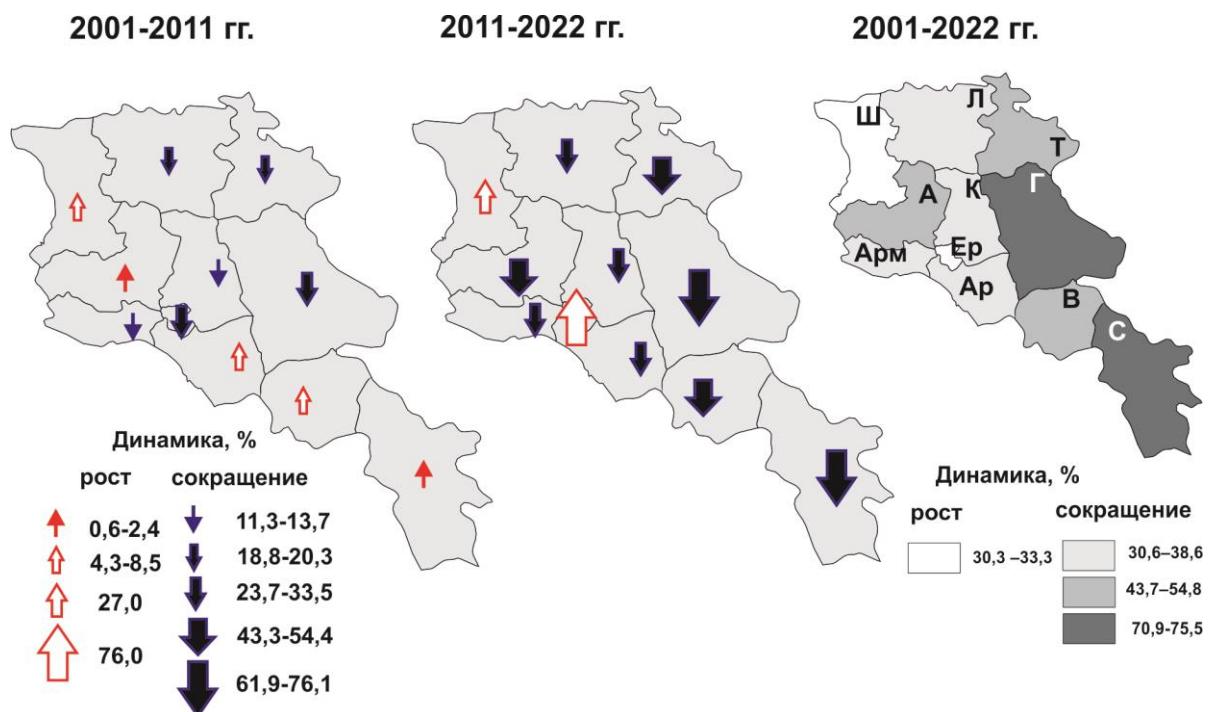

Рис. 4.9. Динамика русского населения по регионам Армении, 2001–2022 гг. (%)

Источник: Рассчитано автором по материалам переписей населения Армении 2001, 2011, 2022 гг.

Но миграционного пополнения в 2000-е гг. не было, а демографический прирост русской общины, связанный с обрушением представителей русскоязычных общин (прежде всего, украинцев) был очень незначительным и по своим масштабам в целом уступал потерям, которое русская община несла в результате выбора титульной идентичности русско-армянскими биэтнофорами.

Но в отдельных возрастных группах ситуация имела свои особенности. Причём именно при переходе детей и подростков-биэтнофоров в когорту молодёжи такая специфика могла быть особенно отчётливой. Достигнув совершеннолетия, бывшие тинейджеры во время переписи могли выбирать для себя национальную принадлежность отличную от той, что выбрали для них родители во время предыдущей переписи. Данное обстоятельство могло быть одной из

основных, если не центральной причиной количественного роста группы русской молодёжи Армении в 2000-е годы.

Несколько снизился в «нулевые» и гендерный дисбаланс, что было связано с различной скоростью убыли мужской и женской компонент общины. Если число мужчин в общине за 2001–2011 гг. сократилось на 9,4 %, то женщин – на 22,5 %, что в значительной степени объяснялось существенной возрастной разницей между полами. Средний возраст русских мужчин Армении в начале 2010-х гг. составлял 28,3 года, тогда как женщин – 52,2 года (см. табл. 4.13). Причина таких «ножниц» заключалась в специфике миграции русских в Армению в последние десятилетия советского периода – среди переселявшихся в республику преобладали женщины, вышедшие замуж за представителей титульной национальности.

Рис. 4.10. Русское население Армении разных периодов рождения по данным переписей 2001 и 2011 гг.

А. Численность русских по 10-летним группам, чел. Б. Разница в размерах 10-тилетних групп (выше нуля – перевес переписи 2011 г., ниже – переписи 2001 г.)

Источник: рассчитано по переписям населения Армении 2001, 2011, 2022 гг.

Именно это обстоятельство заставило большинство из них остаться в Армении в 1990-е гг., с одной стороны предопределив быстрый рост в общине гендерного дисбаланса, а с другой, ускорив тенденцию старения русского населения, в возрастной структуре которого на рубеже XX–XXI вв. женщины в возрасте 60+ являлись самой большой группой. Как следствие, смертность в русской общине в 2000-е гг. формировалась преимущественно возрастными женщинами, что позволило остановить процесс старения всего русского населения (в 2011 г. он составлял 44,3 года) и несколько сократить гендерный дисбаланс (см. табл. 4.12). Впрочем, в большинстве регионов

на 100 мужчин по-прежнему приходилось больше 200 женщин, а в Ереване 255¹.

Существенная половая диспропорция, конечно, негативно скаживалась на естественном воспроизведстве общины. Но в ограниченной степени, поскольку максимально присутствовала в старших возрастных группах. Если в наиболее репродуктивных когортах (20–29 и 30–39 лет) на русских 100 мужчин приходилось соответственно 112 и 140 женщин, то среди русских в возрасте 50–59 лет – 333, а среди пожилых и старых людей (60+) – 643.

Фактором, более весомо влиявшим на естественную динамику общины, являлась межнациональная брачность, прежде всего, представленная сочетанием: муж-армянин – русская жена. Самая значительная часть потомства таких семей выбирало армянскую идентичность, тем самым, увеличивая коэффициент естественной убыли русского населения (в следующем разделе этот аспект воспроизводственного процесса общины будет рассмотрен детальней).

Демографические процессы в 2010-е – начале 2020-х гг.

Тенденции, характерные для русской общины в 2000-е гг., перешли и в следующее десятилетие. Все они в той или иной степени свидетельствовали о демографическом «закате» русского этнического присутствия в Армении, были связаны с количественным сокращением большинства территориальных групп русских и общим сокращением их географии.

Установить точные масштабы этих динамических трендов непосредственно в 2010-е гг. не представляется возможным, поскольку третья постсоветская перепись Армении, намеченная на 2020 г., из-за пандемии COVID-19 была проведена осенью 2022 г., частично зафиксировав демографические сдвиги, связанные с началом СВО и появлением в стране группы релокантов.

Тем не менее материалы текущего демографического учёта позволяют отчасти компенсировать дефицит статистики, относящейся непосредственно к 2010-м гг. Согласно данным Госкомстата РА, в середине 2010-х – начале 2020-х гг. в Армении русские женщины ежегодно рожали 130–180 детей, что в перерасчёте на численность русского населения составляло 11–15 %. При этом смертность русских страны варьировала в диапазоне 170–200 чел. (14–17 %), в от-

¹ Показательно, что даже в городах Лорийской области этот показатель достигал 272, при том, что в русских сёлах этого региона на 100 мужчин приходилось 112 женщин.

дельные годы (прежде всего, в «ковидные» 2020–2021 гг.) поднимаясь до 230–250 чел. (22–24 %) (The Demographic Handbook... 2024)

Среднегодовой уровень смертности в 2010-е гг. превышал показатель репродуктивной активности русских на 2–3 %, что являлось хорошим показателем даже по меркам русского населения России. Однако с текущей репродуктивной статистикой существенно расходились данные переписи 2022 гг., согласно которым в русской общине Армении было только 1134 ребёнка до десяти лет, т.е. в 2010-е гг. в среднем за год появлялось 110–120 русских детей. Тем самым, порядка 450 детей, рождённых в этом десятилетии русскими женщинами, были записаны родителями в другие национальные группы. В действительности это число было ещё больше, поскольку некоторое количество детей, зафиксированных во время переписи как русские, появилось в межнациональных семьях с русским отцом.

Как уже отмечалось, процесс обрусения русскоязычных диаспор Армении, вследствие их небольшого размера¹, не был в состоянии компенсировать ассимиляционные потери русской общины от брачного взаимодействия с титульным национальным сообществом. С учётом этого ассимиляционного «довеска» среднегодовой коэффициент естественной убыли русских в 2010-е гг. составлял 10–11 %, что за десятилетие должно было сократить общий демографический потенциал общины на 1,2–1,3 тыс. человек.

Сохранялся и небольшой миграционный отток русских из страны. Даже если предположить, что его интенсивность сократилась в сравнении с предыдущим десятилетием в два раза (до 100–120 чел. в год), потери за десятилетие могли составить ещё 1,0–1,2 тыс., сократив размеры общины к началу 2020-х гг. до 9,5–10 тыс. (–16/20 %). Однако есть основания полагать, что реальные темпы убыли общины в 2010-е гг. были несколько выше, на что указывает ряд признаков, в т.ч. количественная динамика провинциального русского населения Армении.

Перепись 2022 г., проведённая через полгода после начала СВО, частично зафиксировала появление в стране группы релокантов. Но география этой группы в самой значительной степени ограничивалась столицей и практически не выходила за пределы городской системы Армении. Тем самым, результаты переписи по русским сельским жителям фактически фиксировали количественную и пространственную

¹ Украинская (крупнейшая из них) в 2001 г. составляла 1,63 тыс. чел., а в 2010 гг. – 1,18 тыс.

динамику в 2010-е гг. старожильческого населения. Напомним, что в первые два постсоветских десятилетия русские поселяне были наиболее демографически устойчивой группой общины, потерявшей в «нулевые» только 8,2 % своей численности. В последнее десятилетие ситуация изменилась – за 2011–2022 гг. группа сельских русских страны сократилась на 26,4 %. Больше 19 % численности потеряла и группа русских региональных горожан. По отдельным регионам Армении убыль русского населения за 2011–2022 гг. колебалась в диапазоне 28–76 % (за исключением Ширакской области), а общая численность «провинциальных» русских (сельских и горожан) сократилась на 23,2 %.

Если предположить, что до февраля-марта 2022 г. аналогичной была и количественная динамика русского населения Еревана (что весьма вероятно), то к началу 2020-х гг. размеры столичной группы должны были сократиться до 3,8–4,1 тыс., а демографический потенциал всей русской общины страны не превышал 9,2–9,5 тыс. чел.

Но последняя перепись зафиксировала масштабный рост столичной группы, выросшей за 2011–2022 гг. на 76,4 % (с 4,94 до 8,71 тыс. чел.). О том, что данный рост был связан с масштабным притоком в страну релокантов (весна-осень 2022 г.), свидетельствует динамика половозрастной структуры всей русской общины. Прежде всего, отметим серьёзный сдвиг в соотношении полов. Практически исчез значительный перевес женщин, существовавший на протяжении не только постсоветского, но и советского времени. При этом оптимизация гендерного баланса произошла исключительно за счёт молодёжи (20–29 лет) и генераций среднего возраста (30–39, 40–49 лет). Если среди старших возрастов (60+) в общине на 100 мужчин приходилось 540 женщин, то в когортах 20–29 и 30–39-летних соотношение уже было обратным – на 100 женщин приходилось соответственно 135 и 140 мужчин.

По данным переписи 2022 г. число русских 1983–1992 и 1993–2002 гг. рождения выросло в Армении в сравнении с 2011 г. на 241 и 81 % (рис. 3.11). Ещё значительнее оказался этот рост у мужского населения – 2,24 и 3,74 раза. Но определённый количественный рост наблюдался и у русских женщин этих возрастных групп (табл. 4.14–4.15). Причём у обоих полов он фиксировался исключительно в столичной группе. Среди русских поселян число родившихся в 1993–2002 и 1983–1992 гг. сократилось за межпереписной период на 40,3 и 46 %.

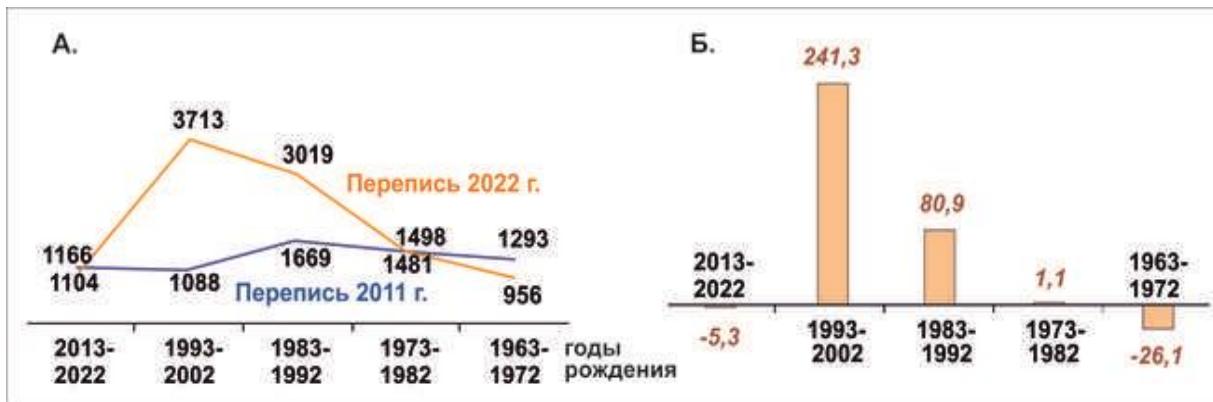

Рис. 4.11. Русское население Армении разных периодов рождения по данным переписей 2011 и 2022 гг.

А. Численность русских по 10-летним группам, чел.
 Б. Разница в размерах 10-тилетних групп (выше нуля – перевес переписи 2022 г., ниже – переписи 2011 г.)

Источник: рассчитано по переписям населения Армении 2011, 2022 гг.

Таблица 4.14

Численность русского населения Армении различного периода рождения по данным переписей 2011 и 2022 гг. (чел.)

Годы рожде- ния	город		село		мужчины		женщины	
	2011	2022	2011	2022	2011	2022	2011	2022
1963–1972	765	563	528	393	365	330	934	626
1973–1982	1025	1159	456	339	614	708	867	790
1983–1992	1095	2709	574	310	788	1762	881	1257
1993–2002	611	3428	477	285	569	2129	519	1584
2003–2012	716	702	450	402	609	590	551	514

Источник: рассчитано по переписям населения Армении 2011, 2022 гг.

Масштабный приток в страну людей молодого и среднего возраста существенно снизил средний возраст всего русского населения Армении. В 2022 г. он составлял 33,6 года – почти на 10 лет меньше, чем в 2011 году. Причём, средний возраст русских горожан (за счёт столичной группы) был ещё ниже – 32,4 года, против 47,9 лет в начале 2010-х гг. Произошла возрастная инверсия городской и сельской компонент общины. Если до начала 2020-х гг. русские горожане были в среднем значительно старше поселян (в 2011 г. соответственно 47,9 и 38,9 лет), то с 2022 г. соотношение среднего возраста стало обратным (32,4 и 43,4 года) (см. табл. 4.14).

Таблица 4.15

Динамика численности русских Армении различных периодов рождения за 2011–2022 гг. (%)

Годы рожде- ния	Вся община	Город	Село	Мужчины	Женщины
1963–1972	–26,1	–26,4	–25,6	–9,6	–33,0
1973–1982	1,1	13,1	–25,7	15,3	–8,9
1983–1992	80,9	147,4	–46,0	123,6	42,7
1993–2002	241,3	461,0	–40,3	274,2	205,2
2013–2022	–5,3	–2,0	–10,7	–3,1	–6,7

Источник: рассчитано по переписям населения Армении 2011, 2022 гг.

Концентрация релокантов в столице Армении не только самым существенным образом трансформировала половозрастную структуру русского населения Еревана, но и резко нарастила удельный вес столичной группы в общем демографическом потенциале общины – в 2022 г. он составил 61,9 % против 41,5 % в 2011 г. (притом, что переписью учтена была незначительная часть российских эмигрантов последней волны). Параллельно заметно (с 26,5 до 16,9 %) сократилась доля второго эпицентра – русских Лорийской области. Фактически, система расселения русских страны приобрела моноцентрический характер.

Итак, 2010-е гг. продолжили тренды двух предыдущих постсоветских десятилетий, связанные с поступательным демографическим «отступлением» русской общины – устойчивым и достаточно быстрым сокращением её размеров, почти повсеместным характером депопуляции и сжатием общей географии расселения русских, повышением их среднего возраста и отчётливым гендерным дисбалансом. Причём в 2010-е гг. эти негативные демографические тенденции заметно усилились – в пяти из 10 областей Армении численность русских сократилась на 43–76 %, ещё в 4 – на 24–34 %, тогда как в «нулевые» в четырёх регионах убыль составила 11–24 %, а в четырёх фиксировался рост русского населения на 4,3–8,5 % (см. рис. 4.9). Даже в двух старожильческих русских сёлах Лорийской области – наиболее укоренённых сельских средоточиях русской общины, потери составили около 20 %, иллюстрируя общее ускорение процесса ее депопуляции.

Геодемографическая динамика последних лет (2022–2025 гг.). Реализация этого «финального» демографического сценария

была остановлена масштабным притоком в Армению в 2022 г. российских (т.е. прежде всего русских по этнической принадлежности) релокантов. Даже частичный учёт представителей этой миграционной волны во время переписи 2022 г. существенным образом изменил количественные показатели и социодемографические характеристики русского населения Армении, его географию и половозрастную структуру.

Точные размеры группы релокантов неизвестны, что связано не только с неполным характером статистики миграционной службы Армении, но и с высокой мобильностью представителей этой миграционной волны и форс-мажорными обстоятельствами её генезиса весной-осенью 2022 г., с двумя выраженным пиками. Первый (март-апрель) формировался преимущественно людьми среднего возраста, настроенными оппозиционно по отношению к курсу действующей российской власти, имел высокую долю жителей двух российских столиц, был сбалансированным в гендерном разрезе. Миграционная волна осени 2022 г. в значительной степени состояла из «уклонистов» и поэтому имела отчётливый мужской перевес, отличалась более широкой географией исхода, была несколько моложе первой по возрастным показателям. В этом же году, уходя от санкций, перемещают в Армению свою производственную деятельность и рабочие коллективы некоторые российские ИТ-кампании и другие высокотехнологичные фирмы.

По данным министра экономики Армении В. Керобяна, нетто-приток россиян в страну за 2022 г. составил 108–110 тыс. чел.¹ Не исключено, что «в моменте» группа релокантов действительно превышала отметку в 100 тысяч. Но большинство экспертов оценивают её размеры скромнее (60–80 тыс. человек)². Тем более, что для значительной части российских мигрантов 2022 г. Армения являлась страной «первого выбора» – экстремальной площадкой для выезда за пределы Российской Федерации. Уже к середине 2023 г. заметная часть избегавших мобилизации вернулась в Россию, а часть мигрантов, относившаяся к политической оппозиции, переместилась в третьи страны.

¹ В Армению из России в 2022 году переехало более 100 тысяч человек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5875735>.

² Микаелян Г. Миграция в Армении в 2022–2024 гг. Сколько в Армении российских релокантов? // Кавказский узел. URL: <https://svobodu.online/blogs/83781/posts/63017; Zavadskaya 2023>

С весны-лета 2023 г. сальдо миграционного взаимообмена между Арменией и Россией возвращается к нулевой отметке, не считая динамики посещений, связанной с сезонной пульсацией российского турпотока. Это означает, что группа релокантов начала количественно стабилизироваться. По расчетам экспертов, 50–60 тыс. мигрантов последней волны остались в Армении и в 2023–2024 гг.¹ Их 2–3-летний период пребывания в стране позволяет говорить о начале формирования новой более или менее устойчивой группы. Исходя из удельного веса русских в структуре всего населения России, можно предположить, что в составе релокантов их, минимум – 75–80%, т.е. порядка 40–45 тыс. человек.

Дальнейшие перспективы этой группы зависят от результирующей большого числа переменных (продолжительность и итоги СВО, динамика социально-политической и экономической ситуации в России, интенсивность её геостратегического противостояния с Западом, ситуация в Армении и т.п.). Высокая степень неопределенности оставляет возможность для реализации широкого спектра сценариев демографической динамики, не позволяя определить наиболее вероятные размеры данной группы не только в перспективе 10–15 лет, но даже в ближайшие годы.

Но очевидно, что по мере продления сроков пребывания в Армении часть релокантов в ней постепенно укоренялась. Согласно одному из наиболее детальных и масштабных по размерам выборки опросов российской эмиграции 2022–2024 гг., проведённому специалистами РАНХиГС, более 41 % российских релокантов, осевших в Армении (порядка 16–18 тыс. русских), весной 2024 г. собирались оставаться в данной стране ещё, как минимум, год². В течение 2022–2024 гг. несколько тыс. россиян, не имевших армянских этнических корней, стали гражданами Армении, сопоставимое число получило постоянный или временный вид на жительство³. Несмотря на фактическую моноэтничность Армении и

¹ Микаелян Г. Миграция в Армении...

² Флоринская Ю.Ф.; Мкртчан Н.В. География новой российской эмиграции (по материалам опроса россиян, уехавших из России в 2022 - 2023 гг. // Демоскоп-Weekly, №1061-1062. 4 февраля - 17 февраля 2025. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/2025/01061/scientific_digest01.php (дата обращения: 14.08.2025).

³ Гражданство Армении в прошлом году получили почти более 16 тысяч россиян. URL: <https://diasporaru.com/news/grazhdanstvo-armenii-v-proshlom-godu->

обусловленную этим повышенную этническую социокультурную пространства, высокий уровень русскоязычия армянского общества обеспечивал для релокантов достаточно комфортную среду социальной жизнедеятельности. Причём российские эмигранты также активно формировали под свои насущные потребности социальную инфраструктуру. Так уже в течение 2022 г. в Ереване открылось несколько частных русских школ, с обучением по российским программам (Евстратов 2022).

На постепенную социально-экономическую интеграцию указывает и тот факт, что почти 40 % работающих в Армении релокантов уже в 2024 г. имели местного, а не российского, работодателя. Причём именно в Армении оказалась минимальной (менее 2 %) доля опрошенных эмигрантов, указавших, что со временем точно вернутся в Россию¹.

Детальной статистики по социопрофессиональной структуре релокантов, осевших в Армении, нет, но даже фрагментарная информация свидетельствует о высоком уровне образования и общей повышенной социальной «статусности» представителей миграционной волны 2022 года. Как отмечалось, Армения стала одним из эпицентров оттока высокотехнологичного бизнеса из России, нередко перемещавшего за её пределы и свои производственные коллективы (достаточно указать на «Яндекс», открывший в Ереване филиал с несколькими сотнями сотрудников)². Миграционная циркуляция последующих лет не могла кардинально изменить этих базовых профессиональных характеристик группы релокантов, как и её предельной «урбанизированности», максимальной концентрации в столичном центре.

Присутствие русских в Армении в настоящее время связано и с масштабным турпотоком из России, размеры которого с 2021 г., после снятия ковидных ограничений, составляют 0,9–1,1 млн человек

poluchili-pochti-bolee-16-tysyach-rossiyan/; Более 5700 граждан РФ получили ВНЖ в Армении в 2024 году. URL: <https://russiancommunity.am/law/275-arrmct7> (дата обращения: 28.07.2025).

¹ Флоринская Ю.Ф.; Мкртчан Н.В. Указ соч.

² Батыров Т. «Яндекс» зарегистрировал компанию в Ереване для развития сервисов за рубежом // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/biznes/482899-andeks-zaregistriral-kompaniu-v-erevane-dla-razvitiia-servisov-za-rubezom> (дата обращения: 14.08.2025).

в год¹. Заметная часть этого множества формируется представителями большой армянской общины России. Но в сотнях тысяч измеряется и число россиян-туристов других национальностей, прежде всего русских. С учётом существующей сезонности потока отдыхающих и его ориентации на столицу, в летний период в Ереване в 2022–2024 гг. могло одновременно находиться до 10–15 тыс. русских туристов, которые в последние годы заметно увеличивают масштабы русского этнокультурного присутствия в столице страны.

Итак, центральную роль в динамике русской общины Армении (соответственно и её демографических потерях) в 1990–2010-е гг. играла миграция, притом что удельный вес её в общей убыли постепенно сокращался – с 98–98,5 % в 1990-е гг. до 77–82 % в 2000-е и 50–55 % в 2010-е гг. Параллельно в структуре убыли возрастила доля естественных потерь и ассимиляции, в первую очередь связанной с высоким уровнем межнациональной брачности русских женщин, в т.ч. с представителями титульной национальности.

Демографическая убыль сопровождалась деформацией половозрастной структуры – повышением среднего возраста русских и значительным перевесом женского населения (на 100 мужчин в 2000–2010-е гг. в общине приходилось 210–250 женщин). Депопуляционный тренд в динамике русской общины был остановлен появлением в Армении обширной группы релокантов, увеличившей численность наличного русского населения страны в 2023–2024 гг. до 45–50 тыс. человек.

Именно релоканты в настоящее время определяют основные количественные, расселенческие, социодемографические характеристики наличного русского населения Армении. Даже фрагментарный учёт эмигрантов последней волны в результатах переписи 2022 г. (было учтено порядка 6 тыс. человек) позволил столичной группе русского населения практически полностью устраниТЬ существовавший 2,5-кратный перевес женщин и примерно на 20 лет снизить средний возраст своих представителей (с 52–53 до 32–33 лет). А сверхконцентрация релокантов в Ереване сделала его единственным эпицентром русских в стране – в 2023–2025 гг. на столицу приходилось уже порядка 90 % наличного русского

¹ Федеральная служба государственной статистики РФ. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistics/turizm> (дата обращения: 18.03.2025).

населения Армении (в 1990–2010-е гг. этот показатель составлял 40–45 %).

Существенно, однако, что релоканты практически не взаимодействуют с русским старожильческим населением Еревана, кардинально отличаясь от него не только по своей половозрастной и социопрофессиональной структуре, но и по образу жизни, уровню доходов, ценностным ориентирам и потребительским стандартам. При столь значительных расхождениях новоприбывшие не пополняли русскую старожильческую общину, отодвигая её демографический закат, а фактически шли ей на смену, постепенно формируя ядро новой устойчивой группы русского населения Армении.

Демографические перспективы русских. Как отмечалось, размеры старожильческой группы русских Еревана в начале 2020-х гг. составляли порядка 3,8–4,1 тыс. человек. Учитывая существующие темпы депопуляции (2–3 % в год), за текущее десятилетие эта группа может сократиться до 2,7–3,3 тыс. чел. Если 10–15 % русских релокантов, находившихся в Армении в 2024 г., в долгосрочной перспективе останутся в стране, сделав её местом своего постоянного местожительства (или основного пребывания), их численность к 2030 г. может составлять 4–6 тыс., что в 1,5–2 раза больше старожильческой группы Еревана и сопоставимо с размером всей обчины страны (т.е. увеличит её демографический потенциал в два раза).

Даже с учётом общей неопределённости дальнейших демографических перспектив релокантов, такой сценарий представляется вполне вероятным. Тем более, что часть новых мигрантов, как было сказано, достаточно успешно интегрируется в социально-экономическую жизнь Армении.

Заметим также, что половозрастная структура «новых русских» Армении имела типичные черты этнических групп на стадии становления, для которых характерны значительная доля молодых одиноких мужчин, т.е. отчётливый гендерный дисбаланс и пониженный медианный возраст. В дальнейшем, при любом сценарии демографической динамики релокантов, этот дисбаланс будет сокращаться, поскольку появление на новом месте проживания семьи является одним из составных элементов процесса укоренения мигрантов (Левин 2001). Переезда в Армению родственников

некоторых релокантов фиксировался уже в 2023–2024 гг.¹ Очевидно также, что поиск брачных партнёров для создания новых семей будет осуществляться мигрантами преимущественно за пределами Армении (прежде всего, в России), учитывая существенные социодемографические различия между новым и старожильческим русским населением страны, а также общую пониженную расположенность армянских «невест» к бракам с представителями других национальностей.

Таким образом, дальнейшая динамика группы релокантов с большой вероятностью будет представлять два взаимоувязанных тренда – значительное количественное сжатие и комплексное укоренение, оставшихся в Армении. К 2030 г. группа «новых русских» может сократиться многократно (если не на порядок) в сравнении с 2022–2023 гг., но всё равно будет заключать, как минимум, несколько тысяч человек.

Эта группа будет достаточно плотно социально и экономически интегрирована в армянское общество. Территориально она, как и в настоящее время, будет почти полностью сосредоточена в пределах Еревана, с минимальным включением ряда других городов, прежде всего Гюмри, второго по величине центра страны. По мере укоренения в Армении существующий среди релокантов ощутимый мужской перевес будет сдвигаться к гендерному балансу. Начнёт «растягиваться» и их возрастная структура, в настоящее время в значительной степени ограниченная людьми 25–40 лет. Но сниженный медианный возраст представителей этой группы ещё несколько десятилетий будет определять её высокую репродуктивную активность и минимальный уровень смертности, позволяя поддерживать устойчивый естественный прирост.

Однако даже реализация такого оптимистического сценария демографической динамики столичной группы не сможет остановить устойчивой депопуляции небольших региональных групп старожильческого русского населения, заключающих в настоящее время от нескольких десятков до 150–300 чел. В ближайшие 15–20 лет они существенно сократятся в размерах и к середине XXI века помимо Еревана в качестве сколько-нибудь заметных средоточий

¹ Более 5700 граждан РФ получили ВНЖ в Армении в 2024 году. URL: <https://russiancommunity.am/law/275-arrmct7> (дата обращения: 11.08.2025).

русских в Армении могут сохраниться только старожильческие села Лорийской области и Гюмри (в случае сохранения дислокации в этом центре контингента 102-й российской военной базы).

4.3. Грузия

Вплоть до середины XIX в. масштабы присутствия русских в пределах Грузии оставались минимальными. Заметно ускоряется приток русского населения в пореформенные десятилетия. В 1897 г. его численность уже превышает 100 тыс. человек (Кабузан 1996). Новое ускорение этот процесс получает в советский период. Своего количественного максимума русское население Грузинской ССР достигает в конце 1950-х гг. (408 тыс. чел. в 1959 г.) (табл. 4.16).

Таблица 4.16
**Геодемографические характеристики и гендерный баланс
у русских Грузинской ССР, 1939–1989 гг.**

годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских (%)			Число мужчин на 100 женщин		
	всего	го- род	се- ло		всего	го- род	се- ло	об- щий	го- род	се- ло
1939	308,7	196,0	112,7	63,5	8,7	18,4	4,6	92	79	121
1959	407,9	322,6	85,3	79,1	10,1	18,8	3,7	65	62	76
1970	396,7	328,4	68,3	82,8	8,5	14,7	2,8	70	69	74
1979	371,6	315,5	56,1	84,9	7,4	12,4	2,3	66	66	65
1989	341,2	294,4	46,7	86,3	6,3	9,8	1,9	69	69	67

Источник: рассчитано по Демоскоп Weekly. URL:
http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rer_nac_39-89_gs.php

Уже в 1960-е гг. русская община сокращается на 11 тыс. чел., хотя в результате естественной динамики должна была вырасти примерно на 55–60 тыс. чел. Иными словами, за межпереписной период (1959–1970 гг.) миграционный отток русских мог составить 65–70 тыс. чел. В 1970-е гг. демографическая убыль выросла до 25 тыс. чел., что указывает на чистый отток в размере 50–55 тыс. чел. На этом же уровне (53–57 тыс.) сохранилась миграция русских из республики и в последнее советское десятилетие. К 1989 г. русское население Грузинской ССР сокращается до 341 тыс. чел. (без учёта Абха-

зии и Южной Осетии – до 264 тыс.). Как и в двух других союзных республиках Южного Кавказа, это было высокоурбанизированное население, с повышенной долей столичных жителей. Почти половина русских Грузии проживала в Тбилиси и других крупных городах республики (рис. 4.12).

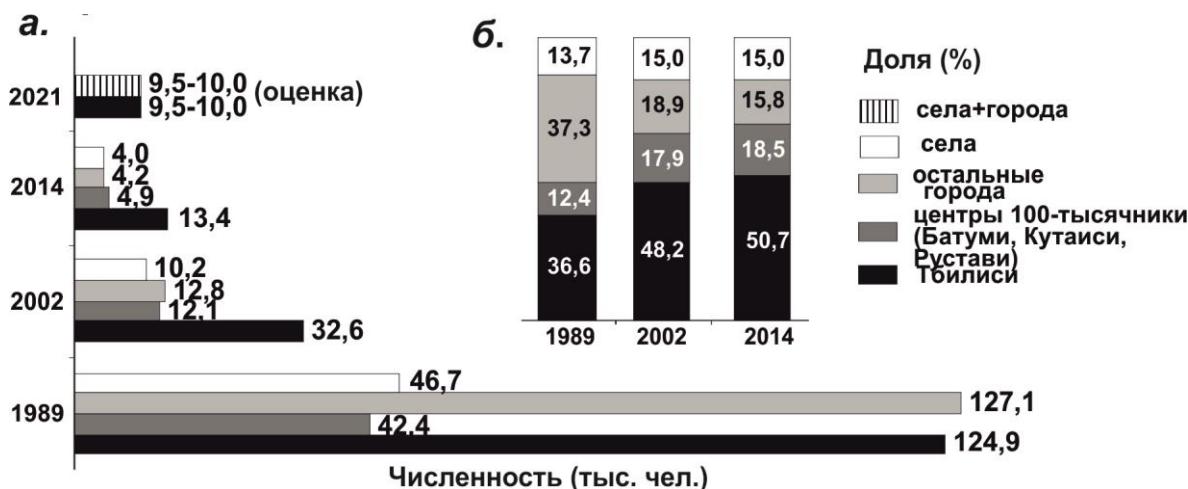

Рис. 4.12. Динамика русских по уровням системы расселения Грузии, 1989–2021 гг.; *а* – численность (тыс. чел.); *б* – доля в структуре русской общины (%).

Источник: рассчитано по National Statistics Office... URL: <https://www.geostat.ge/en>; Population statistics of Eastern... URL: <http://popstat.mashke.org>

Геодемографическая динамика русского населения.

Максимальных масштабов потери русской общины постсоветской Грузии достигают в 1990-е гг., когда резкое обострение взаимоотношений между республиканским центром и двумя автономиями (Абхазия и Южная Осетия) переросло в вооружённое противостояние. За 1989–2002 гг. численность русских Грузии (без Абхазии и Южной Осетии) сократилась почти в 4 раза – с 264 до 67,6 тыс. чел. По темпам сокращения русской общины Грузия в данный период на постсоветском пространстве уступала только Таджикистану.

В территориальном разрезе масштабная убыль русского населения страны была повсеместной. Но все же определенным образом различалась по отдельным регионам страны и уровням системы расселения (рис. 4.12). Максимальные демографические потери демонстрировали территориальные группы русских, относившиеся к глубокой социально-экономической периферии Грузии. А по формам расселения, представлявшие небольшие (малые) города и сельскую

местность. Если группа тбилисских русских за 1989–2002 гг. сократилась в 2,6 раз, то русское население городов 100-тысячников (Кутаиси, Рустави, Батуми) – в 3,5 раз; малых городов и сельской местности – соответственно в 9,9 и 4,7 раза (см. рис. 4.13).

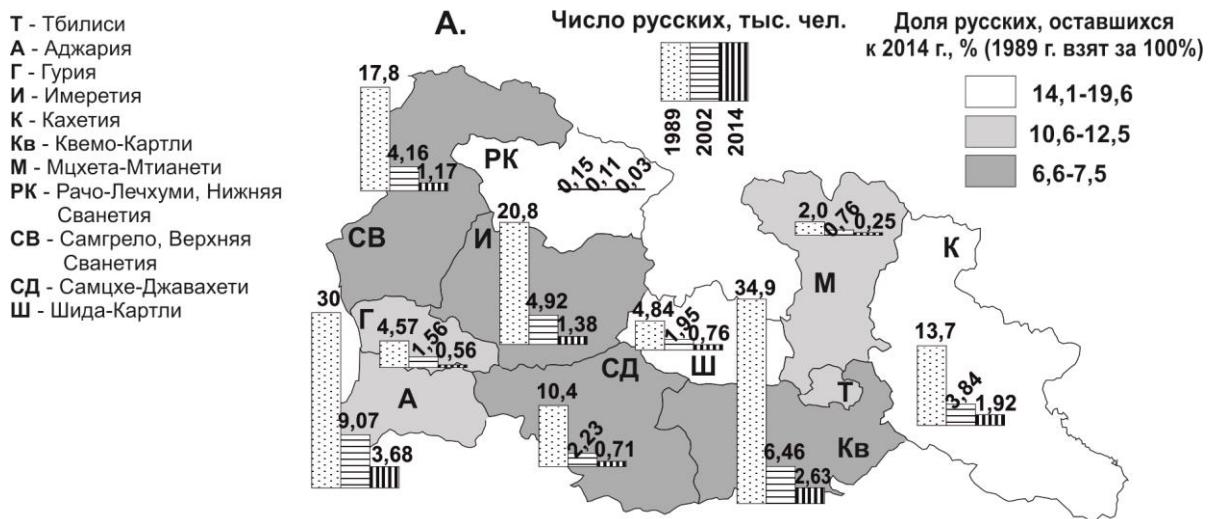

Рис. 4.13. Территориальная динамика русского населения Грузии, 1989–2014 гг.: численность русских в 1989, 2002, 2014 гг. (тыс. чел.); доля русских, оставшихся к 2014 г., % (1989 г. взят за 100%).

Источник: рассчитано по National Statistics Office... URL: <https://www.geostat.ge/en>; Population statistics of Eastern... URL: <http://pop-stat.mashke.org>

Очевидно, что масштабы дерусификации системы расселения Грузии в первое постсоветское десятилетие при наличии небольшого числа исключений прямо коррелировали с размерами поселений. Но значимую роль в этом процессе играл и ряд других факторов, в т.ч. расстояние до столичной агломерации и морского побережья, специализация местной экономики. К примеру, число русских индустриального Рустави, плотно интегрированного в советскую промышленность, в 1990-е гг. сократилось в 6 раз, а приморского Батуми, ориентированного на рекреацию и сервис, в 3,3 раза.

Быстрое сокращение русского населения страны продолжилось во второй половине 2000-х гг. Существенную роль в этом процессе играли сложные взаимоотношения двух государств, военная помощь России бывшим автономиям Грузии во время вооружённого конфликта августа 2008 г. и последовавшее признание Российской Федерации государственности Абхазии и Южной Осетии.

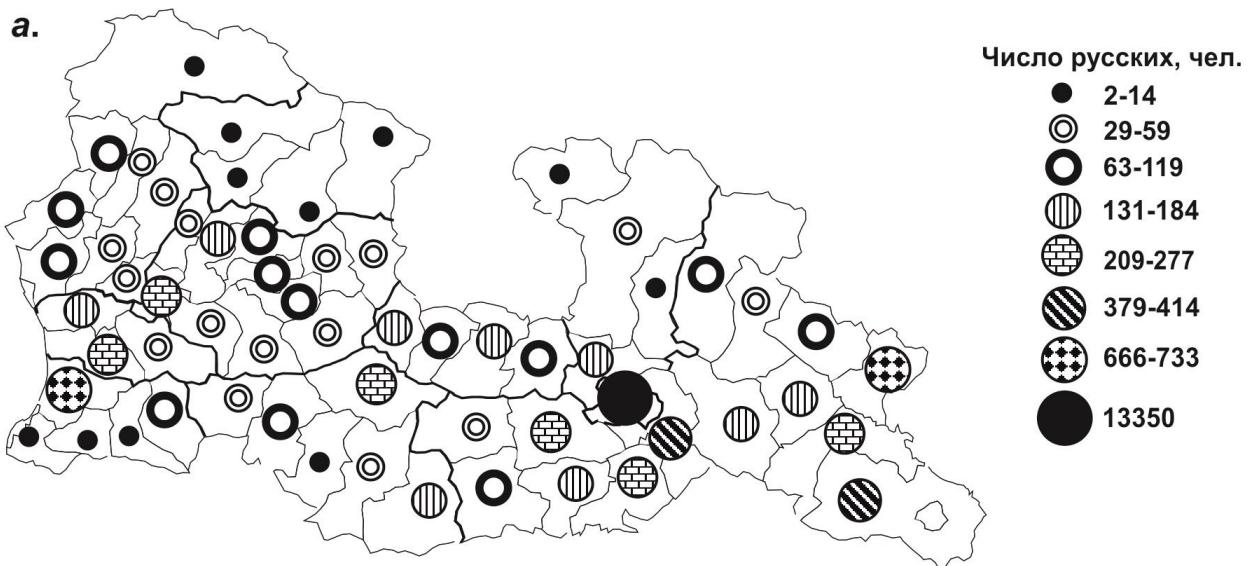
Данные события вновь увеличили темпы оттока русских из Грузии и активизировали смену идентичности смешанного населения

(биэтнофоров), ранее самоопределявшихся как русские. Перепись населения Грузии 2014 г. зафиксировала в стране 26,45 тыс. русских (убыль за 2002–2014 гг. в 2,5 раза). И хотя абсолютные масштабы потерянно существенно снизились, темпы демографического сжатия русской общины оставались очень высокими (максимальными в пределах ближнего зарубежья). В 36 из 60 муниципалитетов страны число русских в 2014 г. было уже менее 100 человек и только в трёх составляла более 300; только в пяти доля русских в составе населения превышала 1 % (рис. 4.14).

По уровням системы расселения темпы убыли русского населения существенно сблизились – столичная группа убывала практически с той же скоростью, что и русские крупных центров, и сельской местности (соответственно 2,43; 2,47 и 2,55 раз). Позицию «антилидера», как и в 1990-е гг. сохранило русское население небольших/малых городов (убыль в 3,1 раза) (рассчитано по National Statistics Office). Незначительно различалась по темпам депопуляции русские и в разрезе крупных регионов страны (диапазон 2,0–3,75 раз). Но с понижением таксономического уровня вариативность этого показателя заметно возрастила. Уже в разрезе муниципалитетов она становилась 6,7-кратной (1,64–11,0 раз) (рис. 4.15а).

В целом за четверть века (1989–2014 гг.) размеры русской общины страны сократились на порядок. При этом, она практически не изменила уровень своей урбанизированности (доля горожан сократилась с 86,3 до 85 %), но заметно трансформировалась по уровням системы расселения. В середине 2010-х гг. уже более половины русских страны было сосредоточено в Тбилиси (в 1989 г. – 36,6 %). В 1,5 раза (с 12,4 до 18,5 %) выросла доля других крупных центров и в 2,5 раза сократился удельный вес небольших/малых городов (см. рис. 4.12).

Более 71 % поселений (2484 из 3478) в середине 2010-х гг. не имели русского населения. Ещё в 741 (21,3 %) проживало только по 1–3 русских (National Statistics Office...). То есть, подавляющая часть поселенческой сети страны (92,7 % пунктов) была дерусифицирована полностью или практически полностью. Прежде всего, речь шла о сельской местности. Из 83 городов Грузии не имели русского населения только два центра. Ещё в 51 их число не превышало 50 чел., и только в пяти было больше 300 (в т.ч. в Тбилиси, Батуми, Рустави больше тысячи).

Тб - Тбилиси
Аджария
 К - Кедский
 Кб - Kobuleti
 Ш - Shuahovskiy
 Х - Xelvachaurskiy
 Хл - Khuloyskiy
Гурия
 Л - Lanjchutskiy
 О - Ozurgetskiy
 Ч - Choxataurskiy

Имеретия
 Б - Bagdati
 В - Vanskiy
 З - Zestafonkiy
 Т - Terjoli
 С - Samtredski
 Сч - Sачхерский
 Тк - Tkibuli
 Хр - Xaraagaulskiy
 Чи - Chiaturskiy
 Хн - Honijskiy
 Ц - Chaltbuki

Кахетия
 А - Achmetski
 Г - Gurjaanski
 Д - Dedoplisckaroi
 Kv - Kvareli
 Lg - Lagodekhi
 Ca - Sagaredjok
 Cg - Signakh
 Tl - Telav
Мцхета-Мтианети
 Dsh - Dushet
 Kz - Kazbeg
 M - Mcxet
 Ti - Tianet

Рача-Лечхуми, Ниж.Сванетия
 Am - Ambrolaur
 Ln - Lentekhi
 On - Onksi
 Cg - Tsager
Самегрело-Верх.Сванетия
 Ab - Abash
 Zg - Zugdidi
 Ma - Martvili
 Mc - Mestia
 Sn - Senaki
 Xb - Hob
 Cl - Chalendjik
 Ch - Choroqtsk

Самцхе-Джавахети
 Ad - Adigen
 Ac - Aspindz
 Ax - Ahalakalak
 Ac - Achalchits
 Br - Borjomi
 N - Ninozmin
Квемо-Картли
 Bl - Bolnisi
 Gr - Gurdabani
 Dm - Dmanisi
 Mp - Marneula
 Tr - Tetri
 Cl - Zalts
Шида-Картли
 Go - Goris
 Dj - Djav
 Ka - Karpel
 Ks - Kaspi
 Xsh - Hashuri

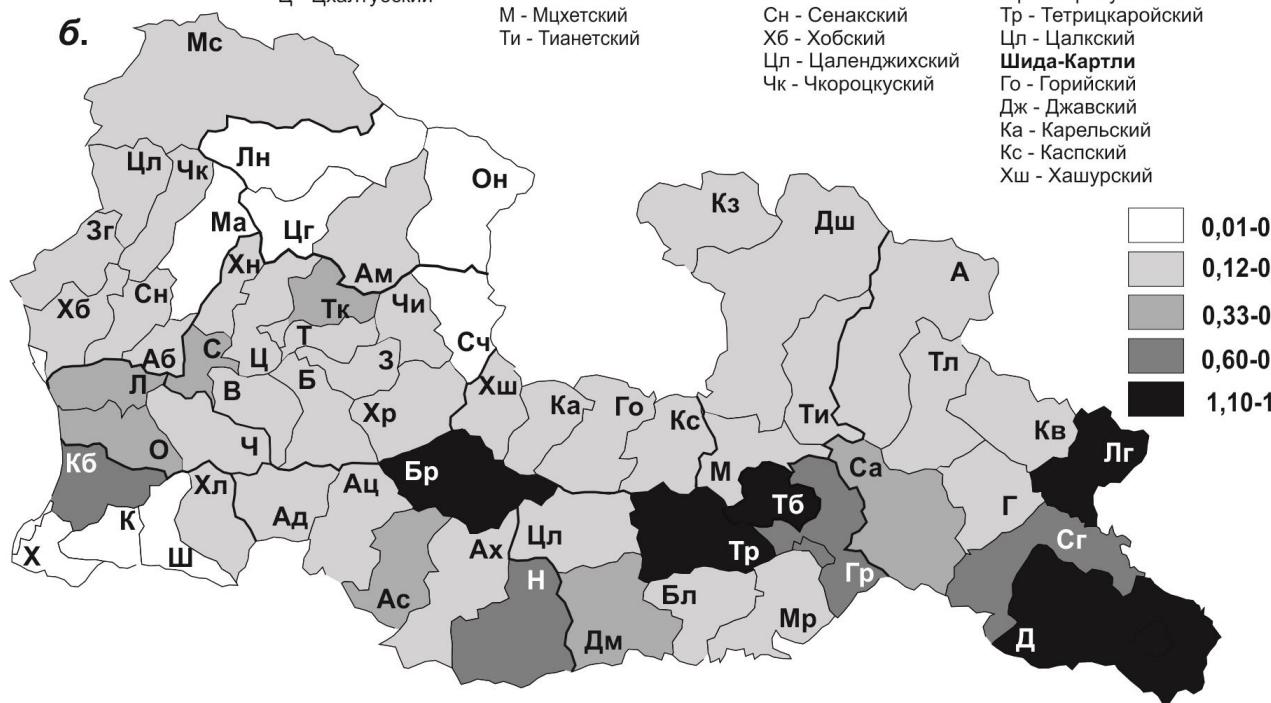

Рис. 4.14. Русские Грузии по муниципалитетам страны, 2014 г.: а – численность (чел.); б – доля в структуре местного населения (%).

Источник: рассчитано по National Statistics Office... Population statistics of Eastern...

Максимально дерусифицирована была поселенческая сеть северных высокогорных регионов Грузии (Мцхета-Мтианете, Рачо-Лечхуме и Нижняя Сванетия), в которых локальные группы русских (1–5 чел.) имелись только в 9–10,7 % населённых пунктов, более 5 русских проживало в двух из 587 поселений этих регионов. В большинстве других провинций Грузии русское население присутствовало в $\frac{1}{4}$ – $\frac{1}{3}$ населённых пунктов, в Кахетии и Гурии – почти в половине. Но если брать в расчёт только группы русских более 5 чел. – они имелись лишь в 16,3 и 9,8 % поселений Кахетии и Гурии. В других регионах этот показатель составлял 3–7 % (рис. 4.15б).

Вторая половина 2010-х – начало 2020-х гг. В ноябре – декабре 2024 г. в Грузии состоялась третья постсоветская перепись населения. Но на обработку её результатов может уйти порядка 1,5–2 лет. До этого времени при анализе современного состояния русской общины и её количественной динамики в последнее десятилетие приходится полагаться на экспертные оценки, исходящие из геодемографических трендов, сложившихся в 2000-е – первой половине 2010-х гг. Заметим, что есть основания доверять таким расчётом, поскольку сдвиги основных количественных, социодемографических и расселенческих характеристик русской общины Грузии за четверть века фактически носили векторный характер. И с большой вероятностью сохранились в последнее десятилетие. Иными словами, русское старожильческое население Грузии во второй половине 2010-х – первой половине 2020-х гг. продолжало достаточно быстро сокращаться и сужать географию своего расселения. И данные процессы были характерны для всех территориальных групп страны.

Прежде всего, депопуляция была связана с нарастающей естественной убылью, обусловленной серьёзной деформацией половозрастной структуры, диспропорции которой были более существенными, чем у русских двух других государств Южного Кавказа. В середине 2010-х гг. доля людей старше 60 лет среди русских Грузии составляла 30,8 % (Bruijn 2017, с. 23), с учётом когорты 60–64-летних эта группа вырастала до 39–40% (на 10% и 19% больше, чем в Армении и Азербайджане в данное время). При этом, доля молодёжи (15–29 лет) была меньше почти в три раза (13–14 %) (Eelens 2017, с. 17). Не менее значим был и динамический аспект. Из всех крупных и средних этнических групп Грузии именно русские в 2002–2014 гг. отличались самыми быстрыми темпами старения (Bruijn 2017, с. 23). Их средний возраст в середине 2010-х гг. составлял 52–53 года, а ген-

дерный дисбаланс был сопоставим с показателем русской общины Армении.

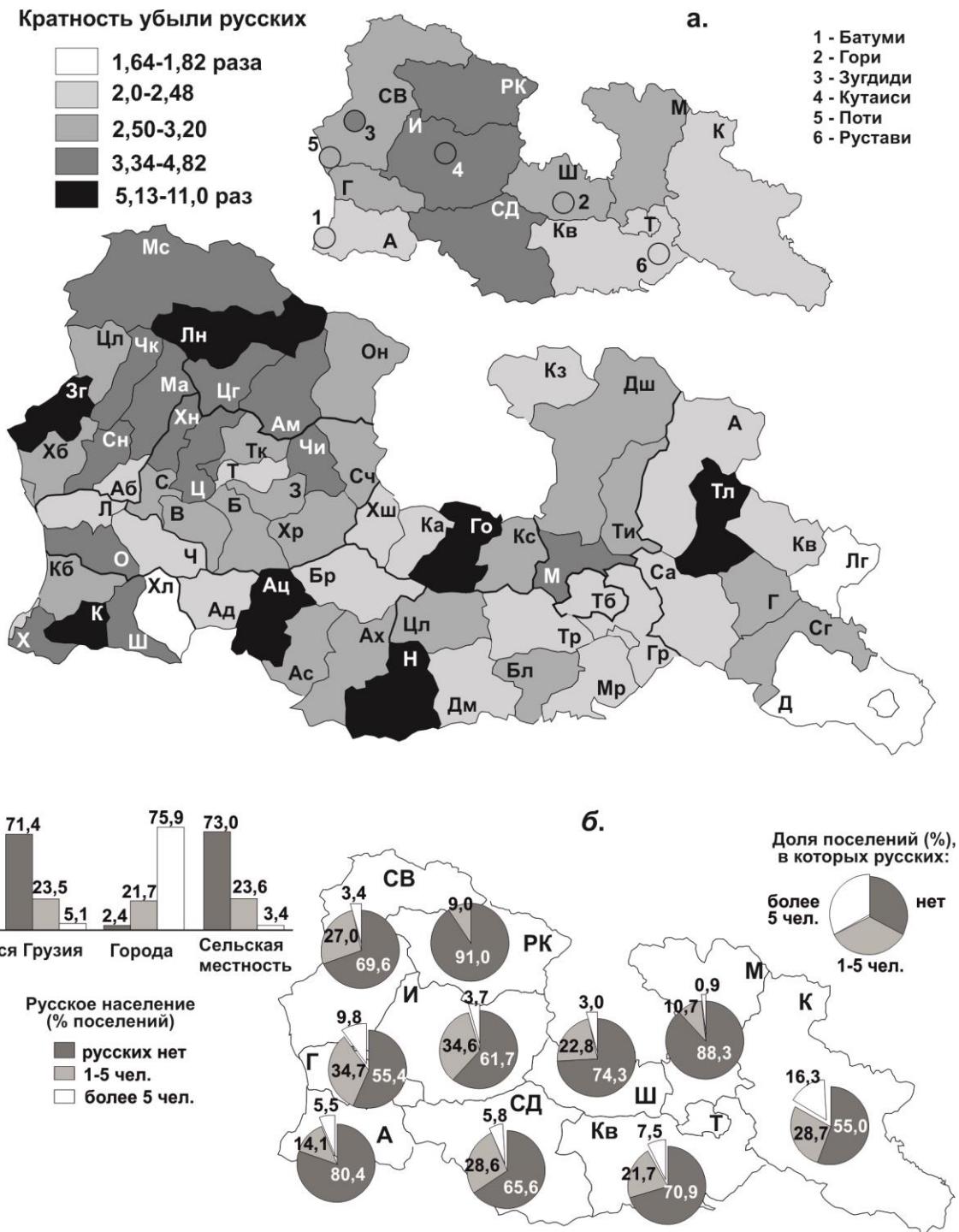

Рис. 4.15. Темпы убыли русских и масштабы их присутствия в поселенческой сети Грузии: а – убыль по регионам, крупным городам и муниципалитетам за 2002–2014 гг. (число раз); б – доля поселений по размеру русского населения в 2014 г. (%).

Источник: рассчитано по National Statistics Office... Population statistics of Eastern...

Уже в конце советского периода около 40% мужчин и более половины русских женщин Грузии вступали в брак с представителями других национальностей (табл. 4.17). Расчёты показывают, что в начале 1980-х гг. из 112 тыс. русских Грузинской ССР, относящихся к младшим возрастным группам (0–19 лет) имели двух русских родителей только 72 тыс. (64 %), а 40 тыс. (36 %) были биэтнофорами с русской самоидентификацией (около 5 тыс. из них относились к русско-грузинским семьям). В постсоветский период значительная часть представителей этого подмножества русских биэтнофоров перешла к титульной самоидентичности. Существенно сменилось соотношение идентификаций и в других подмножествах смешанного населения, до начала 1990-х гг. преимущественно ориентированных на свою русскую этнокультурную компоненту. В частности, $\frac{3}{4}$ детей в русско-украинских семьях Грузинской ССР записывались родителями как русские (рассчитано по: Волков 1989).

Таблица 4.17
**Доля русских Грузинской ССР, вступивших
в межнациональный брак в 1978 и 1988 гг. (%)**

Годы	Все население		Городское		Сельское	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1978	22,5	34,5	23,7	38,0	20,0	26,1
1988	39,6	53,3	39,4	51,7	41,7	63,1

Источник: Население СССР 1989, с. 264–265

Продолжал расти в постсоветский период и уровень межнациональной брачности русских страны. В середине 2010-х гг. в таких браках состояло уже порядка 70 % семейных русских Грузии – максимальный показатель среди крупных и средних диаспор страны (Hakkert 2017, р. 32). Причём, значительная часть таких семей была представлена «титульным» мужем и русской женой, и они фактически выпадали из естественного воспроизводства русской общины.

Расчёты показывает, что в начале 2020-х гг. медианный возраст русских страны находился в диапазоне 55–60 лет. Даже если их естественные потери в сумме с оттоком и ассимиляцией в 2010-е гг. составляли 2–3 % в год (что на порядок уступало темпам убыли «нулевых»), размеры старожильческой общины в начале 2020-х гг. должны были составлять 19–20 тыс., из которых до 55 % могло приходиться

на Тбилиси, порядка 20 % на Батуми, Кутаиси, Рустави и около 10 % на остальные города.

Численность сельских русских могла составлять 2,5–3 тыс. чел. (до 15 % от общей численности). Это дисперсное население в значительной степени было представлено пожилыми женщинами, находившимися в браке с грузинами или представителями других кавказских народов. Даже в сёлах, основанных старообрядцами (Ульяновка, Гореловка и др.), численность русских в середине 2010-х гг. не превышала 20–50 чел. и они составляли не более 10–20 % местных жителей. Но и столь небольших средоточий русского населения на всю сельскую Грузию оставалось около десятка (прежде всего, в Кахетии и Квемо-Картли). Учитывая медианный возраст представителей общины, общее число населённых пунктов, в которых проживали русские, за 2014–2024 гг. могло сократиться с 996 до 700–750.

Таким образом, все основные социодемографические показатели свидетельствовали о быстром демографическом закате русской старожильческой общины. Расчётная оценка с пролонгацией темпов убыли второй половины 2000-х – первой половины 2010-х ещё на 10–20 лет (негативный сценарий) даёт для середины 2020-х гг. цифру в 11–12 тыс. русских, которая к 2035 г. могла сократиться до 5–6 тыс. человек. Но даже если темпы оттока со второй половины 2010-х гг. снизились, избежать сокращения на 15–25 % за десятилетие (естественная убыль + некоторый отток) русской общине было предельно сложно.

Однако в настоящее время в Грузии имеется ещё несколько групп наличного русского населения. Они различаются по размерам, частотности и продолжительности своего пребывания в стране. Количественная динамика и локация каждой из них обладает своей спецификой, требующей самостоятельного анализа.

Группа российских собственников недвижимости. В последние 10–15 лет эта группа оформилась в качестве значительного демографического множества по меркам такой небольшой страны, как Грузия. За 2016–2019 гг. в ней обзавелось жильём и/или земельными участками более 15 тыс. россиян. В 2020–2023 гг. эта группа увеличилась еще на 22–23 тыс. человек¹. В целом, за 2016–2024 гг. владельцами недвижимости в Грузии стало 40–45 тыс. россиян (порядка

¹ National Statistics Office of Georgia. URL: <https://www.geostat.ge/en>; Двали Г. Россияне активно скупают недвижимость в Грузии. *Коммерсантъ*. 16.01.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5772669>

30–35 тыс. русских, исходя из их доли в населении России). Тем самым, для нескольких десятков тысяч русских семей Грузия в последние годы могла стать если не местом постоянного пребывания, то достаточно частого посещения.

Однако локация приобретаемой недвижимости была крайне узкой, в определяющей степени ограничиваясь двумя крупнейшими центрами страны – Тбилиси и приморским Батуми, соотношение между которыми было изменчивым, но в целом сопоставимым по масштабам. В середине 2010-х гг. большая часть покупателей ориентировалась на столицу, но по мере превращения Батуми в один из самых динамичных рекреационных центров международного Черноморского региона, интерес россиян к нему рос опережающим темпом – в 2023 г. из 7,6 тыс. российских покупателей грузинской недвижимости 4,0 тыс. выбрали Батуми. Тем самым, к середине 2020-х гг. русские владельцы недвижимости превратились в заметную группу населения грузинской столицы и крупнейшего приморского центра страны.

В последние годы риэлторы также отмечают возрастающий интерес россиян к другим приморским центрам, но совокупная доля остальных локаций недвижимости, приобретаемой в Грузии, едва ли в настоящее время превышает 5–10 %.

Релоканты. Ещё одна группа русских (частично пересекавшаяся с первой) появилась в Грузии после начала проведения специальной военной операции (СВО). В формировании этой группы отчётливо выделялись два пика – весна и осень 2022 года. К его концу по разным оценкам в Грузии сосредоточилось порядка 50–100 тыс. российских релокантов (50–80 тыс. русских)¹. Но неустойчивый, транзитный характер этой группы был очевиден с момента её возникновения. Что и подтвердила последующая динамика. В течение 2023–2024 гг. заметная часть россиян, выехавших в Грузию после начала СВО, вернулась в Россию или переместилась в другие страны.

Однако суммарное положительное сальдо миграционного взаимообмена Грузии с Россией за 2022–2023 гг. составило 73,7 тыс. чел.² Тем самым, десятки тысяч русских продолжали оставаться в стране. Некоторая их часть уже обзавелась жильём, пополнив группу собственников; многие тысячи подали документы на ВНЖ (свидетельство серьёзности намерений укорениться в Грузии). Интерес к гру-

¹ National Statistics...; Двали Г. Россияне...

² National Statistics...

зинскому гражданству россияне демонстрировали и до 2022 г. Но с началом СВО он кратно вырос. Если за 2019–2021 гг. гражданами Грузии стало 3,19 тыс. россиян, то за один 2022 г. – 3,3 тыс. (а число поданных заявок достигло 8,4 тыс.)¹.

Фактически речь шла о становлении новой группы постоянного русского населения. Но процесс этот в настоящее время находится на начальных стадиях и сценарии его развития критически зависят от дальнейшей динамики СВО и социально-политической ситуации в России. Локация мигрантов, как и в случае с собственниками жилья, в самой значительной степени ограничивалась крупнейшими центрами страны – Тбилиси и Батуми, но с очевидным перевесом столицы. Небольшое число релокантов, осевших за их пределами, ориентировалось на другие большие города Грузии. Учитывая социопрофессиональную структуру мигрантов, их пространственная сверхконцентрация в Тбилиси будет константой практически при любом дальнейшем варианте динамики данной группы.

Группа русских супругов межнациональных семей. Детальной статистики межнациональной брачности населения постсоветской Грузии в открытом доступе нет. Но и существующая фрагментарная информация позволяет в первом приближении оценить размеры этой группы русских. В 2011 г. из 1360 браков, заключённых жителями Грузии с иностранцами, почти половина пришлась на российско-грузинские пары, за 7 месяцев 2012 г. таких пар было уже около 900 (45 % от числа зарегистрированных «международных» семей). В самой значительной степени они представляли сочетание: «грузин – русская»². Таким образом, эту компоненту современного русского населения страны можно условно определить, как группу «русских жён».

Причём надо учитывать, что несколько лет после 2008 г. были периодом максимального охлаждения отношений между двумя странами и обществами. Есть основания полагать, что статистика русско-грузинской брачности 2011–2012 гг. фиксировала данное явление на его количественном минимуме. И в последующие годы его масштабы должны были возрастать. Тем более, что одним из основных катали-

¹ National Statistics...; Двали Г. За год гражданство Грузии получили более 3,2 тыс. россиян. *Коммерсантъ*. 17.03.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5885769>

² Ломсадзе Г. Грузия – Россия: Сотни невест из вражеского стана. *EurasiaNet*. 23.08.2012. URL: <https://russian.eurasianet.org/node/59544>

заторов такой брачности являлся российский турпоток в Грузию, размеры которого за 2010-е гг. выросли в 5–6 раз.

Но даже если уровень русско-грузинской брачности сохранялся на уровне начала 2010-х гг. за 2011–2024 гг. в Грузии появилось порядка 5–5,5 тыс. семей с одним из русских супругов. С учётом браков, заключённых до 2011 г., эта группа могла быть еще на несколько тыс. человек больше. Её география в пределах Грузии была заметно шире, чем у собственников жилья и релокантов. Однако территориальным эпицентром также являлся Тбилиси, в котором было сосредоточено до 30 % населения страны. С учётом центральной роли столицы в системе коммуникаций грузинского и российского обществ, на Тбилиси могло приходиться до половины и более всех русско-грузинских семей. Повышенной была их концентрация и в других крупных центрах страны, прежде всего, в Батуми. И в целом, «частотность» таких семей могла прямо коррелировать с уровнем системы расселения, постепенно сокращаясь к её нижним таксономическимэтажам.

Туристы. Наиболее многочисленная по общему размеру группа русских, в отличие от всех рассмотренных выше, состоящая преимущественно из людей разового (или «малократного») посещения Грузии, короткого по времени. После 2008 г. российский турпоток сократился до минимума (45 тыс. чел. в 2010 г.), но в середине 2010-х гг. вернулся на уровень 500–700 тыс. в год, а в 2017–2024 гг. (за вычетом «ковидных» 2020–2021 гг.) составлял 1,05–1,3 млн. чел. (порядка 0,8–0,85 млн русских) (рис. 4.16а).

Для этого турпотока была характерна отчётливая сезонность – с пиком в июне–сентябре (рис. 4.16б). В 2022–2024 гг. в высокий курортный сезон в Грузии единовременно находилось 30–60 тыс. российских туристов (в т.ч. 25–50 тыс. русских), в зимние месяцы – 10–20 (8–16 тыс.) (рассчитано по: National Statistics Office...). Более трети россиян, посещавших Грузию в 2015–2024 гг. (350 тыс. в среднегодовом исчислении), приходилось на Тбилиси, четверть (235 тыс. чел.) на Батуми (рис. 4.16в). Расчёты показывают, что в 2022–2024 гг. в столице в высокий сезон могло одновременно находиться порядка 11–13 тыс. русских туристов, зимой – 5–6 тыс., в приморском Батуми сезонность была выражена ещё отчётливей – 10–12 и 2–3 тыс. чел. соответственно.

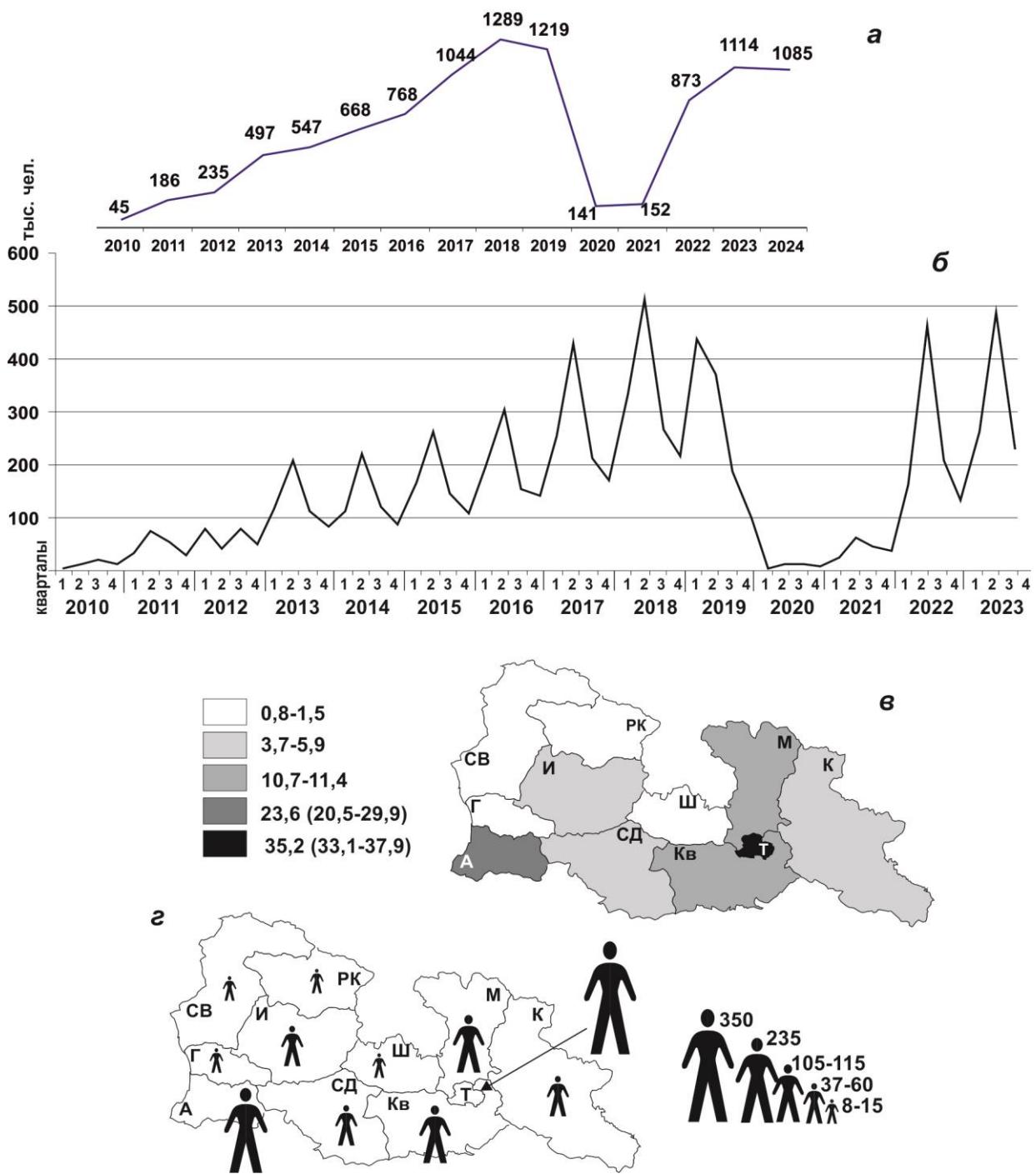

Рис. 4.16. Российский турпоток в Грузию: *а* – динамика за 2010–2024 гг. (тыс. чел.); *б* – сезонная динамика за 2015–2023 гг.; *в* – доля крупнейших центров и регионов в структуре российского турпотока, % (средний показатель за 2015–2023 гг., без учета 2020–2021 гг.); *г* – число российских туристов в крупнейших центрах и регионах, тыс. чел. (средний показатель за 2015–2023 гг., без учета 2020–2021 гг.).

Источник: рассчитано по National Statistics Office... URL: <https://www.geostat.ge/en>; Федеральная служба гос. статистики РФ.

Но общая география турпотока при наличии этих эпицентров была достаточно широкой, включая значительное число исторически значимых поселений страны и её природных достопримечательностей. Наибольшей популярностью у россиян/русских пользовались окрестности Тбилиси и в целом регионы, сопредельные столице (Мцхета-Мтианети и Квемо-Картли), каждый из которых с середины 2010-х гг. ежегодно посещало по несколько десятков тысяч человек. Но в различной степени поток российских туристов охватывал все регионы Грузии.

Итак, показатели русской общины Грузии оставались высокими на протяжении всего постсоветского периода. За 1989–2014 гг. её размеры сократились на порядок (с 264,2 до 26,4 тыс. чел.). Самым существенным образом сузилась и география расселения русских – в середине 2010-х гг. они проживали только в 28,6 % поселений страны, а числом более 5 чел. – в 5,1 % (177 из 3478). Северные регионы были дерусифицированы практически полностью. Но параллельно быстрому демографическому закату старожильческой общины в 2000–2020-е гг. шёл активный рост новых групп русского населения, постоянно находившегося в Грузии или часто её посещающего – собственников недвижимости, членов межнациональных семей, с начала 2022 г. – релокантов. В 2010-е гг. многократно вырос поток туристов из России. Рассчитанная в первом приближении численность русских всех этих групп, даёт для летних месяцев 2022–2024 гг. одновременное пребывание на территории Грузии порядка 100–120 тыс. чел., для зимних – 65–75 тыс. Что в несколько раз превышает общие размеры русской общины, а группы русское старожильческое население Тбилиси и Батуми – на порядок.

Группы «новых» русских – в значительной степени взаимосвязанные множества. Из туристов в дальнейшем формируется основной контингент собственников местной недвижимости. Через посещение страны начинается история большей части современных русско-грузинских семей. Существенно, что эти группы не связаны генезисом с местной русской общиной и практически не взаимодействуют с ней. Они не пополняют старожильческое население, но конструируют новые формы русского этнокультурного присутствия в Грузии; не останавливая демографический закат общины, фактически идут ей на смену.

Имея источник внешнего пополнения, обладая сбалансированной и достаточно молодой половозрастной структурой, они демонстрируют общую демографическую устойчивость, позволяющую оставлять открытым вопрос о масштабах и географии русского этнического присутствия в Грузии в среднесрочной и более отдалённой перспективе, когда старожильческая группа может прекратить своё существование.

Учитывая существующую интенсивность взаимодействия российского и грузинского обществ, 20–30 тыс. русских, проживающих в Грузии на постоянной основе, представляются реальной величиной для почти любой прогностически оцениваемой перспективы. Ещё больше может быть группа русских, имеющих Грузию в качестве одной из основных локаций или, по крайней мере, часто её посещающих (группа спорадического пребывания). Но очевидно, что у обоих множеств, география будет преимущественно ограничиваться Тбилиси и приморской зоной (прежде всего Батуми). И главное, они не оформляются в полноценную диаспору, как её определяют этносоциологии (этнодемографическая группа, поддерживающая достаточно высокий уровень внутренней коммуникации своих представителей и демонстрирующая способность к устойчивому самовоспроизведению на протяжении ряда поколений).

Масштабы внешнего пополнения данных групп будут прямо коррелировать с характером взаимоотношений двух государств и уровнем привлекательности Грузии для массового российского туриста. Но и принимая во внимание не просчитываемый характер этих переменных нельзя не отметить, что в целом, Грузия в пределах БЗ обладает одним из наиболее значительных потенциалов сохранения достаточно весомого русского этнического присутствия на своей территории.

4.4. Частично признанные и непризнанные политики Южного Кавказа

4.4.1. Абхазия

Русские являются одной из старожильческих групп местного населения, первые стадии формирования которой пришли на середину XIX века. В его конце в территориальных пределах современной Абхазии проживало 5,1 тыс. русских. Заметно ускорился демографи-

ческий рост русской общины в первые десятилетия советского периода – за 1926–1939 гг. она выросла почти в 5 раз (с 12,6 до 60,2 тыс. чел.). Максимального размера община достигла в конце 1960-х гг. – по переписи 1970 г. в автономной республике проживало 92,9 тыс. русских (19,1 % жителей).

Последние советские десятилетия были уже связаны с новым, «нисходящим» трендом демографической динамики русского населения Абхазии. К 1979 г. его численность сократилась до 79,7 тыс. чел. Учитывая существовавший в общине естественный прирост (5–6 % в год), Абхазию в данном десятилетии покинуло порядка 19–20 % русских, интенсивный миграционный отток которых, таким образом, начался задолго до обострения абхазо-грузинских межнациональных отношений и актуализации проблемы статуса автономии (вторая половина 1980-х гг.)

Демографическое отступление русских из республики продолжалось всё последнее советское десятилетие, хотя темпы убыли вплоть до 1988–1989 гг. оставались более низкими, чем в 1970-е гг. (отток с учётом естественного прироста составил порядка 11–12 % от общей численности русского населения).

Катастрофические последствия для русской общины Абхазии имел продолжавшийся более года грузино-абхазский вооружённый конфликт (август 1992 – сентябрь 1993 гг.). В течение ряда месяцев территорию республики покинула основная масса русского населения, как и всех остальных национальных меньшинств республики (Багапш 2017, с. 66). Отсутствие демографического учёта, значительное число беженцев, не раз менявшие направление волны миграции, не позволяют установить детальную динамику русской общины в период активного вооружённого противостояния и последующие годы. Но очевидно, что численность русских в это время находилась на минимальном уровне.

Прекращение боевых действий, соглашение о прекращении огня (май 1994 г.) и определённая социально-экономическая стабилизация республики в середине – второй половине 1990-х гг. способствовали возвращению в неё части беженцев и общей стабилизации размеров русской общины. Но уже на значительно более низком количественном уровне – первая постсоветская перепись населения Абхазии (2003 г.) зафиксировала в республике 23,4 тыс. русских (в 3,2 раза меньше, чем в 1989 году). Масштабы убыли существенно различались по отдельным районам и городам Абхазии. Максимальные поте-

ри понесло русское население южных районов, прилегающих к Грузии и являвшихся в 1992–1993 гг. территорией наиболее ожесточённых боевых действий.

В Ткварчельском и Очамчирском районах численность русских сократилась соответственно в 7,3 и 4,7 раз, а Гальский район они покинули фактически полностью (за 1989–2003 гг. местное русское население сократилось с 2,48 тыс. до 158 человек)¹. Группы русских в остальных районах Абхазии и в республиканской столице сократились в 2,5–3,7 раз (рис. 4.17; табл. 4.18).

Рис. 4.17. Динамика русского населения по районам Абхазии, 1989–2003 гг.

Источник: Рассчитано и составлено по сайту Этнокавказ. URL: <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnazerbaijan.html>

При общей трёхкратной демографической убыли русского населения в 1990-е гг. ещё отчётливее обозначились два эпицентра его системы расселения – столица и Гагрский район. В начале 2000-х гг. на них приходилось уже почти 70% русских Абхазии, которые, таким образом, оставив значительную часть поселенческой сети республи-

¹ Часть этих потерь носила статистический характер, поскольку три села (Ачгуара, Шашалат, Гудава), в советский период входивших в состав Гальского района, в 1995 г. перешли в Очамчирский административный район. Но и с учётом данного обстоятельства численность русских сократилась в почти в 15 раз.

ки, в нараставшей степени концентрировались в Сухуми (единственном крупном городе республики) и на территориях, прилегающих к России.

Таблица 4.18.

Динамика русского населения по основным городам и районам Абхазии, 1979–2023 гг. (%)

Центры и районы	1979–1989	1989–2003	2003–2011	2011–2023
г. Сухуми	-9,9	-65,4	4,3	3,7
г. Ткварчели	-13,7	-86,4	-26,0	3,9
Гагрский р.	6,7	-60,5	-14,2	-3,6
Гальский р.	-32,3	-93,6	18,2	-3,2
Гудаутский р.	-10,1	-73,2	-11,3	5,2
Гульрипшский р.	0,2	-69,3	-14,0	-2,8
Очамчирский р.	7,5	-78,8	2,9	4,9
Сухумский р.	-14,8	-69,9	0,5	-2,3
Вся Абхазия	-6,0	-68,7	-5,8	0,9

Источник: Рассчитано по Демоскоп-Weekly. URL:

http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_79.php; Этнокавказ. URL:
<http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/rnazerbaijan.html>

Центральным событием в общественно-политической жизни Абхазии в 2000-е гг. стало признание её независимости Российской Федерацией, последовавшее после завершения вооружённого конфликта в Южной Осетии в августе 2008 г. Оно имело большое значение и для демографической динамики местной русской общины, создав предпосылки если не для её роста, то сохранения на существующем уровне. Что подтвердила вторая постсоветская перепись населения республики (2011 г.), зафиксировавшая в Абхазии 22,1 тыс. русских жителей. Убыль за 2003–2011 гг. составила 5,6 %, что фактически соответствовало уровню естественных потерь русского населения. Таким образом, его миграционное сальдо в 2000-е гг. было близким к нулевой отметке.

Достоверность этнодемографической статистики двух постсоветских переписей населения республики вызывала сомнение у ряда специалистов (Ямков 2009, Сущий 2020). Что вполне обосновано, учитывая существенные расхождения между результатами переписи 2011 гг. и данными текущего демографического учёта. Согласно последнему на 1 января 2009 г. в Абхазии проживало 96,3 тыс. абхазов, тогда как проведённая двумя годами позже перепись обнаружила их

уже 122,3 тысяч. Демографический анализ естественной и миграционной динамики титульного национального сообщества в 2000-е гг. не обнаруживает реальных причин для столь существенной количественной нестыковки (Сущий 2020, с. 101–102).

При этом, в результатах переписи 2011 г. могло быть серьёзно недоучтено грузинское население республик. Его зафиксированная численность составила 46,5 тыс. чел., а по расчётом специалистов на рубеже 2010-х гг. она находилась на уровне 60–80 тыс. (Ямсков 2006, Mainville 2009). Тем самым, соотношение двух крупнейших народов республики, согласно результатам переписи, существенно сдвигалось в пользу титульного сообщества – абхазы и грузины составляли соответственно 50,8 % и 19,2 % населения Абхазии (по расчётом специалистов порядка 39–40% и 25–30%) (Ямсков 2006). Очевидна и этнополитическая подоплётка данной серьёзной погрешности переписи 2011 года.

Но для нашего исследования существенно, что в республике отсутствовали причины для значимого искажения данных по местному русскому населению. Есть основания полагать, что установленная переписью его численность с большой вероятностью соответствовала действительности. Что позволяет сравнить демографическую динамику русского населения Абхазии и Грузии в 1990–2000-е гг. Если в первое постсоветское десятилетие темпы убыли русских в двух социумах были сближенными (сокращение в 2,9 и 3,9 раз соответственно), то в 2000-е гг. они различались кардинально. Окончательное приобретение Россией статуса основного гаранта политической независимости и социально-экономической устойчивости Абхазии способствовало количественной стабилизации русской общины. И это же это обстоятельство, как отмечалось в параграфе 3.3, являлось фактором ускоренного сокращения численности русских в Грузии. В середине 2010-х гг. русские общины двух стран были уже сопоставимы по размерам, притом, что в конце 1980-х гг. демографический потенциал русских Грузии был больше в 3,3 раза (рис. 4.18).

Несмотря на общую стабилизацию русского этнического присутствия в Абхазии, динамика отдельных территориальных групп в 2000-е гг. оставалась разнонаправленной. Если в столице и ряде районов республики численность русских несколько выросла, то в других административно-территориальных образованиях продолжала сокращаться. Причём в числе последних был и Гагрский район, одно из двух основных средоточий системы русского расселения республики.

Тем не менее на него вместе с Сухуми по-прежнему приходилось 70,7% русских Абхазии (рис. 4.19). Ещё более отчётливо обозначился столичный (и в целом городской) характер расселения русской общины – в начале 2010-х гг. уровень её урбанизации вырос до 79,3 %.

Рис. 4.18. Динамика русского населения Абхазии и Грузии, 1989–2014 гг. (тыс. чел.; %)

Источник: рис. 4.18–4.19 расчеты автора.

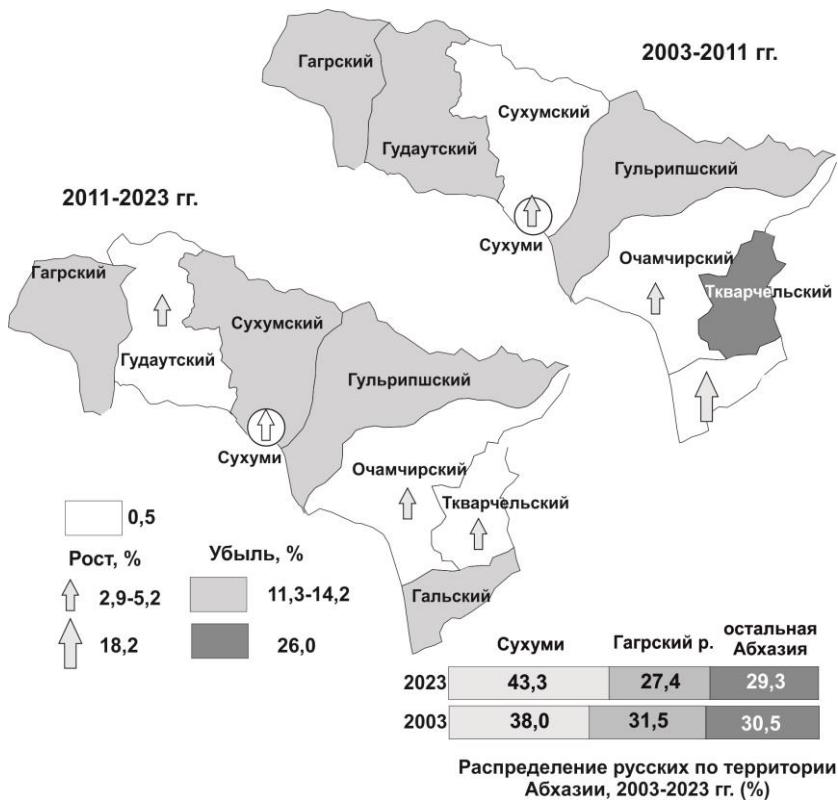

Рис. 4.19. Динамика русского населения по районам Абхазии, 2003–2023 гг. (%)

При этом в системе расселения наблюдалась определённая корреляция между удельной концентрацией русских в отдельных населённых пунктах и абсолютным размером последних. В Сухуми и других городских центрах (за исключением южного Гала) доля русских на рубеже 2010-х гг. составляла 9–30 %. Удельный вес русского населения в сёлах в целом был заметно ниже, также в известной мере коррелируя с размерами поселений. Но у этой закономерности могло иметься и другие причинное основание. С учётом того, что большинство городов, крупных и средних сел располагались на побережье или в непосредственной близости от моря. Приморская поселенческая сеть исторически формировалась как зона полиэтнического расселения, тогда как сёла, отодвинутые от берега в предгорья или горную местность, отличались полным преобладанием титульного или грузинского (мингрельского) населения (Багапш 2017, Дубова 2006). Концентрируясь в приморской зоне, русское население, тем самым, тяготело к крупным поселениям (рис. 4.20).

Исследование геодемографической динамики русской общины Абхазии в 2010 – начале 2020-х гг. по необходимости опирается на данные текущего демографического учёта, поскольку после 2011 г. переписей населения не проводилось. В статистических ежегодниках присутствует этнодемографическая информация, позволяющая зафиксировать национальную структуру населения в разрезе всей республики и её административных районов. Но анализ этой статистики за 2011–2023 гг. обнаруживает ее статичный характер, почти полное отсутствие динамики основных национальностей, как во всей Абхазии, так и в её отдельных территориальных сообществах (Абхазский статистический … 2022).

Трудно представить, что за 12 лет размеры 13 основных национальных групп населения республики устойчиво сохранялись в узком количественном диапазоне 0,5–1,5 %. В качестве возможного объяснения можно предположить, что эта статистика, опираясь на результаты текущего учёта естественного воспроизводства национальных групп, не учитывала их миграционной динамики. Что, по крайней мере, могло бы отчасти объяснить их минимальную абсолютную и удельную подвижность. Но в этом случае возникает вопрос о размерах погрешности, которая должна была существенно различаться для отдельных национальностей. Что предполагает самостоятельную оценку возможной демографической динамики в 2010-е гг. каждой из них.

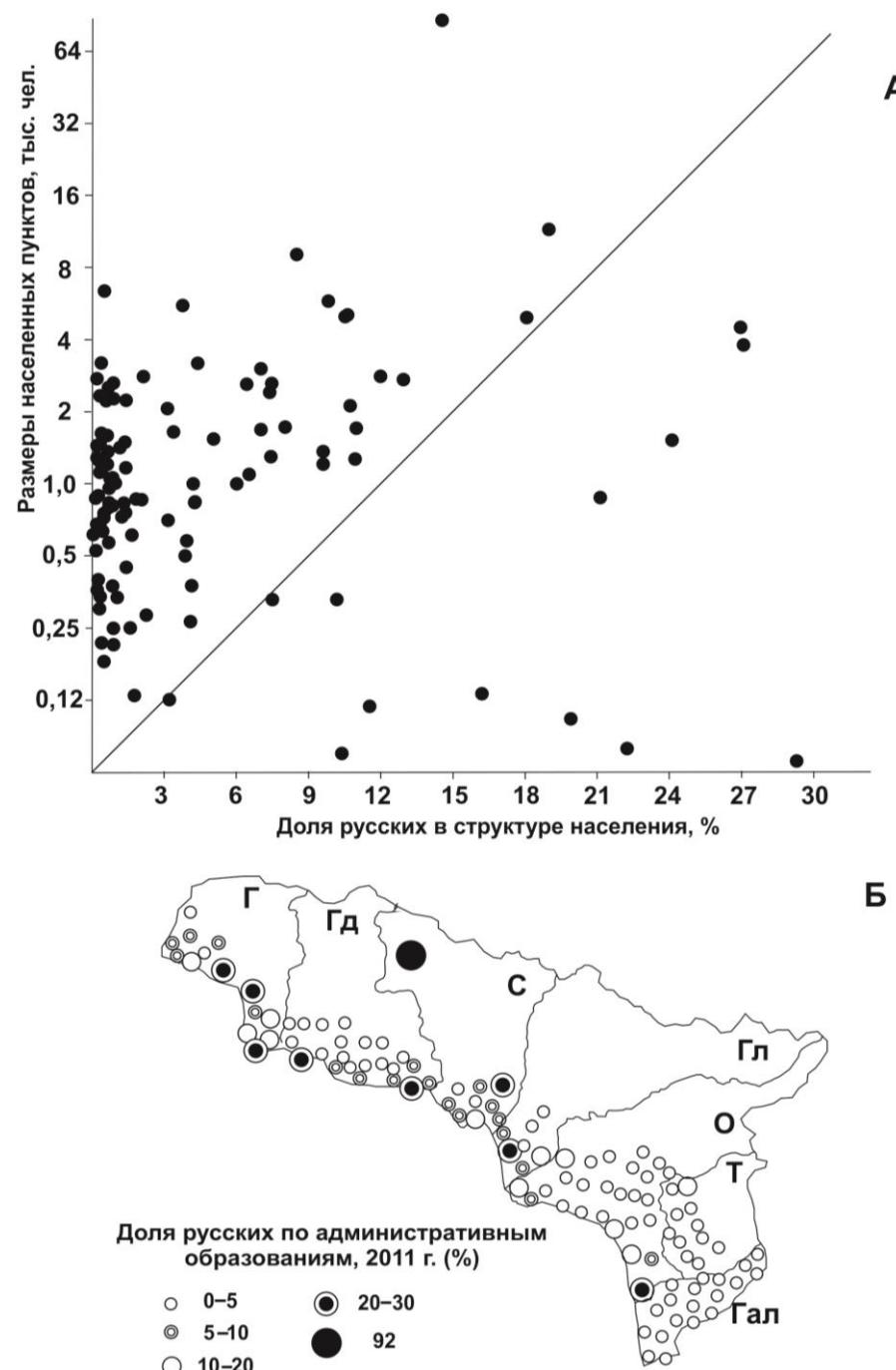

Рис. 4.20. Система расселения и удельная концентрация русского населения Абхазии, 2011 г.

Источник: рассчитано по Этнокавказ. URL: <http://www.ethnokavkaz.narod.ru/rnazerbaijan.html>

Геодемографическая динамика русских в 2010-х – начале 2020-х гг. Поскольку объектом изучения является русская община Абхазии, ограничимся анализом особенностей её естественной динамики, миграционной динамики, векторов и масштабов ассимиляционного процесса. Госкомстат Абхазии не публикует данных о есте-

ственном движении населения в национальном разрезе. Отсутствует информация и об их половозрастной структуре, в значительной степени задающей уровень рождаемости и смертности. Таким образом, оценка естественного коэффициента воспроизводства русского населения в 2010-е – начале 2020-х гг. может быть выполнена только в самом первом приближении, с учётом имеющейся фрагментарной информации и общего сравнения с показателями естественного воспроизводства русских Российской Федерации.

Русское население России в первой половине 2010-х гг. характеризовалось естественной убылью в размере 3–4 % в год (минимальный показатель за весь постсоветский период) с быстрым ростом естественных потерь во второй половине этого десятилетия, обусловленных в т.ч. мировой пандемией COVID-19. На высоком уровне (7–8 %) коэффициент естественной убыли продолжал сохраняться и в 2022–2023 гг., после завершения эпидемии. В целом, за период 2011–2022 гг. естественная убыль русских России в первом приближении может быть оценена в 6,5–7,5 %.

Есть основания полагать, что в Абхазии этот показатель был выше, в силу деформации полового соотношения и смещением структуры населения в сторону старших возрастных когорт (Багапш 2017, с. 80). Для этнических групп с такой возрастной структурой характерна значительная убыль. Особенно с учётом ассимиляционного фактора, обусловленного значительной долей межэтнических браков и высокой долей биэтнофоров. Однако в силу ряда причин процесс старения русской общины Абхазии протекал замедленно. В середине 2010-х гг. в её составе дети и подростки школьного возраста составляли 9,5 % – лишь на процент ниже, чем у русских России. При этом, хотя в межэтнические браки вступало 49,8 % русских мужчин и 63,2 % русских женщин (Хашба 2015), влияние данного фактора на демографическую динамику русских республики было сложным, потому что в браках, заключаемых с представителями русскоязычных общин (украинцами, белорусами, татарами), значительная часть смешанного потомства выбирала русскую идентичность; в сочетаниях с рядом других национальных групп (в т.ч. армянами, греками, осетинами), самоидентичность детей могла распределяться равномерно по национальным сообществам родителям.

Только в семьях, образуемых русскими с абхазами и грузинами предпочтение отдавалась этим кавказским идентичностям, тем более, что в подавляющем большинстве случаев они представляли нацио-

нальность отца. В целом в таком ассимиляционном взаимообмене с другими национальными сообществами республики русская община скорее могла терять население, но эти потери были невелики и едва ли могли превышать несколько процентов за десятилетие. В сумме с естественной убылью они могли составить за 2011–2022 гг. порядка 10–15 %.

В этом случае, без учёта миграционной динамики численность русских в республике должна была к началу 2023 г. сократиться до 19–20 тыс. чел. Согласно данным Госкомстата Абхазии численность русских в это время составляла 22,6 тыс. чел. (Абхазский статистический...2022, с. 26). Таким образом, чистый миграционный приток русских за данный период мог составлять порядка 2,5–3,5 тыс. чел. В отсутствии данных об этнической структуре миграционной динамики населения невозможно проверить точность этой оценки. Но экспертный анализ указывает на её общую реалистичность. В условиях политической и социально-экономической стабильности отток русских из Абхазии был маловероятен. Выраженная курортно-рекреационная специализация республики давала местному русскому населению широкие возможности для трудоустройства в различных сегментах сервисной экономики.

Масштабный поток отдыхающих (с середины 2010-х гг. он колебался в диапазоне 3,5–5,5 млн в год) (рис. 4.21), представленный, прежде всего, русскими в силу национальной структуры населения России, оказывал на демографическую динамику русской общины Абхазии прямое положительное воздействие. Несмотря на значительные колебания масштабов турпотока по сезонам, даже в зимний период в республике единовременно находилось 70–100 тыс. отдыхающих из России, а в высокий курортный сезон (с середины июня по начало октября) – 200–250 тыс. чел., в т.ч. 160–200 тыс. русских (при условии, что их доля в турпотоке соответствовала доле в населении страны).

Таким образом, русские рекреанты многократно превышали не только численность местной русской общины, но ощутимо количественно превосходили всё постоянное население приморской зоны северных и центральных районов республики. А в силу всё более широкого распространения горного туризма география данного турпотока охватывала значительную часть территории Абхазии.

Фактически круглогодичное присутствие большого числа отдыхающих в значительной степени определяло формы социальной жиз-

недеятельности и структуры повседневности всего абхазского общества, параллельно обеспечивая разнообразную демографическую подпитку местной русской общины, не фиксируемую и не учитывающую официальной статистикой. Очевидно, что существует достаточно большая группа русских, не относящихся к местной общине, но длительное время проживающих в республике или циркулирующих между ней и Россией на постоянной основе. Таким образом, демографическая динамика русского населения Абхазии в настоящее время, в первую очередь, определяется миграцией, масштабы которой регулируются властями республики в соответствии с интересами титульного народа.

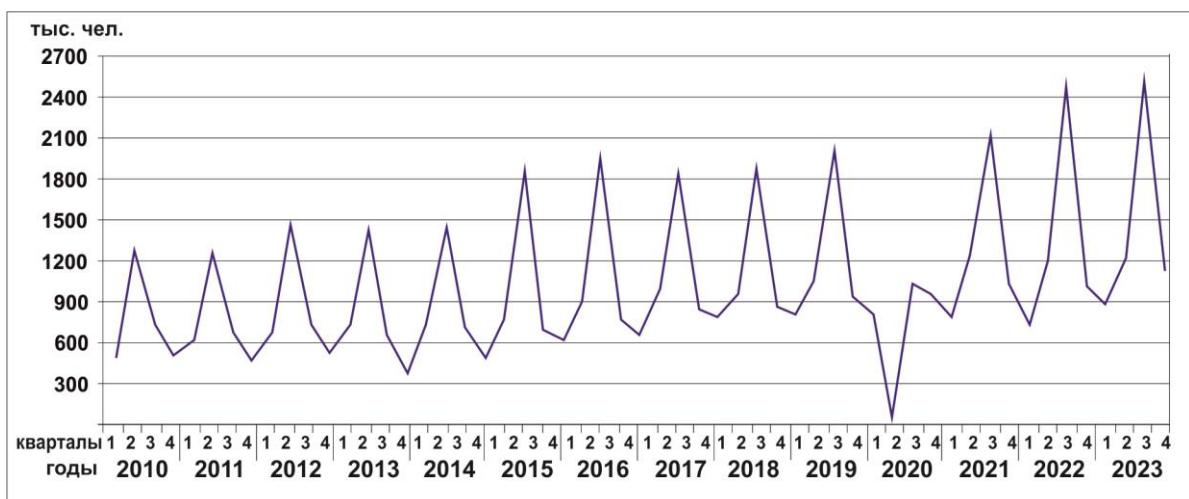

Рис. 4.21. Динамика российского турпотока в Абхазию по годам и кварталам, 2010–2023 гг. (тыс. чел.)

Источник: Федеральная служба гос. статистики РФ

Прежде всего, здесь можно отметить россиян – собственников недвижимости. Наличие прямого железнодорожного и автомобильного сообщения, безвизовый режим и возможность въезда в республику по внутреннему паспорту лежит в основе психологического восприятия Абхазии как очень близкого государственного образования, фактически ещё одного российского региона с определённой кавказской спецификой¹. Это обстоятельство уже с начала XXI в. способствовало росту интереса к приобретению абхазской недвижимости.

¹ В этом отношении показательно, что релоканты, покинувшие Россию в 2022-2023 гг., практически никогда не рассматривали Абхазию в качестве места переезда именно потому, что она рассматривались ими как фактически российская территория.

После признания Россией в 2008 г. государственной независимости Абхазии и окончательного её включения в контур безопасности, обеспечиваемый российскими вооружёнными силами, исчез последний внешний фактор, сдерживавший россиян в приобретении жилья на территории республики. Сформировались условия для массового роста группы российских собственников местной недвижимости. Потенциальные масштабы и темпы этого процесса могут быть в первом приближении оценены по интенсивности миграционного притока в причерноморские центры Кубани (среднегодовое положительное сальдо миграции в приморской зоне края в 2010-е гг. составляло 10–15 тыс. чел.). Нет сомнения, что власти Абхазии могли без труда обеспечить такой же, если не больший, приток в республику российского (в своей массе русского) населения.

За 15–20 лет такая миграция могла кратно увеличить общий демографический потенциал Абхазии, заметно поднять платёжеспособность и общий уровень жизни местного населения. Учитывая, что именно ощутимый дефицит трудовых ресурсов остаётся центральным фактором стагнации национальной экономики со второй половины 1990-х гг., такой приток мог стать центральным драйвером социальнно-экономического роста республики.

Но, принимая во внимание небольшие размеры титульного сообщества, обратной стороной масштабного миграционного пополнения стала бы ускоренная трансформация национальной структуры населения, превращение русских уже в среднесрочной перспективе в крупнейшую национальную группу Абхазии. Очевидно, что руководство страны, её элиты и титульное сообщество в целом, приложившие столько усилий для ликвидации грузинской этнодемографической доминанты, ни при каких обстоятельствах не хотели бы опять оказаться в положении национального меньшинства.

Это обстоятельство, очевидно, стало основной причиной разработки властями Абхазии комплекса мер, максимально осложнившего процесс приобретения иностранцами (т.е., прежде всего, россиянами) недвижимости в республике. Показательно, однако, что даже этот «заградительный» комплекс не мог остановить поток желающих приобрести «домик у моря». Точное количество россиян – собственников жилья в Абхазии не известно. Но учитывая, что только число судебных разбирательств, связанных с её приобретением в середине – второй половине 2010-х гг., достигало нескольких тысяч, речь может идти о десятках тысяч человек. Очевидно, что это число может быть со-

поставимо с общим размером постоянного русского населения Абхазии.

Не менее крупной группой русских в республике в последние 10–20 лет могут быть трудовые мигранты, численность которых в высокий курортный сезон также может измеряться в десятках тысяч человек (Багапш 2017, с. 84–92). Таким образом, даже без учёта туристов, в структуре наличного русского населения современной Абхазии могут с большим перевесом доминировать жители России.

Итак, в настоящее время старожильческое русское население является только одной из форм русского этнического присутствия в Абхазии, которое с учётом россиян – туристов, собственников жилья и трудовых мигрантов кратно выше цифр, фигурируемых в официальной статистике. В пределах современного постсоветского Южного Кавказа нет другого социума со столь высокой концентрацией русского населения, которое к тому же на большей части территории фактически являлось бы количественно доминирующей группой наличного населения.

Но даже если сосредоточить внимание исключительно на местной русской общине, обнаруживаются её особенности, отличающие от всех остальных территориальных групп русских на Южном Кавказе. Прежде всего, это долговременная количественная и пространственная устойчивость, результатом которой является поступательный рост удельного веса абхазской общины в общей структуре русского населения всего этого макрорегиона. Если в 2000 г. на долю Абхазии приходилось 9,4 % русских Южного Кавказа, то в 2010 г. – 11,7 %, а в начале 2020-х гг. – уже 15–16 %.

Данный геодемографический тренд, очевидно, является долговременной тенденцией. Значительную устойчивость будет демонстрировать и география расселения русских республики, преимущественно включающая приморскую поселенческую сеть с двумя эпицентрами (Сухуми и Гагрский район). С конца 1980-х гг. на них в сумме приходилось порядка 70 % всего русского населения Абхазии. При этом с начала XXI в. наблюдалась определённая демографическая «перецентрировка» – если в 2003 г. численность русских Сухуми превосходила русское население Гагрского района на 20 %, то в 202 г. уже на 58 %. Но в любом случае, именно республиканская столица и территории, прилегающие к Российской Федерации, будут сохранять центральную роль в системе расселения русских Абхазии.

4.4.2. Южная Осетия

Комплексная российская поддержка была не менее значимым фактором в жизнедеятельности постсоветской Южной Осетии – второго пророссийского государственного образования на территории Южного Кавказа. Однако глубокая социально-экономическая и социокультурная периферийность данного социума определяет минимальное присутствие русских в его пределах.

Русская община республики, достигнув максимального размера на рубеже 1960-х гг. (почти 2,4 тыс. чел.), в последние советские десятилетия колебалась на уровне 2 тыс. чел. (табл. 4.19). География её на протяжении второй половины XX в. постепенно сужалась. Русское население стягивалось в столицу автономии.

Первая половина 1990-х гг. стала поворотным моментом в его демографической динамике. Вооружённый конфликт с Грузией и масштабные социально-экономические проблемы – основные причины трёхкратного сокращения численности русских Южной Осетии в первое постсоветское десятилетие. Однако в 2000–2010-е гг. размеры русской общины стабилизировались, сохраняясь на уровне 500–600 человек.

В настоящее время самая значительная часть русских республики сосредоточена в столице Цхинвале (78,5 % по переписи 2015 г.). При этом женщины (439 чел.) составляют 72 % всего русского населения Южной Осетии. Столь существенный гендерный дисбаланс связан со значительным масштабом межнациональной брачности местных русских женщин. В браке состояло 213 из них, но только 13 женщин (6,1 %) имели русского мужа, тогда как у 180 супругом являлся осетин (рассчитано по: Итоги всеобщей переписи 2016, с. 98–115). Заметим, что и у семейных русских мужчин (68 чел.) доля однонациональных браков была небольшой – в 50 семьях (73,5 %) супругой была осетинка. Смешанное потомство русско-осетинских семей в значительном большинстве пополняло титульное национальное сообщество.

В любом случае в настоящее время количественно небольшая группа русских республики моложе 30–40 лет практически в полном составе состоит из биэтнофоров. Можно предположить, что уже следующая перепись зафиксирует масштабную депопуляцию русского населения республики, которое в силу его половозрастной и социо-

одемографической специфики едва ли можно считать полноценной этнической общиной.

Таблица 4.19

Динамика русского населения Южной Осетии, 1939–2015 гг.

Годы Территории	1959	1970	1979	1989	2015
<i>Число русских, чел</i>					
г. Цхинвал	1583	1180	1737	1836	479
Дзауский р-н	364	143	89	99	39
Знаурский р-н	94	71	55	47	28
Ленингорский р-н	87	63	59	50	10
Цхинвальский р-н	252	117	106	96	54
Вся Южная Осетия	2380	1574	2046	2128	610
<i>Доля русских в структуре общины, %</i>					
г. Цхинвал	66,5	75,0	84,9	86,3	78,5
Джавский р-н	15,3	9,1	4,3	4,7	6,4
Знаурский р-н	3,9	4,5	2,7	2,2	4,6
Ленингорский р-н	3,7	4,0	2,9	2,3	1,6
Сталинирский р-н	10,6	7,4	5,2	4,5	8,9
Вся Южная Осетия	100	100	100	100	100
<i>Доля русских в составе местного населения, %</i>					
г. Цхинвал	7,3	3,9	5,0	4,3	1,6
Джавский р-н	2,2	1,0	0,8	1,0	0,6
Знаурский р-н	0,6	0,5	0,5	0,5	0,6
Ленингорский р-н	0,5	0,4	0,4	0,4	0,2
Сталинирский р-н	0,9	0,4	0,4	0,4	0,7
Вся Южная Осетия	2,5	1,3	2,1	2,2	1,1

Источник: Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>; Population statistics... URL: <http://pop-stat.mashke.org/>.

4.4.3. Нагорно-Карабахская республика

Число русских, проживавших в Нагорно-Карабахской автономной области, в советский период входившей в состав Азербайджанской ССР, было незначительным и достигло своего максимума в конце 1930-х гг. (более 3 тыс. чел.). Основным средоточием русского населения на протяжении 1930–1970-х гг. являлись столичный центр Степанакерт и Мардакертский район, на которые приходилось 2/3 всех русских Нагорного Карабаха (табл. 4.20).

В послевоенные десятилетия русская община автономии постепенно сокращалась. Учитывая существовавший в это время естественный прирост, которого было недостаточно для компенсации ми-

грационных потерь, последние были весьма велики. В 1960-е гг. Нагорный Карабах могло покинуть около трети её русского населения. В 1970-е гг. отток был существенно меньше (около 10 %). Несходящая количественная динамика русской общины была прервана в последнее советское десятилетие – в 1980-е гг. она выросла в 1,5 раза

Таблица 4.20
**Динамика русского населения Нагорного Карабаха,
 1939–2005 гг.**

Годы Территории	Число русских, чел.					
	1939	1959	1970	1979	1989	2005
г. Степанакерт	563	698	607	549		76
Гадрутский р-н	349	74	150	39		14
Мардакертский р-н	1244	611	348	355		23
Мартунинский р-н	457	134	53	155		22
Степанакертский р-н	305	75	6			
Шушинский р-н	256	198	142	114		7
Аскеранский р-н				53		7
Шаумяновский р-н						2
Кашатагский р-н						20
Нагорный Карабах	3174	1790	1310	1265	1922	171
Доля русских, %						
г. Степанакерт	5,4	3,5	2	1,4	1	0,2
Гадрутский р-н	1,3	0,4	0,9	0,3		0,1
Мардакертский р-н	3	1,6	0,8	0,8		0,1
Мартунинский р-н	1,4	0,5	0,2	0,6		0,1
Степанакертский р-н	1	0,4	0,1			
Шушинский р-н	2,4	1,9	1	0,7		0,2
Аскеранский р-н				0,2		0,1
Шаумяновский р-н						0,1
Кашатагский р-н						0,2
Нагорный Карабах	2,1	1,37	0,87	0,78	1,01	0,12

Источник: Демоскоп Weekly. URL:: <http://www.ethno-kavkaz.narod.ru/karabax.html>; Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org>

Причины столь масштабного роста требуют специального анализа. Есть основания полагать, что речь идёт о временном явлении, связанном с обострением армяно-азербайджанского конфликта. Перепись, проведённая в декабре 1989 г., могла зафиксировать в Нагор-

ном Карабахе определённое число вынужденных переселенцев из Азербайджана (речь о русско-армянских семьях).

Однако данный рост оказался явлением кратковременным. Вооружённое армяно-азербайджанское противостояние переросло в полномасштабную войну и миграционный отток из республики превратился в тотальный исход значительной части населения. Автономию покинули представители практически всех национальных меньшинств (русские, украинцы, греки, татары и др.).

Перепись 2005 г. зафиксировала в Нагорно-Карабахской республике только 170 русских. Их средний возраст составлял 43,8 лет, что было неплохим показателем для БЗ. Но значительная часть местного русского населения была представлена женщинами, состоявшими в браке с армянами. Что, как и в случае с Южной Осетией, не позволяло считать эту группу русских сформированной этнической общиной. К 2015 г. численность русских выросла до 238 чел (+39,2 %). Но очевидно, что ликвидация в Нагорно-Карабахской республики конце 2023 г. повлекла практически полный исход армянского населения. Вместе с ним покинули территорию бывшей автономии и ее немногочисленные русские жители.

ГЛАВА 5

РУССКИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

5.1. Казахстан

По численности русского населения Казахская ССР уступала только РСФСР и Украинской ССР. Количественный рост русских сохранялся в республике до середины 1980-х гг. За 1979–1989 гг. он составил 236 тыс. чел. (3,9 %). По пересчитанным в 1990-е гг. данным казахстанских специалистов прирост был ещё меньше – всего 68 тыс. чел. Но оба показателя – свидетельство начавшегося миграционного оттока, масштабы которого по итогам десятилетия оказались достаточно значительными (120–200 тыс. чел.). Ещё больше масштабы оттока выросли в годы перестройки, связанные с подъёмом этнонационализма, проявившего себя в Казахстане, как и во многих других союзных республиках СССР¹.

В первую очередь начинает сокращаться русское население южного Казахстана (табл. 5.1). Отток из Чимкентской области в 1980-е гг. составил порядка 25–30 тыс., из Джамбульской – 20–22 тыс. чел. Миграция существенно превышала естественный прирост, и численность русских в этих регионах начала сокращаться.

Таблица 5.1.

Прирост/убыль русского населения по макрорегионам Казахстана, 1959–1989 гг. (%)

Территории	1959–1970	1970–1979	1979–1989
Запад	48,2	13,6	3,02
Восток	16,6	1,97	1,71
Центр	63,4	8,95	-4,8
Север	39,2	9,65	7,79
Юг	40,5	9,26	-3,9
Весь Казахстан	38,9	8,55	1,13

Источник: табл. 5.1–5.2 рассчитаны по: Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rer_nac_59-89_gs.php

¹ Уже 1986 г. ознаменовался всплеском националистических выступлений в Алма-Ате, связанных с назначением нового секретаря Казахской ССР.

Однако в большинстве других областей русское население продолжало расти, прежде всего, за счёт пополнения городской системы мигрантами из РСФСР и других союзных республик. Города привлекали и внутренних переселенцев. Процесс урбанизации русских Казахстана, протекавший на протяжении всего послевоенного периода, активизировался в 1970–1980-е гг. именно за счёт перетока в городские центры местных русских поселян (табл. 5.2).

Таблица 5.2
Геодемографические характеристики и гендерный баланс
русского населения Казахской ССР, 1959–1989 гг.

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбани- зации, %	Доля русских (%)			Число мужчин на 100 женщин		
	всего	го- род	село		всего	го- род	село	об- щий	го- род	се- ло
1959	3974,2	2343,3	1630,9	59,0	42,7	57,6	31,1	86,2	83,5	90,3
1970	5499,8	3808,3	1691,2	69,2	42,8	58,6	26,6	88,5	87,6	90,4
1979	5991,2	4426,5	1564,7	73,9	40,8	56,3	22,9	88,1	86,1	93,8
1989	6227,5	4823,2	1404,3	77,5	37,8	51,3	99,9	88,9	87,3	94,5

Перепись 1989 г. зафиксировала абсолютный максимум присутствия русских в Казахстане – более 6,2 млн чел. (почти 38 % жителей). Вместе с тем, впервые после переписи 1926 г. русские по общей численности уступили титулльному сообществу. Но география их расселения охватывала всю территорию республики, хотя основные средоточия русского населения по-прежнему располагались на ее севере и востоке. Несмотря на опережающие темпы казахской урбанизации, русские продолжали количественно доминировать в городской системе (более половины горожан республики). Вместе с другими крупными общинами они формировали плотную русскоязычную городскую среду (за исключением центров южного Казахстана). В северных областях, прилегающих к России, русская поселенческая сеть широко включала и сельские территории, на которых русское население составляло 30–40 % жителей (в регионах восточного Казахстана 20–27 %)¹.

¹ Отметим, что все тренды, фиксируемые демографической статистикой этого времени, указывали на устойчивость республиканского русского массива. Подтверждалось эта особенность и социологическими опросами. Исследование русскоселения Казахстана, проведённое ВЦИОМ осенью 1991 г., зафиксировало

Партийное руководство Казахской ССР во главе с Н. Назарбаевым оставалось сторонником идеи сохранения Советского Союза до самого его распада. Весьма ограниченной была степень этнонационализма казахской политической элиты страны и в первые годы независимости республики. Однако наличие существенных этнодемографических различий между различными регионами страны, и прежде всего существование мощного русского пояса на севере и востоке Казахстана не могло не беспокоить его руководство, в условиях социально-экономического кризиса первой половины 1990-х гг. опасавшегося сепаратизма «русских» регионов.

Указанные обстоятельства в полной мере учитывались властями страны при выборе нового политического курса – отчётливо союзнического и партнёрского по отношению к России. Русский язык, не получил статус государственного или официального, но продолжал широко использоваться в делопроизводстве, оставаясь, наряду с казахским, «рабочим» языком в работе государственных органов. Вместе с тем руководство страны предприняло серьёзную административно-территориальную реформу, изменившую контуры ряда областей таким образом, чтобы удельный перевес русских над титульным населением в них стал менее ощутимым.

Ещё большее значение имел перенос столицы из южной Алматы на север Казахстана, в Целиноград, получивший новое название – Астана. Тем самым, демонстрируя очевидную ориентацию на укрепление связей с Россией (до границы с которой от Астаны около 300 км), руководство Казахстана одновременно маркировало северные «русскоцентричные» области как неотъемлемую территорию своего государства. И создавали плацдарм для ускоренного освоения казахами северного макрорегиона, в котором дефицит титульного населения был особенно ощутим. Расчёт на то, что население новой столицы пойдёт в рост преимущественно за счёт притока казахов оправдал себя полностью. Астана стала вторым «миллионником» страны и крупнейшим средоточием казахского населения в пределах северо-восточного русского пояса Казахстана.

низкий уровень миграционных настроений, в сравнении с русскими в республиках Средней Азии, Закавказья и Молдавии. Только 11 % казахстанских русских изъявили желание уехать (меньше оказалось только на Украине и в Прибалтике).

Геодемографическая динамика русского населения и её факторы.

1990-е гг. Комплекс этнодемографических и миграционных процессов, развернувшихся в Казахстане в конце XX в., окончательно сломал длившийся более двух столетий тренд демографического роста русского населения, позволив за 15–20 лет практически полностью снять проблему его потенциального ирредентизма. Только по официальным данным чистый отток русских из республики за 1992–1999 гг. превысил миллион человек (рис. 5.1). В действительности он был ещё выше.

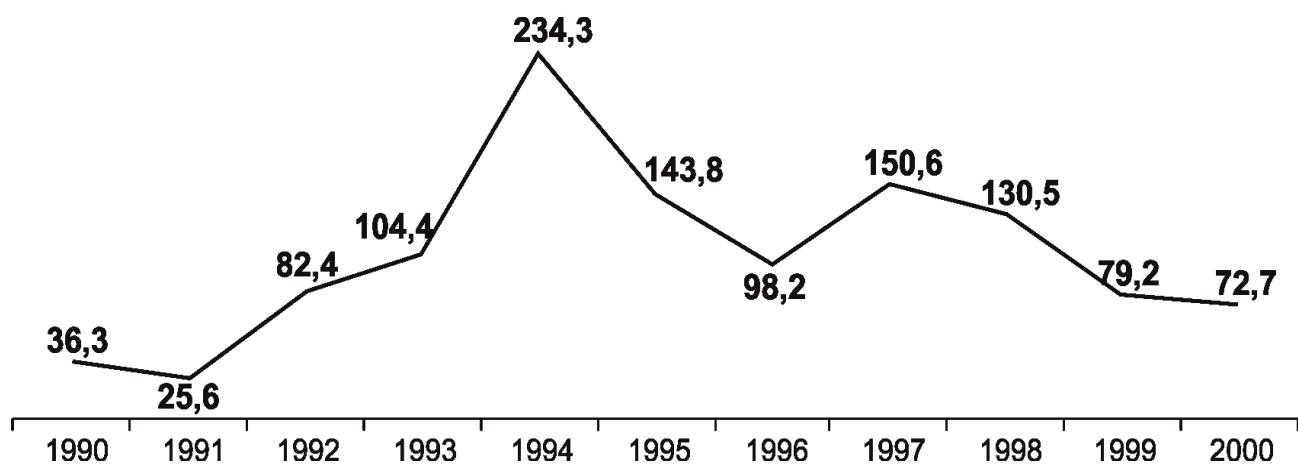

Рис. 5.1. Чистый миграционный отток русских из Казахстана в РФ, 1990–2000 гг. (тыс. чел.)

Источник: Население России ... 2001.

Перепись 1999 г. обнаружила в Казахстане 4,48 млн русских – на 1,5–1,65 млн меньше, чем в 1989 г. Естественная убыль, возникшая в первой половине 1990-х гг., в середине этого десятилетия составляла 3,5 %, к концу выросла до 5–6 %. Таким образом, за 1990–1999 гг. её совокупный размер не превышал 3–4 % (150–200 тыс. чел.)

Минимальными были и ассимиляционные потери, связанные с этнической титулацией большей части смешанного потомства русско-казахских семей, поскольку размер такого биэтнического множества (в отличие, например, от Украины или Беларуси) был в Казахстане достаточно ограничен. При этом этногенетическая, социокультурная и языковая дистанция были слишком велики, чтобы «чистые» русские массово «переходили» в казахи. К тому же параллельно продолжался процесс обрусения ряда крупных русскоязычных общин Казахстана. В целом русский массив страны продолжал демографи-

чески выигрывать в результате ассимиляционных процессов (дальней данный аспект будет рассмотрен ниже).

И демографическая убыль русских определялась только оттоком и естественными потерями. Что позволяет оценить реальные масштабы миграции русского населения Казахстана в 1990-е гг. в пределах 1,4–1,45 млн чел. (на 40 % выше данных официальной статистики).

Повсеместный характер убыли русского населения страны не исключал её региональных особенностей. Быстрее сокращались общинны южного и западного Казахстана. На севере и востоке вековая укоренённость русского населения и его значительная концентрация тормозили миграционный отток. Хотя в абсолютных размерах потери русского массива были максимальными именно здесь (рис. 5.2).

В целом его депопуляция составляла в пределах 22–25 % на севере, востоке и в центре страны и 30–33,5 % на «казахоцентрических» юге и западе. Максимальные скорости дерусификации обнаруживались в ряде южных и западных областей (Атыраусская, Кызылординская, Южно-Казахстанская, Мангистаунская в 1990-е гг. потеряли 40–55 % своих русских жителей). При этом в равной степени убывали горожане и сельские жители (их сокращение в масштабах всего Казахстана составило соответственно на 25,8 % и 27,2 %).

2000-е годы. Сформированные в первое постсоветское десятилетие геодемографические тренды сохранились в «нулевые». Естественные потери дополнялись миграционной убылью и количественное сокращение русских было почти повсеместным. Но социально-экономическая стабилизация страны, рост уровня жизни населения сказалась на масштабах оттока: в начале XXI в. он, по данным миграционного учёта, упал до 22–26 тыс. в год (рис. 5.3).

Работало на сокращение миграции и то, что основная масса русских, однозначно настроенных на отъезд, к этому времени уже покинула страну. Остались те, кто так или иначе сумел адаптироваться к реалиям постсоветского Казахстана, статусным потерям и очевидному доминированию титульной нации во всех престижных социальных иерархиях.

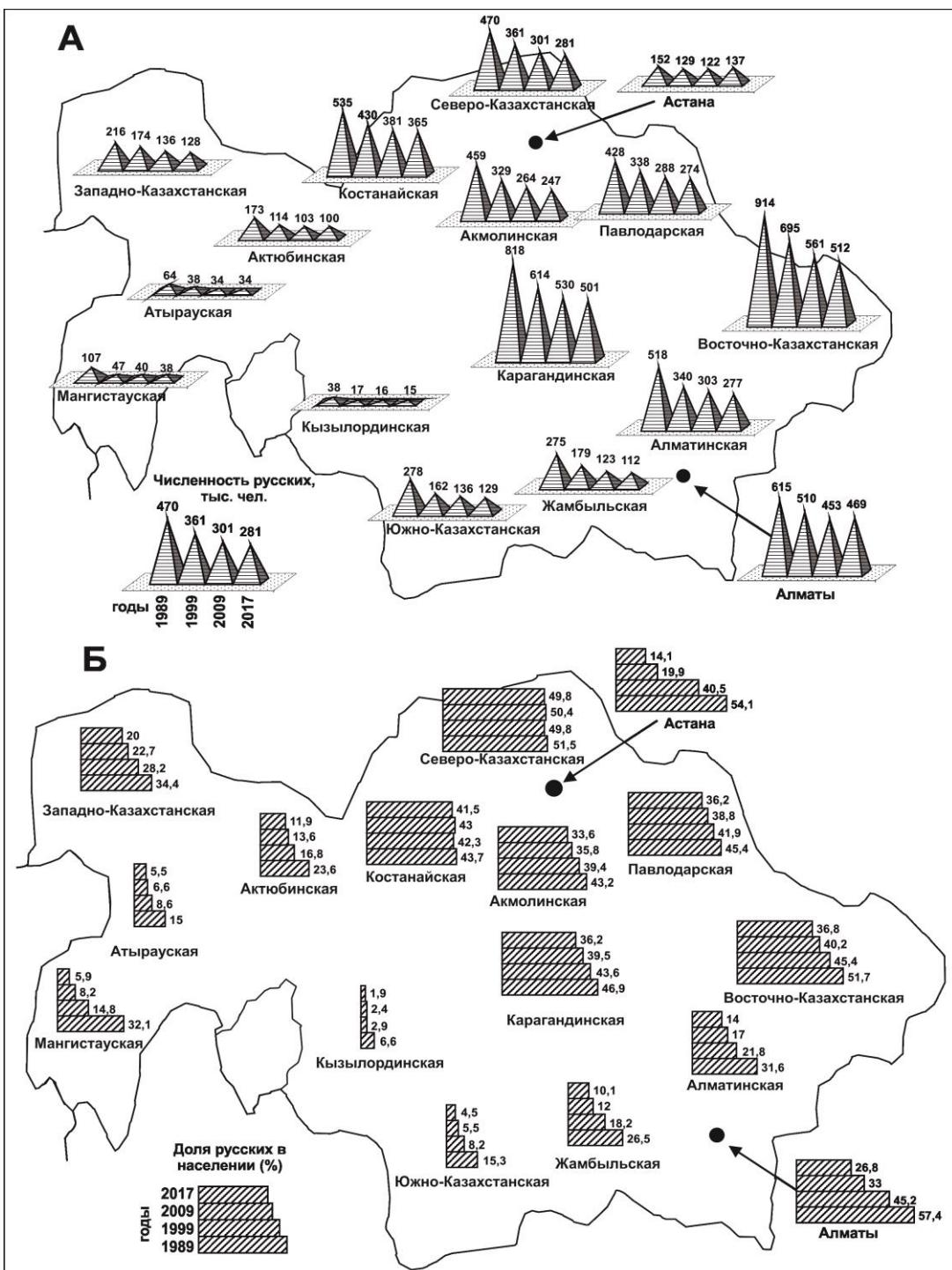

Рис. 5.2. Динамика русского населения Казахстана, 1989–2017 гг. (тыс. чел.):

А. численность, тыс. чел.; Б. доля в населении, %

Источник: Рисунки 5.2.–5.6 составлены по данным Всесоюзной переписи 1989 г., переписей Казахстана 1999, 2009 гг. и текущей статистике.

Впрочем, сократившись в разы, эмиграция русских из республики оставалась устойчивой на всем протяжении «нулевых». По переписи 2009 г. русское население Казахстана составило 3,79 млн чел. – на 690 тыс. меньше, чем в конце 1990-х гг. Согласно официальной

статистике, чистый отток русских из страны за этот период составил 343 тыс. чел. Но, как и ранее, его реальная величина была заметно больше. Поскольку естественная убыль русского населения, в начале 2000-х гг. составлявшая 5,8–6,1 %, к середине десятилетия опустилась до 5 %, а в конце – до 2 %. И общие естественные потери в этом десятилетии составили в пределах 180–200 тыс. чел.

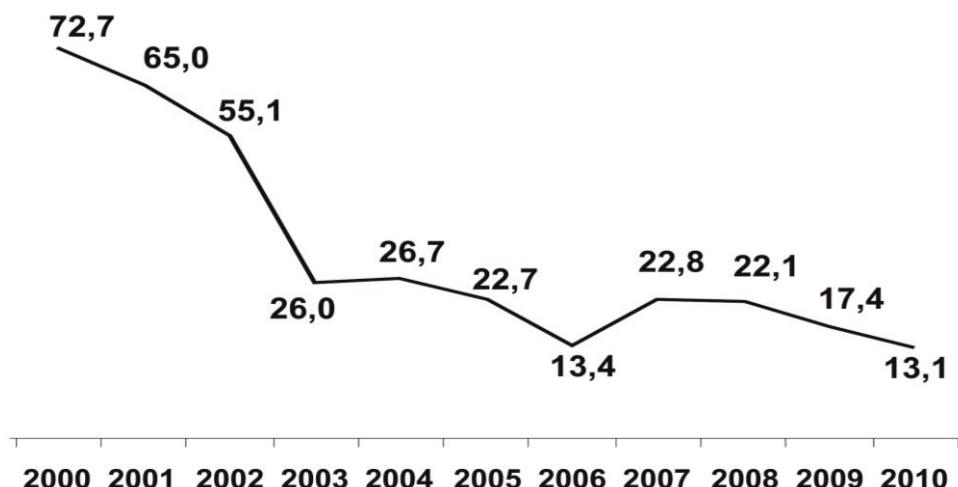

Рис. 5.3. Чистый отток русских из Казахстана в 2000–2010 гг., тыс. чел.

Ассимиляционная динамика. Положительной для русских оставалась и общая результирующая ассимиляционных процессов. Процесс обрусения, начавший проявлять себя в Казахстане в послевоенные десятилетия, заметно ускорился в постсоветский период, когда переход в «русские», казалось бы, потерял всякий практический смысл и предпочтительней стала казахская идентичность. У этого, на первый взгляд, парадоксального тренда имелось несколько причин.

Распад СССР резко активизировал миграцию из Казахстана национально ориентированных представителей крупных русскоязычных диаспор. К концу 1990-х гг. в стране остались наиболее русифицированные части этих общин, при этом значительно сжатые в размерах. Для составляющего их, в своей массе русскоязычного и «русскокультурного» населения, поиск брачных партнёров собственной национальности становился, с одной стороны, делом всё более сложным, с другой – всё менее важным. Наиболее распространенным вариантом оказывался именно русский партнёр. Как результат, доля моннациональных браков у представителей данных общин (за исключением татар и корейцев) был в несколько раз меньше удельного

веса семей с русским супругом (табл. 5.3). Можно сказать, что русские в постсоветском Казахстане превратились в своего рода полюс этнической консолидации населения, этногенетически и социокультурно не имеющего отношения к Центральной Азии. Тогда как казахи «титулизировали» смешанное потомство своих межнациональных браков с представителями среднеазиатских общин (узбеков, уйголов и др.).

Таблица 5.3
**Мононациональные семьи и семьи с титульными
и русскими супругами у представителей ряда
русскоязычных общин Казахстана, 2009 г. (тыс., %)**

Народы	Количество браков (тыс.)			Доля браков (%)*		
	монона- циональные	с рус- скими	с каза- хами	монона- циональные	с русскими	с каза- хами
Украинцы	28,2	111,3	6,3	19,3	76,3	4,32
Немцы	9,2	55,8	4,6	13,2	80,2	6,6
Татары	22,8	33,0	20,4	29,9	43,3	26,8
Белорусы	2,9	22,3	1,4	10,9	83,8	5,3

* – за 100 % принята сумма первых трех столбцов.

Источники: рассчитано по переписи Казахстана 2009 г.

В 2000-е гг. процессы ассимиляции русскоязычных общин еще более ускорились. Количество мононациональных семей в них заметно сократилось. Эти этнические группы демонстрировали максимальные темпы убыли, сжимаясь не только в результате миграции и естественных потерь, но и вследствие ускорившегося обрушения. Если за 1989–2009 гг. русское население Казахстана потеряло около 38 % своей численности, то четыре крупнейших русскоязычных диаспоры страны в сумме сократились в три раза (табл. 5.4). Причём если в 1990-е гг. значительная часть потерь пришлась на отток, то в 2000-е гг. ощутимо выросла ассимиляционная убыль.

Если исходить из официальных данных по миграции и естественной динамике представителей данных четырёх общин, совокупные масштабы их ассимиляции в 1999–2008 гг. должны были составлять порядка 182–185 тыс. чел. (табл. 5.5). В действительности реальные размеры оттока были заметно выше (по аналогии с русской миграцией, теневая компонента могла составлять до 30–40 %). Необходимо учесть и то, что ассимиляция помимо обрушения включала ти-

тулизацию и другие идентификационные переходы (хотя в сумме их количественный масштаб, очевидно, был в разы меньше).

Таблица 5.4
**Динамика крупнейших русскоязычных общин
Казахстана, тыс. чел.**

Народы	Численность, тыс. чел.			Динамика, %		
	1989	1999	2009	1989 / 1999	1999 / 2009	1989 / 2009
Украинцы	896,2	547,1	333,2	61	60,9	37,2
Татары	328,0	249,0	203,3	75,9	81,6	62
Немцы	946,9	353,4	178,2	37,3	50,4	18,8
Белорусы	177,9	111,9	66,5	62,9	59,4	37,4
Всего	2349	1261,4	781,2	53,7	61,9	33,3

Таблица 5.5
**Структура демографической убыли ряда русскоязычных
общин Казахстана, 1999–2009 гг.**

Народы	Убыль	Количественные потери, тыс. чел			Доля в общей убыли, %		
		мигра- ция	естествен- ная убыль	ассими- ляция	мигра- ция	естествен- ная убыль	ассимиля- ция
Украинцы	213,9	60	55–57	97–99	28	25,7–26,6	45,3–46,3
Татары	45,7	12,9	9–9,5	23,5–24	28	19,7–20,8	51,4–52,5
Немцы	175,2	149,0	(+)12,5–13*	38,7–39,2	79,3	–	20,7
Белорусы	45,4	12,7	9,5–10	22,7–23,2	28	20,9–22	50–51,1
Всего	480,2	234,6	61–63,5	181,9–185,4	48,9	12,7–13,2	37,9–38,6

* – у немцев в данный период фиксировался естественный прирост.

А для расчета ассимиляционного пополнения русских Казахстана следует принять во внимание, что часть этого демографического «довеска» шла на компенсацию потерь, понесённых во взаимодействии с титульным народом страны (Gorenburg 2006, р. 153). По переписи 1999 г. у русских в Казахстане было 1482 тыс. семей, в т.ч. 999 тыс. однонациональных (67,4 %). К 2009 г. вследствие общего сокращения русского населения, число семей у него сократилось до 1243,5 тыс. (из них 860 тыс. моноэтничных – 69,2 %).

Помимо казахов брачными партнёрами русских часто становились представители других национальностей. Более того, в таких межэтнических браках количественно доминировали именно «неказахи». Украинцы, немцы, белорусы, татары в 1990–2000-е гг. давали сумме основную часть брачующихся с русскими (рис. 4.4).

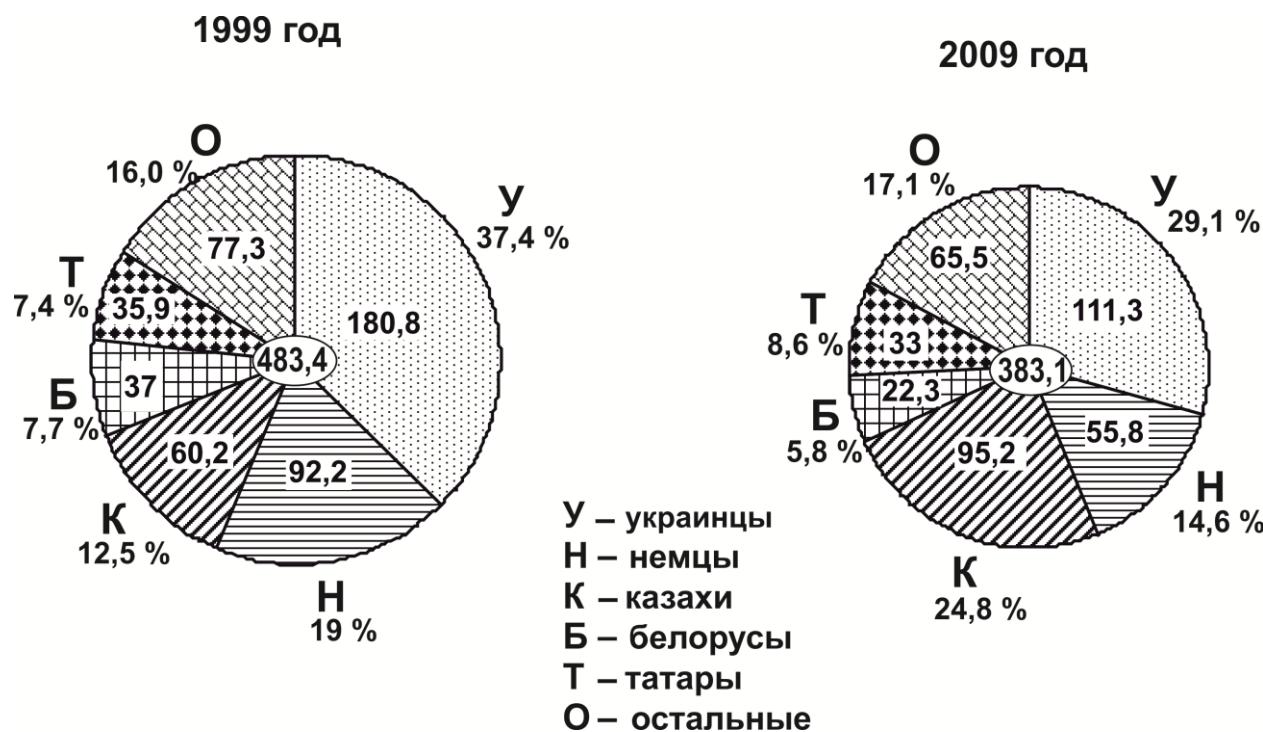

Рис. 5.4. Национальность супруга (супруги) в межнациональных браках русских Казахстана, 1999–2009 гг. (тыс. чел., %)

Но, как отмечалось, общий демографический ресурс русскоязычного сообщества Казахстана стремительно сокращался. Если в 1989 г. четыре крупнейших его диаспоры заключали 2,35 млн чел., то к 2009 г. – 0,78 млн. При этом, только смешанное потомство русско-украинских и русско-белорусских семей с большим перевесом выбирало русскую идентификацию. В семьях русских с татарами и немцами соотношение идентичностей было более равновесным. Пополняли русскую общчину и представители других русскоязычных общин (в том числе ряда поволжских, польской, молдавской). Но их численность была слишком невелика, чтобы обрушение этих общин складывалось в ощутимую демографическую величину.

К тому же часть приобретённого ассимиляционного «довеска» русских шла на компенсацию демографических потерь, связанных с русско-казахским смешанным населением, у представителей которо-

го, как уже отмечалось, в постсоветский период обнаруживался отчётливый перевес титульной самоидентификации¹. Между тем доля супругов-казахов в межнациональных браках русских страны быстро росла. Если в конце XX в. они были третьими после украинцев и немцев, то в 2009 г. уже вторыми, уступая только украинцам, но почти до минимума сократив отставание от них (за 1999–2009 гг. доля русско-казахских браков в межнациональных семьях русских выросла с 12,5 % до 25 %). При сохранении данного тренда русско-казахские браки во второй половине 2010-х гг. должны были стать самым распространённым вариантом межнациональной брачности русских страны.

Учитывая сказанное, едва ли общая положительная результирующая ассимиляции для русской общины в 2000-е гг. превышала 90–100 тыс. чел. Ориентируясь на эту цифру и величину естественной убыли русских есть основания полагать, что реальный размер их оттока из Казахстана в этом десятилетии составлял не менее 600 тыс. человек.

Макрорегиональные показатели демографической убыли русского населения в «нулевые» сблизились. При этом максимальные темпы демонстрировал уже восток страны, потерявший в 1999–2008 гг. 19,2 % своих русских жителей (табл. 5.6). Обнаруживался этот процесс и на областном уровне. Большинство территорий, наиболее интенсивно терявших русских в первое постсоветское десятилетие, теперь характеризовалось меньшими масштабами убыли². Как результат, межрегиональная амплитуда этого показателя заметно сократилась (с 2,6-кратной в 1989–1999 гг. до 2,1-кратной в 1999–2009 гг.).

Существенной спецификой в 2000-е гг. отличалась демографическая динамика русских Казахстана и в расселенческом аспекте. Практически вся убыль пришлась на горожан, численность которых сократилась на 620 тыс. чел. (19,8 %). При этом русское сельское население потеряло только 2,8 тыс. (0,2 %). Более того, в половине областей Казахстана (причём расположенных в разных макрорегионах) оно количественно даже возросло (рис. 5.5). Что указывало на значительные масштабы межрегиональных и внутриобластных ми-

¹ В советский период ситуация была противоположной – около 58% детей из русско-казахских семей республики во время переписи 1979 г. были отнесены к русскому народу (рассчитано по: Волков 1989).

² Исключение южная – Жамбылская область, второе десятилетие подряд оставшаяся среди лидеров депопуляции русских.

грационных перемещений русского населения. Как результат, уровень урбанизации русских Казахстана за 1999–2009 гг. снизился на 4 % (с 76,9 до 72,8 %)¹.

Таблица 5.6
**Прирост/убыль русского населения по макрорегионам
Казахстана, 1959–2016 гг. (%)**

Территории	1989– 1999	1999– 2009	2009– 2016
Запад	−33,4	−16,3	−3,4
Восток	−24	−19,2	−7,7
Центр	−24,9	−13,7	−4,5
Север	−22,3	−14,7	−3,3
Юг	−29,9	−14,7	−2,3
Весь Казахстан	−26,1	−15,4	−3,9

Источник: рассчитано по данным Всесоюзной переписи 1989 гг., переписям Казахстана 1999, 2009 гг. и текущей демографической статистике

Таблица 5.6а
**Убыль русского населения Казахстана по уровням системы
расселения, 1959–2016 гг. (%)**

Динамика, %	1989- 1999	1999- 2009	2009- 2021	1989- 2021	1989-2021 кратность
Алма-Ата	−17,0	−11,3	−8,2	−32,4	1,48
Астана	−14,8	−5,6	−3,1	−22,1	1,28
Остальные города	−28,0	−22,1	−20,2	−55,3	2,24
Сельская местность	−25,8	−0,2	−31,8	−49,5	1,98

Источник: рассчитано по данным Всесоюзной переписи 1989 гг., переписям Казахстана 1999, 2009 гг. и текущей демографической статистике

¹ Максимальным его сокращение оказалось в Алматинской, Кызылординской и Костанайской областях (на 11–14 %); на 8–9 % он снизился в Восточно-Казахстанской, Жамбылской; на 6,5 % – в Атырауской областях.

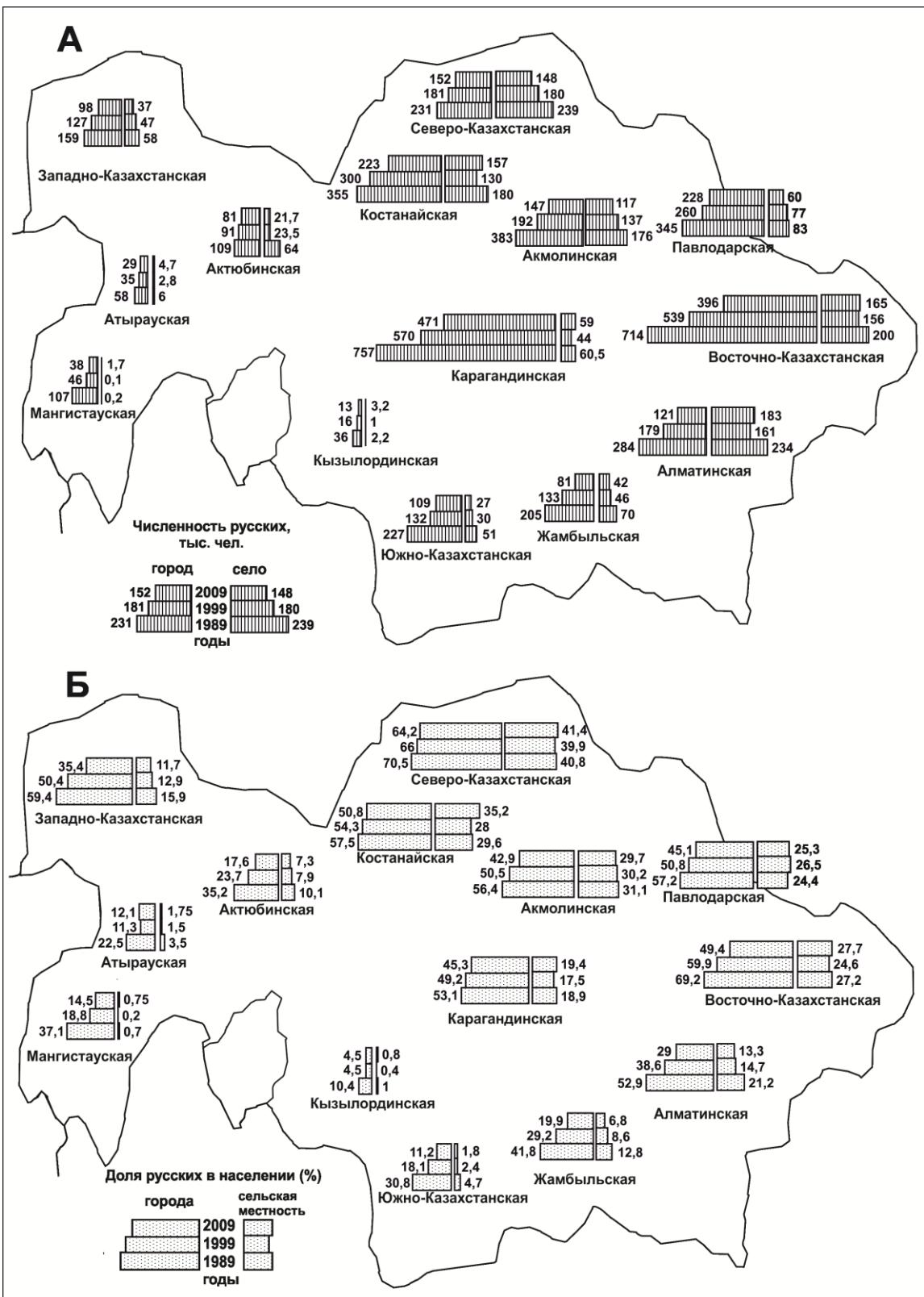

Рис. 5.5. Динамика русского населения Казахстана по формам расселения (город/село), 1989–2009 гг.: численность, тыс. чел. (А); доля в населении, % (Б)

2010-е – начало 2020-х гг. Масштабы оттока русских, фиксируемые миграционной службой, сократившись в «нулевые» с 55–73 до

13–17 тыс. чел. в год, в первой половине 2010-х гг. стабилизировались на уровне 17–18 тыс. чел, а во второй половине выросли до 23–29 тысяч. На годы пандемии (2020–2021 гг.) пришлось новое сокращение масштабов миграции (рис. 5.6). В целом, за 2020–2021 гг. по данным Бюро национальной статистики Казахстана чистый отток русского населения из страны составил 224 тыс. человек.

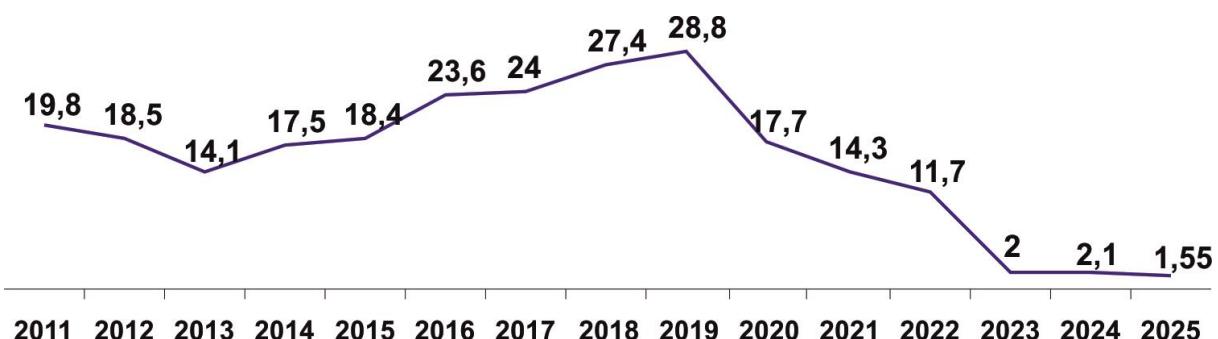

Рис. 5.6. Чистый отток русских из Казахстана в 2011–2025 гг., тыс. чел.

Естественная убыль с 20–25 тыс. в год в начале 2000-х гг. сократилась к концу десятилетия до 7,5–9 тыс. человек. Этот положительный тренд перешёл в 2010-е гг., первая половина которых характеризовалась минимальными уровнями естественной убыли русских за весь постсоветский период. Как за счёт выросшей до 12–12,8 % рождаемости, так и вследствие снижения смертности. В 2014–2016 гг. естественные потери составляли 1,4–3,2 тыс. человек. С 2017 г. начинается период их нового быстрого роста.

В отсутствии информации за 2021 г. есть основания полагать, что именно на него пришёлся максимальный уровень естественной убыли русских, связанный с мировой пандемией. Но в целом ее масштабы за 2010–2021 гг. оказались достаточно ограниченными (с учётом 2021 г. они могли составить 92–94 тыс. чел.) (рис. 4.7).

Относительно невысокий уровень демографических потерь в данный период фиксировался и текущим демографическим учётом – согласно ему численность русских Казахстана за 2009–2021 гг. сократилась на 315 тыс. чел. (–8,3 %). Однако перепись 2021 г., как и предыдущие, зафиксировала значительно большие масштабы депопуляции русского населения, которое сократилось за межпереписной период на 21,6 % (с 3,79 до 2,98 млн чел.). Таким образом, демографические потери оказались в 2,6 раз выше учтённых органами статистики. Такого расхождения не было в 1999-м, тем более, в 2009 году.

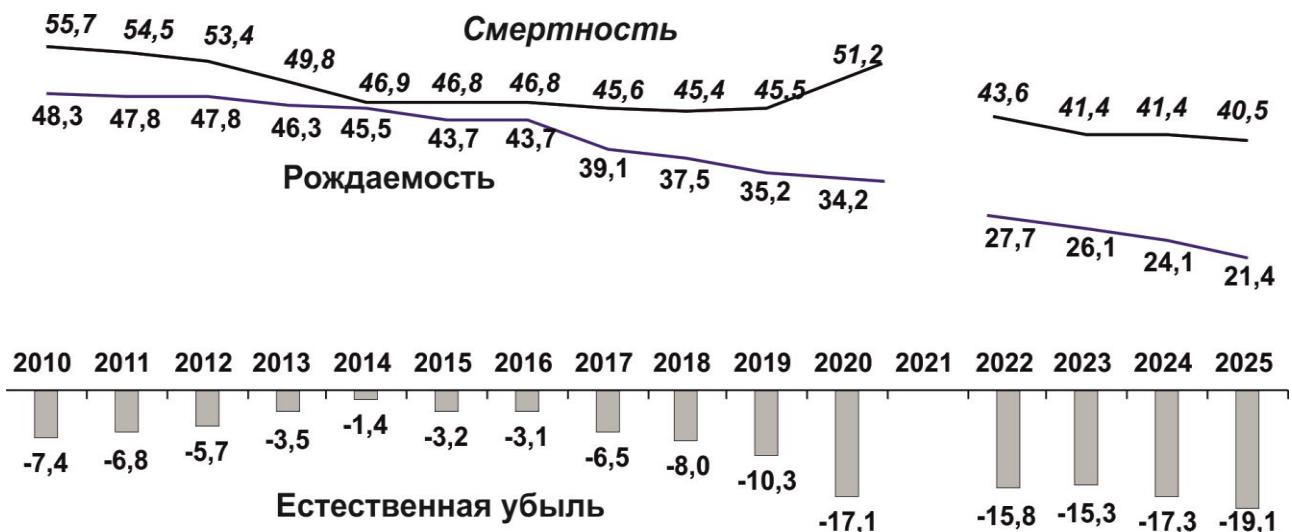

Рис. 5.7. Естественная динамика русского населения Казахстана, 2010–2025 гг. (тыс. чел.)

Источник: рассчитано по данным переписей Казахстана 2009, 2022 гг. и текущей демографической статистике.

Объяснить его одним недоучётом оттока русских невозможно. Тем более, что в отличие от первого постсоветского десятилетия учёт миграционной динамики населения в настоящее время организован значительно лучше и масштабы её теневой составляющей на порядок меньше, чем в 1990-е гг. Достаточно точной была и статистика показателей рождаемости и смертности русского населения.

Возникает вопрос о возможном общем недоучёте русского населения во время последней переписи Казахстана – дефекта, характерного, в частности, для российской переписи населения 2021 г. Проверку этого предположения можно осуществить через сравнительный анализ количественной динамики других крупных национальных общин Казахстана за межпереписной период по данным текущего учёта и результатам переписи. Причём в исследовательский фокус, прежде всего, должны быть включены русскоязычные диаспоры (табл. 5.7).

Согласно текущему демографическому учёту, часть русскоязычных общин в период 2009–2021 гг. сокращалась заметно быстрее русского населения. Прежде всего, это были украинцы и белорусы, максимально обрусевшие национальные сообщества, численность которых, по данным текущего учёта сократилась в Казахстане на 21,4–22,9 %. Более высокой чем у русских оказалась депопуляция и у поляков (–14,4 %). Ниже данный показатель был у немцев, татар и корейцев.

Таблица 5.7

**Динамика численности русских и ряда русскоязычных общин
Казахстана по результатам переписей 2009, 2011 гг. и данным
текущего учета (тыс. чел., %)**

Показатели	Русские	Украинцы	Немцы	Татары	Корейцы	Белорусы	Поляки
2009 (перепись), тыс. чел.	3793,8	333,0	178,4	204,2	100,4	66,5	34,1
2021 (текущий учет), тыс. чел.	3478,3	256,7	174,6	199,4	108,3	52,2	29,2
Динамика: 2009 (перепись) – 2021 (текущ. учет), %	-8,3	-22,9	-2,1	-2,4	7,9	-21,4	-14,4
2021 (перепись), тыс. чел.	2981,9	387,3	226,1	218,7	118,5	76,5	35,3
Динамика: 2009 (перепись) – 2021 (перепись), %	-21,4	16,3	26,7	7,1	18,0	15,0	3,5
<i>Разница: 2021 (перепись) / 2021 (текущий учет)</i>							
%	-14,3	50,9	29,5	9,6	9,4	46,5	21,1
тыс. чел.	-496,3	130,6	51,5	19,2	10,2	24,3	6,15

Но если результаты переписи 2021 г. для русского населения оказались значительно хуже данных текущего учёта, то у всех перечисленных русскоязычных общин ситуация была обратной (табл. 5.7). Их размеры оказались существенно больше, чем определял статучёт, фиксирующий численность этнических групп по показателям естественного воспроизводства и миграционного сальдо. Согласно переписи, все русскоязычные общины в 2010-е гг. продемонстрировали количественный рост. Для большинства из них это произошло впервые в постсоветский период. Причём максимальные расхождения между текущим учётом и переписью продемонстрировали именно восточные славяне (разница составила 46,5–50,9 %).

Предположение о недоучёте русского населения во время переписи 2021 г. не подтвердилось. Но определился другой фактор, с большой вероятностью, ставший основной причиной масштабной депопуляции русских стран. Ассимиляция на протяжении послевоенных десятилетий, а потом и в 1990–2000-е гг., работавшая на их демографическое пополнение, в 2010-е гг. изменила свой вектор и часть

биэтнофоров, ранее самоопределявшихся как русские, во время переписи 2021 г. выбрали другую национальность.

Размеры шести русскоязычных общин по ее результатам оказались в сумме на 242 тыс. чел. больше, чем фиксировала текущая демографическая статистика. Что составляет почти половину «сверхубыли» русских в межпереписной период. С большой вероятностью, увеличились в данный период и ассимиляционные потери русского населения, обусловленные растущей брачностью с казахами, влекущей за собой этнокультурную «титулизацию» значительной части смешанного потомства.

Итак, фактор, на протяжении первых постсоветских десятилетий позволявший компенсировать часть демографических потерь русской общины Казахстана, в 2010-е гг. превратился в центральную причину ее депопуляции. Речь идет о сложном социальном явлении, многостороннее основание которого предполагает комплексное этносоциологическое исследование, позволяющее определить причины и устойчивость произошедшей идентификационной инверсии, соотношение в данном процессе глубинных этносоциокультурных сдвигов и практической целесообразности, способной меняться вместе с актуальной этнополитической конъюнктурой. Учитывая, что биэтнофоры в настоящее время составляют заметную часть русского населения Казахстана, от доминирующего вектора их этнокультурного самоопределения в значительной степени зависят дальнейшие демографические перспективы русской общины страны.

Геодемографическая динамика последних лет (2022–2025 гг.)

Начало СВО стало фактором, серьезным образом повлиявшим на демографическую динамику русского населения Казахстана. В течение 2022 г. в стране появилась достаточно обширная группа российских релокантов. Точной информации о размерах этой группы нет. Но у исследователей не вызывает сомнения, что она была самой крупной в пределах ближнего зарубежья России. Своего пика эта миграционная волна достигла в осенний период, т.е. в первую очередь формировалась «уклонистами», избегавшими мобилизации.

Согласно различным оценкам к концу 2022 г. группа российских релокантов в Казахстане заключала порядка 120–150 тыс. человек (Zavadskaya 2023), притом, что в «моменте» могла достигать 200–300 тыс. человек¹. География её преимущественно ограничивалась

¹ Генконсул России назвал число релокантов в Алма-Ате. РИА Новости. <https://ria.ru/20241212/relokanty-1988908700.html>

крупными центрами страны, прежде всего, тремя её «миллиониками» – Алма-Атой, Астаной, Шымкентом. В 2023–2025 гг. значительная часть этих мигрантов покинула Казахстан, вернувшись в Россию или переехав в одну из европейских стран. Тем не менее 60–100 тыс. репатриантов может находиться в Казахстане и в настоящее время (в т.ч. 45–80 тыс. русских).

Очевидно, что только небольшая их часть сможет в дальнейшем укорениться в стране, пополнив её русское население. Этот демографический «довесок» едва ли сможет превысить 1–1,5 % от общей его численности. И центральные сдвиги геодемографической динамики русской общины, обусловленные СВО, будут связаны с миграцией старожильческого населения и ассимиляционным процессом. Миграционной службой Казахстана в 2023–2025 гг. зафиксированы абсолютные минимумы чистого оттока русских из страны за весь постсоветский период. За три данных года он в сумме составил 5,65 тыс. чел. – 1,9 тыс. в год, что на порядок ниже масштабов предыдущего десятилетия. Таким образом, центральный фактор демографических потерь русских в 1990–2000-е гг. в последние годы оказался сведённым почти к нулевой отметке.

С другой стороны, идущая несколько лет спецоперация и связанные с ней подвижки в этнополитической и социокультурной сферах Казахстана; а также особенности восприятия российско-украинского вооружённого конфликта политической элитой страны, её титульным сообществом и всем казахстанским социумом, могут «стимулировать» дальнейший переход многочисленных русских биэтнофоров к другим национальным идентичностям.

Как отмечалось, Казахстан в 1990-е гг. обошёлся без масштабного включения жёстких этноцентрических практик в деятельность государственных органов. Что, впрочем, не помешало установке полного доминирования титульного народа во всех значимых социальных иерархиях и профессиональных сообществах (Савоскул 2001). Как показала последующая этнополитическая динамика казахстанского общества, не развязался и проблемный узел, связанный с сохранением в пределах страны двух крупных этнолингвистических и социокультурных ареалов – преимущественно русскоязычных и «русскокультурных» севера, востока, отчасти центра и динамично демографически растущих, казахоцентрических запада и юга.

Уже в начале 2000-х гг. исследователи отмечали высокую потенциальную конфликтогенность такого положения¹. В 2010-е гг. «градус» религиозного радикализма в титульном сообществе заметно снизился, но латентный этноцентризм сохранился на высоком уровне. Доля крайних националистов среди титульной молодёжи страны (и казахов в целом) была ограниченной. Но у внутренних политических сил, заинтересованных в конструировании Казахстана в качестве «этнического» государства имеется достаточно массовая этносоциальная опора.

Есть все основания полагать, что резкое ухудшение российско-украинских отношений, поддержка Россией сепаратистской динамики Восточного Донбасса (Донецкой и Луганской народных республик); декларируемый российскими властями курс на активную поддержку соотечественников в ближнем зарубежье, в середине – второй половине 2010-х гг. существенно нарастили этномобилизационный потенциал казахского титульного сообщества, увеличили его общую настороженность по отношению к русскому населению страны, как возможной пятой колонне.

Этот негативный психоэмоциональный сдвиг, безусловно, считывался русскими Казахстана, стимулируя у части из них рост маскировочных социальных практик. У смешанного населения, до середины 2010-х гг. самоопределявшегося русскими, одной из них могла становиться «публичная» смена национальной идентичности². Что в

¹ «Разбегающаяся асимметрия закладывает основу будущих потрясений, поскольку молодёжь оказалась разделённой на два сегмента – казахоязычный и русскоговорящий. Их менталитет и самоидентификация по своей сущности различны. Говоря на разных языках, они и думают по-разному. Отчуждение между ними возникает и по поводу представлений о национальном государстве, и по поводу государственного языка. Потенциальную опасность несёт и присутствующая в молодежной среде критически высокая концентрация конфликтогенного потенциала на этнорелигиозной почве... Линии наибольшей напряжённости проходят как среди самих казахов – между казахами русскоязычными и казахоязычными, так и между казахоязычными казахами и русскими; между приверженцами ислама и православного христианства» (Алматбаева 2001, с. 89).

² Очевидно, что имелось и определенное число биэтнофоров (например, русско-украинских), совершивших такой идентификационный транзит в силу идеологических убеждений, а не из практической целесообразности. Однако не существует способов достоверной фиксации соотношения реальной и конъюнктурной смены идентичности у смешанного населения.

полной мере проиллюстрировали результаты последней переписи населения. Можно предположить, что с начала 2022 г. этот тренд ещё более усилился. В этом случае, ассимиляция в различных инвариантах¹, в 2020-е гг. будет оставаться центральным фактором демографической депопуляции русской общины страны.

Существенный рост в последние годы демонстрируют и естественные потери русских, прежде всего связанные с быстрым сокращением уровня рождаемости. За 2020–2025 гг. число детей, рожденных русскими женщинами, сократилась в стране с 34,2 до 21,4 тыс. в год ($-37,4\%$). Основная причина этого явления – быстрое сокращение группы женщин репродуктивного возраста².

Со второй половины 2010-х гг. во взрослую жизнь входит малочисленная генерация уроженцев 1990-х гг. и выпадают из детородного возраста более обширные старшие когорты женщин. Если в 2010 г. в возрасте 20–39 лет находилось 619 тыс. русских женщин Казахстана, то к 2020 г. данная цифра даже без учета оттока должна была сократиться до 560 тыс. ($-10,5\%$). В 2030 г. её размеры составят только 430 тыс. ($-30,5\%$). В такой ситуации значительное падение масштабов рождаемости было неизбежным.

Темпы общей депопуляции русского населения страны в 2021–2025 гг., согласно официальной статистике, держатся на уровне 0,6–0,7 % в год. При этом, в территориальном разрезе демографическая динамика русских была разнонаправленной. Что было связано с достаточно активной межрегиональной миграцией, в которой центральными направлениями был переток русского населения в Астану и Алма-Ату. При этом, во второй из них привлекательным для переселенцев был и столичный регион.

Демографические перспективы русских Казахстана. За последнее десятилетие (2015–2025 гг.) коэффициент естественной убыли русских Казахстана вырос с 0,1 до 6,4 %. Поскольку группа ре-

¹ Смена идентичности у взрослых биэтнофоров, выбор нерусской национальной компоненты у детей и подростков из смешанных семей, проходящих стадию этнокультурной социализации.

² Можно было предположить, что некоторую роль в этом играла и маскировочная практика – часть рожениц смешанного происхождения самоопределялась по своей другой этнонациональной компоненте. Но анализ динамики рождаемости в первой половине 2020-х гг. в крупных русскоязычных общинах обнаружил в сопоставимой степени тот же нисходящий тренд, обусловленный сокращением группы репродуктивных женщин.

продуктивных женщин в русской общине продолжит сокращаться до начала – середины 2030-х гг., следует ожидать дальнейшего снижения абсолютных масштабов рождаемости. Однако рост коэффициента естественной убыли может сдерживаться параллельным снижением уровня смертности русского населения. От динамического соотношения данных двух процессов будут зависеть темпы естественной убыли. Положительным сценарием для русской общины представляется сохранение этого показателя во второй половине 2020-х гг. на современном уровне (6,5–7 %), с повышением в последующие 10–20 лет на 1–1,5 %. Но более вероятным выглядит вариант естественной убыли, составляющий 7,5–8,5 % в ближайшую «пятилетку» и 9–10 % в 2030–2040-е гг. (в среднегодовом исчислении) (табл. 5.8).

Таблица 5.8
**Сценарии динамики русского населения Казахстана
(удельные показатели), 2025–2050 гг.**

Сценарии	2025–2030	2031–2040	2041–2050
<i>Естественная убыль (% от численности)</i>			
Оптимистический	3–3,5	7,5–8,5	7,5–8,5
Наиболее вероятный диапазон	4,0–4,5	9–10	9–10
Негативный	5–5,5	11–12	11–12
<i>Ассимиляция (% от численности)</i>			
Оптимистический	+(-4)	+(2–3)	+(2–3)
Наиболее вероятный диапазон	-2 – +2	-1 – +1	-1 – +1
Негативный	-(4–5)	-(3–4)	-(3–4)
<i>Чистый отток (% от наличной численности)</i>			
Оптимистический	0,3–0,4	0,4–0,6	0,4–0,6
Наиболее вероятный диапазон	0,5–1,0	0,7–2,0	0,7–2,0
Негативный	2–3	2,5–5,0	2,5–5,0

Источник: табл. 5.8–5.9 составлены по расчетам автора.

В миграционной сфере разбег возможных вариантов динамики ещё более велик – от сохранения существующего положения (отток в пределах 1,5–2,5 тыс. чел. в год) до возвращения масштабов эмиграции, характерных для второй половины 2010-х гг. (0,9–1,0 % в год от общей численности русских – в абсолютном измерении 25–30 тыс. во второй половине 2020-х гг. и 25–30 тыс. в последующие 10–20 лет). Впрочем, последний сценарий, представляется «сверхнегативным» для второй четверти века.

Поскольку на дальнейший спад миграции русских из Казахстана, помимо сложного положения современной России, находящейся в жёстком противостоянии с коллективным Западом, работают сразу несколько факторов. Выделим среди них общее сжатие русского массива, снижающее показатели его механической динамики; политическая и социально-экономическая стабильность Казахстана; комплексная адаптация местных русских к своему положению в казахстанском социуме, постепенное освоение казахского языка¹; рост прослойки возрастного населения, имеющего пониженную мобильность. В такой ситуации чистый отток в размере 7–15 тыс. чел. в год (2,5–5,0 % за десятилетие от общей численности русских) в 2030–2040-е гг. представляется негативным вариантом миграционной динамики.

Разновекторной может быть и дальнейшая ассимиляционная динамика русской общины, зависящая от соотношения значительного числа факторов. Положительный сценарий предполагает восстановление русского населения в качестве второго этнокультурного полюса притяжения для населения Казахстана и возвращения положения, при котором преобладающая часть смешанного потомства многочисленных межнациональных семей русских с представителями русскоязычных общин выбирает русскую идентичность. При реализации такого сценария, можно было бы ожидать определённого демографического прироста, связанного с «возвращением» в русские биэтнофоров, указавших другую национальность во время переписи 2021 г. и последующего небольшого, но устойчивого пополнения русской общины за счёт ассимиляции русскоязычных общин.

Но более вероятным представляется формирование равновесного состояния, при котором демографические потери и пополнение русских Казахстана вследствие обрушения будут сопоставимы по размерам и сальдо ассимиляции будет близким к нулевой отметке.

Негативным сценарием можно считать сохранение в 2020-е гг. этнокультурного тренда дерусификации биэтнофоров, отчётливо проявившего себя в 2010-е гг. и закрепление его в 2030–2040-е гг. в качестве новой устойчивой тенденции. В этом случае следующая перепись населения Казахстана с большой вероятностью снова зафик-

¹ Согласно переписи 2009 г., уже 25 % казахстанских русских частично владели языком титульной национальности (понимали устную речь). В 1989 г. таких было только 0,88 %. И очевидно, что этот рост был достигнут прежде всего за счет освоения казахского языка русской молодежью, среди которой доля владеющих им могла быть кратно выше, чем среди старших поколений.

сирует сверхубыль русских, обусловленную уходом в другие идентичности части русских биэтнофоров (потери, скорее всего, будут меньше, чем в 2021 г., но могут составить несколько процентов).

В 2030–2040-е гг. ассимиляционная составляющая демографической убыли русских Казахстана вследствие общего демографического сжатия русскоязычных общин может сократиться до 2–3 % за десятилетие. Но в любом случае, масштабы и темпы демографического сжатия русского населения окажутся более значительными, чем оценивали мы в расчётах, выполненных в конце 2010-х гг., согласно которым диапазон наиболее вероятной численности русского населения Казахстана в 2030 г. будет составлять 3,2–3,3 млн чел., в 2040 и 2050 гг. соответственно 2,8–3,1 и 2,45–2,8 млн. (Сущий 2019, с. 263). Очевидно, что русская община страны уже не сможет вернуться к трехмиллионной отметке, и к середине XXI в. численность русских страны с большой вероятностью может сократиться до 2,0–2,4 млн человек (табл. 5.9).

Таблица 5.9

Сценарии количественной динамики русского населения Казахстана 2025–2050 гг. (тыс. чел.)

Сценарий	2025	2030	2040	2050
Оптимистический*	2964	2950– 2955	2745– 2810	2550– 2670
Наиболее вероятный диапазон**		2757– 2875	2340– 2615	2035– 2380
Негативный***		2565– 2640	2025– 2200	1600– 1840

5.2. Киргизия

По численности русского населения в конце советского периода Киргизия занимала четвёртое место среди союзных республик без учёта РСФСР. На четвёртой позиции она была и по доле русских в структуре всего населения (21,5 %). Таким образом, республика являлась одним из крупнейших средоточий русского народа за пределами Российской Федерации. При этом, помимо крупной группы русских горожан, составлявших основное население республиканской столи-

цы и ряда других крупных центров, речь шла о значительном сельском старожильческом населении, с последних десятилетий XIX в. проживавшем на территориях, в советский период вошедших в состав Киргизской ССР (табл. 5.10).

Таблица 5.10
**Геодемографические характеристики и гендерный баланс
у русских Киргизской ССР, 1959–1989 гг.**

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбани- зации, %	Доля русских (%)			Число мужчин на 100 женщин		
	всего	го- род	село		всего	го- род	село	об- щий	го- род	село
1959	623,6	360,3	263,2	57,8	30,2	51,7	19,2	83	81	87
1970	855,9	564,2	291,7	65,9	29,2	51,4	15,9	85	82	91
1979	911,7	625,3	286,4	68,6	25,9	46,3	13,2	86	84	91
1989	916,5	641,0	275,5	69,9	21,5	39,5	10,5	87	85	94

Источник: рассчитано по: Демоскоп Weekly. URL:
http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rer_nac_59-89_gs.php

Фактически география русских республики представляла часть общей территориальной полосы их расселения, протянутой от южной Сибири через юго-восточный Казахстан до западных регионов Узбекистана. В пределах советской Средней Азии это был единственный ареал широкого присутствия русского населения в сельской местности.

В конце 1950-х гг. из 543 тыс. сельских четырёх среднеазиатских союзных республик 263 тыс. (48,4 %) приходилось на Киргизию. К концу 1980-х гг. русское сельское население Средней Азии сокращается до 396 тыс., из которых в Киргизской ССР было расселено 276 тыс. человек (69,7 %). За 1959–1989 гг. число её русских поселян выросло на 4,9 %, тогда как в трёх других республиках макрорегиона сократилось в 2,3 раза (с 280 до 120 тыс. чел.). Историческая укоренённость и многочисленность русских поселян Киргизии способствовали их повышенной устойчивости.

Динамичный рост русского населения республики продолжался вплоть до конца 1970-х гг. Исторического максимума оно достигло в конце советского периода, увеличившись за 1979–1989 гг. с 911,7 до 916,6 тысяч. Вместе с тем, учитывая показатели естественной динамики (прирост в пределах 4,5–5,0 %), столь незначительная демогра-

фическая «прибавка» обчины в 1980-е гг. указывала на достаточно интенсивный миграционный отток, который за десятилетие мог составить 35–40 тыс. человек и, прежде всего, был характерен для южных областей республики, исторически менее освоенных русскими.

Геодемографическая динамика русского населения и её факторы. Самые последние годы советского периода были связаны с существенным усилением этого миграционного тренда и распространением его уже на всю территорию республики. Чистый отток русских из Киргизии за 1989–1991 гг. составил 32,5 тыс. чел. Но своего максимума достиг в начале постсоветского периода. За 1992–1994 гг. русская община страны в результате массового выезда в Россию сократилась на 150,7 тыс. чел (Космарская 2006, с. 58–60; Население Кыргызстана 2011). Существенное сокращение масштабов оттока приходится на середину 1990-х гг. (рис. 4.8).

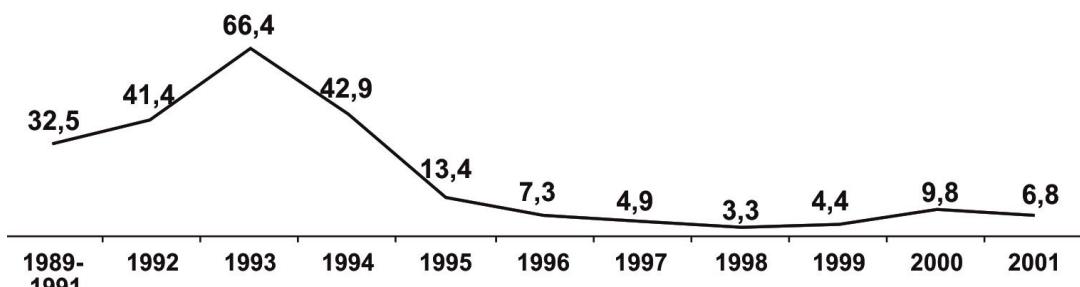

Рис. 5.8. Отток русского населения из Киргизии в Российскую Федерацию, 1989–2001 гг. (тыс. чел.)

Источники: рис. 5.8–5.13 и табл. 4.1–4.2 рассчитаны по демографическим ежегодникам Кыргызской Республики 2010–2024.

В целом по официальной статистике отток русского населения в Российскую Федерацию за 1989–1999 гг. составил 216,5 тыс. человек. На порядок меньше были потери, связанные с выездом в другие страны, а также с естественной убылью, которая началась у русского населения Киргизии в 1993–1994 гг. и только к концу десятилетия могла подняться до 4–5 % в год (рассчитано по: Русские в новом... 1995, с. 82–93). За 1990-е гг. она не превысила 1,5–2 % (порядка 10–15 тыс. человек).

Однако перепись 1999 г. зафиксировала в Киргизии 603,2 тыс. русских. Общая убыль за 1989–1999 гг. составила 313,3 тыс. чел. – на 66–67 тыс. больше данных текущего демографического и миграционного учёта населения. Очевидно, что основной причиной являлся

недоучёт оттока русских, который за анализируемый период мог достигать 300 тыс. чел. (порядка 95–96 % от всей убыли).

Таким образом, русское население Киргизии в 1990-е гг. сократилось на треть. Убыль его была повсеместной, но отличалась существенной территориальной спецификой. Максимальную устойчивость демонстрировала столичная группа и русские сельских территорий, сопредельных Бишкеку (Чуйская область) – убыль соответственно на 26,8 и 25,7 % (рис. 5.9).

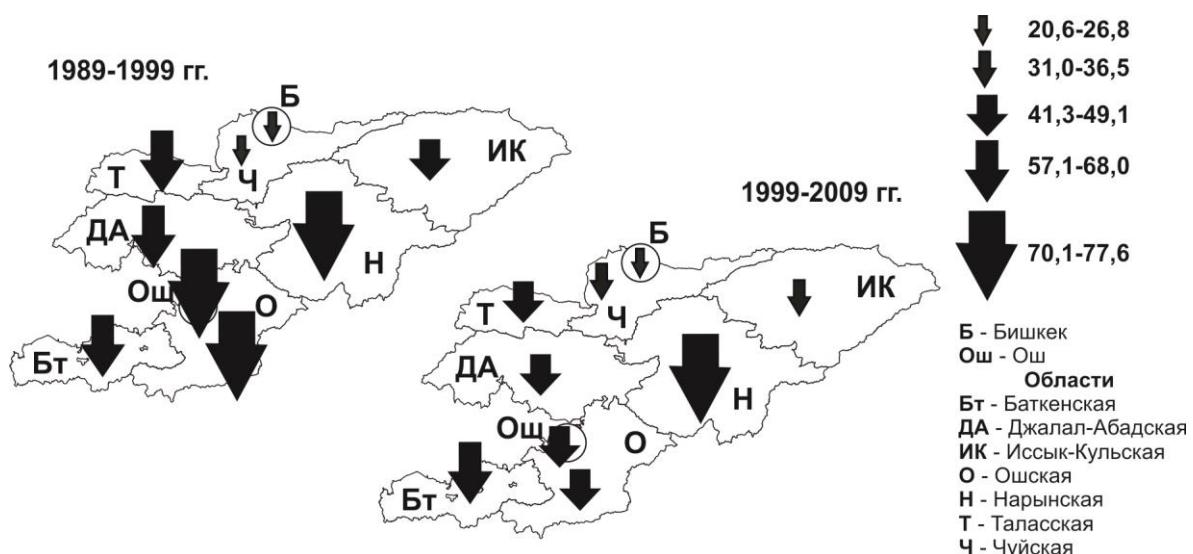

Рис. 5.9. Убыль русского населения по крупнейшим центрам и регионам Киргизии, 1989–2009 гг. (%)

Данная территория, являясь эпицентром русской системы расселения с конца XIX – начала XX в., на протяжении всего советского периода концентрировала основную часть русских Киргизии (фактически это население было старожильческим). В конце 1980-х гг. в республиканской столице и на прилегающих равнинных территориях Чуйской области на площади в 10–13 тыс. кв. км (5–6,5 % площади республики) проживало около 70 % всех русских Киргизии, а во всем столичном регионе (Фрунзе и Чуйская область) – 73,8 %.

На рубеже 1980–1990-х гг. русские являлись основной группой населения Фрунзе/Бишкека и количественно доминировали в сельской местности Чуйской области (41,6 % жителей против 29,3 % у киргизов). Данное обстоятельство являлось одной из основных причин большей демографической устойчивости русских столичного региона в первое постсоветское десятилетие.

Демографические потери русского населения других областей Киргизии в 1990-е гг. в целом обратно коррелировали с размерами

территориальных групп. В Нарынской и Ошской областях, в которых русские было малочисленны и в советский период, их количество за 1989–1999 гг. сократилась в 4,5 и 3,2 раза, в Баткенской – в 2,6 раз. Таким образом, уже к началу XXI в. весь юг и значительная часть центральных районов Киргизии были почти полностью дерусифицированы (0,3–2,2 % жителей), притом, что на севере страны русские все ещё составляли почти треть местного населения, на северо-востоке 10–15 %.

Сокращение географии русской общины способствовало ещё большей концентрации её демографического потенциала в пределах столичного региона – в 1999 г. в нем уже было сосредоточено 82,7 % русского населения Киргизии. Ещё 9 % было расселено в Иссык-Кульской области, тогда как на пять остальных областей, занимавших более 70% территории страны, приходилось 8,4 % русских – почти в два раза меньше, чем в 1989 г. (рис. 5.10).

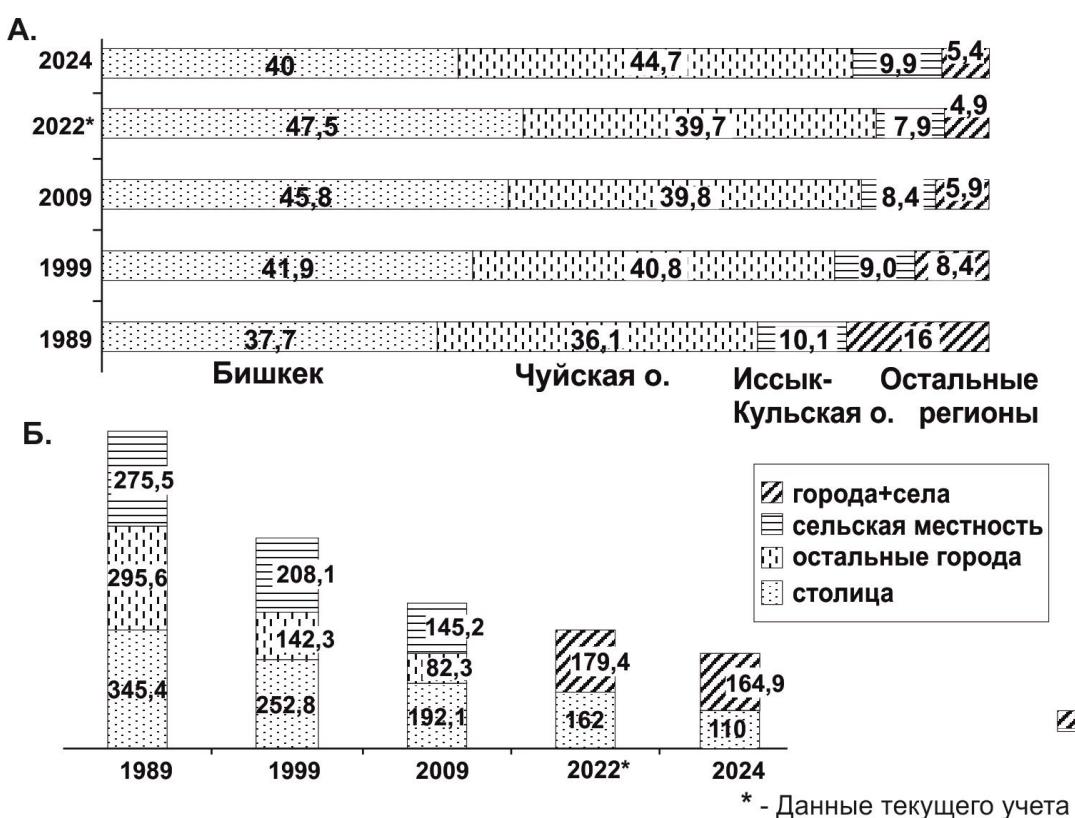

Рис. 5.10. Уровни расселения русского населения Киргизии, 1989–2024 гг. А. Доля столицы и ведущих регионов (%); Б. Численность русских по отдельным уровням (тыс. чел.)

Происходили определённые сдвиги русского населения и по уровням системы расселения. Максимальные темпы убыли демон-

стрировала в 1990-е гг. группа нестоличных горожан, которая сократилась более чем в 2 раза, потянув вниз общий показатель урбанизации русской общины (за 1989–1999 гг. он снизился до 65,5 %).

С внешней стороны этот процесс представлялся поляризацией системы расселения, ростом доли русских, сосредоточенных в столице и сельской местности (на высшем и низшем уровне поселенческой сети). Но поскольку этот рост локализовался почти исключительно в пределах самого столичного региона (Бишкек и Чуйская область), он скорее представлял вариант территориальной «метрополизации» русской общины Киргизии.

Начало XXI века (2000-е гг.) Комплекс геодемографических процессов, характерных для динамики русской общины страны в 1990-е гг., сохранился и в начале XXI века. За 1999–2009 гг. численность русского населения сократилась на 30,4 % (с 603,2 до 419,6 тыс. чел.). Как и в первое постсоветское десятилетие, самая значительная доля потерь была связана с миграцией – 156,7 из 183,6 тыс. (85,3 %) (рассчитано по: Население Кыргызстана 2010, с. 82).

Сохранилась прямая взаимосвязь между размерами территориальных групп русских и темпами их убыли. Удельные потери русского населения Бишкека и Чуйской области (24,0 и 32,0 % соответственно) были заметно меньше, чем в других регионах Киргизии, хотя в абсолютных цифрах именно убыль русских столичного региона определяла общие масштабы сокращения всей русской общины страны.

К 2009 г. доля столичного региона в территориальной структуре общины поднялась до 85,6 % (см. рис. 4.3а). Свой вклад в процесс нарастающей концентрации русских в Бишкеке и Чуйской области вносили как городская, так и сельская её компоненты. Доля столичного региона в группе русских горожан Киргизии за 1999–2009 гг. выросла с 82,7 до 86 %, в группе русских поселян – с 83,1 до 85,2 %.

В масштабах всей страны процесс депопуляции городских и сельских русских в 2000-е гг. шёл практически с одной скоростью (соответственно –30,5 и –30,2 %). Но по отдельным регионам ситуация несколько различалась, и в большинстве из них группы русских горожан убывали с большей скоростью, чем сельское население. Наиболее ощутимым это темповое различие было в Нарынской (соответственно 87,2 и 56,0 % убыли за 1999–2009 гг.) и в Чуйской (40,4 и 28,4 %) областях (табл. 5.11).

По уровням системы расселения, как и в 1990-е гг., наиболее быстрым темпом шло сокращение группы русских «провинциальных» горожан. Если русское население Бишкека за 1999–2009 гг. сократилось на 24,0 %, сельских районов республики – на 30,2 %, то остальных городов – на 42,2 % (рис. 5.10б).

Таблица 5.11
**Динамика городского и сельского населения по областям
Киргизии, 1999–2009 гг. (тыс. чел., %)**

Территории	Численность русских, тыс. чел.				Динамика за 1999–2009 гг., %		
	Город		Село		Город	Село	В целом
	1999	2009	1999	2009			
Ошская (без Оша)	1,24	0,69	1,49	0,86	-44,4	-42,3	-43,0
Баткенская	7,62	3,3	0,69	0,26	-56,7	-62,3	-57,2
Иссык-Кульская	27,81	18,31	26,54	16,96	-34,2	-36,1	-35,1
Нарынская	0,39	0,05	0,25	0,11	-87,2	-56,0	-75,4
Джалал-Абадская	15,84	8,01	2,09	1,11	-49,4	-46,9	-49,1
Таласская	3,96	2,22	3,97	2,13	-43,9	-46,3	-45,0
Чуйская	73,84	44,04	172	123,1	-40,4	-28,4	-32,0
Кыргизия	395,1	274,4	207,03	144,53	-30,5	-30,2	-30,4

Из 40 сельских районов Киргизии в 26 доля русских в структуре населения в 2009 г. была уже меньше 0,8 % (в т.ч. в 12 менее 0,1 %), в 14 районах их численность составляла менее 100 чел. (рис. 5.11). Фактически сельская территория значительного присутствия русских ограничивалась Чуйской областью, в 5 из 8 районов которой русские составляли более 20 % жителей (ещё в двух более 10 %) и прилегающим к столичному региону Иссык-Кульским районом Иссык-Кульской области (11,6 %). За пределами севера и северо-востока Киргизии, эпицентрами русского этнического присутствия оставались города – доля русских в них уже была незначительной (2–7 %), но все же кратно более высокой, чем в сельской местности.

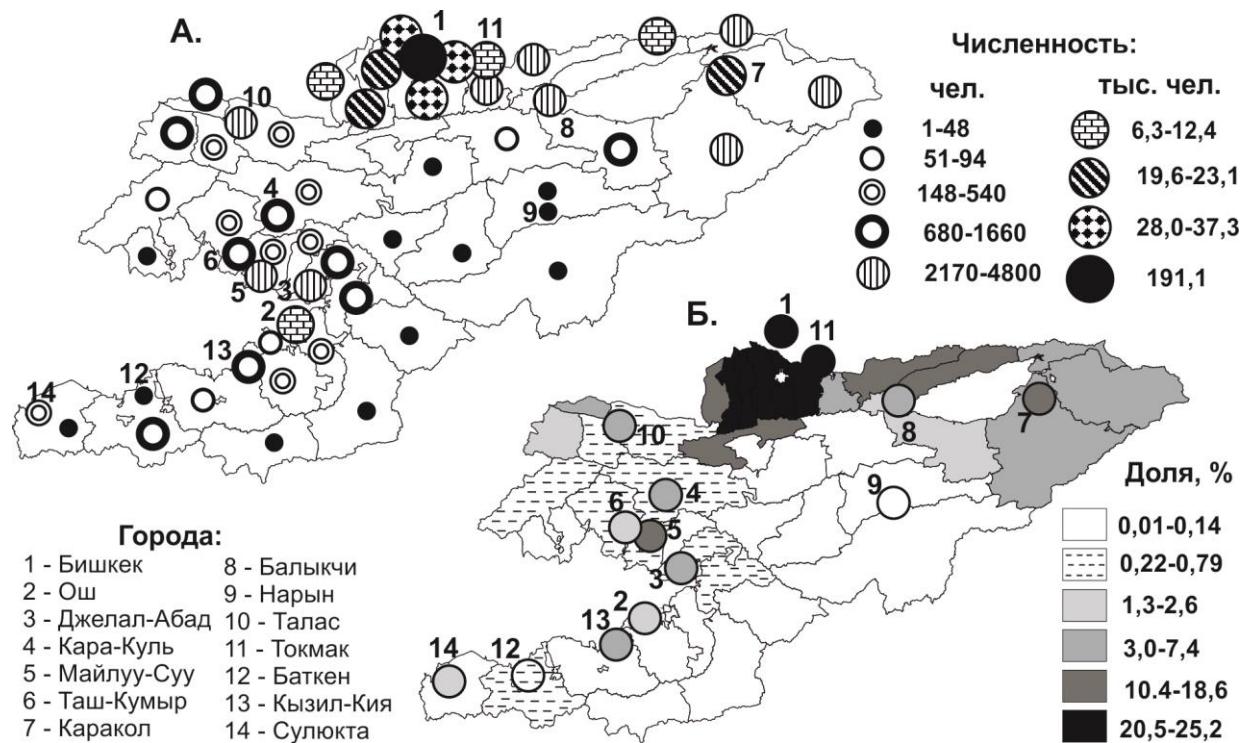

Рис. 5.11. Русское население крупных и средних городов Киргизии, сельских административных районов, 2009 г.:

А. Численность (чел.; тыс. чел.); Б. Доля в составе местного населения (%).

Динамика 2010-х – первой половины 2020-х гг. Два десятилетия интенсивного оттока не слишком сильно деформировали полувозрастную структуру русского населения страны. В конце 2000-х гг. средний возраст русских Киргизии составлял 38,9 лет и был ниже аналогичного показателя русского населения России (39,5 лет). По суммарному коэффициенту рождаемости женщин (1,6 ребенка) русская община также несколько превосходила показатель русских Российской Федерации (рассчитано по: Демографические ежегодники Кыргызской ... 2010–2024).

Достаточно медленно нарастал в русской общине и гендерный дисбаланс – деформация, характерная практически для всего русского населения постсоветского пространства. За 1989–2009 гг. число женщин на 100 мужчин увеличилось в Киргизии со 114,4 до 127,8. При этом, в наиболее репродуктивных возрастных группах дисбаланс был ещё ниже – 114,6 (в когорте 20–29-летних) и 116,7 (30–39 лет)¹.

¹ Рассчитано по: Демоскоп-Weekly; Гендерная статистика. Нацкомстат Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/ru/gendernaya-statistika/>

Социально-экономическая стабилизация начала XXI в. и вступление во взрослуую жизнь достаточно многочисленной генерации последнего советского десятилетия, со второй половины 2000-х гг. способствовало сокращению масштабов естественной убыли у русских Киргизии. К 2010 г. её коэффициент снизился до 2,8 % и до конца 2010-х гг. сохранялся в диапазоне 2,8–4,0 % (рис. 4.12). Причём, если в первой половине 2010-х гг. ведущую роль в этом процессе играло повышение рождаемости, то в середине – второй половине этого десятилетия, на первую позицию вышло снижение уровня смертности, которая оставалась ограниченной даже в период пандемии. В целом, за 2009–2021 гг. естественная убыль русского населения составила 4,0 % (15,2 тыс. чел) (рассчитано по: Демографические ежегодники Кыргызской... 2010–2024).

Рис. 5.12. Показатели естественного воспроизводства русского населения Киргизии, 2010–2020 гг. (%)

Согласно данным текущего учёта, положительные сдвиги происходили в это десятилетие и в миграционной динамике русского населения страны – среднегодовые масштабы чистого оттока сократились с 9–11 до 2–4 тыс. чел. (рис. 4.13). По данным Нацкомстата Киргизии во второй половине 2010-х гг. масштабы естественных и механических потерь русской общины были уже сопоставимы, а в 2020 г. впервые в постсоветской истории естественная убыль русских превысила их отток из страны.

Резкое сокращение интенсивности выезда сыграло центральную роль в снижении масштабов и темпов общей депопуляции русской общины. По данным миграционной службы, чистый отток русских из страны за 2009–2021 гг. составил 60,9 тыс. чел. С учётом естественных потерь численность русских в Киргизии сократилась за 2009–2021 гг. на 18,6 % (с 419,6 до 341,5 тыс. чел.), что было значительно ниже показателя убыли 1990–2000-х гг.

Однако результаты проведённой в марте 2022 г. переписи населения страны существенно разошлись со статистикой текущего учёта, как это было и после двух первых переписей постсоветской Киргизии. Согласно переписи русское население составляло 282,8 тыс. – почти на 56 тыс. меньше данных текущего учёта¹. Есть все основания полагать, что основной причиной столь существенного расхождения является серьёзный недоучёт масштабов оттока русских, который за 2010–2021 гг. мог составлять порядка 116,5–117 тыс. человек.

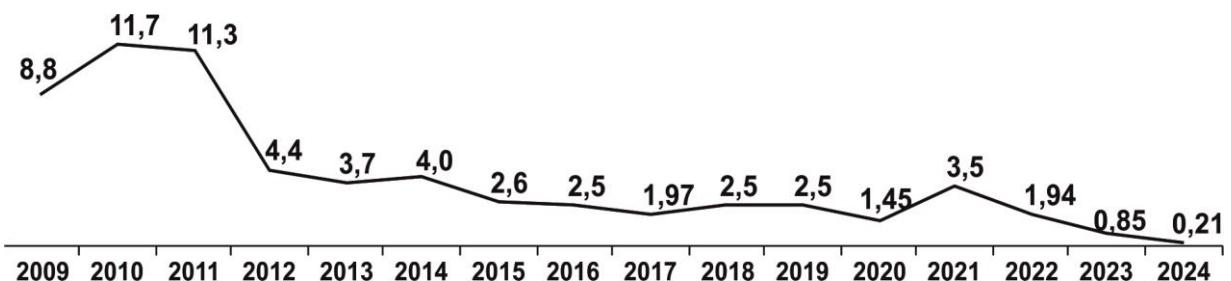

Рис. 5.13. Отток русского населения из Киргизии (отрицательное миграционное сальдо), 2009–2024 гг. (тыс. чел.)

В этом случае, среднегодовые масштабы миграции в 2010-е гг. составляли 10–11 тыс., и фиксируемое с 2012 г. резкое сокращение этого показателя являлось фикцией. Но вызывает удивление очень высокий долевой показатель теневой компоненты оттока русских, которая в 2010-е гг. должна была составлять порядка 48–49 %. Даже в 1990-е гг. её уровень находился на уровне 25 %, сократившись в 2000-е гг. до 18 %. Однако существенней то, что общие потери русской общины Киргизии за 2009–2022 гг. составили не 18,6, а 29,9 %, фактически оставшись на уровне 2000-х., что указывало на сохранение масштабного депопуляционного тренда, обусловленного в первую очередь миграцией (86–87 % общей убыли).

При этом самым неожиданным было территориальное распределение неучтённой убыли русских, которая согласно переписи населения 2022 г. практически полностью пришлась на столичный регион и, прежде всего, сам Бишкек, русская община которого оказалась на

¹ Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2009 г.

URL: <https://stat.gov.kg/ru/publications/perepis-naseleniya-i-zhilishchnogo-fonda-kyrgyzskoj-respubliki-2022-i/>

51,6 тыс. человек (т.е. почти на треть) меньше данных текущего учёта (соответственно 110,4 и 162,0 тысяч).

У всех региональных групп русских страны данный «зазор» был на порядок меньше и составлял 0,3–3,1 %, а в Джелал-Абадской области число русских даже выросло на 18 % (табл. 5.12).

Таблица 5.12
**Динамика русского населения крупнейших центров
и регионов Киргизии, 1989–2024 гг. (тыс. чел., %)**

Центры и территории	Численность, с. чел.					2022*/ 2022** (%)
	1989*	2009*	2022**	2022*	2024**	
Бишкек	345,4	192,1	162	110,4	110,0	68,2
Ош	42,2	6,35	4,08	3,50	3,42	85,8
Ошская	8,5	1,55	1,07	2,18	1,23	96,9
Баткенская	21,4	3,56	2,26	6,08	1,97	97,6
Иссык-Кульская	92,6	35,27	27,02	26,32	27,07	97,4
Нарынская	2,9	0,16	0,06	0,06	0,06	98,4
Джалал-Абадская	54,0	9,12	6,22	6,08	4,93	118,4
Таласская	18,5	4,36	3,21	3,20	3,20	99,7
Чуйская	331	167,1	135,5	132,6	123,0	97,9
Киргизия	916,5	419,6	341,4	285,7	274,9	83,7

* данные переписей

** текущий учёт

Если данные переписи соответствовали действительности, то столичная группа русских в 2009–2022 гг. должна была относиться к числу наиболее депопуляционных в Киргизии (рис. 4.14). Что противоречило устойчивому тренду на растущую концентрацию русского населения в столичном центре, фиксируемому на протяжении многих десятилетий. За период 1939–2009 гг. доля столицы в структуре общин выросла с 20,0 до 45,8 % и не просматривалось каких-либо политических и социально-экономических предпосылок для серьёзной трансформации этой почти вековой тенденции. По данным текущего учёта сохранилась она и в 2010-е гг. – к 2021 г. в Бишкеке было уже сосредоточено 47,5 % русского населения страны (рис. 5.14а).

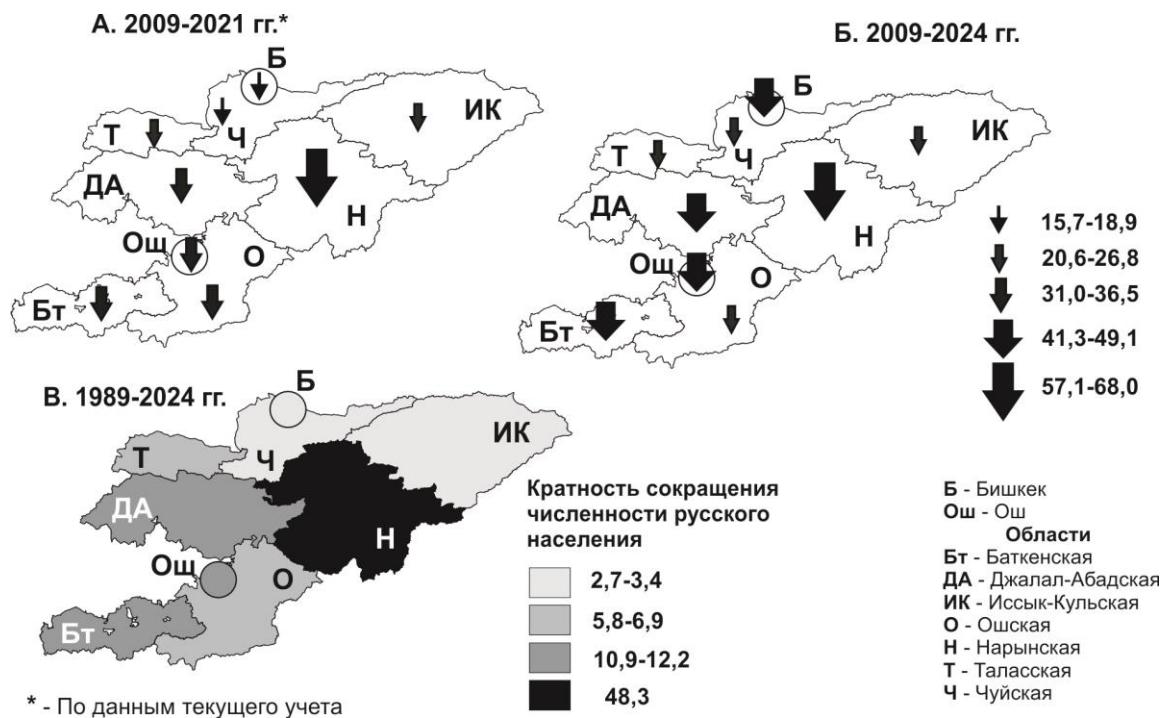

Рис. 5.14. Динамика русского населения по крупнейшим центрам и регионам Киргизии:

А–Б. По отдельным периодам (%); В. Кратность сокращения русского населения за 1989–2024 гг. (число раз)

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что согласно результатам переписи 2022 г. ещё более значительные демографические потери понесли все другие крупные и средние этнические группы Бишкека. За исключением киргизов, узбеков и таджиков 17 из 20 ведущих общин столицы Киргизии за 2009–2022 гг. сократились в 2–3,5 раза¹, что скорее указывает на серьёзные дефекты переписи, чем фиксирует реальную демографическую динамику этих национальных сообществ в 2010-е гг.²

Но даже если предположить, что мы имеем дело с реальным геодемографическим процессом, в столице и Чуйской области в сере-

¹ Региональная статистика. Нацкомстат Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/ru/regionalnaya-statistika/>

² Действительно, крайне сложно предположить, что наряду с украинской, белорусской, татарской, немецкой и рядом других диаспор, отличающихся старой возрастной структурой и устойчивым миграционным оттоком, столь же масштабные демографические потери в 2010-е гг. понесли хорошо укорененные в Киргизии и её столичном центре молодые, репродуктивно активные общины дунган (–50,5 % за 2019–2022 гг.), уйгуров (– 55,3 %), казахов (– 34,5 %), туркмен (–75,8 %), турок (–54,6 %).

дине 2020-х гг. было сосредоточено почти 85 % русского населения страны, а с учётом Иссык-Кульской – 95 %. При этом, в пяти из семи областей Киргизии, занимавших 70 % площади страны, было расселено только 5,4 % русских.

Геодемографические тренды 2022–2024 гг. Начало специальной военной операции (далее СВО) открыло новый период в геодемографической динамике русского населения Киргизии. Что было связано с появлением в пределах страны значительного числа российских релокантов.

Точной информации о размерах данной группы нет. Статистика внешней миграции по государствам, формируемая статкомитетом Киргизии, релокантов почти не учитывала. Согласно публикуемой статистике внешней миграции населения в Киргизию в 2022 г. прибыло 9,14 тыс. граждан России, выбыло 4,57 тыс. (положительное сальдо 4,55 тыс.)¹. По данным пограничной службы Киргизии, за первые 9 месяцев 2022 г. в страну въехало 479 тыс. россиян, выехало 445 тысяч. Но по статистике Министерства труда, социального развития и миграции Киргизии эти показатели были другими – соответственно 760 и 730 тыс. человек². Впрочем, несмотря на существенное расхождение в оценке общего масштаба миграционной циркуляции, совпадало сальдо – 30 тысяч. Близкими к данной цифре оказывается и ряд экспертных оценок. Так, М. Завадская оценивает размеры группы релокантов в 34 тыс. человек (Zavadskaya 2023).

Социodemографические и социопрофессиональные характеристики этой группы предопределяли ориентацию её представителей на Бишкек, в меньшей степени на второй центр страны – Ош, а также находящиеся в хорошей транспортной доступности от столицы Киргизии участки рекреационной зоны, сложившейся вдоль побережья Иссык-Куля³.

При этом необходимо учитывать высокий пространственный динамизм новой группы русских. Уже в 2023 г. часть релокантов вернулась в Россию или перебралась в другие страны. Но есть основания

¹ Внешняя миграция по государствам прибытия, выбытия. Нацкомстат Кыргызской Республики. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/974810092/?*

² Суворова В. Как поживают россияне, сбежавшие от геополитических невзгод в Киргизию // Российская газета. 15.11.2022. URL: <https://rg.ru/2022/11/15/kak-zhivut-rossiiane-sbezhavshie-ot-geopoliticheskikh-nevzgod-v-kirgiziui.html>

³ Суворова В. Указ соч.

полагать, что достаточно значительным было число и тех, для кого Киргизия стала основным местом проживания. Только в 2023 году более 12 тыс. россиян получили киргизское гражданство¹.

В настоящее время невозможно определить, насколько устойчивым окажется данное миграционное пополнение русской общины. Очевидно, что дальнейшие перспективы группы релокантов в Киргизии будут зависеть от множества факторов, конкретное сочетание которых предполагает самые различные сценарии. Остается открытым вопрос и о масштабах взаимодействия, уровне взаимной комплиментарности новой группы и старожильческого русского населения страны. Но учитывая значительные размеры русской общины Бишкека и Чуйской области – даже полная натурализация группы релокантов в состоянии увеличить демографический потенциал местного русского населения всего на 10–15 %. Более весомой может оказаться роль мигрантов в пополнении русской общины Оша, размеры которой в начале 2024 г. составляли 3,5 тыс. человек.

Межнациональная брачность и группа смешанного населения как фактор демографической динамики русских.

На протяжении всего советского периода ассимиляционный фактор работал на ускорение демографического роста русского населения Киргизии. Даже в последние советские десятилетия уровень межнациональной брачности русских в ней оставался значительно ниже, чем в большинстве других союзных республик СССР. В конце 1980-х гг. менее 20 % русских мужчин и только 23 % женщин вступали в брак с представителем другого народа (табл. 5.13).

При этом, очень незначительным оставался уровень брачности русских с титульным населением республики. Наиболее распространенным вариантом межнационального брака были русско-украинские семьи (в конце 1970-х гг. их в Киргизии насчитывалось около 18 тысяч). Более 89 % детей из таких смешанных семьях во время переписи определялись родителями как русские (Волков 1989). Распространёнными были и браки русских с татарами (около 3 тыс. семей), в которых русская национальность для потомства выбиралась в 72,7 % случаев.

¹ Гражданство Кыргызстана: сколько россиян в год получают паспорт Киргизии. URL: <https://vc.ru/migration/1792071-grazhdanstvo-kyrgyzstana-skolko-rossiyan-v-god-poluchayut-pasport-kirgizii>

Таблица 5.13

**Доля русских Киргизской ССР, вступивших
в межнациональный брак, 1978 и 1988 гг. (%)**

Годы	Все население		Городское		Сельское	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1978	17,7	18,8	15,8	16,9	22,3	23,2
1988	19,4	23,0	17,7	20,9	23,6	28,2

Источник: Население СССР 1989.

Тем самым, в младших возрастных группах русского населения республики был повышенный процент детей с обоими русскими родителями. Расчеты показывают, что в конце 1970-х гг. из 273 тыс. русских Киргизии в группах 0–19 лет, полных русских было 198 тыс. (72,7 %). А в группе биэтнофоров с самым значительным перевесом преобладали выбиравшие русскую идентичность. Даже в немногочисленных русско-титульных семьях республики доминировала русская этнонациональная самоидентификация, что было значительной редкостью за пределами РСФСР.

В постсоветский период количество русско-киргизских браков выросло, а титульная идентичность у их смешанного потомства стала доминирующей. Тем не менее ассимиляционный процесс, в целом, продолжал работать на демографическое пополнение русской общины за счёт дальнейшего обрушения русскоязычных общин. Количественная динамика украинской, белорусской и ряда других этнических групп Киргизии указывает на высокую вероятность такого сценария. За 1989–2019 гг. численность украинцев и белорусов в стране уменьшилась на математический порядок, тогда как русских стало меньше в 3 раза. Причём опережающий характер демографического сжатия двух восточнославянских общин в сравнении с русской наблюдался в каждое из десятилетий постсоветского периода. Едва ли фиксируемая разница в темпах депопуляции была связана с повышенной миграционной активностью украинского и белорусского населения.

Немецкая община Киргизии, количественная динамика которой в постсоветский период также протекала по сценарию демографического «коллапса» и сократилась за 1989–2018 гг. в 12 раз, могла быть охвачена обрушением в значительно меньшей степени. На это, в частности, указывает динамика демографической убыли по отдельным десятилетиям. За 1990-е гг. численность немцев в стране сократилась

в пять раз. Определяющую роль в столь стремительном сжатии играла миграция на историческую родину. Обрусление в качестве весомой причины депопуляции этой общины могло включиться только в начале XXI в., распространяясь среди оставшихся представителей диаспоры, в своём большинстве уже русскоязычных и в заметной части состоявших в межнациональных браках (в которых опять таки основными брачными партнёрами являлись русские). Но незначительная численность немецкого населения уже не могла обеспечить сколько-нибудь ощутимого ассимиляционного пополнения русской общины.

Во втором десятилетии XXI в. темпы демографической убыли немцев и русских вообще сравнялись. При этом средний возраст представителей немецкой диаспоры был ниже, чем у местных русских, а гендерная структура была более сбалансированной, что указывало на достаточно высокий уровень естественно-демографической жизнеспособности диаспоры. Сказанное в полной мере относится и к татарам, другой крупной русскоязычной общине Киргизстана, темпы депопуляции которой полностью совпадали с показателем русского населения страны.

Сравнительные масштабы демографической убыли, естественных и механических потерь украинской, белорусской, немецкой, еврейской общин позволяют в первом приближении определить общий масштаб ассимиляционного пополнения русской общины страны за 1990–2000-е гг. в 25–30 тыс. чел. и в несколько тысяч – за 2010-е гг. Однако к настоящему времени этот этнодемографический ресурс сведён к минимуму – совокупная численность представителей указанных общин сократилась за 1989–2021 гг. с 224,1 до 18,4 тыс. человек.

Итак, уже к началу XXI в. в Киргизии, с одной стороны осталась наиболее адаптированные и при этом наименее динамичные (по разным причинам) группы русского населения. Вместе с тем, количественная динамика русских в 2000–2010-е гг. свидетельствует, что реальное сокращение масштабов их эмиграции из страны не было столь значительным, как это следовало из официальной статистики. Среднегодовой отток продолжал составлять 14–17 тыс. чел., т.е. оставался сопоставимым с показателем второй половины 1990-х гг.

Размеры русской общины Киргизии за 1989–2024 гг. сократились в 3,3 раза (с 916,5 до 274,9 тыс. человек). При этом среднегодо-

вые темпы убыли, постепенно снижаясь (с 3,5–4,0 в 1990-е гг. до 2,5–2,6 % в 2010-е гг.), оставались высокими на всем протяжении постсоветского периода. Центральную роль в этом процессе играла миграция, на которую за весь данный период пришлось 90,4 % демографических потерь русского населения (580 из 641,6 тыс. чел.).

Темпы убыли его отдельных территориальных групп обратно коррелировали с их размерами – немногочисленное русское население южных и западных областей сокращалось значительно быстрей, чем группа русских Бишкека и Чуйской области (столичный регион). К 2024 г. в Нарынской области осталось 2,1 % русских от уровня 1989 г.; в Баткенской и Джалаал-Абадской – 9,1–9,2 %, тогда как в Бишкеке и Чуйской области – 31,8 и 37,2 % (рис. 5.15). К началу – середине 2010-х гг. сельские территории пяти из семи областей Киргизии утратили значительную часть русского населения. В 26 из 40 административных районов страны доля русских в структуре населения была меньше 0,8 % (в т.ч. в 12 – менее 0,1 %). За пределами Чуйской и северо-востока Иссык-Кульской областей эпицентрами русской общины в настоящее время остаются города. Но и в них доля русских в начале 2020-х гг. составляла 1,5–7,0 % населения.

Происходило удельное перераспределение русской общины и по уровням системы расселения. Максимальные темпы убыли демонстрировала группа нестоличных горожан (её доля за 1989–2009 гг. сократилась с 32,3 до 19,8 %). С внешней стороны этот процесс представлялся поляризацией системы расселения, ростом доли русских, сосредоточенных в столице и сельской местности (на высшем и низшем уровне поселенческой сети). Но поскольку этот рост локализовался почти исключительно в пределах самого столичного региона, он, как и во многих других государствах БЗ, скорее представлял вариант территориальной метрополизации русской общины.

Очевидно, что заметная часть русского населения Киргизии (прежде всего молодёжь, квалифицированные специалисты ориентированные на карьерный рост) по-прежнему не смирилась с ощутимыми ограничениями возможностей для своей профессиональной и социокультурной самореализации, связанными с господством этноцентрических практик при формировании основных статусных групп и сообществ Киргизии. По мере оттока в Россию наиболее активной части русского населения и сокращения его общей численности, миграционный потенциал общины постепенно сокращался. Однако и в се-

редине 2010-х гг. миграционные настроения в среде местного русского населения оставались достаточно выраженным (Шульга 2013).

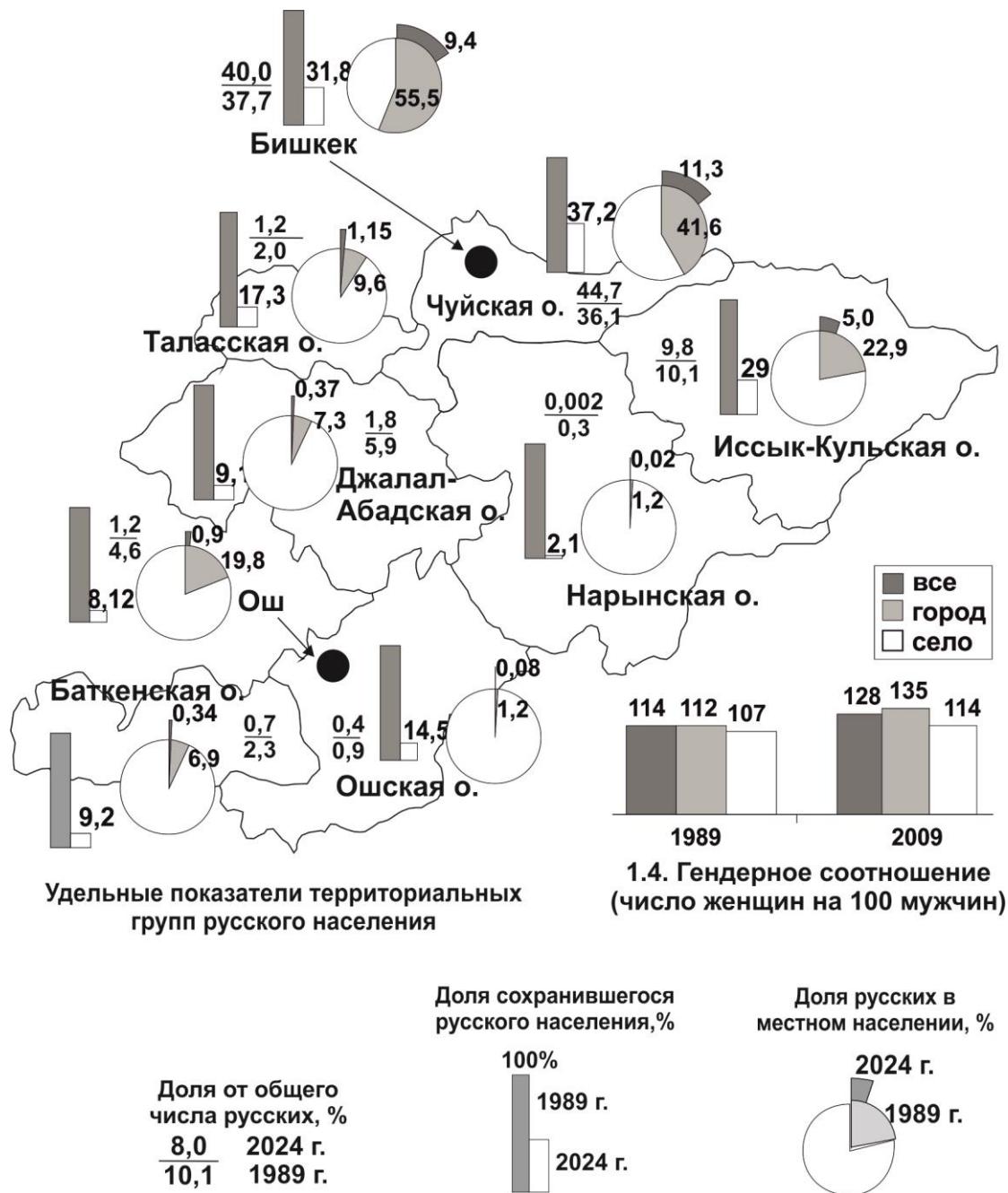

Рис. 5.15. Динамика социодемографических характеристик русского населения Киргизии, 1989–2024 гг.

Ситуация изменилась с началом СВО. Конечно, масштабы оттока русских, фиксируемые миграционной службой в 2022–2024 гг. могли быть ниже его реальных масштабов, как это неизменно оказывалось в предыдущие периоды. Но комплекс обстоятельств, сложившихся в последние годы, действительно способствовал кратному со-

кращению размеров отрицательного внешнего миграционного сальдо, что при сохранении данного тренда способно самым существенным образом улучшить демографические перспективы русских Киргизии.

Также есть основания полагать, что снижение темпов эмиграции могло обернуться ростом масштабов их межрегионального перетока в пределах страны. Его основным направлением на протяжении почти всего постсоветского периода являлось перемещение в столичный регион. В последние годы на него могла переориентироваться и значительная часть провинциальных русских переселенцев, ранее направлявшихся в Россию.

Как и в предыдущие десятилетия, в зависимости от материальных возможностей и социопрофессиональных ориентаций мигрантов местом переезда мог быть сам Бишкек либо его близкие окрестности (в т.ч. сельские населенные пункты), как и более удалённые от столицы сельские территории Чуйской области. Большинство русских переселенцев, оседавших в непосредственной близости от Бишкека, было представлено мигрантами из провинциальных городов, которые на новом месте продолжали ориентироваться на столичный рынок труда (т.е. фактически оставались городским населением вне зависимости от места своей новой регистрации). Но перемещались в Чуйскую область и сельские русские из других регионов страны, по-прежнему ориентированные на профессиональную реализацию в различных сегментах сельского хозяйства, только в более социэтнокультурно комфортной для себя среде жизнедеятельности.

Тем самым, данный миграционный переток мог в последние годы ещё более ускорить процесс пространственной метрополизации русской общины, её нарастающей концентрации в крупнейшем центре страны и на прилегающих к нему сельских территориях. В постсоветский период доля русских, сосредоточенных в столичном регионе выросла с 73,8 до 84,8 %, а с учётом сопредельных территорий Иссык-Кульской области – до 92 %.

Появление в 2022–2024 гг. в Киргизии группы российских репатриантов, основная масса которых также сосредоточилась в Бишкеке, полностью соответствовала этому тренду, который с максимальной вероятностью будет пролонгирован, по крайней мере, на ближайшие одно-два десятилетия. К 2030 г. в столичном регионе может проживать порядка 87–89 % русских Киргизии, а с Иссык-Кульским районом, гг. Караколом и Балыкчи Иссык-кульской области – 94–97 %.

Таблица 5.14

Сценарии динамики русского населения Киргизии (удельные показатели), 2025–2050 гг.

Сценарии	2025–2030	2031–2040	2041–2050
<i>Естественная убыль и ассимиляция (% от наличной численности)</i>			
Позитивный	3–3,5	6–7	5–7
Средний (наиболее вероятный диапазон)	4–4,5	8–9	8–9
Негативный	5–6	10–12	10–12
<i>Чистый отток (% от наличной численности)</i>			
Позитивный	0,5–1,0	1,5–2,5	1,5–2,5
Средний (наиболее вероятный диапазон)	3–4	5–8	5–8
Негативный	6–9	10–13	10–12

Источник: табл. 5.14–5.15 составлены по расчетам автора

Таблица 5.15

Сценарии количественной динамики русского населения Киргизии, 2025–2050 гг. (тыс. чел.)

Сценарии	2025	2030	2040	2050
ПП	274,9	263–265	238–245	215–230
ПС		254–258	216–230	184–207
ПН		241–250	193–210	156–179
СП		260–263	230–238	204–215
СС		252–256	209–223	173–194
СН		238–247	186–203	147–166
НП		256–260	219–230	187–204
НС		247–253	198–215	158–183
НН		234–245	176–196	134–157

Примечание: П – позитивный; С – средний; Н – негативный

* – первым поставлен вариант естественно-ассимиляционной динамики, вторым – миграционной динамики.

Но центральным геодемографическим сдвигом последних лет является резкое сокращение оттока русского населения в Россию. Сохранение данного тренда позволило бы существенно замедлить масштабы демографической убыли русской общины в ближайшие десятилетия (табл. 5.14, 5.15). Учитывая ограниченные масштабы деформации половозрастной структуры, коэффициент естественной убыли русского населения страны может сохраняться на уровне 7–9 %

вплоть до середины века. При совмещении позитивного (оптимистического) сценария естественной и механической динамики среднегодовые темпы депопуляции общины в ближайшие 20–25 лет не будут превышать 0,8–0,95 %. И в 2050 г. численность русских Киргизии может составлять порядка 215–230 тыс. человек.

Реализация негативного демографического сценария способна обернуться куда более существенными потерями и сокращением общины до 134–157 тыс. человек. Но при любом варианте динамики следует ожидать дальнейшего концентрации русского населения в столичном регионе страны.

5.3. Таджикистан

Русское население Таджикской ССР росло быстрыми темпами на протяжении почти всего советского периода. На годы первых советских пятилеток фактически приходится становление системы расселения русских – за 1926–1939 гг. их численность в республике выросла в 24 раза (с 5,64 до 134,9 тыс. чел.). В 1950–1960-е гг. среднегодовые темпы роста сократились до 2,5–3,5 %, в 1970-е составили 1,6–1,7 %. Основным фактором этого восходящего демографического тренда являлась миграция. Приток русских переселенцев направлялся в города республики, прежде всего, в столичный центр. Доля столичной группы в структуре русской общины за 1939–1989 гг. выросла с 35,6 до 50,2 %.

В Душанбе и другие республиканские города перемещались в послевоенные десятилетия и сельские русские Таджикистана. За 1940–1960-е гг. их численность сократилась почти в два раза. Максимальной интенсивности этот процесс достиг в 1960-е гг. (табл. 5.16). Сокращение группы русских поселян с 34,4 до 21,4 тыс. чел. означало, что в течение десятилетия сельскую местность республики покинуло около 40 % её русских жителей. Приток в города сельских мигрантов и русских переселенцев из РСФСР способствовал росту уровня урбанизации местного русского населения (в последние десятилетия советского периода он составлял 94 %).

Стабилизация численности русских Таджикистана приходится на 1980-е гг. Но в отличие от большинства других союзных республик, переход к депопуляционному тренду оказался стремительным, заняв всего несколько месяцев. Отток русских из Таджикистана при-

обрел массовый характер после антирусских погромов, имевших место в Душанбе в середине февраля 1990 г.

Таблица 5.16
Геодемографические характеристики и гендерный баланс у русских Таджикской ССР, 1939–1989 гг.

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбанизации, %	Доля русских (%)			Число мужчин на 100 женщин		
	Всего	город	село		Всего	город	село	Общий	город	село
1939	134,9	92,7	42,2	68,7	9,1	37,2	3,4	109	95	148
1959	262,6	228,3	34,3	86,9	13,3	35,3	2,6	77	74	97
1970	344,1	322,7	21,4	93,8	11,9	30,0	1,17	77	77	87
1979	395,1	371,8	23,3	94,1	10,4	28,3	0,94	79	78	91
1989	388,5	364,8	23,7	93,9	7,6	22,0	0,69	82	79	130

Источник: рассчитано по: Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ter_nac_39-89_gs.php

Численность русских и факторы их демографической динамики. За 1990–1991 гг. русское население республики сократилось на 35% (с 388 до 250 тыс. человек), что было максимальным показателем среди всех союзных республик СССР. Более 136 тыс. русских эмигрировало в 1992–1995 гг. К середине 1990-х гг. этническая дерусификация страны в значительной степени уже состоялась. Перепись 2000 г. зафиксировала в Таджикистане 68,2 тыс. русских (17,5 % от уровня 1989 г.) (рис. 5.16).

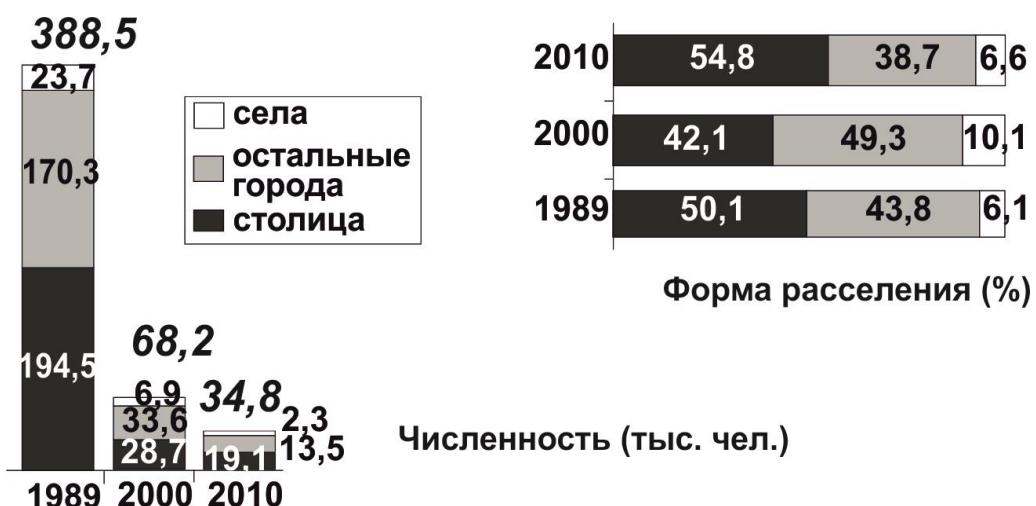

Рис. 5.16. Динамика русских по уровням системы расселения Таджикистана, 1989–2010 гг. (тыс. чел., %)

Источник: Национальный состав, владение языками ... 2012, С. 8.

Около 97% демографических потерь русского населения в 1989–2000 гг. пришлось на эмиграцию. Масштабная депопуляция охватывала все регионы и уровни системы расселения Таджикистана. Причём, в отличие от остальных стран Средней Азии, столичная группа русских в 1990-е гг. сократилась больше, чем группа остальных горожан и сельских жителей. Свою роль сыграло и то, что именно Душанбе являлся эпицентром погромов 1990 года.

Ускоренная убыль продолжилась и в начале XXI в. На протяжении 2000-х гг. масштабы чистого оттока постепенно снижались – с 2,2–2,8 тыс. до 520–670 человек (рис. 5.17). Но в процентном измерении это по-прежнему были очень значительные потери (4,0–4,5 % в год от общей численности русских в начале «нулевых» и 1,7–2,0 % в конце).

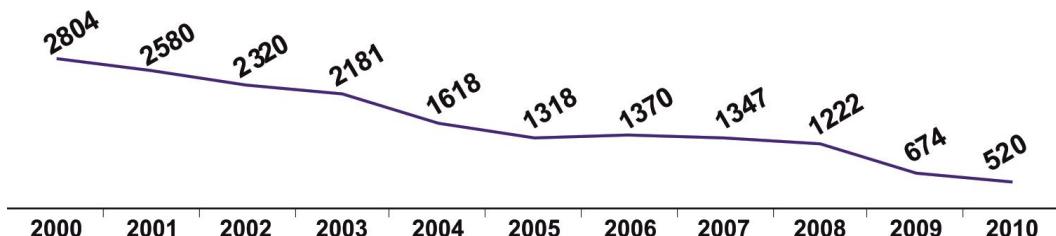

Рис. 5.17. Миграционное сальдо русского населения Таджикистана, 2000–2010 гг. (чел.)

Источник: Население России ... 2002; Демографический ежегодник Республики Таджикистан, 2012

За 2000–2010 гг. отток по официальным данным составил 18,0 тыс. человек. Но эта цифра плохо соотносилась с общей динамикой русской общины, которая за данный период сократилась почти в 2 раза (до 34,8 тыс. чел.). Соответственно ее естественная убыль должна была составить около 17 тыс. чел. И ее среднегодовой коэффициент должен был находиться в районе 30 %, что не могло соответствовать действительности. Агентство по статистике Таджикистана не даёт информации о воспроизводственных характеристиках отдельных народов страны. Но если показатели местной русской общины были сопоставимы с характеристиками русского населения других постсоветских стран Средней Азии, речь может идти о естественной убыли в диапазоне 5–8 %.

Очевидно, что часть демографических потерь русских Таджикистана была связана с неучтённым оттоком из страны, а также с аssi-

миляцией смешанного потомства русско-титульных биэтнофоров. Убыль, связанная с данными факторами, в первом приближении, может быть оценена в 9–10 тыс. человек. При этом вклад теневой миграции скорее всего был более весомым. И в целом, порядка 70–75 % убыли русских в 2000-е гг. было по-прежнему связано с их оттоком из страны (рис. 4.18). При этом подавляющая доля всей эмиграции (95–97 %) приходилась на Россию (Демографический ежегодник Республики Таджикистан 2012, с. 236).

Убыль русских в «нулевые» оставалась повсеместной. Но в отличие от 1990-х гг., её темпы по регионам и уровням системы расселения приобрели более типичную для постсоветских стран форму. Столичная группа теперь демонстрировала большую демографическую устойчивость по сравнению с остальными горожанами и сельскими русскими. Однако для этнического представительства в местных территориальных сообществах эти особенности демографической динамики большого значения уже не имели. Даже в населении Душанбе доля русских в 2010 г. составляла 2,63 %, в других городах – 0,8–1,5 %, в сельской местности – 0,03–0,07 % (рис. 5.3; табл. 5.17).

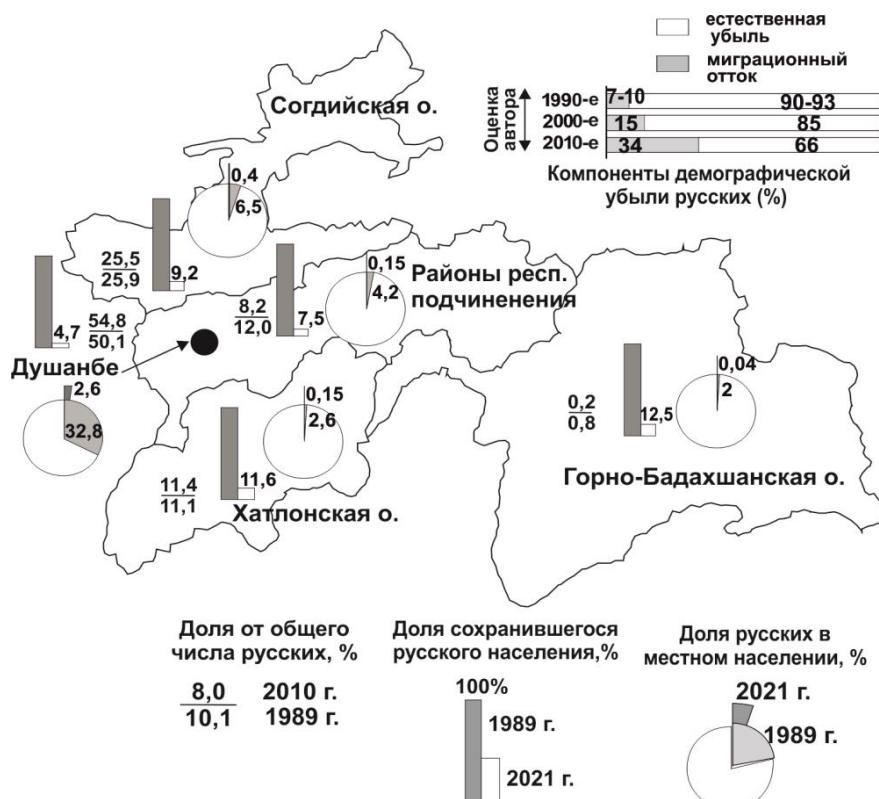

Рис. 5.18. Геодемографические характеристики русских Таджикистана, 1989–2010 гг.

Источник: Всесоюзная перепись 1989 г., Национальный состав, владение языками ... 2012

Таблица 5.17

Динамика русских Таджикистана, 1989–2010 гг., тыс. чел.

Территории, города	1989 г.			2010 г.		
	всего	город	село	всего	город	село
Душанбе	194,7	194,7	—	19,06	19,06	—
Горно-Бадахшанская обл.	3,19	0,64	2,55	0,08	0,025	0,056
Согдийская обл.	100,5	97,2	3,4	8,89	8,39	0,50
Хатлонская обл.	43,3	34,6	8,7	3,96	3,21	0,75
Районы республ. подчинения	46,7	37,8	8,9	2,85	1,88	0,97
Весь Таджикистан	388,5	364,8	23,7	34,84	32,56	2,28

Источник: Всесоюзная перепись 1989 г., Национальный состав, владение языками ... 2012

В 2010-е гг. масштабы чистого оттока продолжали сокращаться, сместившись во второй половине десятилетия к минимальному за постсоветский период уровню (57–74 чел. в год). За 2011–2020 гг. он составил 1,99 тыс. чел. (рис. 4.19). Но и при столь малых размерах, эмиграция за десятилетие должна была сократить русскую общину на 5,3 %. С учётом теневой составляющей эти потери могли быть в 1,5–2,0 раза больше (8–11 %). При этом, как и в других странах Средней Азии, с середины 2010-х гг. начала значительно расти естественная убыль, к концу десятилетия ставшая ведущим фактором депопуляции русского населения страны.

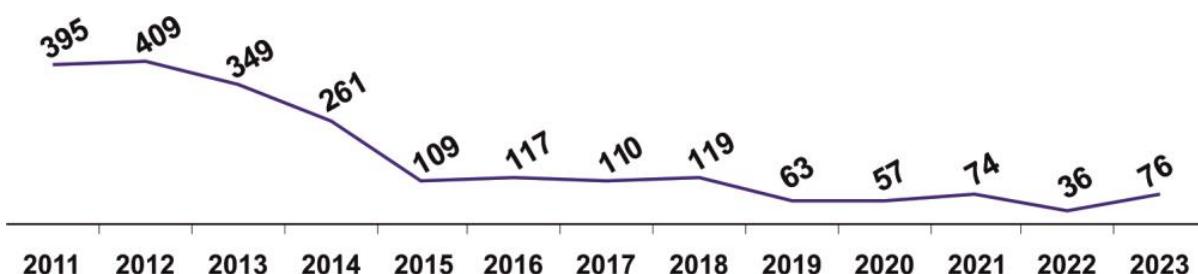

Рис. 5.19. Миграционное сальдо русского населения Таджикистана, 2011–2023 гг. (чел.)

Источник: Демографический ежегодник Республики Таджикистан 2024.

Этнодемографические результаты переписи населения Таджикистана 2020 г. не были опубликованы. И демографическая динамика русской общины в 2010-е гг. может быть определена только в результате экспертной оценки. Наиболее вероятным сценарием представляется сокращение численности русских страны за десятилетие на 18–21 %, из которых 7–8 % составляла естественная убыль, 8–10 % – миграция и 3–5 % ассимиляционные потери. При таком варианте размеры общины к началу 2020-х гг. должны были сократиться до 27,5–28,5 тыс. чел.

Учитывая опережающие темпы убыли сельских русских в 1990–2000-е гг., есть основания полагать, что данная тенденция сохранилась и в 2010-е гг. В начале этого десятилетия их осталось в Таджикистане 2,3 тыс. (около 0,04 % местного населения). К началу 2020-х гг. данная группа могла сократиться до 1–1,5 тыс. человек. Это было дисперсное множество, преимущественно представленное пожилыми и старыми женщинами. Столь незначительная цифра позволяет говорить о том, что в настоящее время русские в сельской местности страны практически отсутствуют.

Если предположить, что доля русских, сосредоточенных в столице Таджикистана, в 2010-е гг. выросла с 55 до 60–65 %, в Душанбе в начале 2020-х гг. могло проживать порядка 16,0–17,0 тыс. русских (2 % его населения). Ещё около 10 тыс. человек было расселено в других городах страны. Но темпы демографического сжатия русской общины могли быть и выше, учитывая, что речь идёт об одной из заключительных стадий её существования.

Половозрастная структура и межнациональная брачность русских, как факторы демографической динамики.

Медианный возраст русских Таджикистана в 2010 г. (38,3 года) был сопоставим с показателем русского населения России. Но гендерные диспропорции у первых были существенно выше. Разница между медианным возрастом русских мужчин и женщин в Таджикистане составляла 13,9 лет (30,1 и 44 года), т.е. женщины в среднем были почти в 1,5 раза старше мужчин (Национальный состав... 2012, с. 136–144). Значительным был и количественный перевес – на 100 мужчин в русской общине приходилось 174 женщины; а в сельской местности этот показатель достигал 257.

Ощутимый женский перевес фиксировался не только в старших возрастных группах, но и в их репродуктивных когортах. Если половая структура младших возрастных групп русских Таджикистана бы-

ла сбалансированной, то в группе 25–30-летних и 30–39-летних на 100 мужчин в 2010 г. приходилось соответственно 143 и 168 женщин, что могло быть связано со значительно более активной эмиграцией мужского населения трудоактивного возраста. В результате значительная доля молодых русских женщин не имела возможности найти супруга своей национальности, что оказывало ощутимое негативное воздействие на естественное воспроизводство всей общины.

Материалы Агентства по статистике Таджикистана не содержат информации о числе и удельном весе межнациональных браков, но показательны данные по возрастным группам семейного населения. Число замужних русских женщин по отдельным пятилетним группам в 2010 г. превышало число женатых русских мужчин в 1,8–3 раза, а в целом по семейному русскому населению страны – в 1,8 раз (4,8 тыс. женатых и 8,5 тыс. замужних) (рис. 4.20).

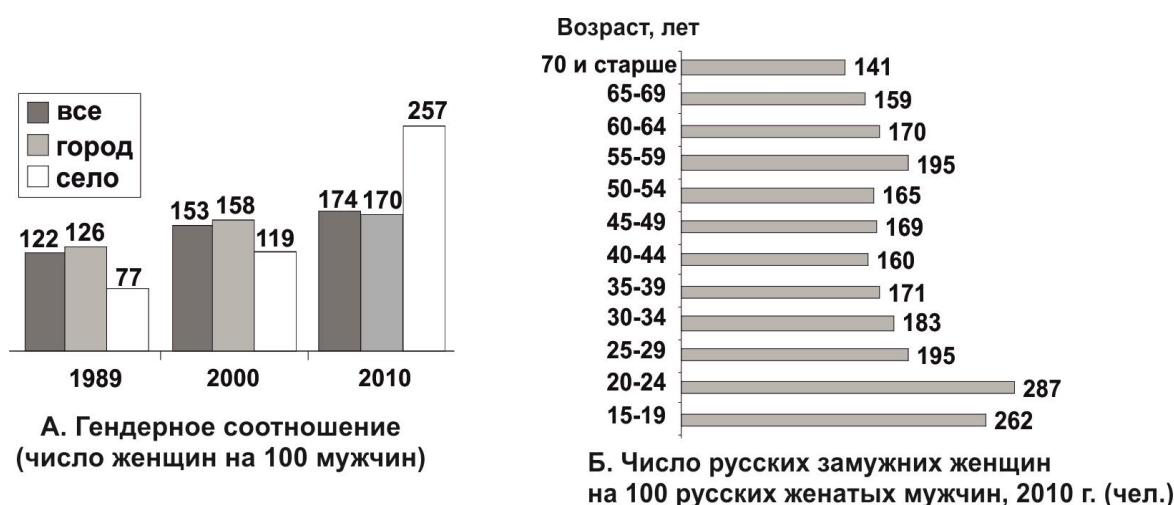

Рис. 5.20. Социodemографические показатели русского населения Таджикистана

То есть, даже если бы все семейные русские мужчины имели исключительно русских жён, у 44 % семейных русских женщин супруг был другой национальности. Но уже в 1980-е гг. более четверти русских мужчин Таджикистана вступали в межнациональные браки (табл. 5.18). В постсоветский период данный показатель должен был вырасти. С учётом этого обстоятельства, мы можем констатировать, что не менее 60–65 % русских замужних женщин страны в 2010-е гг. состояло в межнациональных браках. Как результат, на одну русскую женщину в активном репродуктивном возрасте приходилось только

1,18 русского ребёнка, поскольку значительная часть их детей, учитывалась по национальности отца.

В советский период, доминанта русской идентичности у смешанного потомства русского населения Таджикистана была выражена значительно отчётливей. Порядка 77–78 % биэтнофоров выбирало именно её и даже в русско-титульных семьях этот показатель составлял 59–60 % (рассчитано по: Волков 1989). Но доля русско-таджикских семей в группе межнациональной брачности русских страны была невелика и начала расти только в постсоветский период. Смешанное потомство таких семей (представленных таджиком и русской) в подавляющем большинстве выбирали титульную идентичность. Но определённые потери русской общины могли быть связаны и со сменой идентификации биэтнофоров из русско-украинских (белорусских, татарских и др.) семей.

Таблица 5.18
**Доля русских Таджикской ССР, вступивших
в межнациональный брак в 1978 и 1988 гг. (%)**

Годы	Все население		Городское		Сельское	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1978	22,5	29,9	22,5	29,2	23,3	44,3
1988	26,0	31,8	25,8	30,9	30,1	48,7

Источник: Население СССР 1989, с. 304–305

При этом необходимо учитывать расселенческую специфику данного социального явления. В сельской местности уже в конце советского периода 48,7 % русских женщин вступали в межнациональные браки. К началу 2010-х гг. сельская компонента русской общины сократилась до 2,2 тыс. чел., а в её гендерной структуре на 100 мужчин приходилось 274 женщины (в 1989 г. – 77) (рис. 5.20). Одной из основных причин столь резкой трансформации являлся интенсивный отток всех русских поселенцев, за исключением женщин, имевших мужа титульной или автохтонной для региона национальности. Эта группа женщин в 2000-2020-е гг. и составляет весомую долю сельских русских Таджикистана.

Русское этническое присутствие в Таджикистане связано не только со старожильческим населением, проживающим в стране на постоянной основе. Некоторое число русских находится на дислоцируемой в Душанбе и Бохтаре 201-й российской военной базе. Однако

речь идёт о сменяющем воинском контингенте, который не имеет прямого отношения к русской общине и не может учитываться при анализе её демографических перспектив. В ещё большей степени данный вывод относится к туристическому потоку из России, который во второй половине 2010-х гг. составлял 140–160 тыс. в год (в зависимости от сезона в Таджикистане могло одновременно находиться 2,5–4,5 тыс. русских туристов при условии, что на них приходилось 70–80 % турпотока)¹.

Количественная динамика русской общины страны в 2020-е гг. в значительной степени определяется дальнейшим быстрым сокращением в стране группы русских женщин активного репродуктивного возраста (20–39 лет). За 2010–2020 гг. её размеры даже без учёта миграционного оттока сократилась на 17 % (с 6,20 до 5,16 тыс. чел.). В текущем десятилетии этот процесс ещё более ускорился и в 2030 г. данная группа должна будет заключать только 3,7 тыс. чел. (в действительности, учитывая масштабы оттока 2010-х гг., не более 3,2–3,4 тысяч). В такой ситуации естественные потери за 2020-е гг. в пределах 10–11 % (рост на 2–3 % от уровня предыдущего десятилетия) может считаться положительным сценарием. В качестве серьёзного фактора депопуляции сохранится и ассимиляция, способная добавить несколько процентных пунктов. При неблагоприятном сценарии естественно-ассимиляционная убыль русского населения страны в 2020-е гг. может достигать 15–17 %.

Масштабы оттока русских из Таджикистана, согласно официальным данным, в первой половине 2020-х гг. были на историческом минимуме в постсоветский период (несколько десятков человек в год) (см. рис. 4.19). Реальный уровень миграционных потерь мог быть несколько выше. Но учитывая совокупность общественно-политических и геоэкономических обстоятельств, в которых после начала СВО находится Российская Федерация, есть основания полагать, что эмиграция русских из Таджикистана в последние годы действительно очень невелика.

При сохранении данного тренда (позитивный сценарий) миграционная убыль за 2020-е гг. может составить 0,7–1,2 тыс. чел. Негативным сценарием было бы возвращение относительного показателя

¹ Сравнительная статистика выезда российских граждан за рубеж в 2018 и 2019 гг. // Ассоциация туроператоров. 13.02.2020. URL: https://www.atorus.ru/ratings/analytic_mrch/new/50476.html (дата обращения: 17.11.2021).

миграции к уровню начала 2010-х гг., когда ежегодный отток составлял 1–1,1 % от общей численности русских. При таком сценарии эмиграция в текущем десятилетии способна составить 2,6–3,0 тыс. человек.

В зависимости от сочетания вариантов естественно-ассимиляционной и миграционной убыли общие демографические потери русских Таджикистана в 2020-е гг. могут находиться в диапазоне 4,5–8,5 тыс. чел. (18–33 %) (табл. 5.19; 5.20).

Таблица 5.19

**Сценарии динамики русского населения Таджикистана
(удельные показатели), 2010–2050 гг.**

Сценарии	2011– 2020	2021– 2030	2031– 2040	2041– 2050
<i>Естественная убыль и ассимиляция (% от наличной численности)</i>				
Позитивный	8–9	9–11	9–11	10–12
Средний (наиболее вероятный диапазон)	10–12	12–14	12–14	13–15
Негативный	13–15	15–17	15–17	16–18
<i>Чистый отток (% от наличной численности)</i>				
Позитивный	5–6	3–4	2–3	1–2
Средний (наиболее вероятный диапазон)	8–9	5–7	4–5	4–5
Негативный	10–12	10–11	9–10	8–9

Источник: табл. 5.19–5.20 составлены по расчетам автора.

Таблица 5.20

Сценарии количественной динамики русского населения Таджикистана, 2010–2050 гг. (тыс. чел.)

Сценарии	2010	2020	2030	2040	2050
ПП	34,84	29,6–30,3	25,2–26,7	21,7–23,8	18,7–21,0
ПС		28,6–29,3	23,5–25,2	19,7–21,9	16,4–18,8
ПН		27,5–28,6	21,5–23,2	17,0–19,0	13,4–15,6
СП		28,6–29,6	23,5–25,2	19,5–21,7	16,2–18,7
СС		27,5–28,5	21,7–23,7	17,6–19,9	14,1–16,5
СН		26,5–27,9	19,9–21,8	15,1–17,2	11,5–13,6
НП		27,5–28,6	21,7–23,5	17,4–19,5	13,9–16,2
НС		26,5–27,5	20,1–22,0	15,7–17,8	12,1–14,2
НН		25,4–26,8	18,3–19,8	13,4–15,0	9,8–11,4

Примечание: П – позитивный; С – средний; Н – негативный, * – первым поставлен вариант естественно-ассимиляционной динамики, вторым – миграционной динамики.

При реализации одного из наиболее вероятных сценариев демографической динамики русская община страны в 2030 г. может составлять 21,7–23,7 тыс., а к середине века сократиться до 14–16,5 тыс. человек. Совмещение негативных/положительных вариантов естественной и механической динамики способно заметно (на 30–40 %) ускорить или замедлить этот депопуляционный темпоритм (табл. 5.20). Но вне зависимости от реализуемого сценария речь будет идти о различных темповых инвариантах процесса демографического заката русской общины, проходящей последние стадии своего развития в Таджикистане.

5.4. Туркмения

В отличие от остальных союзных республик Средней Азии русское население Туркмении росло ограниченными темпами, начиная с первых послевоенных десятилетий. Если в 1960-е гг. численность русских в Киргизии выросла почти в два раза, в Узбекистане и Таджикистане – на 37–38 %, то в Туркменской ССР на 19 %. И центральную роль в демографическом приросте русских республики уже в это время играло естественное воспроизводство. Сложные природно-климатические условия являлись основной причиной ограниченного притока новых переселенцев, а с другой стороны, выступали фактором постепенного «стяжения» в города русских, ранее осевших в Туркмении. За 1939–1959 гг. численность русских поселен сократилась с 25,5 до 14,5 тыс. чел., а уровень урбанизации всей общины приблизился к 95 % – почти все русское население республики стало городским (табл. 5.21). Но в последнее советское десятилетие начинает сокращаться в абсолютных размерах и группа русских горожан. Ее миграционные потери за 1979–1989 гг. составили 29–30 тыс. чел.

Численность русских и факторы их демографической динамики. Масштабы оттока ещё больше вырастают в постсоветский период. Однако анализ геодемографической динамики русского населения Туркмении в 1990–2000-е гг. затруднён низкой достоверностью результатов переписи 1995 г. и демографической статистики национального Госкомстата, согласно которой население страны уже в

1999 г. превысило 5 млн чел., а в 2007 г. приблизилось к 7 млн (почти двукратный рост за 1989–2007 гг.). После 2007 г. Госкомстат Туркмении на 15 лет вообще перестаёт публиковать данные текущего демографического учёта. Остались закрытыми и результаты проведённой в декабре 2012 г. переписи населения. Почти полное отсутствие достоверной статистики заставляло специалистов в своих расчётных оценках ориентироваться на косвенные данные, в т.ч. материалы миграционной службы России.

Таблица 5.21
**Геодемографические характеристики и гендерный баланс
у русских Туркменской ССР, 1939–1989 гг.**

Годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбани- зации, %	Доля русских (%)			Число мужчин на 100 женщин		
	всего	го- род	се- ло		всего	го- род	се- ло	об- щий	го- род	се- ло
1939	232,9	207,5	25,5	89,1	18,7	49,8	3,1	99	90	235
1959	262,7	248,2	14,5	94,5	17,3	35,4	1,78	74	72	111
1970	313,1	299,5	13,6	95,7	14,5	29,0	1,21	80	79	118
1979	349,2	337,0	12,2	96,5	12,6	25,7	0,84	80	79	107
1989	333,9	323,5	10,4	96,9	9,5	20,3	0,54	83	81	132

Источник: рассчитано по данным сайта Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rer_nac_39-89_gs.php;

Период интенсивного оттока русских из Туркменистана оказался более затяжным, чем в других странах Центральной Азии и завершился только к началу 2000-х гг. (рис. 5.21). Учтённый отток русских в Россию за 1989–2000 гг. составил 90,3 тыс. чел. (Зайончковская, 1996, с. 9; Население России..., 2001). Принимая во внимание неучтеннную миграцию в РФ (20–25 тыс. чел.), другие страны СНГ и дальнее зарубежье (5–10 тыс. чел.), а также естественную убыль (15–20 тыс. чел.), можно оценить общий масштаб потерь русского населения за 1989–2000 гг. в размере 135–145 тысяч. При таком сценарии, его численность к началу XXI в. должна была сократиться в Туркмении до 190–200 тыс. человек.

В первой половине – середине 2000-х гг. темпы масштабы оттока русских продолжали сокращаться. Но ликвидация в 2008 г. возможности иметь двойное российско-туркменское гражданство вновь заметно активизировала миграцию. По оценке Л.Л. Хоперской, в

конце 2000-х гг. численность русских в Туркмении составляла 100–165 тыс. чел. (Хоперская 2012, с. 2). Специалисты Метео журнала называли для 2010 г. цифру в 140 тысяч¹. По расчетам А.Л. Арефьева, в середине 2012 г. она составляла 120 тыс. (Арефьев 2012, с. 147). Согласно нашим расчётом, русское население страны в 2010 г. составляло 115–125 тыс. человек (Сущий 2021).

Рис. 5.21. Миграционное сальдо русского населения Туркмении, 1989–2007 гг. (тыс. чел.)

Источник: Население России... 2001

Есть основания полагать, что наиболее близкой к реальной демографической динамике русской общины была оценка специалистов Метео журнала (140 тысяч). Тем более, что в целом подтвердился и выполненный ими расчёт численности русских Туркмении в 2020 г. – 110 тыс. чел. Данная цифра хорошо соотносится с результатами последней переписи населения, проведённой в декабре 2022 г., согласно которым русское население страны составляло 114,5 тыс. человек.

Данные этой переписи по целому ряду позиций могут быть подвергнуты серьёзному сомнению. Например, крайне сложно представить, что численность титульного национального сообщества страны за 1989–2022 гг. могла вырасти с 2,53 до 6,12 млн чел. С учётом постепенного снижения уровня рождаемости и показателя естественного прироста, едва ли последний мог составлять более 19–20 % в среднегодовом исчислении. Но даже сохранение такого высокого показателя на протяжении всего постсоветского периода могло бы уве-

¹ Исход. С момента распада СССР русское население Туркменистана сократилось в разы // Метео журнал. 21.04.2021. URL: <https://meteojurnal.ru/ishod-s-momenta-raspada-sssr-russkoe-naselenie-turkmenistana-sokratilos-v-razy/>

личить к началу 2020-х гг. число туркмен в стране до 4,6–4,7 млн человек. При условии, что отсутствовал миграционный отток. Есть все основания полагать, что реальная численность титульного народа переписью 2022 г. была завышена на 1,5–2 млн человек. Но данное обстоятельство не исключает того, что результаты этой переписи по русским и ряду других национальных сообществ Туркмении могли обладать достаточно высокой достоверностью.

Используя эту статистику, а также данные специалистов Метео журнала для 2010 г., мы в первом приближении можем определить масштабы убыли русской общины за 2000-е гг. в пределах 50–60 тыс. чел. (–26–30 %). Естественные потери в этот период не превышали 10–15 тыс. (7–10 % в среднем за год). Потери, которые русская община могла нести вследствие растущей межнациональной брачности и ассимиляции части своих биэтнофоров, можно оценить в несколько процентов (2–3 тыс. человек). Таким образом, как и в первое постсоветское десятилетие, основные потери «нулевых» были связаны с миграцией (порядка 70–75 % общей убыли русского населения).

В 2010-е гг. соотношение естественных и миграционных потерь могло поменяться самым существенным образом. После снижения в первой половине десятилетия, естественная убыль русских продемонстрировала быстрый рост, с пиком в годы мировой пандемии. В целом за 2010–2022 гг. она могла составить 8–11 % от общей их численности. С учётом ассимиляционного фактора, этот показатель мог достигать 11–15 %, а общие демографические потери русского населения за этот период могли составлять 18–19 %. Таким образом, со второй половины 2010-х гг. естественно-ассимиляционный фактор становится ведущим в депопуляционном тренде русской общины Туркмении.

География и система расселения русских. Растущая концентрация русских в Ашхабаде фиксировалась с середины XX в. – за 1959–1989 гг. доля столичной группы выросла с 32,7 до 38,9 %. Сохранилась эта тенденция и в постсоветский период. За 1989–1995 гг. данный показатель поднялся до 47,4 %. В начале 2020-х гг. он уже составлял около 60 % (рис. 5.22). Заметная часть остального русского населения была сосредоточена в административных центрах регионов (влаяятов). В середине 1990-х гг. на них приходилось 50–80 % провинциальных русских (табл. 5.22). В последующие десятилетия этот показатель должен был вырасти ещё больше. Можно с большой вероятностью предполагать, что в настоящее время география русских

Туркмении за пределами столицы в самой значительной степени ограничивается этими региональными центрами.

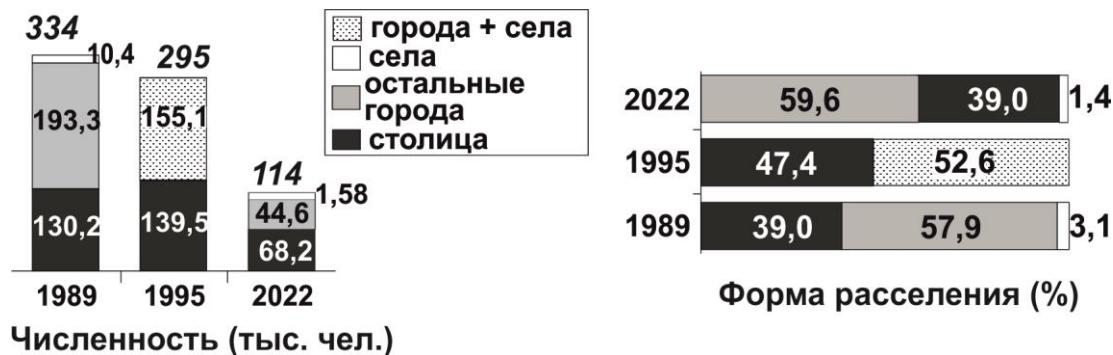

Рис. 5.22. Динамика русских по уровням системы расселения Туркмении, 1989–2022 гг. (тыс. чел., %)

Источник: рис. 5.22–5.23 составлены по: Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89_tu.php; Перепись населения Туркменистана 2022 г.

Таблица 5.22
Геодинамика русского населения Туркмении, 1989–1995 гг. (тыс. чел.; %)

Столица и велаяты	Число русских (тыс. чел.)		Доля русских, живущих в администрации центре велаята, 1995 (%)	Динамика за 1989–1995 гг. (%)
	1989	1995		
Ашхабад	130,2	139,9	—	7,5
Балканский	83,8	39,6	32,2 (86,7)*	-34,5
Ахалский		15,3	56,5	-34,5
Дашогузский	7,3	8,1	75,2	11,0
Лебапский	56,1	47,8	82,0	-14,8
Марыйский	56,5	43,9	62,1 (78,7)	-22,3
Туркмения	333,9	294,6	—	-11,8

* в скобках с учетом второго центра велаята.

Источники. по данным Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89_tu.php; Перепись населения Туркменистана в 1995 году // Метеоожурнал. URL: <https://meteojurnal.ru/perepis-naseleniya-turkmenistana-v-1995-godu/>

В территориальном аспекте можно отметить достаточно равномерный характер убыли русского населения, почти все региональные группы которого за 1990–2010-е гг. сократились в 3,7–5,0 раз. Значи-

тельно лучше сохранилась столичная группа (1,9-кратная убыль), компенсировавшая часть своих потерь за счёт притока русских из провинции (рис. 4.23). В целом происходил процесс нарастающей концентрации русского населения на верхних этажах системы расселения. В начале 2020-х гг. в Ашхабаде и региональных центрах было сосредоточено уже около 90 % русских Туркмении.

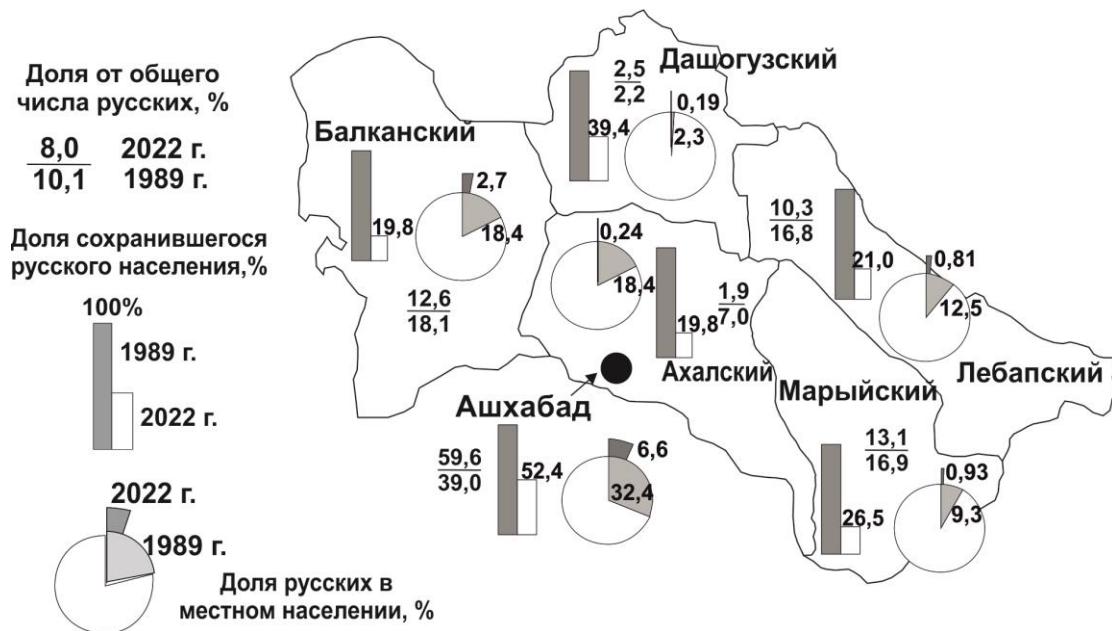

Рис. 5.23. Геодемографические характеристики русских Туркмении, 1989–2022 гг.

Как отмечалось, уже в конце советского периода уровень урбанизации русского населения страны был максимальным (96,9 %), группа поселенцев насчитывала всего 10,4 тыс. чел. В 1990–2010-е гг. сельская местность была оставлена русскими практически полностью. В структуре сельского населения Туркмении они в настоящее время неразличимы, составляя по отдельным регионам 0,03–0,06 % местных жителей. Зафиксированная переписью 2022 г. группа русских поселенцев общей численностью 1,58 тыс. чел. представляла дисперсно расселенное множество. Как и в Таджикистане, оно в настоящее время преимущественно состоит из возрастных женщин, имеющих мужа титульной или одной из коренных для макрорегиона национальностей (именно такие семьи отличали ограниченные масштабы эмиграции в 1990–2000-е гг.).

Но и в городской среде за пределами Ашхабада русских в начале 2020-х гг. осталось очень мало. В Марыйском и Балканском ве-

ляятах их удельный вес в составе горожан составлял 3,3–3,47 %; в Лебапском – 1,77 %; в Ахалском и Дашилгузском – 0,53–0,59 %. Заметно больше была доля русского населения в столице – 6,62 % (учитывая завышенную численность титульного большинства этот показатель в действительности мог быть выше ещё на 1,5–2,0 %).

Межнациональная брачность русских и группа смешанного населения, как фактор демографической динамики. Русское население Туркмении в конце советского периода отличал максимальный для Средней Азии уровень межнациональной брачности (27,2 у мужчин и 34,9 % у женщин). Но в сельской местности этот показатель уже превышал соответственно 40 и 60 % (табл. 5.23). Тем самым, группа биэтнофоров в структуре русского населения республики росла быстрыми темпами, поскольку основная часть потомства межнациональных семей с участием русских супругов выбирала в этот период русскую идентичность. Только в русско-титульных семьях их доля составляла 47 %, но число таких браков было очень невелико. Основными брачными партнёрами русских в республике являлись украинцы, в меньшей степени белорусы и татары (в русские «уходило» 70–80 % потомства таких семей) (рассчитано по: Волков 1989).

Таблица 5.23

**Доля русских Туркменской ССР, вступивших
в межнациональный брак в 1978 и 1988 гг. (%)**

Годы	Все население		Городское		Сельское	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1978	21,3	31,0	21,4	30,4	18,6	47,0
1988	27,2	34,9	27,0	34,0	40,4	62,6

Источник: Население СССР 1989, с. 314–315

В целом в конце 1970-х гг. из 104 тыс. русских Туркмении в возрасте 0–19 лет, двух русских родителей имели 67 тыс. (64,4 %). Более 37 тыс. являлись биэтнофорами, которые во время переписи 1979 г. были отнесены к русским. Группа биэтнофоров до 19 лет, отнесённых к другим народам, насчитывала 11,4 тыс. (23,5 % от общей численности потомства межнациональных семей русского населения республики).

В постсоветский период ситуация изменилась. Но если в постсоветских Узбекистане и Киргизии, располагавших значительным массивом русского населения и крупными русскоязычными диаспо-

рами, межнациональная брачность работала преимущественно на ассимиляционное пополнение русских, а в дерусифицированном Таджикистане вела к их ассимиляционным потерям, то Туркмения в 1990–2000-е гг. могла занимать промежуточное положение. Однако по мере сокращения демографического потенциала русской общины страны её ассимиляционные потери росли и в последние 5–10 лет вместе с естественной убылью превратились в основную причину депопуляции.

Демографические перспективы русских Туркмении.

По прогнозному расчёту специалистов Метео журнала демографические потери русских в первой половине 2020-х гг. способны вырасти до 4,0–4,5 % в год (т.е. вернуться на уровень начала XXI в.)¹. Но в масштабах целого десятилетия такой вариант можно считать сверхнегативным сценарием демографической динамики. Тем более, что, даже не имея нужной статистики, есть все основания предполагать существенное сокращение масштабов чистого оттока русских из Туркмении начиная с середины – второй половины 2010-х гг. Согласно переписи 2022 г. 107 из 114,4 тыс. чел. (93,5 %) русского населения родилось в Туркмении – свидетельство его высокой укоренённости в стране. Другим свидетельством плотной интеграции в экономическую и социокультурную жизнь страны является хорошее знание туркменского языка, который для 11,14 тыс. русских (9,7 %) в настоящее время является родным. Свою роль в минимизации эмиграции русских могли сыграть и общая сложная ситуация на постсоветском пространстве в последние годы.

Положительным вариантом демографической динамики русских Туркмении в 2020-е гг. представляется сочетание небольшого роста естественных потерь (9–10 % от общей численности за десятилетие), среднегодового оттока в 0,4–0,5 тыс. чел. и ассимиляционных потерь в несколько процентов от общей их численности, дающих в сумме потерю за 2020-е гг. порядка 13–18 % демографического потенциала русской общины (табл. 5.24). Но более вероятным для текущего десятилетия представляется сценарий убыли на 20–24 %, при котором численность русских к 2030 г. сократится до 87–92 тыс. чел. (табл. 4.25). Пролонгация данного варианта динамики на среднесрочную

¹ Исход. С момента распада СССР русское население Туркменистана сократилось в разы // Метео журнал. 21.04.2021. URL: <https://meteojurnal.ru/ishod-s-momenta-raspada-sssr-russkoe-naselenie-turkmenistana-sokratilos-v-razy/> (дата обращения: 12.10.2021).

перспективу оставит к середине века в Туркмении 52–60 тыс. русского населения. В пространственном ракурсе при любом демографическом сценарии следует ожидать нарастающей концентрации русских в пределах Ашхабада. В середине века ¾–4/5 представителей русской общины может быть сосредоточено в столице страны.

Таблица 5.24
**Сценарии динамики русского населения Туркмении
(темпы убыли), 2022–2050 гг.**

Сценарии	2022–2030	2031–2040	2041–2050
<i>Естественно-ассимиляционная убыль (% от численности)</i>			
Позитивный	10–13	9–12	11–14
Средний (наиболее вероятный диапазон)	14–16	13–15	15–17
Негативный	18–20	17–18	19–21
<i>Чистый отток (% от численности)</i>			
Позитивный	3–5	3–5	3–4
Средний (наиболее вероятный диапазон)	6–8	6–7	5–6
Негативный	9–11	8–10	7–9

Источник: табл. 5.24–5.25 составлены по расчетам автора

Таблица 5.25
**Сценарии количественной динамики русского населения
Туркмении, 2022–2050 гг. (тыс. чел.)**

Сценарии	2022	2030	2040	2050
ПП*	114,4	99–103	82–91	67–78
ПС		90–96	73–82	58–69
ПН		87–93	68–77	52–63
СП		90–95	72–78	57–64
СС		87–92	68–75	52–60
СН		84–88	63–71	47–55
НП		86–90	66–72	50–56
НС		82–87	62–67	45–52
НН		79–84	57–63	40–47

Примечание: П – позитивный; С – средний; Н – негативный

* – первым поставлен вариант естественно-ассимиляционной динамики, вторым – миграционной динамики.

5.5. Узбекистан

В 1960–1980-е гг. на Узбекистан приходилось около 50 % всех русских Средней Азии. Своего максимума (1,67 млн чел.) русское население республики достигло в конце 1970-х гг. Снижение его долевого показателя в структуре республиканского населения фиксировалось уже с начала 1960-х гг., но абсолютное сокращение численности началось только в 1980-е гг., составив за десятилетие 12,2 тыс. человек (табл. 5.26). Но учитывая размеры естественного прироста русских Узбекистана в этот период (6–7 % в год), миграция их из республики была уже очень активной – за 10 лет чистый отток мог составить порядка 115–125 тыс. человек.

Таблица 5.26
**Геодемографические характеристики и гендерный баланс
русского населения Узбекской ССР, 1959–1989 гг.**

годы	Русское население, тыс. чел.			Уровень урбани- зации, %	Доля русских (%)			Число мужчин на 100 женщин		
	всего	го- род	село		всего	го- род	село	об- щий	го- род	се- ло
1959	1090,7	912,7	178,0	83,7	13,4	33,5	3,3	75	73	87
1970	1495,5	1322,3	173,2	88,4	12,5	30,3	2,3	79	78	86
1979	1665,7	1555,5	110,1	93,3	10,8	24,8	1,2	80	80	84
1989	1653,5	1567,3	85,8	94,1	8,3	19,5	0,73	82	82	88

Источник: рассчитано по: Демоскоп http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rer_nac_59-89_gs.php Weekly. URL:

Параллельно с миграцией из республики происходило существенное перераспределение русских по уровням системы расселения. Центральным трендом здесь с начала 1960-х гг. являлся отток из сельской местности в города, достигший своего пика в 1970-е гг. – в течение десятилетия сельскую местность покинуло более 40 % русского населения Узбекистана. За 1970–1989 гг. численность сельских русских сократилась в два раза (с 173 до 86 тыс. чел.), а уровень урбанизации поднялся с 88,4 до 94,1 %. Однако в 1980-е гг. этот процесс был уже связан почти исключительно с ростом столичной групп-

пы, русское население большинства других городов республики начало сокращаться. И в целом, география русской демографической депопуляции, включавшая в 1960-е гг. только две области, в 1980-е гг. захватывала уже почти всю территорию республики (10 из 12 регионов).

Численность русских в 1990–2010-е гг. и факторы их демографической динамики. По данным специалистов ООН, эмиграция русских из Узбекистана за 1990–1998 гг. составила более 642 тыс. чел. (Population Migration... 2000, с. 61), российские эксперты оценивают чистый отток за этот период только в Россию в 407 тыс. чел. (Зайончаковская 1996, с. 9; Население России 2001) (рис. 4.24). Поскольку в постсоветском Узбекистане переписи населения не проводились, определить уровень точности этих оценок не представляется возможным. Известное представление об этнодемографической динамике населения страны дают данные текущего демографического учёта, публикуемые национальным Госкомстатом. Но есть серьёзные основания относиться к этой статистике с осторожностью.

Рис. 5.24. Отток (отрицательное миграционное сальдо) русского населения из Узбекистана, 1989–2001 гг. (тыс. чел.)

Источники: Population Migration... 2000, с. 61; Население России... 2001.

Существенно расходясь в оценках масштабов оттока, исследователи сходятся в том, что именно 1990-е гг. стали периодом максимальных демографических потерь русского населения страны, убыль которого была быстрой и повсеместной, охватывала все регионы и уровни системы расселения от Ташкента до глубокой сельской периферии. Центральную роль в депопуляции, как и во всех остальных постсоветских государствах, играл миграционный отток в Россию. Естественная убыль русских в 1990-е гг. (3–5 % в среднегодовом ис-

числении) ограничилась 40–50 тыс. чел. (менее 10 % общих потерь). По данным Госкомстата Узбекистана, численность русских страны в 2000 г. составляла 1199 тыс. чел. (–27,5 % по сравнению с 1989 г.), по оценке экспертов ООН – около 800 тыс. чел. (–51,7 %) (Салиев, Федорко, 2014; Population Migration..., 2000: 101). Но обозначенные цифры скорее следует считать двумя границами вероятного диапазона размеров русского населения страны на рубеже веков.

Если исходить из данных Ж.А. Зайончковской и Н.В. Мкртчана, чистый отток русских из Узбекистана в Россию за 1989–2000 гг. составил 450–460 тыс., несколько десятков тысяч выехало в другие страны БЗ. Но, как свидетельствуют результаты постсоветских переписей Казахстана и Киргизстана, текущий учет мог на 20–25 % занижать реальный размер оттока русских (Население Киргизстана... 2011, с. 82–83). Едва ли Узбекистан был исключением. С учётом «теневой» составляющей эмиграции и естественной убыли, общие демографические потери русских страны за 1990-е гг. могли составить 600–650 тыс. чел. При таком сценарии в 2000 г. их оставалось в Узбекистане 1,0–1,07 млн (порядка 35–40 % от уровня 1989 г.).

Геодемографическое отступление русских продолжилось в начале XXI в. По данным текущего учёта, их число в 2009 г. составляло 895 тыс. чел., в начале 2021 г. – 720 тысяч¹. Исследователи, не склонные доверять официальной статистике, оценивали размеры русской общины страны более скромно. По разным оценкам, в 2010 г. она составляла менее 700 тыс. чел. (Арефьев 2012, с. 121) или даже менее 500 тысяч (Хоперская 2012, с. 2).

Нам представляется, что статистика национального Госкомства, завысив численность русских в 2000 г., в дальнейшем (2000–2010-е гг.) достаточно точно фиксировала масштабы их текущей убыли. Хотя эти цифры должны быть дополнены величиной «теневого» оттока, не учитываемого миграционной службой. Исходя из данного предположения, демографические потери русских в Узбекистане в 2000-е гг. можно определить в 370–380 тыс. чел. (327 тыс. «официальной» убыли + 40–50 тыс. неучтённой эмиграции); в 2010-е гг. – 145–150 тыс. чел. (130 тыс. + 15–20 тыс.). Итак, определённая нами ранее численность русских на рубеже XXI в. (1,0–1,07 млн чел.) к

¹ Госкомстат назвал количество русских в Узбекистане // SPUTNIK Узбекистан. 19.08.2021. URL: <https://uz.sputniknews.ru/20210819/goskomstat-nazval-kolichestvo-russkix-v-uzbekistane-20149387.html> (дата обращения: 17.02.2022).

2010 г. могла сократиться до 620–700 тыс., а к началу 2021 г. – до 475–550 тыс. человек.

Масштабы среднегодовой убыли с 43 тыс. чел. (начало 2000-х) снизились до 20–22 тыс. (конец 2000-х гг.) и 7–7,5 тыс. чел. (конец 2010-х гг.) (рис. 5.25), что в первую очередь было связано с сокращением оттока, доля которого в общих демографических потерях снижалась на протяжении всего постсоветского периода (с 95–98 % в начале 1990-х гг. до 25–40 % в конце 2010-х гг.). Таким образом, в последние годы основной причиной сокращения русских в Узбекистане, как и в Киргизии, стала уже естественная убыль.

Рис. 5.25. Среднегодовые темпы демографической убыли русского населения Узбекистана, 1989–2021 гг. (тыс. чел, %)

Источник: Население России... 2001; Федорко, Курбанов 2018; Population Migration... 2000

Межнациональная брачность русских и группа смешанного населения, как фактор демографической динамики. Аналогично ситуации в Казахстане и Киргизии, часть потерь русской общины Узбекистана компенсировалась ассимиляцией – русские, наряду с узбеками, выступали вторым полюсом этнокультурного притяжения для населения страны. Процесс обрушения ряда русскоязычных групп Узбекистана приобрёл ощутимые масштабы уже в советский период (существенная часть семейных представителей данных общин в 1970–1980-е гг. состояла в межнациональных браках с русскими).

Значительное большинство потомства таких семей выбирала русскую идентичность. В конце 1970-х гг. 81,5 % детей и подростков (0–19 лет) из русско-украинских семей республики были отнесены к русскому национальному сообществу. Для русско-татарских семей этот показатель составлял 61,3 %, для русско-еврейских – 80 % (Волков 1989). Показательно, что даже в русско-узбекских семьях, общее

число которых было сравнительно невелико¹, смешанное потомство распределилось почти поровну между двумя национальностями с небольшим перевесом титульной (соответственно 52,1 и 47,9 %). В последнее десятилетие советского периода около четверти русских мужчин Узбекистана и около трети женщин вступали в брак с человеком другой национальности (табл. 5.27).

Таблица 5.27
Доля русских Узбекской ССР, вступивших
в межнациональный брак в 1978 и 1988 гг. (%)

Годы	Все население		Городское		Сельское	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1978	21,5	27,3	21,2	26,7	24,7	34,8
1988	24,0	29,6	23,5	29,0	34,6	42,6

Источник: Население СССР 1989, с. 238–239

В целом в конце 1970-х гг. из 502 тыс. русских Узбекистана, относящихся к младшим возрастным группам (0–19 лет), имели двух русских родителей 342 тыс. чел. (68 %). Общая численность биэтнофоров (один из родителей – русский), составляла 221–222 тыс. чел., из которых 72,5 % были учтены в составе русского населения республики.

Процесс обрушения русскоязычных общин Узбекистана продолжался и в постсоветский период. Но по данным Госкомстата Узбекистана, размеры крупнейших русскоязычных общин в 1989–2021 гг. сокращались темпами, сопоставимыми с убылью русского населения. Даже учитывая возможность значительных погрешностей текущего учёта, едва ли общие масштабы ассимиляционного пополнения русских стран в 1990–2010-е гг. превышали 20–30 тыс. человек. К началу 2020-х гг. этот источник демографического роста в значительной степени был исчерпан: общая численность украинцев, белорусов, немцев, евреев Узбекистана за 1989–2020 гг. сократилась с 317 до 90–95 тысяч.

Есть также все основания полагать, что в постсоветский период выросло число русско-узбекских браков (прежде всего, в сочетании узбек – русская). В новых условиях удельное соотношение наци-

¹ Их доля в общем объёме межнациональной брачности русских республики составляла 9,5 %.

нальной идентичности, выбираемой потомством таких семей, должно было ощутимо сместиться к титульной составляющей. И ассимиляционные потери, которые русская община начала нести в этом сегменте межнациональной брачности, в последние 10–15 лет могли уже быть сопоставимы с демографическим пополнением вследствие обрусения русскоязычных общин.

Несмотря на полное отсутствие информации о половозрастной структуре русского населения современного Узбекистана, не вызывает сомнения ощутимый количественный перевес женщин и повышенный средний возраст (более 40 лет). Одним из косвенных свидетельств этого является низкая рождаемость, составлявшая у русских в конце 2000-х гг. только 6–6,5 % в год при высоком уровне естественной убыли (она приближалась к 7 %) (Салиев, Федорко 2014, с. 401).

Местное русское население и в советский период отличал заметный перевес женщин (в 1989 г. в республике на 100 мужчин приходилась 121 женщина). При усилении гендерной диспропорции в степени, сопоставимой с русскими постсоветского Казахстана и Киргизии, в Узбекистане к началу 2020-х гг. этот показатель мог вырасти до 135–140 женщин. Нарастающая деформация половозрастной структуры, а также вхождение в репродуктивный возраст малочисленной постсоветской генерации – основная причина роста естественной убыли русских страны с середины 2010-х гг. С 6–7 % во второй половине 2000-х гг. она должна была к концу 2010-х гг. подняться до 8–10 % и ещё более вырасти в 2020-е гг.

Геодемографическая динамика. Центральное место в системе расселения русских Узбекистана исторически принадлежало столичному региону (Ташкенту и Ташкентской области) – в конце 1980-х гг. в нем проживало 61,4 % русского населения республики. В 1990–2010-е гг. этот показатель рос за счёт менее значительной эмиграции и притока из других областей страны. По официальным данным, на столичный регион в 2017 г. приходилось 64,9 % русских Узбекистана. Но с большой вероятностью эта доля была выше (70–75 %), причём на сам Ташкент могло приходиться 50–55 % русских страны. Из других городов столичной области с компактным проживанием русского населения выделялись Чирчик, Алмалық, Бекабад, Ангрен, Ахангаран.

В остальных регионах русские были практически полностью сосредоточены в городах, прежде всего в областных центрах, на которые в большинстве областей Узбекистана приходится 60–70 % мест-

ного русского населения (табл. 5.28; рис. 5.26). Из других городов можно выделить Зарафшан и Учкудук в Навоийской области, Кувасай в Ферганской, Каган в Бухарской.

Таблица 5.28
Динамика русских по территории Узбекистана, 1989–2017 гг.

Столица и области	Число рус- ских (тыс. чел.)*	Доля русских (%):							
		во всем населении*				от общей их числен- ности		живущих в обл. центре (2017)	
		1989	2017	1989	2005	2013	2017		
Ташкент	701,3	345,1	34,0	21,6	16,2	14,2	42,4	46,0	—
Андижанская	44,7	19,0	2,6	0,9	0,7	0,6	2,7	2,5	61,4
Бухарская ***	133,2	26,2	8,2	2,0	1,6	1,4	8,1	3,5	—
Навоийская	—	17,6	-	4,5	2,5	1,9	—	2,3	58,4 (83,4)
Самаркандская	113,5	48,4	5,0	2,2	1,5	1,3	6,9	6,5	63,8
Джизакская	—	15,1	4,4	1,7	1,3	1,2	—	2,0	53,0
Кашкадарьинская	37,6	20,7	2,36	1,0	0,7	0,7	2,3	2,8	76,8
Наманганская	27,2	11,9	1,85	0,7	0,5	0,4	1,6	1,6	79,6
Сурхандарьинская	37,8	21,6	3,0	1,3	1,0	0,9	2,3	2,9	64,2
Сырдарьинская	88,4	23,3	6,8	4,4	3,3	2,9	5,3	3,1	28,9 (40,3)
Ташкентская	313,9	141,8	14,6	7,4	5,6	5,0	19,0	18,9	70,8 (79,5)
Ферганская	123,8	42,8	5,8	2,0	1,4	1,2	7,5	5,7	16,4 (28,0)
Хорезмская	12,2	6,0	1,2	0,5	0,4	0,3	0,7	0,8	21,4
Каракалпакия	19,8	10,5	1,64	0,8	0,6	0,6	1,2	1,4	58,8
Узбекистан	1653,4	750	8,35	3,8	2,7	2,3	100	100	

* Для 2005, 2023, 2017 гг. данные текущего учета. Реальная численность русских могла быть меньше на 15–30 %; ** в скобках с учётом второго города региона; *** в 1989 г. включала часть Навоийской обл.; **** в 1989 г. включала Джизакскую обл.

Источники. Федорко, Курбанов 2018; Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_lan_89_uz.php

Демографическая убыль русских сопровождалась «сжатием» их географии. Как отмечалось, уже в конце советского периода доля поселян в структуре русского населения была меньше 6 %. Есть все основания полагать, что опережающая депопуляция локальных сельских групп продолжилась и в постсоветские десятилетия. К началу 2020-х гг. в сельской местности Узбекистана могло сохраниться не более 3–4 % русских страны (15–20 тыс. чел.). Но и эта небольшая

группа была в основном сосредоточена в двух областях – «столичной» Ташкентской (Чиназский, Уртачирчикский, Куйичирчикский, Янгиюльский районы) и сопредельной с ней Сырдарьинской (Сырдарьинский, Баяутский, Гулистанский районы) (Салиев, Федорко 2014, с. 403). Это были территории в радиусе 30–70 км от Ташкента, общей площадью 10–15 тыс. кв. км (2,5–3,5 % территории страны). Остальные сельские районы Узбекистана утратили русское население практически полностью.

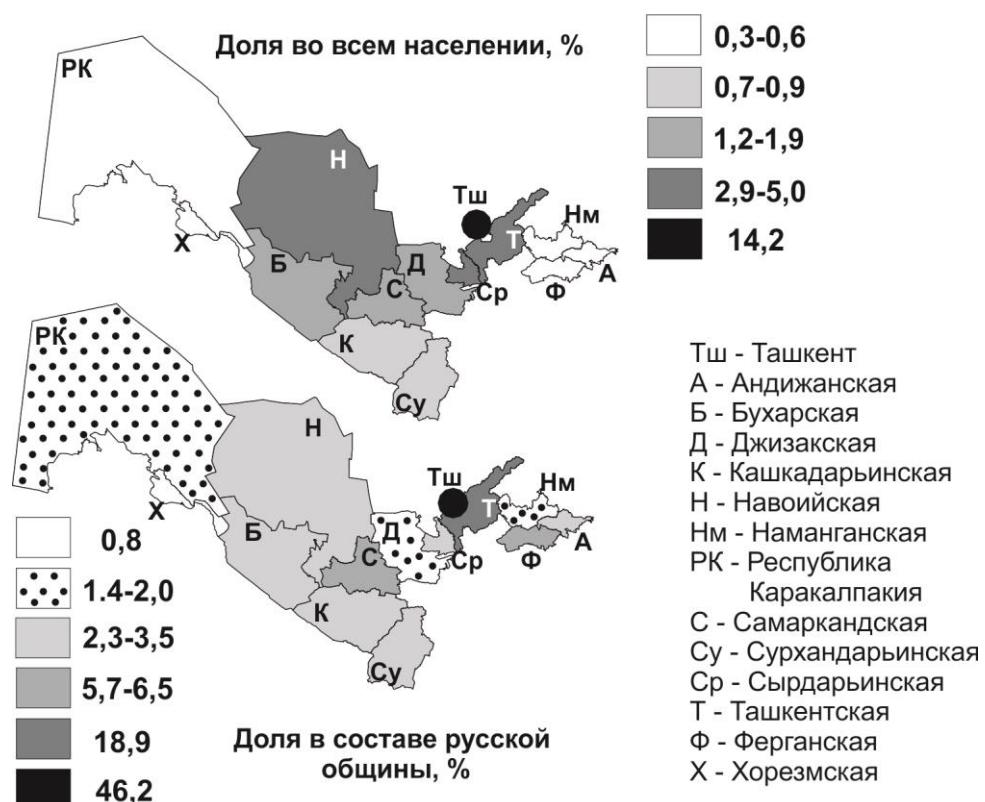

Рис. 5.26. Геодемографические характеристики русской общины Узбекистана, 2017 г.

Источник: Федорко, Курбанов 2018.

Демографические перспективы русских Узбекистана. Среднесрочные перспективы русских страны определяются неизбежным ростом естественной убыли и миграционным оттоком, масштабы которого будут зависеть от сочетания значительного числа социально-политических, экономических, социокультурных факторов.

В сфере естественного воспроизводства позитивным сценарием для русской общины может быть повышение в 2020-е гг. среднегодовой убыли до 9–12 %, со стабилизацией её в последующие 15–20 лет

(т.е. до середины века) на уровне 9–11 %. Средний и негативный варианты естественной динамики в среднесрочной перспективе могут соответственно составлять 12–13 и 14–16 %.

Ассимиляционный фактор, как уже отмечалось, в настоящее время и в ближайшие десятилетия может не оказывать на демографическую динамику русского населения сколько-нибудь заметного воздействия, поскольку потери, связанные с ассимиляцией смешанного потомства русско-узбекских семей будут компенсироваться обрушением остающихся в стране русскоязычных общин.

Расчёты показывают, что в 2017–2020 гг. среднегодовой чистый отток русских из Узбекистана составлял 2,5–3,5 тыс. чел. (минимальный показатель за весь постсоветский период). Сокращение данного показателя в 2020-е гг. до 1–1,5 тыс. можно считать позитивным сценарием миграционной динамики (10–15 тыс. чел. за 10 лет). Возвращение к оттоку, характерному для начала 2010-х гг. (15–16 тыс.), представляется «запредельно» пессимистичным вариантом. В первом приближении средний и негативный сценарий оттока русских соответственно может располагаться в диапазонах 3–5 тыс. и 6–8 тыс. чел. в год, что даёт для 2020-х гг. механическую убыль в размере 30–40 и 50–70 тыс. чел. Для двух последующих десятилетий положительным миграционным сценарием можно считать среднегодовой чистый отток русских в пределах 0,3–0,4 % от общей их численности в Узбекистане, средний и негативный – 0,5–0,8 и 0,9–1,2 % (табл. 5.29).

Таблица 5.29

**Сценарии динамики русского населения Узбекистана
(темпы убыли), 2021–2050 гг.**

Сценарии	2021–2030	2031–2040	2041–2050
<i>Естественная убыль (% от численности)</i>			
Позитивный	9–12	9–11	9–11
Средний (наиболее вероятный диапазон)	13–14	12–13	12–13
Негативный	15–17	14–16	14–16
<i>Чистый отток (% от численности)</i>			
Позитивный	2–3	3–4	3–4
Средний (наиболее вероятный диапазон)	5–8	5–8	5–8
Негативный	10–13	9–12	9–12

Источник: табл. 5.29–5.30 составлены по расчетам автора.

Поскольку мы имеем только данные текущего учёта численности русского населения, которые с большой вероятностью являются серьёзно завышенными (погрешность может достигать 30–50 %), расчётные оценки размеров русской общины Узбекистана представляют достаточно широкий диапазон. Использование его в качестве основания демографического прогноза на среднесрочную перспективу приводит к более чем 2-кратному разбегу анализируемого показателя. Реализация самого негативного сценария динамики может сократить русское население Узбекистана к середине XXI в. в 2–3 раза (до 180–245 тысяч). При наиболее позитивном варианте размеры русской общины в 2050 г. могут составлять 307–380 тыс. человек (табл. 5.30).

Таблица 5.30
**Сценарии количественной динамики русского населения
Узбекистана, 2021–2050 гг. (тыс. чел.)**

Сценарии	2020	2030	2040	2050
ПП	500–550	425–490	361–431	307–380
ПС		400–473	324–407	262–350
ПН		375–468	289–384	223–315
СП		415–468	345–398	286–338
СС		390–450	308–374	243–310
СН		365–424	274–335	195–265
НП		400–457	320–379	256–315
НС		375–440	285–334	217–271
НН		350–413	252–318	180–245

Примечание: П – позитивный; С – средний; Н – негативный

* - первым поставлен вариант естественно-ассимиляционной динамики, вторым – миграционной динамики.

Но более вероятным представляется диапазон 250–300 тыс. чел., из которых, учитывая сложившиеся тренды геодинамики, порядка 80–85% будет приходиться на столичный регион (в т.ч. 65–70 % – на сам Ташкент).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Геодемографическая динамика русских общин Б3, несмотря на кардинальные социально-политические, экономические, социокультурные различия стран постсоветского пространства, обнаруживает множество типологически сходных черт. Прежде всего, речь идет о едином для всех этих стран демографическом тренде – их русское население сокращалось непрерывно, практически повсеместно (в территориальном разрезе и на всех уровнях системы расселения) и на всем протяжении постсоветского периода. Причем естественная убыль в данном процессе играла подчиненную роль. Центральное место принадлежало миграционному оттоку, а также различным формам ассимиляции и смены этнической самоидентификации представителями группы би(поли)этнофоров.

Определенные различия обнаруживались только в темпах демографического сжатия русских общин. К началу 2020-х гг. русские практически полностью оставили Южный Кавказ и большую часть Средней Азии, несколько лучше сохранились в странах Балтии, в Беларуси (табл. 1).

Наблюдая подобную количественную динамику можно было бы констатировать наличие отчетливой русофобской линии в национальной политике почти всех постсоветских стран. Но более внимательный взгляд на этнодемографические процессы в Б3 обнаруживает аналогичное сокращение большинства других диаспор и этнических групп. Практически все постсоветские государства (кроме самой России) отличает нарастающая титулация населения. Можно сказать, что количественная динамика русских представляла частный случай общей закономерности. Хотя и самый яркий в силу их изначальной многочисленности. Декларации о создании гражданских полигэтнических наций, озвучиваемые политиками новых постсоветских государств, мало соотносились с реальными практиками активной «коренизации» социально-политической, административно-управленческой, экономической и культурной жизни Б3.

Теоретически, высокий удельный вес русских в населении ряда стран Б3 на рубеже 1990-х гг. позволял им рассчитывать если не на признание в качестве второго государствообразующего народа, то хотя бы на приздание русскому языку статуса государственного, наряду

с языком титульной нации. Эти надежды не оправдались. Они больше бы соотносились с социальной реальностью в случае продуманного, постадийного демонтажа СССР. Но его распад был не плановым процессом, а политической катастрофой, следствием поражения глобального советского проекта.

Таблица 1
Численность русского населения БЗ (тыс. чел.)

Годы Государства \ Годы	1989	1999– 2002	2009– 2011	2019– 2021	2024– 2025
Украина**	11360	8330	6500– 7500*	2400– 2600*	1000– 1200*
Белоруссия	1342	1142	785	707	670–680*
Узбекистан	1653	1000–1050*	600–650*	500–550*	450–500*
Таджикистан	388	68	35	25–30*	22–26*
Туркмения	334	190–200*	130–140*	114	105–110*
Казахстан	6228	4480	3794	2982	2964
Киргизия	917	603	408	315–320*	275
Грузия***	262	67,6	35–38*	20–21*	50–60*
Азербайджан	390	142	119	71	60–63*
Армения	52	15	12	9–10*	45–50*
Литва	344	220	175	141	125–130*
Латвия	906	703	556	464	434
Эстония	475	351	341	315	286
Молдова****	351	215–220*	155–165*	90–95*	82
<i>Непризнанные (и частично признанные) государства</i>					
Абхазия	75	25–27*	22–23*	21–22*	22–23*
Южная Осетия	2,1	0,7–0,8*	0,5*	0,5	0,5*
Нагорный Карабах	1,9	0,2*	0,2*	0,23– 0,24*	–
Приднестровская Молдавская респ.	211	187–190*	155	158	145–150*
ДНР, ЛНР				1100– 1300*	
Все ближнее зарубежье (млн чел.)	25,29	17,74– 17,81*	13,84– 14,92*	9,43– 9,92*	6,83– 7,05*

* оценка автора.

** для 2019–2021 гг. без Крыма и народных республик Донбасса, а для 2024–2025 гг. и без северного Приазовья-Причерноморья.

*** без Абхазии и Южной Осетии.

**** без Приднестровья.

В 1990-е гг. обошлось без организованных массовых депатриаций, аналогичных тем, через которые прошли миллионы немцев в середине 1940-х гг., но отношение к русскому населению во многих постсоветских странах было именно как к побежденным. Не говоря уже об устойчивых опасениях постсоветских политических элит, что мощный демографический массив русского населения их стран будет всегда оставаться пятой колонной, которая раньше или позже захочет реванша. Этот метафизический страх сохранялся на протяжении всего постсоветского периода. А с середины 2010-х гг. был в полной мере актуализирован эскалацией напряженности в российско-украинских отношениях.

Комплексная национализация социальной жизни, наложившаяся на политические практики «десоветизации» государств БЗ, не могла не сопровождаться процессом их дерусификации. Непосредственно в сфере этнодемографической динамики этот процесс обернулся масштабным количественным сокращением русского населения и пространственным сжатием его географии. В 1990-е гг. численность русских БЗ сократилась почти на 30 % (с 25,3 млн до 17,8 млн человек).

Минимальными в долевом отношении оказались количественные потери русского населения Беларуси (14,9 %), а также Латвии и Эстонии (22–26 %). Несколько больше (27–28 %) потеряли русские Украины и Казахстана (рис. 1). Но в абсолютных цифрах именно на эти две страны пришлась основная количественная убыль русских БЗ (соответственно 3,0 и 1,75 млн чел.) (см. табл. 1). Ускоренные темпы убыли демонстрировали и русские общины Южного Кавказа, сократившиеся за 1990-е гг. в 2,8–3,5 раз. Максимальной в этот период на постсоветском пространстве была убыль русских Таджикистана, численность которых сократилась в 5,7 раз.

Структура демографических потерь русских общин существенно различалась по макрорегионам и временными интервалам. Только в первой половине 1990-х гг. для всего БЗ было характерно известное единство – центральную роль играл отток в Россию наиболее «россиецентричного» и мало адаптированного к местной жизни русского населения. Но уже в середине этого десятилетия структура потерь в отдельных странах приобретает все более ощутимую специфику. Ухудшение показателей естественного воспроизводства становится причиной естественной убыли, фиксируемой у всего русского населения БЗ, притом, что уровень ее заметно различался по отдельным странам.

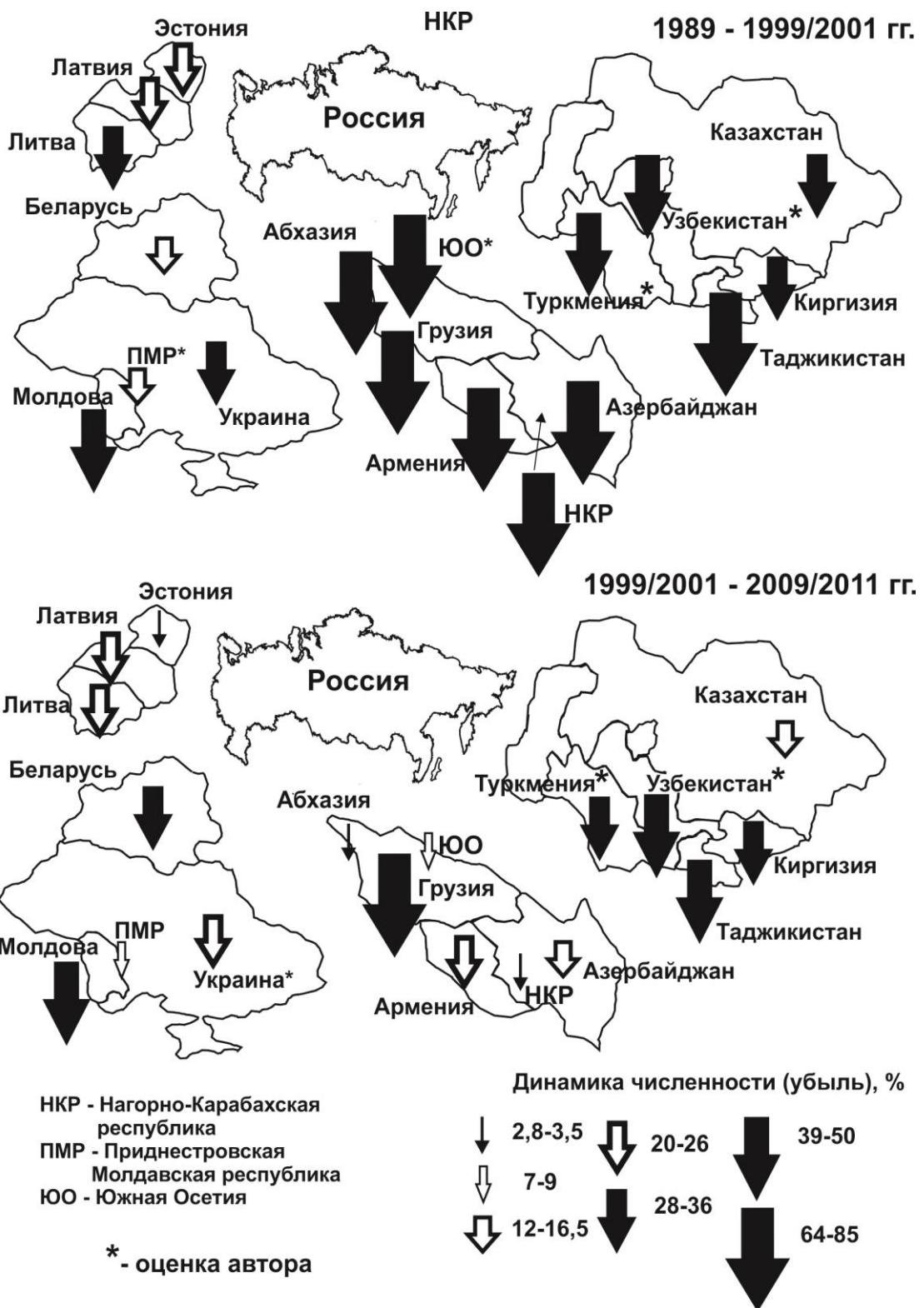

Рис. 1. Темпы убыли русского населения в странах ближнего Зарубежья, 1990–2000-е гг. (%)

Источники: данные для рис. 1–5 рассчитаны по Всесоюзной переписи населения СССР 1989 г., национальным переписям стран СНГ и Балтии, текущему демографическому учету населения.

Большое значение для демографической динамики русских общин БЗ играли и особенности формирования их состава в последние десятилетия советского периода. Поскольку заметную роль в их количественном росте играл ассимиляционный процесс, шедший через высокую межнациональную брачность с представителями русскоязычных общин и последующим обрусением значительной части смешанного потомства таких браков. Этот процесс, ускоряя рост численности местного русского населения, параллельно быстро увеличивал в его составе долю биэтнофоров¹. Только в русско-титульных семьях ряда союзных республик Прибалтики и Закавказья доля детей-биэтнофоров выбиравших нерусскую идентичность могла существенно превышать 50 %. Но такие браки составляли небольшую долю в общем массиве межнациональных семей местного русского населения.

После распада СССР фактор, работавший на демографический рост русских, поменял свой вектор. В новых социально-политических и социокультурных условиях часть биэтнофоров, ранее самоопределявшихся как русские, стала переходить в другие этнонациональные идентичности. В западном макрорегионе БЗ (Украина, Беларусь, Молдова) именно смена идентичности многочисленного русско-титульного населения, начавшего самоопределяться по своей второй компоненте, играла центральную роль в быстром сжатии русского демографического множества. Во всех трех странах порядка 2/3 зафиксированной в 1990-е гг. убыли русских было связано со сменой идентичности и ассимиляцией молодого поколения межнациональных (прежде всего, русско-титульных) семей.

В значительных масштабах процесс смены идентичности русско-титульных биэтнофоров фиксируется и в странах Балтии – на данный фактор в 1990-е гг. могло приходиться порядка 30–46 % количественной убыли русских общин макрорегиона. Ассимиляционная составляющая демографической динамики русских в государствах Южного Кавказа была незначительной, вследствие небольшого числа русско-титульных биэтнофоров. К тому же в этой группе абсолютно доминировало потомство семей, представленных «титульным» отцом и русской матерью. А такие биэтнофоры уже в советское время в ощутимом большинстве выбирали титульную идентичность.

¹ В результате этого процесса, в конце советского периода в большинстве союзных республик значительная часть (если не большинство) русских в детских и молодежных возрастных генерациях являлись биэтнофорами.

Иной была ситуация в Центральной Азии, в ряде стран которой (прежде всего в Казахстане, Киргизии, отчасти в Узбекистане) ассимиляционная динамика продолжала способствовать пополнению русских общин, вследствие дальнейшего обрушения части представителей крупных русскоязычных диаспор (прежде всего украинской, белорусской, еврейской, отчасти немецкой). Данный процесс скорее даже ускорился в 1990-е гг., поскольку русское население этих стран на время превратились в самостоятельный полюс этнической консолидации, притягивающий представителей большинства диаспор, этногенетически и социокультурно не имевших отношения к Центральной Азии.

Сформированные в 1990-е гг. тренды демографической динамики русских БЗ перешли в XXI век. Для всех русских общин были характерны ощутимые естественные потери, которые дополнялись миграционной убылью. Но социально-экономическая стабилизация постсоветского пространства в 2000-е гг., рост доходов и уровня жизни значительной части населения отразились на масштабах оттока русских, он резко сократился. Работало на сокращение миграции и то, что основная масса русских, настроенных на отъезд, к этому времени уже покинула БЗ. Остались преимущественно те, кто по каким-либо причинам не мог выехать в Россию и/или сумел в той или иной степени адаптироваться к постсоветским реалиям, в т.ч. к известным статусным социопрофессиональным потерям и очевидному доминированию титульных наций во всех престижных социальных иерархиях.

Как результат, темпы убыли русского населения в 2000-е гг. снизились в большинстве стран БЗ, и общие его демографические потери составили 2,8–2,9 млн человек. Как и в 1990-е гг. основная убыль пришла на две крупнейшие общины – русских Украины и Казахстана (соответственно 1,0–1,8 млн. и 0,65 млн чел.)¹. Значительные потери (порядка 400–450 тыс. чел.) понесла община Узбекистана, более чем на 350 тыс. сократилось число русских в Беларуси, в пределах 150–200 тыс. потеряло русское население Латвии и Киргизии.

Определенным образом трансформировался и состав группы стран – «антилидеров». В ней сохранились Грузия, Таджикистан, появился Узбекистан. Во всех этих странах русские общины в 2000-е гг. сократились на 40–50%. Минимальные темпы потерь в «нулевые» продемонстрировало русское население Казахстана (15,3 %) и Эсто-

¹ Напомним, что данные по Украине являются расчетной оценкой, поскольку после 2001 г. переписи в стране не проводились.

нии (см. рис 1). Для всего русского населения БЗ этот показатель в 2000-е гг. составил 17,4–22 %, что было значительно ниже уровня первого постсоветского десятилетия. К началу 2010-х гг. общая численность русских в данной группе стран составляла порядка 13,9–14,9 млн человек.

Структура демографических потерь в «нулевые», как и в 1990-е гг., отличалась заметной спецификой для различных макрорегионов и отдельных стран. Сокращение численности русских Балтии (прежде всего Литвы и Латвии) определялось высокой естественной убылью (7–8 % в год) и эмиграцией, основным направлением которой, однако, являлась уже не Россия, а другие страны Евросоюза.

В западном макрорегионе масштабы оттока русского населения в 2000-е гг. были незначительны. И его демографические потери определялись в основном естественной убылью и ассимиляцией все более многочисленных групп смешанного населения. К этому времени уже $\frac{3}{4}$ браков, заключаемых русскими Молдовы, были межэтническими. В Беларуси русско-титульные биэтнофоры могли составлять порядка 45–50 % состава русской общины. На Украине аналогичный показатель составлял 43–45 %. В результате порядка 65–85 % потерь русского населения западного макрорегиона могло приходиться на ассимиляционную составляющую.

В двух южных макрорегионах БЗ основной причиной сокращения русских общин в первом десятилетии XXI в. оставалась эмиграция. С ней было связано порядка 60–70 % убыли русского населения Армении и Азербайджана, более 90 % потерь русских Грузии. В Центральной Азии на отток могло приходиться 75–77 % сокращения русского населения Казахстана, 84–90 % Киргизии, Узбекистана, Таджикистана.

Анализ геодемографических трендов русских БЗ в 2010-е гг. серьезно затруднен фрагментарностью имеющейся информации и, в первую очередь, сложностью оценки динамики численности русского населения Украины. Размеры его убыли, связанные с переходом Крымского полуострова в состав Российской Федерации, известны. Но только в первом приближении просчитываемы этнодемографические последствия затяжного военного конфликта на Донбассе, разнонаправленной миграции и резкой активизации ассимиляционных процессов по обе стороны от границы, разделившей народные республики и остальную Украину.

Проецируя на все население страны данные социологических опросов можно в первом приближении оценить численность русского населения Украины на рубеже 2010-2020-х гг. (без Крымского полуострова и двух республик Донбасса) в 2,4–2,6 млн чел. Таким образом, численность русских сократилась за 2010-е гг. в 2,7–2,9 раз. Основные демографические потери были связаны с выходом из состава страны ее наиболее «русскоцентричных» территорий. Но и убыль русского населения Украины в пространственных контурах, контролируемых центральной властью, составила в 2010-е гг. порядка 38,5–45 % (рис. 2).

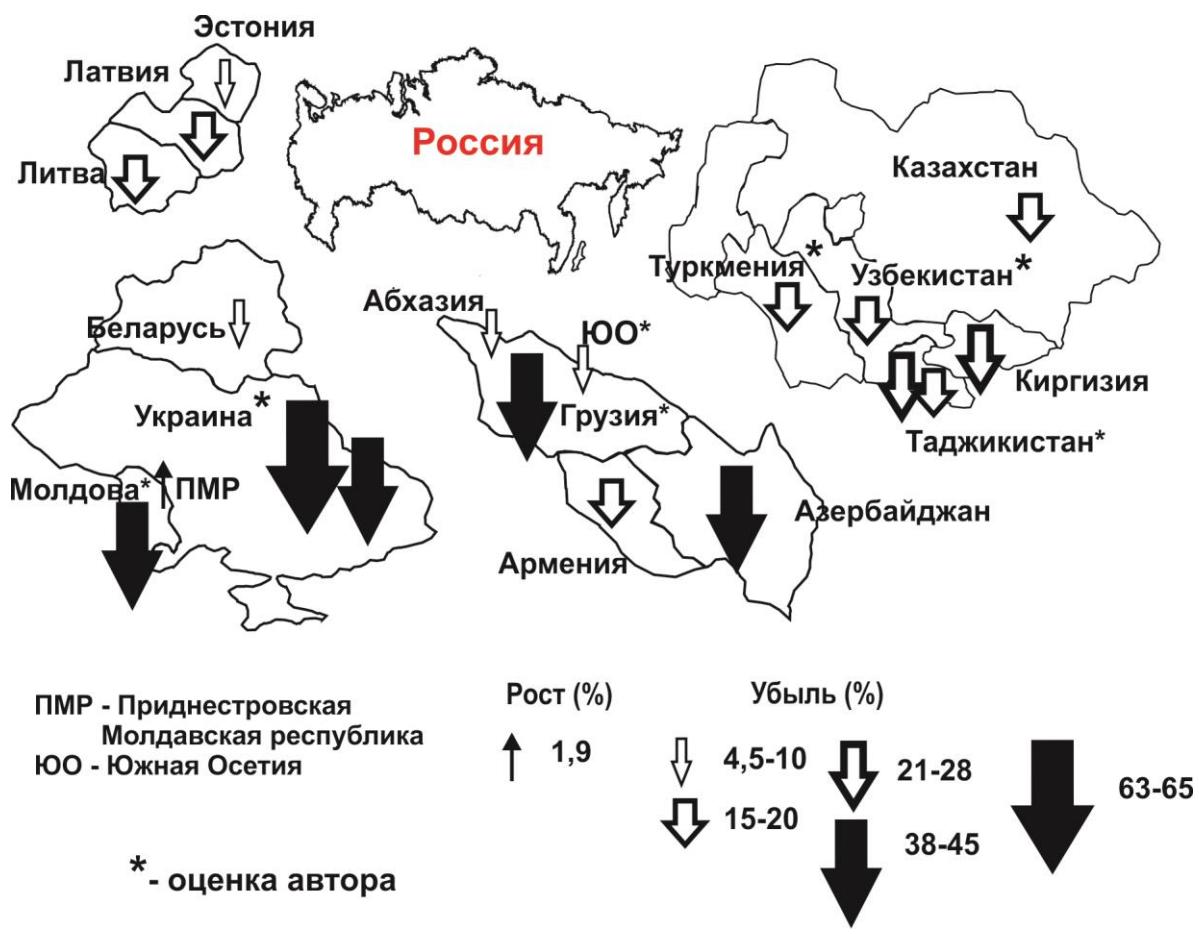

Рис. 2. Динамика русского населения в странах БЗ, 2009/2011 – 2019/2021 гг. (%)

В результате, к началу 2020-х гг. численность русских Украины оказывается значительно меньше размеров русской общины Казахстана, притом, что масштабы депопуляции последней в 2010-е гг. также существенно выросли и в абсолютных цифрах (812 тыс. чел.), и в процентном отношении (–21,4 %). Выход Казахстана на позицию ведущего средоточия русского населения за пределами России являл-

ся центральным событием геодемографической динамики русского ближнего зарубежья в этом десятилетии. Максимальную «удельную» убыль, помимо Украины, продемонстрировали в 2010-е гг. русские общины Азербайджана, Грузии и Молдовы (в пределах 38–45 %).

В целом, численность русских на постсоветском пространстве в 2010-е гг. сократилась на 32–33,5 %, что оказалось максимальным показателем за все три десятилетия и, в первую очередь, было связано со стремительным сжатием русского массива Украины.

Но были и другие факторы, работавшие на общее ускорение депопуляционного тренда. Учитывая, что естественная убыль русских БЗ в 2010-е гг. составляла от 2 % (Казахстан) до 7–8 % (Литва, Латвия), демографические потери русских общин в этом десятилетии по-прежнему в самой значительной степени определялись другими причинами. Для государств Балтии, как и в 2000-е гг. это был отток в более развитые и успешные страны Евросоюза, хотя в Литве и Латвии постепенно возрастала роль ассимиляции смешанного потомства русско-титульных семей, общее число которых заметно увеличилось в начале XXI века.

Для стран западного макрорегиона центральным фактором демографической убыли русского населения также являлись нарастающие темпы его смешения через брачность с титульными народами и последующей ассимиляцией значительной части общего потомства. На Южном Кавказе и в ряде стран Центральной Азии среди факторов сокращения численности русских продолжал доминировать миграционный отток, на который приходилось 70–90 % их убыли.

При этом середина 2010-х гг. стала поворотным моментом в соотношении основных факторов депопуляции. После резкого ухода в зону естественной убыли в 1990-е гг., для всего русского населения БЗ с середины 2000-х гг. было характерно постепенное улучшение показателей рождаемости и смертности, позволившее во второй половине 2010-х – начале 2010-х гг. заметно сократить размеры естественных потерь. Но с 2015–2017 гг. на всем постсоветском пространстве у русских фиксируется новое падение рождаемости, связанное со вступлением во взрослую жизнь малочисленной генерации 1990-х гг. Соответственно, со второй половины 2010-х гг. начинают быстро идти в «рост» масштабы естественной убыли, достигающие пикового уровня в период мировой пандемии (2020–2022 гг.). Таким образом, естественно-воспроизводственный фактор с конца 2010-х гг.

играет все более значимую роль в общей убыли русского населения ближнего зарубежья.

Свою негативную проекцию в сферу демографии отбрасывает и геополитическая напряженность на постсоветском пространстве, в первую очередь, находящая выражение через нарастающую конфликтность российско-украинских взаимоотношений. Численность русских по переписям, проведенным в ряде стран БЗ на рубеже 2010–2020-х гг. (в т.ч. в Латвии, Эстонии, Казахстане, Киргизии) оказалась существенно ниже, чем фиксировал текущий учет населения этих стран. Аналогичный количественный «зазор» обнаруживался и в 1990–2000-е гг. Но тогда его основной причиной являлись серьезные погрешности миграционного учета, которые были устраниены в последние 10–15 лет. Центральной причиной «сверхубыли» русских в 2010-е гг. с большой вероятностью являлся уже не теневой отток, а новая активизация процесса смены идентичности частью смешанного населения, ранее определявшегося как русское.

Особенно отчетливо этот процесс фиксировался в Казахстане. Но очевидно был характерен и для других государств Центральной Азии, в которых вплоть до начала 2010-х гг. ассимиляция в целом продолжала пополнять русское население, позволяя компенсировать часть его естественных и миграционных потерь. Сравнительный анализ количественной динамики в последний межпереписный период (2009–2021 гг.) русских и крупных русскоязычных общин Казахстана позволяет говорить об «уходе» в украинцы, белорусы, поляки, немцы немалого числа бывших русских биэтнофоров. Есть основания полагать, что с 2022 г. (после начала СВО) данный процесс мог приобрести в странах Центральной Азии, а также в Балтии еще большие масштабы. Но достоверно узнать об этом мы сможем только после проведения следующих переписей, в конце 2020-х гг.

Однако максимальные потери демографического потенциала русских БЗ в 2020-х гг., как и в предыдущем десятилетии, в любом случае будут связаны с дальнейшим количественным «сжатием» русского населения Украины. В 2023–2024 гг., согласно социологическим опросам на территории, контролируемой Киевом, идентифицировало себя как русские около 5 % опрошенных (порядка 1,2–1,3 млн чел. в проекции на все население страны).

Ускоренные темпы естественной депопуляции русских в 2022–2025 гг. фиксировались данными текущего отчета населения Латвии, Эстонии, Казахстана, Киргизии. С другой стороны, появление в 2022–

2023 гг. обширной группы релокантов кратно увеличило численность наличного русского населения Грузии и Армении. При этом миграционные службы Казахстана и Киргизии фиксировали резкое сокращение чистого оттока русских в Россию.

Но несмотря на разнонаправленность отдельных геодемографических трендов, их общей результирующей оставалась ускоренная депопуляция всего русского массива БЗ, размеры которого за первую половину 2020-х гг. сократились примерно на 2,6–2,9 млн чел. (27,6–29 %). Впрочем, половина данных потерь была связана не с демографическими факторами, а с переходом в состав России народных республик Донбасса и территории северного Приазовья-Причерноморья (в сумме порядка 1,3–1,5 млн русских).

В целом за 1989–2025 гг. число русских в пределах БЗ сократилось в 3,5–3,7 раз (с 25,3 млн. до 6,8–7,0 млн чел.). Если в 1989 г. в союзных республиках СССР проживало 17,4 % русского населения страны, то в середине 2010-х гг. на эти постсоветские государства приходилось только 5,6–5,8 % русских, расселенных в пределах бывшего Советского Союза.

В настоящее время 6,4–7,7 % русских от их численности на рубеже 1980–1990-х гг. остается в Таджикистане, порядка 12–16% в Азербайджане и на Украине. Только в трех государствах БЗ (в Эстонии, Беларуси и непризнанной ПМР) русские общины сумели сохранить более половины своего «советского» размера, чуть меньше половины – в Латвии и Казахстане (рис. 3а). Можно отметить стремительный возвратный рост в 2022–2025 гг. численности наличного русского населения Армении и Грузии, притом, что размеры старожильческих общин этих стран в начале 2020-х гг. составляли всего 27 и 11 % от уровня конца 1980-х гг.

Удельный вес русских в населении стран БЗ также сокращался. Но темпы этого процесса определялись не только масштабами демографических потерь русских общин, но и динамикой всего населения каждого из постсоветских государств. Общая депопуляция стран Балтии и западного макрорегиона, а также Армении и Грузии снижала удельные потери местных русских. Ускоренный рост численности населения Азербайджана, Казахстана и Средней Азии эту удельную убыль заметно увеличивал. «Антирекордсменом» по удельному показателю был Таджикистан, доля русских в котором за 1990–2010-е гг. сократилась примерно в 25 раз. Но в несколько раз она упала и в остальных странах двух южных макрорегионов БЗ.

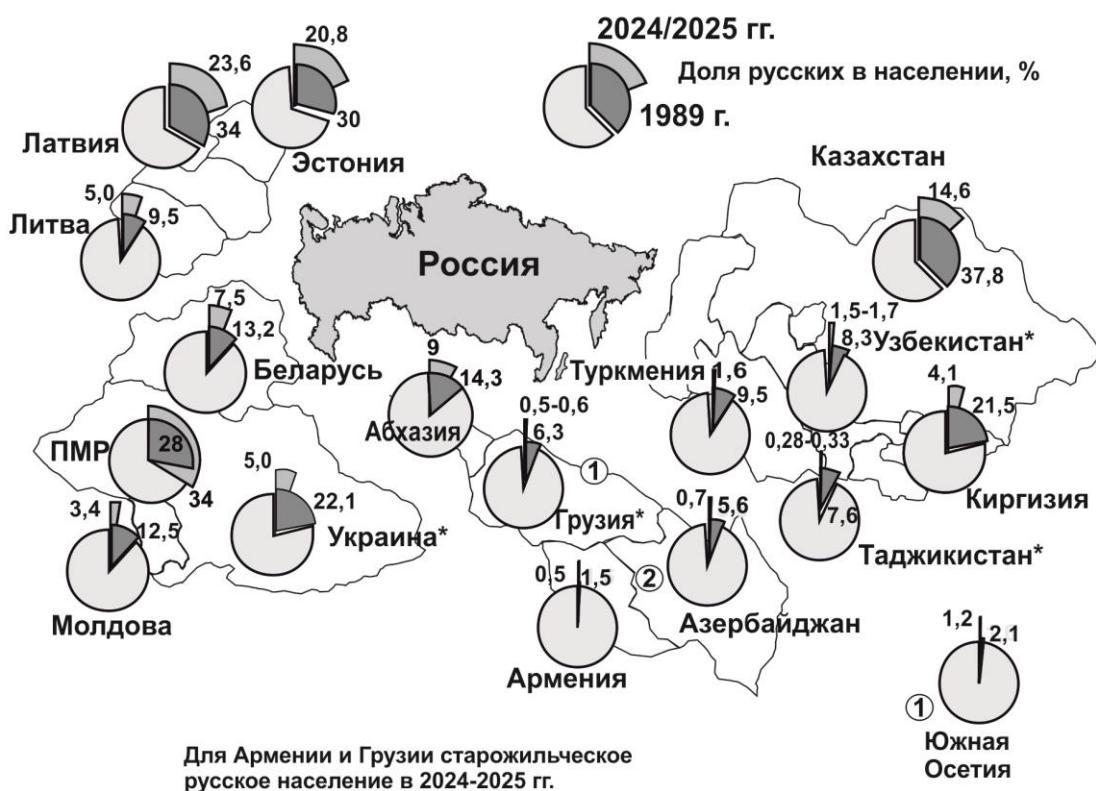
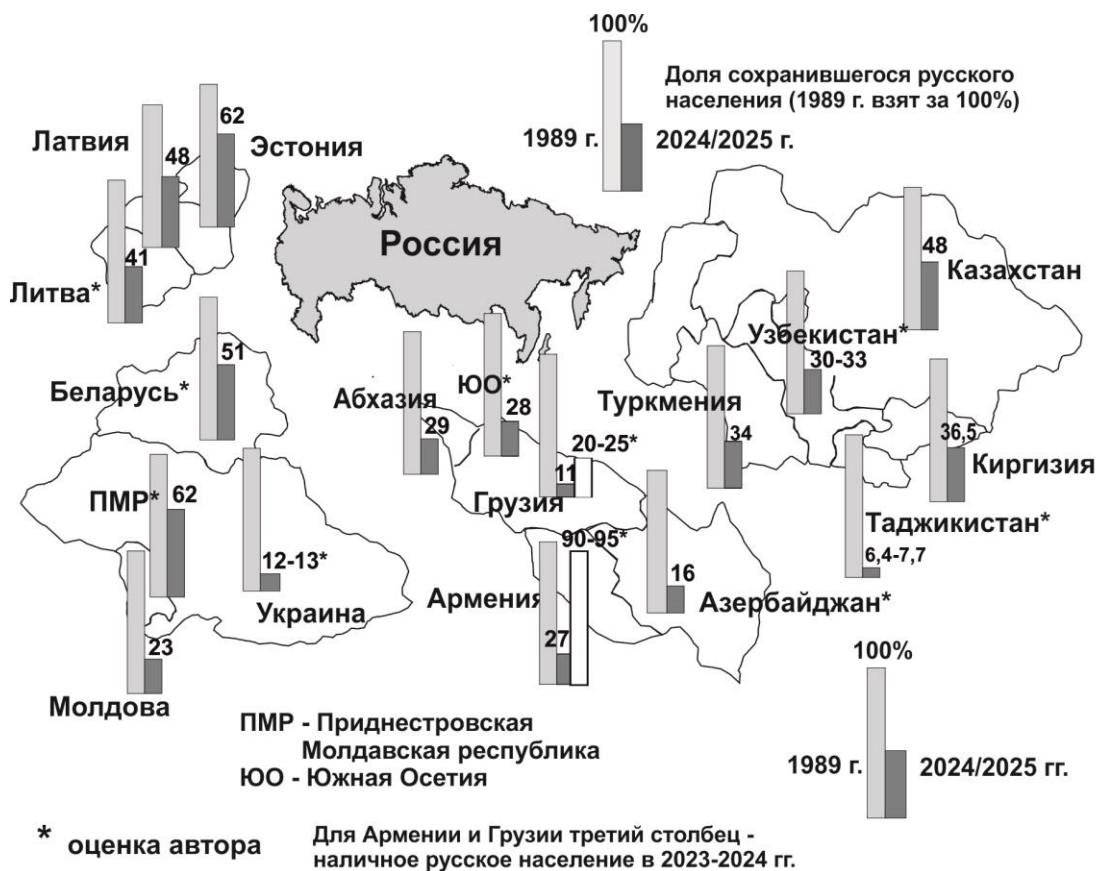

Рис. 3. Динамика русских общин стран БЗ,
1989–2024/2025 гг.

Минимальными оказались долевые потери Эстонии и Латвии, в которых русские в средине 2020-х гг. продолжают составлять около 20–24 % населения. Единственным государством, в котором в постсоветский период удельный вес русских в структуре населения вырос, являлась непризнанная ПМР (рис. 3б).

Итак, векторы геодемографический динамики русского населения на постсоветском пространстве не отличались разнообразием. Известное исключение составляли только *непризнанные и частично признанные государства*, возникшие в результате сецессионного отмежевания от одной из стран БЗ территории с большой этнонациональной и/или социокультурной спецификой. Причем только в тех случаях, когда такое отделение происходило при политической и военной поддержке со стороны России. Превращение последней в основного гаранта существования таких политий останавливало процесс их демографической дерусификации или, по крайней мере, минимизировало его масштабы.

Приднестровье, Абхазия и Южная Осетия, а во второй половине 2010-х гг. и народные республики восточного Донбасса – единственные государственные образования в пределах БЗ, в которых социальный статус русской национальности оставался достаточно высоким, чтобы минимизировать, если не исключить ассимиляционные потери русских общин. Это обстоятельство обеспечивало гораздо лучшую демографическую сохранность русского населения, чем в странах, от которых эти политии отпочковались. Достаточно сравнить количественную динамику русских в Молдове и Приднестровье, в Грузии и Абхазии, чтобы получить наглядную иллюстрацию выводу, согласно которому именно социально-политическая ориентация постсоветских государств, уровень их системной «пророссийскости» являлись одним из центральных факторов, определявших геодемографическую динамику местного русского населения.

Удельное соотношение русских по крупным макрорегионам БЗ, несмотря на существенные различия в темпах убыли, на протяжении 1990–2000-х гг. обнаруживало достаточно устойчивую композицию, задаваемую общим масштабом русского присутствия. Большая численность русских Украины и Казахстана позволяла этим странам оставаться основными средоточиями русских в пределах всего ближнего пояса России. Еще в середине 2010-х гг. на эти две страны в сумме приходилось 72–75 % русского населения БЗ (на несколько пунктов больше, чем в конце советского периода) (рис. 4).

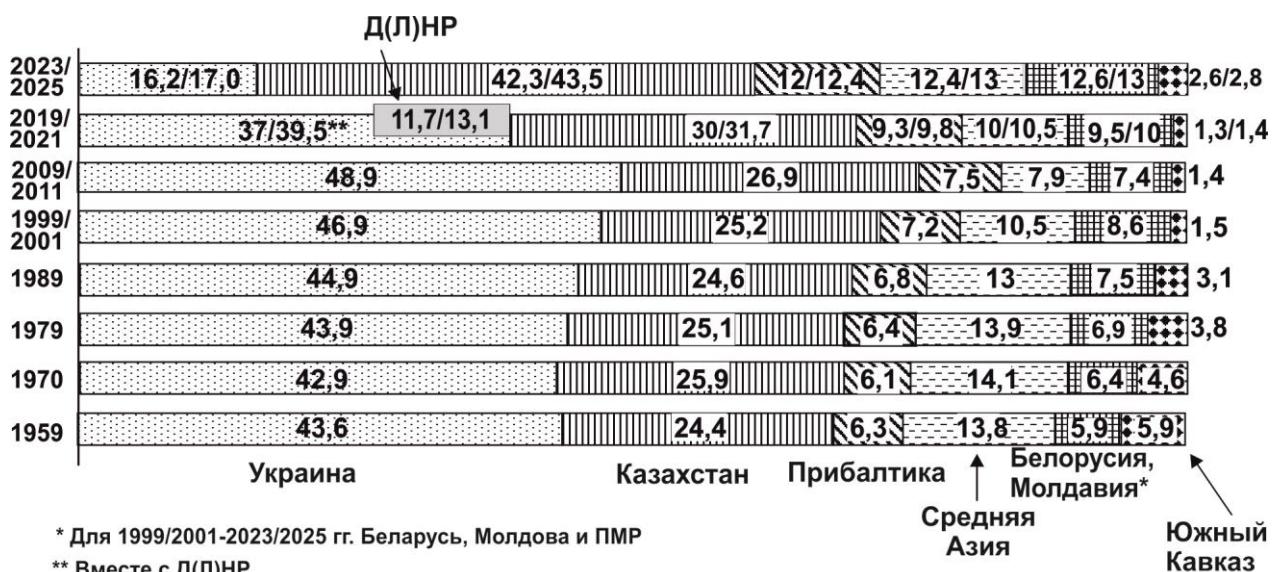

Рис. 4. Удельное отношение русского населения по крупным национальным макрорегионам СССР и БЗ, 1959–2024/2025 гг. (%)

Положение кардинально изменилось в последние 10–15 лет, что было связано с ростом показателя Казахстана, доля которого выросла с 25 до 43 % и встречным масштабным сокращением удельного веса русских Украины. Существенными были перестановки и между остальными средоточиями русского населения БЗ. Русские Балтии, в конце 1980-х гг. количественно уступавшие русскому массиву Средней Азии почти в два раза, в настоящее время уже практически сравнялись с ним по размеру. Как и русские Беларуси, Молдовы и ПМР. Значительно сократилась в 1990–2010-е гг. доля русских общин Южного Кавказа, процесс опережающей депопуляции которых начался еще в середине XX века. Но в самые последние годы, после появления в Грузии и Армении обширных групп релокантов, показатель макрорегиона снова улучшился.

Половозрастная структура русского населения. Наряду с демографической убылью для русских БЗ в постсоветский период была характерна ощутимая трансформация гендерного баланса и возрастной структуры. Активный миграционный отток не только сокращал русские общины, но в первую очередь «вымывал» молодежь и людей среднего трудоактивного возраста. В результате самыми старыми, как правило, оказывались общины, понесшие в постсоветский период максимальные миграционные потери. Смещение возрастной структуры в сторону старших генераций негативно сказалось и на естественно-воспроизводственных показателях. Причем центральную

роль в повышении естественной убыли играла низкая рождаемость (смертность, как правило, соответствовала российскому показателю).

Медианный возраст русских в большинстве стран БЗ уже в начале XXI в. составлял 40–42 года, а к началу 2020-х гг. поднялся до 46–50 лет. В Литве, Латвии, Молдове, Беларуси, Украине он в настоящее время уже находится в диапазоне 51–57 лет, приближаясь к возрасту, с которого темпы естественной и общей демографической убыли русских начнут ощутимо ускоряться.

Нарушалась в постсоветский период и гендерная структура русского населения БЗ. Ощутимая ее разбалансировка была связана с нарастающим перевесом женщин, что в значительной степени объяснялось более активным оттоком мужского населения. Следует учесть и то, что практически во всех странах постсоветского пространства русские женщины значительно чаще мужчин состояли в браках с представителями титульных народов, что также усиливало гендерную диспропорцию в миграционном оттоке русских и активизировало ассимиляционные процессы в русских общинах.

Форма расселения. Повсеместный характер убыли русских в пределах ближнего зарубежья не отменял определенных сдвигов в соотношении уровней и форм их расселения. В советский период русское население большинства союзных республик отличалось высокой степенью урбанизированности. В 1989 г. в пяти из них доля горожан у местных русских составляла 92–97 %, в семи – 85–90 %. Только в Казахстане и Киргизии этот уровень был существенно ниже (соответственно 77 и 69,9 %)¹.

В постсоветский период удельный вес горожан у русского населения в большинстве стран БЗ несколько сократился, притом, что доля столичных групп выросла. Тем самым, наибольшими были темпы депопуляции горожан-провинциалов (рис. 5). Лучшая демографическая сохранность столичного населения объяснялась миграционным перетоком русских в крупнейшие центры своих государств. При этом в ряде стран, в которых система русского сельского расселения сложилась уже в XVIII – начале XX вв., поселяне демонстрировали более высокую степень укорененности, чем русские из небольших и средних городских центров.

¹ Рассчитано по: Демоскоп Weekly. URL:
http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_89.php?reg

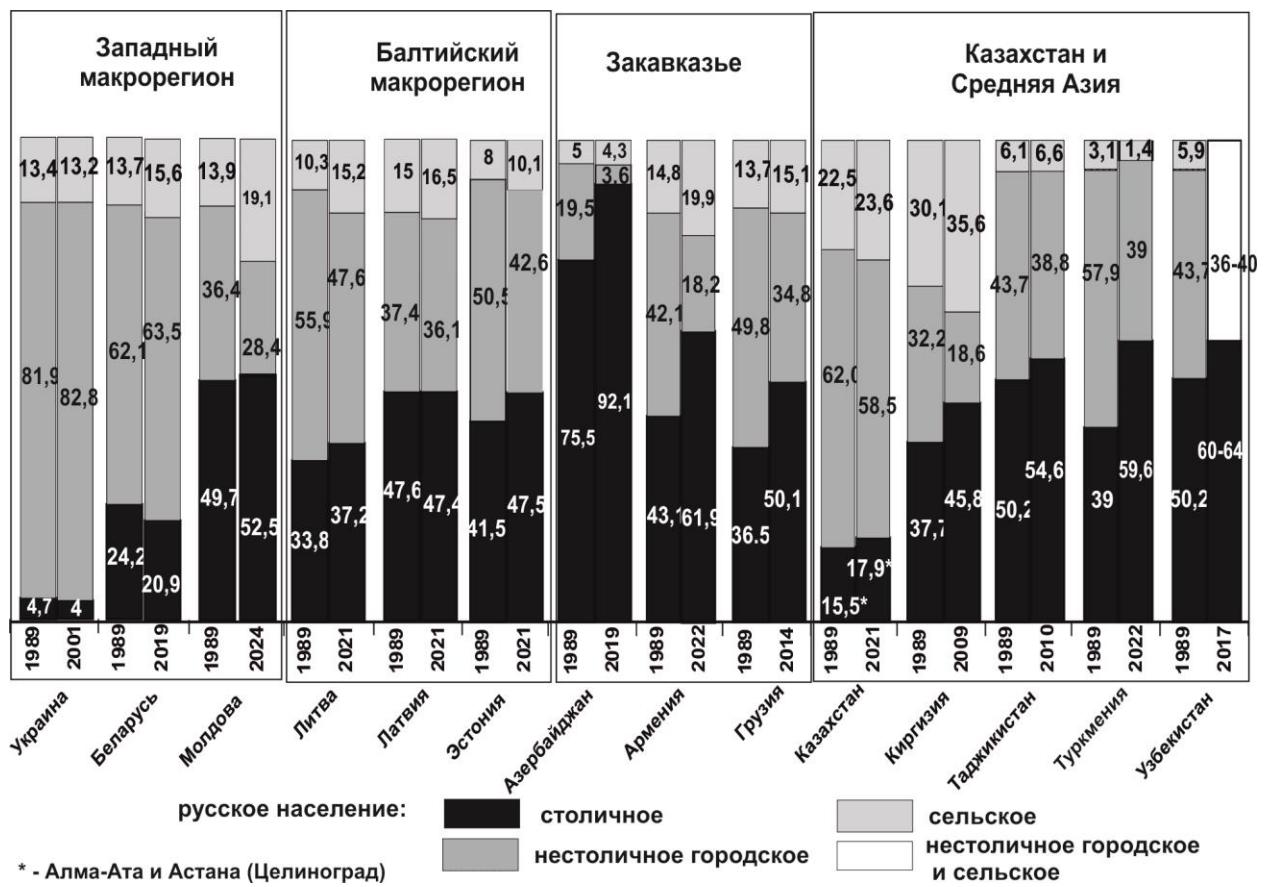

Рис. 5. Доля различных уровней системы расселения в размещении русского населения стран Б3 (союзных республик СССР), %

Источник: Всесоюзная перепись 1989 г.; Population statistics of Eastern Europe; данные национальных переписей и расчеты автора.

Следует учитывать и явление, которое можно условно обозначить как ложную дезурбанизацию. Часть внутренних русских переселенцев перемещалась из провинции не в столицы, а в столичные регионы своих стран, «оседая» в сельской местности столичных агломераций. Проходя по статистике как сельские жители, они фактически являлись составной компонентой столичных групп русского населения и скорее иллюстрировали процесс его нарастающей метрополизации.

Не менее существенно и то, что все сдвиги в системе расселения русских Б3 задавались различными темпами их убыли и в любом случае были связаны с нарастающей фрагментацией географии, постепенной территориальной анклавизацией русского населения.

В Центральной Азии русские почти полностью оставили сельскую местность Таджикистана, Туркмении и Узбекистана (в первых двух их общая численность в начале 2020-х гг. составляла около двух тыс. чел.). Минимальное число сельских русских сохранилось на

Южном Кавказе (менее 8 тыс. чел. без учета Абхазии), в пределах которого их редкими средоточиями оставались старообрядческие села.

Ощутимо сократилась география сельских русских и в двух других макрорегионах БЗ, хотя здесь их система расселения, как правило, оставалась более широкой (за исключением Молдовы и Литвы, а с середины 2010-х гг. и Украины). Самым значительным массивом русских поселян на постсоветском пространстве в начале 2020-х гг. располагал Казахстан, на который приходилось более 60% этой демографической группы (700 тыс. из 1,16–1,22 млн. человек). Порядка 100–150 тыс. сельских русских могло сохраняться в сельской местности Украины, около 110 тыс. проживало в Беларуси, 82 и 76 тыс. соответственно в Киргизии и Латвии.

За 1991–2023/1925 гг. огромный массив русского населения БЗ сократился в 3,5 раза (с 23,7 до 6,8–7,1 млн человек). Подводя итог 35-летнему периоду геодемографической динамики русских на постсоветском пространстве, приходится констатировать, что в большинстве стран БЗ они не продемонстрировали способности к устойчивому демографическому воспроизведству, характерному не только для таких классических «диаспорных» народов как армяне и евреи, но и немалого числа других этнических групп, многие поколения сохранивших себя в иноэтническом окружении.

В известной степени это было обусловлено «собирательно-синтетической» природой русского народа, его открытостью для этнокультурной и идентификационной интеграции представителей всех национальностей и этнических групп Российского государства. Данная особенность, конечно, была свойственна всем большим, широко расселенным народам, но русских, как одно из «имперских» сообществ отличала, быть может, в максимальной степени¹. С этнодемографического ракурса создание трансконтинентального Российского государства и превращение русских в один из крупнейших народов планеты представляли две стороны одного системного процесса. Иными словами, русский народ – это в известной мере коллективный

¹ Это в частности иллюстрируется сравнительным анализом возможностей виться в состав стержневого народа государства, открытых для представителей колонизируемых «аборигенов» в Российской империи/СССР и в империях созданных крупными странами Европы.

проект всех этнических групп, включаемых в пространство российской государственности.

Отчетливо эта особенность проявилась в 1930–1970-е гг. Декларируемая советской властью цель – создание единой наднациональной общности, с внешней стороны парадоксальным образом, но в действительности по вполне понятным социоэтнокультурным механизмам и маршрутам работала на ускорение процесса обрусения многих народов Советского Союза. За 1959–1989 гг. численность русских в СССР при естественном приросте в 22,5–23 % выросла на 27,6 % (со 114,1 до 145,2 млн чел.). В отсутствие миграционного притока эта разница определялась ассимиляционным процессом, на который пришлось 20–23 % демографического прироста русского за 30-летний период. Но в ряде союзных республик этот показатель был заметно выше.

Распад СССР, закрывая проект «советского народа», прямо бил и по русским, как его стержневой этнонациональной компоненте. Причем, в первую очередь, по русскому населению, оказавшемуся за пределами Российского государства. Сохранение в новых реалиях общего демографического потенциала, требовало от русских БЗ масштабной работы по созданию комплексного социоэтнокультурного механизма позволявшего сохранять и устойчиво воспроизводить свои национальные особенности в жесткой иноэтнической среде.

Причем создавать такой механизм необходимо было быстро и едва ли не с «нулевого цикла», поскольку в советское время у русских союзных республик, живших в «своей» стране, такого диаспорного механизма быть не могло.

Но, как известно, центральной реакцией русского населения БЗ на кардинально изменившиеся условия своего существования, стала эмиграция в Россию. По данным миграционной службы РФ чистый приток русских из стран СНГ и Балтии за 1992–2000 гг. составил более 2,3 млн чел., в 2001–2010 гг. около 0,65 млн. Реальные масштабы притока были больше на 1–1,2 млн чел. В целом, за два первых десятилетия постсоветского периода порядка 4 млн русских переехало в Россию.

Тем самым, наиболее активная часть русского населения БЗ, которая могла бы стать ядром этнокультурной консолидации всего русского демографического массива, предпочла переместиться в «свое» государство, что было вполне логичным выбором – этот вариант возвращения в комфортную для себя среду существования был

куда легче, чем предельно трудоемкий (и абсолютно не гарантировавший положительного результата) путь создания приемлемых условий развития в стране исхода.

Оставшееся русское население в большинстве стран БЗ было достаточно разрозненным и мало склонным консолидироваться в борьбе за свои национальные права и интересы. К тому же оно теперь включало повышенную долю смешанного населения, которое в силу своей базовой полиэтнокультурности, в целом было больше ориентировано на комплексную адаптацию к новым условиям жизнедеятельности, если не на этнокультурную интеграцию в титульные сообщества своих стран.

А с середины 2010-х гг. к миграционной, естественной и ассимиляционной убыли русского массива БЗ прибавились и потери другого рода. В 2014–2022 гг. около 3 млн русского населения оказалось в Российской Федерации в результате включения в ее состав Крымского полуострова и четырех восточных областей Украины.

Таким образом, вначале наиболее ориентированные группы русского населения всего БЗ, а затем и самые русскоцентрические территориальные сообщества вернулись в Россию, нарастив демографический потенциал ее стержневого народа, а с другой стороны, заметно сократив численность русских на постсоветском пространстве (но в еще большей степени сократив их воспроизводственные возможности и общий социодемографический ресурс развития).

Как следствие, полисценарный прогноз возможной демографической динамики русского населения всех стран БЗ на ближайшую и среднесрочную перспективу (до 2050 г.) не обнаруживает реальных альтернатив дальнейшей депопуляции. Учитывая небольшие размеры ряда русских общин и уровень уже существующей деформации половозрастной структуры (гендерный дисбаланс и медианный возраст), можно констатировать вступление их в завершающие стадии развития.

В первую очередь данный вывод относится к русскому населению Таджикистана, но в значительной степени и к русским Азербайджана, Молдовы, Туркмении, Литвы, а при сохранении текущего демографического сценария и Украины. Во всех этих странах (а также в Узбекистане) к 2050 г. может сохраниться около 10 % русского населения от уровня рубежа 1990-х гг. (на Украине речь может идти о нескольких пунктах).

Тем самым, демографический закат русского БЗ к середине века можно будет считать в основном завершенным. Притом, что 3–4 млн русских в это время все еще будет проживать в постсоветских странах. С учетом пространственной сопредельности данного ближнего пояса России и общего динамизма современного общества, определенное число русских по разным причинам будет перебираться в эти страны на ПМЖ, не говоря уже о присутствии русских в качестве туристов, число которых в ряде государств в настоящее время исчисляется в сотнях тысяч (и больше – в 1–1,5 млн) ежегодных посещений. Но как крупные старожильческие сообщества, прожившие ряд поколений, русские общины БЗ во второй половине XXI в. будут исчезать одна за другой, по мере ухода из жизни своих наиболее возрастных (и при этом самых многочисленных) генераций.

Если данный прогноз окажется верен, к следующему столетнему рубежу в качестве заметных этнодемографических групп местного населения в БЗ сумеют сохраниться только несколько общин (наибольшие шансы есть у русских Беларуси, Эстонии, Латвии, Казахстана, Киргизии, при определенных обстоятельствах – Грузии и Армении).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Доля мононациональных и межнациональных супружеских у русских союзных республик СССР, вступивших в брак в 1978 г., %

Республики	Монона- циональ- ный	Межнациональный		Доля межна- циональных браков всего, %
		мужчи- ны	женщи- ны	
Азербайджан	56,6	13,4	30,0	43,4
Беларусь	15,9	45,7	38,4	84,1
Грузия	55,0	16,0	29,0	45
Латвия	48,2	25,7	26,1	51,8
Литва	33,3	36,6	30,0	66,7
Казахстан	62,2	17,8	20,0	37,8
Киргизия	69,1	14,9	16,0	30,9
Молдова	26,0	39,1	34,8	74
Таджикистан	58,2	16,9	24,9	41,8
Туркмения	58,1	15,8	26,1	41,9
Узбекистан	60,7	16,6	22,7	39,3
Украина	29,3	35,5	35,2	70,7
Эстония	57,5	18,9	23,7	42,5

Источник: рассчитано автором по данным: Население СССР 1989

Таблица 2

Расчетная оценка численности биэтнофоров в структуре младших возрастных групп (0–19 лет) русского населения союзных республик СССР во второй половине 1970-х гг. (тыс. чел.)

Республики	Число русских в возрасте 0-19 лет	«Полные» русские,	Биэтнофоры	
			с русской идентичностью	с другой идентичностью
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Азербайджан	142,2	92,8	49,4	20,0
Армения	21,4	15,7	5,6	6,7
Беларусь	340,2	76,2	264,0	152,0
Грузия	111,8	71,7	40,0	21,4
Казахстан	1789	1200	588,5	153,0
Киргизия	273,4	198,4	75,0	13,9
Латвия	246,5	137,6	108,8	39,5
Литва	91,1	38,7	52,3	29,0
Молдова	151,7	46,6	105,1	31,7
Таджикистан	117,6	75,2	42,4	12,3
Туркмения	104,4	67,2	37,1	11,5
Узбекистан	502	342,4	160,6	60,8
Украина	3141,6	1212,8	1923,2	912,0
Эстония	122,7	80,5	42,2	16,2

Источник: табл. 2–3 рассчитаны автором по данным: Волков 1989; Население СССР 1989.

Таблица 3

Расчетная оценка доли биэтнофоров в структуре младших возрастных групп (0–19 лет) русского населения союзных республик СССР во второй половине 1970-х гг. (%)

Республики	Биэтнофоры с русской идентичностью от общего числа биэтнофоров, %	Русско-титульные биэтнофоры от общего их числа, %	«Нерусские» (скрытые) биэтнофоры от зафиксированного числа русских, %
Азербайджан	71,2	21,8	12,3
Армения	45,5	81,2	23,9
Беларусь	63,5	61,5	44,7
Грузия	65,1	29,8	16,1
Казахстан	79,4	2,9	7,9
Киргизия	84,4	3,1	4,8
Латвия	73,4	29,9	16,0
Литва	64,3	35,0	31,8
Молдова	76,8	29,8	20,9
Таджикистан	77,5	12,4	9,5
Туркмения	76,3	11,3	9,9
Узбекистан	72,5	9,5	10,8
Украина	67,8	57,7	29,0
Эстония	72,3	25,9	13,2

Таблица 4

**Прогноз количественной динамики русского населения стран ближнего зарубежья, 2030–2050 гг. (тыс. чел.)
(средний сценарий)**

Страны	2030	2040	2050
Литва	104–109	78–85	60–68
Латвия	382–395	298–328	235–275
Эстония	262–269	219–234	183–204
Белоруссия	649–641	588–615	500–543
Молдова	61–65	46–52	35–42
ПМР	105–115	97–105	90–95
Грузия	30–40	30–40	30–40
Азербайджан	49–53	35–40	25–31
Армения	25–35	20–30	20–30
Абхазия	20–25	20–25	20–25
Казахстан	2757–2875	2340–2615	2035–2380
Киргизия	252–256	209–223	173–194
Узбекистан	390–450	308–374	243–310
Таджикистан	27,5–28,5	21,7–23,7	17,6–19,9
Туркмения	87–92	68–75	52–60
Ближнее зарубежье (млн чел.)*	5,20–5,44	4,39–4,86	3,71–4,31

* без Украины

ЛИТЕРАТУРА

- Абхазский статистический ежегодник – 2022. Сухум, 2023.
- Авдеев А.А. Троицкая И.А. Динамика этнолингвистической структуры населения Киргизии // Демографическое обозрение. 2022. №1. С. 4–33.
- Алексеенко А.Н. Русские в орбите государственной политики // Этнографическое обозрение. 2008. №2. С. 13–15.
- Алейников М.В., Боровиков И.В. Русское население Казахстана: социально-демографические трансформации (90-е гг. XX в.) // Мир Евразии, 2013, №2. С. 2-8.
- Апине И.К. Изменение идентичности русских в современной Латвии. // Социологические исследования. 2006. № 10. С. 65–70.
- Арефьев А.Л. Русский язык на рубеже ХХ – ХХI веков. М., 2012.
- Арутюнов С.А. Диаспора – это процесс // Этнографическое обозрение. М., 2000. № 2. С. 74–78.
- Атанесян А.В. «Русские релоканты» в восприятии молодежи Армении // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 112–122.
- Багапиш Н.В. Этнодемографические процессы в Сухуме (конец XIX – начало ХХI вв.). Сухум, 2017.
- Багапиш Н.В. Этнодемографические процессы в Гудауте (конец XIX – начало ХХI вв.). Сухум, 2019.
- Баберовски Й. Цивилизаторская миссия и национализм в Закавказье: 1828 – 1914 гг. // Новая имперская историография постсоветского пространства. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 307–352.
- Борзых Н.П. Межнациональные браки в СССР в середине 1930-х годов // Советская этнография. 1984. №1. С. 101–112.
- Борисенок Ю.А. Белорусско-русское пограничье в условиях Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Вопросы истории. 2003. № 3, С. 116-122.
- Бузаев В. Правовое и фактическое положение русскоговорящего меньшинства в Латвии. Рига, 2016.
- Волков В.В., Полещук В.В. Современное состояние межэтнической коммуникации в Латвии и Эстонии // Социологические исследования. 2019, № 2. С. 59–67.

Волков В.В. Демография русского населения Латвии в XX–XXI вв. // Этническая политика в странах Балтии, М. 2013. С. 177–196.

Волков В.В. Интеграция общества в Латвии: позиции этнических меньшинств // Социологические исследования. 2012, №4, С. 54–63.

Волков А.Г. Этнически смешанные семьи в СССР: динамика и состав. // Вестник статистики. 1989 №7. С. 12–26; № 8. С. 8–24.

Демографический ежегодник Республики Беларусь. Минск: 2012.

Демографический ежегодник Республики Беларусь. Минск: 2019.

Демографические ежегодники Кыргызской Республики. Бишкек. 2010–2024.

Демографические ежегодники Российской Федерации. М. 2005–2023.

Демографический ежегодник Республики Таджикистан. Душанбе. 2012–2018.

Горбачев О.В., Лиин Д.Г. Демографическое развитие российско-белорусского пограничья в условиях урбанизации (середина XX – начало XXI века). М., 2013.

Грузия: Столичные жители М., 1997.

Гудков Л.Д. Русские в Казахстане: Доклад Центра исследований русских меньшинств в странах ближнего Зарубежья. М., 1995.

Демидов М.С. Постсоветский Туркменистан. М., 2002.

Долженко И.В. Этнокультурные процессы среди русского населения Армении // Русские в современном мире. М.: 1998. С. 176–189.

Долженко И.В. Социальный статус русских Армении // Научные труды Центра арменоведческих исследований Ширака. Вып. V. Гюмри, 2002. С. 82–85.

Дубова Н.А. Демографическая ситуация в абхазских долгожительских селениях. М. 2006.

Евстратов А.Г. Релокация россиян в Армению в свете спецоперации РФ на Украине // Архонт, 2022. № 3 (30). С. 85–90.

Исаев К. Особенности идентичности жителей постсоветского Кыргызстана // Социологические исследования. 2009. № 5. С. 91–94.

Итоги всеобщей переписи населения Республики Южная Осетия. Цхинвал, 2016.

Кабузан В.М. Русские в мире. СПб, 1996.

Козлов В.А. Демографическое поведение русской диаспоры в странах Прибалтики и Центральной Азии // Вестник Института экономики РАН. 2018. № 3. С. 50–60.

Комарова О.Д. Демографическая характеристика русских селений в Азербайджане // Русские старожилы Азербайджана. М., 1990. С. 6–26.

Космарская Н. «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии), 1992–2002. М. 2006.

Космарская Н.П. Я никуда не хочу уезжать. Жизнь в постсоветской Киргизии глазами русских. // Вестник Евразии 1998. N. 1–2 (4–5). С. 73–96.

Лащенова Е.А. «Русский мир» в Армении // Россия и современный мир. 2006. № 3 (52). С. 225–231.

Лебедева Н.М. Новая русская диаспора: Социально-психологический анализ. М., 1995.

Левин З.И. Менталитет диаспоры. М., 2001.

Мазур Ю.Ю. Сохранение этнокультурной идентичности и проблемы образования: русские в Литве // Вестник Балтийского федерального университета. 2012. № 6. С. 31–38.

Максакова Л. Узбекистан в системе международных миграций // Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. М., 2009. С. 323–350.

Мальгин А.В. Русские в ближнем зарубежье: что за адаптацией? // Этнографическое обозрение. 2008. № 2. С. 13–15.

Манаков А.Г., Чученкова О.А. Динамика этнического состава населения Эстонии и Латвии с 1881 г. по 2016 гг. Псков, 2017.

Марцинкевичус А. Социальная адаптация русских в межвоенной Литве // Диаспоры. 2011, №1.

Марцинкевичус А. Русские в независимой и советской Литве: демография, социальное положение, идентичность. // Этническая политика в странах Балтии. М. 2013, С. 197–218.

Матулионис А.В., Фреюте-Ракаускене М. Идентичность русской этнической группы и ее выражение в Литве и Латвии. Сравнительный аспект. // Мир России, 2014. №1. С. 88–114.

Матишов Г.Г. Опасные тенденции на южном фланге России. Ростов н/Д, 2016.

Митрофанова И. В., Суцкий С.Я. Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8. С. 45–58.

Мосаки Н.З. Этническая картина Грузии по результатам переписи 2014 г. // Этнографическое обозрение, 2018, №1, С. 104–120.

Мукомель В.И. Кто мы? Откуда мы? Куда идем? // Этнографическое обозрение. 2008. №2. С. 15–18.

Мукомель В.И. Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в СНГ // Социологические исследования, №6, 1999. С. 65–70.

Население Кыргызстана в начале XXI века. Бишкек, 2011.

Население России 2001 г.: девятый ежегодный демографический доклад. М., 2002.

Население СССР. М., 1989.

Никифоров И.В., Полещук В.В. Демография русского населения Эстонии в XX веке // Этническая политика в странах Балтии, М. 2013, С. 155–176.

Остапенко, Л.В. Русская молодежь Кыргызской Республики в XXI веке. Стратегии адаптации. М., 2018.

Остапенко Л.В., Субботина И.А., Нестерова С.Л. Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя... (этносоциологическое исследование). М., 2012.

Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдове: социально-демографические трансформации. // Социологические исследования. 2011. №5. С. 61–71.

Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдавии: миграция или адаптация? М., 1998.

Переведенцев В. Рынок труда и миграция населения // Вопросы экономики. М. 1991, №9. С. 44–52.

Проблема прав национальных меньшинств в Латвии и Эстонии. М., 2009.

Постсоветские трансформации: отражение в миграциях. М., 2009.

Русские. М., 1999.

Русские в мире. Выпуск 2. М., 1991.

Русские диаспоры: политические мифологии и реалии массового сознания // Диаспоры 2002. № 2. С. 110–156.

Русские. Этносоциальные очерки. М., 1992.

Русские в новом зарубежье: Киргизия (этносоциологические очерки). М. 1995.

Русские. Этносоциологические очерки. М., 2011.

Рыбаковский Л.Л. Русские и новое зарубежье: миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику. М., 1996.

Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русские в Молдове: демографические и социальные трансформации // Русские: этносоциологические исследования. М. 2011, с. 120–157.

Остапенко Л.В., Субботина И.А., Нестерова С.Л.. Русские в Молдавии. Двадцать лет спустя... (этносоциологическое исследование). М. 2012

Савин И.С. Русские в Казахстане: «кто мы сейчас» // Русские: этносоциологические исследования. М., 2011. С. 158–190.

Савин И.С. Русские в современном Казахстане // Социологические исследования. 2010. №8. С. 81–88.

Савин И.С. Этнический аспект современной социально-экономической ситуации в Казахстане // Этнографическое обозрение. 1996. № 5. С. 39–57.

Савоскул С.С. Немного об изучении русских нового зарубежья // Этнографическое обозрение. 2008, №2. С. 33–41.

Савоскул С.С. Русские нового зарубежья: Выбор судьбы. М., 2001.

Салиев А.С., Федорко В.Н. Русская культура в Республике Узбекистан: общественно-географический анализ // Феномен культуры в российской общественной географии. Ростов-на-Дону: 2014. С. 398–433.

Симонян Р.Х. Новый Балтийский субэтнос – «Еврорусские» // Социология власти. 2004. № 2. С. 59–76.

Симонян Р.Х. Специфика идентичности студентов приграничья России и Украины (на примере Белгородского и Харьковского государственных университетов) // Социологические исследования, 2023. №5. С. 108–116.

Статистический ежегодник Приднестровской Молдавской республики. Тирасполь. 2020.

Субботина, И.А. Динамика миграционных настроений русской молодежи Киргизии // Этносоциология вчера и сегодня. М. 2016. С. 146–151.

Субботина И.А. Демографические перспективы русской диаспоры // Диаспоры. 1999, №2–3.

Суцкий С.Я., Суцкая Е.С., 2024. Постсоветская Украина: геодемографические процессы в стране и динамика русского населения // Региональная экономика. Юг России. Т. 12, № 3. С. 132–145.

Суцкий С.Я. Русские в странах Средней Азии: геодемографические тренды постсоветского периода // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 27–46.

Суцкий С.Я. Русские на Южном Кавказе: факторы динамики в постсоветский период и геодемографические перспективы // Социологические исследования. 2021. № 9. С. 26–41.

Суцкий С.Я. «Войны за родину» на постсоветском пространстве: этнодемографические последствия (на материалах Абхазии и Донбасса) // Новое прошлое. 2020. № 4. С. 96–112.

Суцкий С.Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020а. Т. 7. №2. С. 6–30.

Суцкий С.Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода (история, современность, перспективы). Ростов-на-Дону. 2019.

Суцкий С.Я. Русские в Прибалтике – геодемографические тренды постсоветского периода и перспективы первой половины XXI века. // Народонаселение. 2018. Т. 21. № 3. С. 21–36.

Суцкий С.Я. Военный конфликт на востоке Украины: демографические потери и сдвиги в национальной структуре населения Донбасса // Наука Юга России (Вестник ЮНЦ). 2016. № 2. С. 82–90.

Суцкий С.Я. Этнодемографические аспекты русско-украинского взаимодействия (Украина и Юг России). LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016

Тишкив В.А. Русские в Средней Азии и Казахстане // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭАРАН, 1993, док. № 51

Тишкив В.А. Русские как меньшинства (пример Эстонии) // Общественные науки и современность. 1993. № 6. С. 110–124.

Уалиева С.К. Межэтнические браки в Казахстане и дети // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях. Усть-Каменогорск, 2008. С. 370–379.

Федорко В.Н., Курбанов Ш.Б. Этногеографическое районирование Узбекистана // Известия географического общества Узбекистана. 2018. Т. 54. С. 42–54.

Халлик К.С. Русские в Эстонии // Русские: этносоциологические исследования. М. 2011. С. 90–119.

Хонерская Л.Л. Российские соотечественники в Центральной Азии – демографический ресурс, отрезанный ломоть или хранители русского мира? // Этнопанорама, №3-4, 2012, С. 5–12.

Цыряпкина Ю.Н. Русские в Узбекистане: языковые практики и самоидентификация (на примере полевых исследований в Фергане) // Томский журнал ЛИНГ и АНТР. 2015. № 3. С. 18–28.

Шахотько Л.П. Динамика численности и структуры населения Беларуси. // Основные вызовы демографической безопасности: сходства и различия в Молдове и Беларуси. Кишинев. 2010. С. 39–66.

Шульга Е.П. Потенциальная миграция русскоязычного населения из Средней Азии в Россию (на примере Киргизии) // Вестник Сургутского гос. педагогического университета. 2013, №3. 97–103.

Шульга Е.П. Русские и русский язык в Киргизии, как сокращаются возможности «мягкой силы» в Средней Азии // «Вопросы политологии». Том 8. № 6 (34), 2018. С. 75–87.

Этническая политика в странах Балтии. М., 2013.

Эшмент Б. Проблемы русских в Казахстане – этничность или политика? // Диаспоры, 1999, № 2–3.

Ямсов А.Н. Население Абхазии: постсоветские изменения в свете этнодемографии и этногеографии // Курсом развивающейся Молдовы. Т. 8. Единство и многообразие в системе культурного наследия. М.: Старый сад. 2009. С. 232–233.

Ямсов А.Н. Проблемы определения численности абхазов и грузин в Абхазии в середине 2000-х годов // Вестник МГИМО. 2010. №3. С. 18–26.

Источники на иностранных языках

Дністрянський М.С. Этнополитическая география Украины // Етнополітична географія України. Лівів, 2006

Романцов В.О. Населення України і його рідна мова за часів радянської влади та незалежності (XX — початок XXI століття), К., 2008.

Alikhan A. Population migration in Uzbekistan (1989 — 1998). Tashkent, 2000.

Apīne I., Volkovs V. Latvijas krievu identitāte: vēsturisks un socioloģisks apcerējums. (Идентичность латвийских русских. Исторический и социологический очерк). Rīga, 2007

Demographic statistics of the Baltic countries. Tallinn; Riga; Vilnius. 1996.

Gorenburg D. «Rethinking Interethnic Marriage in the Soviet Union», Post-Soviet Affairs, 2006, 22, 2.

Guillot M. Understanding the “Russian mortality paradox” in Central Asia: evidence from Kyrgyzstan // Demography. 2011. Vol. 48. No. 3.

Zavadskaya M. The war-induced exodus from Russia: a security problem or a convenient political bogey? // Finnish institute of international affairs. March 2023. № 358.

Population census in the Republic of Azerbaijan 2019. Statistical yearbook. Volume B. Baku. 2022.

Rele J.R. Fertility analysis through extension of stable population concepts. Berkely. 1967.

Spoorenberg T. After fertility’s nadir? Ethnic differentials in parity-specific behaviours in Kyrgyzstan / Journal of biosocial science. 2017. Vol. 49. No. 1. P. 62–73.

The Demographic Handbook of Armenia 2024. Yerevan: Armstat. 2024.

Интернет-ресурсы

Алексеенко А.Н. Население Казахстана между прошлым и будущим. URL: <http://polit.ru/article/2006/05/16/demoscope245/>

Алматбаева Ж. Социологи – тенденции казахской молодёжи: архаизация, исламизация и этнонационализм // Русские в Казахстане. 2016. 13 октября. URL: <http://russianskz.info/society/8130-sociologi-o-molodezhi-rk-marginalizaciya-islamizaciya-i-negativnaya-etnokazahskaya-solidarnost-osnovannaya-na-etcicheskomp-protivopostavlenii.html>

Веретенников В. Прошлое и настоящее латвийского старообрядчества. URL: <https://regnum.ru/news/cultura/1550530.html>

Всесоюзная перепись населения 1989 года: Распределение городского и сельского населения областей республик СССР по полу и национальности. Демоскоп Weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/resp_nac_89.php

Всеукраинская перепись населения 2001 г., 2001. Национальный состав населения, гражданство. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/

Гендерная статистика. Нацкомстат Кыргызской Республики <https://stat.gov.kg/ru/gendernaya-statistika/>

Государственная служба статистики Украины. 2024. URL: <ukrstat.gov.ua>

Департамент статистики Литвы. URL: <https://vda.lrv.lt/lt/>

Касымова С. Расширяя границы: межэтнические и межконфессиональные браки в постсоветском Таджикистане (на примере браков таджикских женщин с иностранцами). URL: <http://demoscope.ru/weekly/2013/0565/analit04.php>

Курбанова М. Дина Пешкова: «Я уже давно таджичка!». URL: http://www.toptj.com/News/2006/10/26/dina_peshkova_ya_uzhe_davno_tadzhichka

Миколюк О. О демографическом будущем Украины. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0583/gazeta024.php>

Манвелян А. Русские в Армении: последние из молокан. URL: http://news.bbc.co.uk/hi/russian/in_depth/newsid_6929000/6929421.stm

Национальное бюро статистики Молдовы. URL: <https://recensamint.statistica.md/ru/dissemination/person>

Национальный комитет статистики республики Беларусь. URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/>

Население России. 2001. Девятый ежегодный демографический доклад. М. 2000. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/ns_r01/sod_r.html\

Приложение Демоскоп Weekly. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/pril.php>

О соотечественниках в странах Центральной Азии. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2014/0587/gazeta018.php>

Перепись населения Азербайджана 2019 г. Регионы // Государственный статистический комитет Республики Азербайджан. URL: <https://www.stat.gov.az/source/regions/>

Перепись населения республика Молдова, 2014. URL: <http://recensamant.statistica.md>

Региональная статистика. Нацкомстат Кыргызской Республики. URL: <https://stat.gov.kg/ru/regionalnaya-statistika/>

Результаты переписи населения Азербайджана 1999 г. Национальный состав по районам // Государственный статистический ко-

митет Республики Азербайджан. URL: <http://pop-stat.mashke.org/azerbaijan-ethnic1999.htm>

«Рейтинг». Исследования. URL: <https://ratinggroup.ua/ru/research/>
Результаты переписи населения Азербайджана 2009 г. Национальный состав по районам // Государственный статистический комитет Республики Азербайджан. URL: <http://pop-stat.mashke.org/azerbaijan-ethnic2009.htm>

Результаты переписи населения Армении 2001 г. Армстат. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=748>

Результаты переписи населения Армении 2011 г. Армстат. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=187>

Результаты переписи населения Армении 2022 г. Армстат. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=944>

Результаты переписи населения в Туркменистане. URL: <https://www.hronikatm.com/2015/02/rezulattyi-perepisi-naseleniya-v-turkmenistane>

Росттат. ЕМИСС. Показатели. URL: <https://www.fedstat.ru/indicators/search?searchText=показатели+миграции+населения>

Русские в Латвии. Вчера. Сегодня. Завтра...
<http://xfilepress.com/russkie-v-latvii-vchera-segodnya-zavtra.aspx>

Статистика поквартального выезда российских граждан за рубеж в 2010–2023 гг. // Росстат. Индикаторы URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/38480>

Статистическое управление Эстонии. URL: <https://www.stat.ee/en>
Центральное статистическое бюро Республики Латвия. URL: <https://stat.gov.lv/en/search?>

Юнусов А.С. Этнические и миграционные процессы в постсоветском Азербайджане. URL: <http://chairs.stavsu.ru/geo/Conference/c1-67.htm>

Федотов А.Н. Национальный состав населения Латвии за 110 лет в зеркале статистики. URL: <http://www.russkiye.lv/ru/pub/read/russkie-v-latvii-sbornik/rus-v-latvii-1-fedotov.html>

National Statistics Office of Georgia. URL: <https://www.geostat.ge/en>

Population statistics of Eastern Europe and the former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org>

Хашба А.Ш. Этнодемографические процессы в современной Абхазии: автореф. дис... канд ист. Наук / Хашба А. Ш. – Сухум, 2015. URL: https://otherreferats.allbest.ru/moscow/00992760_0.html

Этнокавказ. URL: <http://www.ethnokavkaz.narod.ru/rnazerbaijan.html>

Mainville M. Georgia warns of Abkhazia unrest after UN mission ends // Agence France-Presse (AFP), June 16, 2009. URL: <http://news.yahoo.com/s/afp/20090616/wlafp/georgiarussiaunabkhazi.conflictdiplomacy20090616141732>

National Statistics Office of Georgia. URL: <https://www.geostat.ge/en>

Population statistics of Eastern Europe & former USSR. URL: <http://pop-stat.mashke.org>

Научное издание

Сущий Сергей Яковлевич

**РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ БЛИЖНЕГО ЗАРУБЕЖЬЯ:
геодемография, миграция, ассимиляционные процессы
(1990–2020-е гг.)**

Верстка *С.Я. Сущий*

Техническая редакция *С.Э. Бабалян*

Дизайн обложки *А.А. Суховерхова*

Издательство ЮНЦ РАН
344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Тел. (863) 250-98-21
E-mail: ssc-ras@ssc-ras.ru

Подписано в печать 05.12.2025.
Печать цифровая. Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс»
Формат 60 × 84/16. Объем 18,6 усл. печ. л.
Заказ № 6804. Тираж 150 экз.

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя.

Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Отпечатано в копировально-множительном центре
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Суворова, 19
www.kcentr.com / 8 988 58 000 22

ул. СУВОРОВА, 19

КОПИЦЕНТР

осн. в 1996 году